

ЛЕОНИД ВАРИЧЕНКО

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

МОСКВА

2009

ИНКВИЗИЦИЯ ПАМЯТИ

«Инквизиция – следственный и карательный орган католической церкви, с крайней жестокостью преследовавший инакомыслие. В данном случае испытанные методы применены к моей памяти:

«помни, что не хочешь», «помни, как просят», «забудь лежащее на поверхности». Это добровольно испытываемые издевательства, мучения, пытки.

Желанная инквизиция...»

Л. Вариченко. Из интервью.

I

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД

«От сотворения до сотрясения – 1957-1998»

*«Пускай затевает свою ворожбу
Любая строка кренделями.
Сжигающий книги сжигает судьбу,
Она же сама это пламя»*

Из сборника «НЕ ВСЁ УХОДИТ»

ГИМН ПЛОХОЙ ПОГОДЫ.

Пускай собираются тучи,
Пускай везде непогода.
Что может быть лучше
Плохой погоды!

Дождь – это красиво!
Гроза – ведь это прекрасно!
Когда всё сверкает, грохочет –
Заманчиво и ужасно.

Мне, так не надо лучше:
Пускай бушуют грозы,
Пускай грохочут громы.
Любуюсь я природой.

А дождь когда грибной идёт,
Так просто наслаждение,
Душою отдыхаешь
От солнечных явлений.

Когда же грянет буря,
Свои покажет силы?
На суше и на море
Долой покой унылый!

Пусть шторм на море дикий,
Самум в пустыне грозный,
Ветров стальные клики
И бешеные грозы.

Во время этой бури
Мой крик в огонь и воды:
Что может быть лучше
Плохой погоды!!!
12.08.72.

ЧАСЫ.

Часы идут, и ровно движет стрелка,
На циферблате совершая круг.
Как из стручка горох, секунды сыпят мелко,
Сливая в бой единый частый этот стук.

Всё из секунд: минута, час и сутки.
Без них бы не менялась наша жизнь.
Часы, как кандалы судьбы сжимают руки.
Об этом свято помнить мы всегда должны.

Часы бесспорно нужная вещица.
Имея их, ты с временем в ладах.
Его ты часто экономишь по крупицам,
Чтобы, увы, потом опять на всех парах.

Лететь туда, где, может быть, придётся
Сидеть и долго ждать под стук минут.
Но вот же и Она, как встало солнце,
А стрелки продолжают свой маршрут.

Сейчас ничем сдержать их не удастся.
Над нами, как Дамоклов меч, висит

Желанье стрелок от души поиздеваться.
Их одобряя, циферблат блестит.

« Тик-так» все мысли у меня сбивает.
Часы готов во гневе я сорвать,
Но туже мою руку ремешок сжимает,
И маятник, как пульс, не устаёт стучать.

Добились своего три скверных стрелки,
Наш поцелуй последний долгим был.
От радости они носились, словно белки,
И циферблат в улыбке цифру шесть скривил.

На утро я часы свои не тронул,
Лежать оставил, даже не завёл.
Пускай денёк, подумал, поскучают дома.
За выходку вчерашнюю на них был зол.

Мы встретились, счастливым день казался,
Но верно, подлость раньше родилась:
Над головами вдруг железный бой раздался,
Ехидно со столба часы глядят на нас.

Часы полезны, ты, конечно, знаешь,
И каждый должен это понимать.
На поезд с ними ты не опоздаешь,
И вовремя поешь при них, и ляжешь спать.

Но, если рядом человек любимый,
И время ограничено у вас,
То ваше счастье будет напряжённо мнимым,
Пока разлуки к вам не подкрадётся час.
17.07.75.

СПАСИБО!

Я был объект искусной дрессировки.
Не вынесет такого даже зверь.
Мастак был дрессировщик на уловки.
Спасибо, не дурак и я теперь.
29.11.75.

ЗИМНЯЯ ГРУСТЬ.

В снег укутаны берёзы.

Ели в белом одеянье.
Только вьюги и морозы
К ним приходят на свиданье.

У дупла лопочет белка,
В тишине она слышна лишь.
Что же делаешь ты, белка,
Леса грусть ты нарушаешь.

Лесу вечное стоянье,
Приговор природой писан.
Только лишь весною ранней
Соловьями он освистан.

Никому до них нет дела
В одиночестве глубоком.
Снегом белым, словно мелом,
Все исчерчены жестоко.

Ели, сосны и берёзы –
Для людей они немые.
Их жалеют лишь морозы,
Одевая в белый иней.

Им добра они желают,
Но своею добротою
Только боль им причиняют,
Сердце, леденя тоскою.
14.01.76. г. Звенигород. «Русский лес».

МОНОЛОГ ОДИНОКОГО ВОЛКА.

Мороз, темно и одиноко.
Пустыня белая кругом.
Сосёт от голода под боком.
Мечтаю только об одном,

Хоть полутруп, какой ни есть бы,
Чем голод малость утолить;
Но здесь давно никто не ездит.
Лишь я один могу тут жить.

Услышь меня, Луна – красотка,
И освети пустыни часть,
Где путник мёрзнет одинокий.

Туда б я поспешил попасть.

Но нет, не слышишь и не хочешь
Помочь мне, а ведь ты должна
Светить суровой зимней ночью,
Но ты ленивая Луна.

Уж битый час стою и вою,
Хоть знаю, лучше помолчать –
Ведь может всё же забредёт кто,
Но вой услышит и бежать.

А тишина какая, жутко.
И ветер даже приутих.
Я слышу лишь в пустом желудке
Голодный стук костей своих.

Но что там? Скрип полозьев студит
Дыханье спёртое собак.
И голос, нет, их много, люди.
Их от меня скрывает мрак.

Пойду по слуху, благо тихо.
Мгновенно пропадает след –
Снег повалил довольно лихо.
Но где же звуки? Звуков нет.

Ужели только показалось!
Скорей вперёд, сквозь белых мух.
Одна надежда ведь осталась.
Голодный нюх, пустынный дух.

Вновь слышу говор обречённых
И скрип нагруженных саней.
Теперь скольжу коньком точёным.
Тут снега корка, я по ней.

Собаки тонут, словно в вату.
Людей уж вижу на мешках.
Их четверо, да многовато.
Ну, что же, справлюсь кое-как.

Но отчего вдруг остановка?
А ну-ка сбоку обойду.
Упряжь ослабили неловко,

Достали спички и еду.

Неужто будут спать во мраке?
Безумцы, ночью, на снегу,
И не привязаны собаки.
Смотреть спокойно не могу.

Пугнуть их только и осталось.
Пускай узнают, что и как.
Завою самую я малость,
И нет у путников собак.

Ну вот, я прозвучал, как стая.
Теперь им некуда спешить.
Но почему же не стреляют?
Не знаю даже, как мне быть.

Ну, кто ж уходит без оружия,
Как видно, в столь далёкий путь!
Явиться можно мне и нужно,
Без страха бивуак свернуть.

О, господа, прошу, простите,
Я ужин ваш, увы, прервал.
От нарт подальше отойдите!
И знайте, я вас всех поймал.

А снег мороз на хлопья колет,
Костёр потух, патронов нет.
Встречайте музыкою, что ли,
Набрался целый вас квартет.

Луна изволила явиться.
Спасибо, справился я сам!
Ну, ладно, освети хоть лица.
Взгляну в глаза я сим ослам.

Четыре мужика здоровых –
Интеллигенция, видать.
Кто ж без винтовок и патронов
В ночь отправляется гулять?

Бойтесь вымолвить и слово.
Какой неслыханный успех!
Толпа двуногих бестолковых.

Эх, чёрт возьми, сожрать бы всех.

Вернусь попозже смертным чудом,
Когда не сможете уж встать.
Пока ж поблизости я буду.
Мне нужно сани отыскать.

Снежком присыпало их, палки
Торчат, и вас присыплет всех.
Мне, откровенно, вас и жалко
И разбирает злобный смех.

Собаки ваши убежали.
Не ждите, их вблизи уж нет.
Лишь я явился, оплошали,
Простыл от лап трусливых след.

Где пища, мне теперь известно.
Сейчас поем. А вам стоять!
И если тронется кто с места,
Зубами буду усмирять.

Да тут овцы огромной туша,
Другой еды другой запас –
Начну неторопливый ужин,
Пока покроет иней вас.

Но стой! Куда ты, червь трусливый?
Бежать? Не выйдет! Не уйдёшь!
Прыжок и на твоей груди я,
По телу сладостная дрожь.

Так, хорошо, вцепились волчьи
Клыки стальные. Видят все?
Он первым был. Ещё кто хочет?
Могу отправить сразу вслед.

Но незачем, и так вам худо.
И жить осталось час всего.
Уйти вам некуда отсюда,
Тут, кроме снега, ничего.

Да и не сможете уж двинуть
Промёрзшей до кости ногой.
Руки из варежки не вынуть

И не спасётесь вы едой.

Один упал сухою веткой,
Он встать не сможет никогда.
Мне жаль жену его и деток,
В снегу уснул он навсегда.

Я оставляю вас, ребятки.
Свидетель ни к чему ведь вам.
Усните здесь и спите сладко.
Вояжи вам не по зубам.

В душе осадок слою ила,
Но вовсе я не виноват.
Своя их глупость погубила,
Дурак и смерти глупо рад.

Хлопок вдали – второй свалился.
Ещё хлопок – и третий сдох.
Дорога к ним Луной искрится.
Голод – не брат, он – волчий Бог.
28.01.76.

ЭТО ОН.

*« Чёрный человек,
Чёрный, чёрный,
Чёрный человек
На кровать ко мне садится
Чёрный человек
Спать не даёт мне всю ночь».*
(С.А.Есенин)

В сумерках падал подмоченный снег
В лужи, что льдами подёрнуты.
Чёрный меня посетил человек,
Чёрным плащём перевёрнутый.

Узнал его сразу я. Это он
Читал Есенину проповедь.
Отвесил он мне нижайший поклон,
Я тоже – манерны оба ведь.

На него я с недоверьем глядел
Зачем ты средь нас на этот раз?
Не зря ли ко мне, дружок, залетел?

В своём я уме и трезв сейчас.

Уйди, не хочу я с тобой говорить.
Довёл одного до могилы.
Вторым не желаю я вовсе быть.
Меня не возьмёшь ты и силой.

Мой облик принял в зеркальном стекле.
И думаешь, клюну на это.
Сильно ошибся, голубчик, во мне,
Нет, не выбью я зеркало, нет».

Молчал я в ответ и смотрел в глаза
Сверлящим, приветливым взглядом.
И вдруг по щеке скатилась слеза.
И он прошептал мне: «Не надо».

Не надо. Меня сейчас не гони.
Тебе лишь добра я желаю.
Сядь и давай с тобой поговорим.
Не долго. Что занят ты, знаю.

Да, самое время стихи писать.
Под снега лёт и свет прилунный,
Пока полон сил и не хочешь спать.
Но не торопись и подумай.

Поэтом считаешься. Почему?
Что с рифмой ладишь, согласен.
Но это же вовсе не ключ всему.
И с мыслью такой ты опасен.

Шхуны облеплены стаями мух,
И паруса их припущены.
И ежедневно наш режется слух
Гимнами шибко уж пьющими.

Расстроился, скорбен на три версты.
Не кисни, а то постареешь.
Пиши. Я же знаю, коль хочешь ты,
Писать по- другому сумеешь.

Вернусь я, когда позовёшь меня,
Новы строфы проверить в вине.
Звучали чтобы, хрусталём звеня!

Не пиши лишь, прошу, обо мне.

Исчез. От зеркала я отошёл.
И к бумаге скорее спешу.
Дело двинулось, да простит меня он.
Разговором я нашим брожу.
25.02.76.

О ТОМ, ЧТО СМОЖЕШЬ ДОКАЗАТЬ.

Писать о том лишь, что тревожит;
О том, чем бредишь по ночам.
И строчки рифмой, словно дрожжи,
Разбухнут. Удивишься сам.

Писать о том, в чём ты уверен;
О том, что сможешь доказать;
О том, что сам уже проверил;
О том, о чём не будешь врать.

Писать о грустном и весёлом;
Чтоб слёзы градом, смех в висках;
Чтобы разучивали в школах,
Или сжигали на кострах.

Писать, чтоб не могли промолвить:
«Середнячок, подобных тьма».
Чтоб за одно до драки спорить,
А от другого прочь с ума.

Писать без всяких дифирамбов,
Не расточая похвалы.
Анапестом, октавой, ямбом
В нечистых загонять колы.

Чтоб доставляло радость людям;
Не стыдно чтобы подписать;
Чтоб заменить печати судей
На личную свою печать.
05.04.76.

НАБЛЮДЕНИЕ.

Луна, прощаясь, в облаках маячит,
И по всему, не миновать дождя.

По мне всегда тот город плачет,
Который покидаю я.
26.04.76.

ДОЖДЬ И Я.

Я гуляю под дождём.
Я любовь свою ищу.
Знает дождь, как, кинув дом,
Неприкаянно грущу.

Капли бьются об асфальт.
Лужи плещут под ногой.
Дождь не хочет, чтобы я
Оставался бы такой.

Смыть мечтает милый дождь
Мысли грустные с меня –
Он мечтает мне помочь.
Мы с ним старые друзья.

Всё он в памяти хранит:
И бессмысленный звонок,
И чуть слышное «прости»,
И насмешливый гудок.

Дождь смывает все следы.
Будет чистою земля.
И не жаль ему воды,
Мне забвение веля.

Слёз не видно на лице,
Будто мокрый от дождя.
Очищения процент
Знаем только дождь и я.
09.05.76.

ЗАБРОСИВ РАНЕННЫХ НА БЕРЕГ.

Под килем пены шов.
На дело бриг ушёл,
Ушёл, забросив раненых на берег.

Не терпит океан -
Пусть даже лёгких ран,

Царапин, сумасшествий и истерик.

В бочонках порох есть.
Все за и против взвесь!
И курс опять на золото берём мы.

Не стоит целый флот
Ни брига, ни двухсот
Пиратов, своим делом напоённых.

На север полный ход.
Летит, а не плывёт,
Наш бриг, собою волны проминая.

Вдруг с мачты слышен крик.
Вдали такой же бриг.
И к борту жадно привалилась стая.

Берём на абордаж.
Плевать, где их, где наш!
Руби и режь – где скорость, там победа!

Каких-то полчаса,
И в море полоса
Вокруг бортов рубинового цвета.

Живые, в цепь скорей!
От зрелища пьяней,
Пьяней, когда в руках ты держишь слиток.

О, золото, ты Бог!
Ты самый сильный Бог!
Ты с нами, и не жалко нам убитых.

И вот, уж трюм наш полн.
Два залпа и пошёл
Опустошённый бриг кормить креветок.

А мы теперь на юг.
Придётся сделать крюк,
Опять забросить раненых на берег.
15.07.76.

БЫЛЬ ПРО КОЗЛА.

Жил – был козёл в зверином мире
Вдвоём с женой своей козой.
Жил тихо, никого не трогал,
Не поздно приходил домой,

Всю приносил жене зарплату,
Не пил, как многие в лесу,
Был образцовым семьянином,
Любил и уважал козу.

Но вот, негаданно – нежданно
Был травоядный наш герой
Отмечен премией по службе.
И он ударился в запой!

Не бравши в жизни в рот ни капли,
Тут восемь дней «не просыхал».
В лесу все переполошились:
«Козёл-то пьёт! Какой скандал!»

Сбежались звери на собранье
Под лозунгом «К рукам козла!»
У каждого своё решенье,
Как лес огородить от зла.

Лиса по доброте душевной
Козлу брошюру, «Водка – яд»,
Подсунуть тихо предложила,
Проект на рассмотрение взят.

Медведь с лисой был не согласен.
- За что к козлу пристали вы?
Ну, кто из нас не напивался?
Что спросишь с пьяной головы?

Тут возмутился волк: «Неправда!»
Кто не был пьян, ты говоришь?
Да, пьём, но пьём мы только дома.
Всегда вокруг нас гладь и тишь.

А этот бродит по полянам
И будоражит наш покой.
Всяк волен напиваться пьяным,
Но пусть следит уж за собой.

Вот, вкратце вся моя идея:
 Козла всем лесом оцепить,
 Побить, пока не протрезвеет,
 Потом в берлогу посадить.

Тут возразил интеллигентно
 Оратору один баран:
 - Насилье, друг мой, пережиток.
 Сей метод гнусен и поган.

Мы нарушителя лесного
 На собеседование
 Возьмём и там весомым словом
 Вернём работе и семье.

Потом ещё кабан какой-то
 Мычал напыщенную речь
 На тему, что за дебоширство
 Козла бы всё-таки привлечь...

Встал лев, все разом замолчали.
 Президиум беззвучным стал.
 Оглядываясь царски тупо,
 К трибуне, как на пьедестал.

- Вот, резолюция собрания:
 Все предложенья перебрал,
 Козлу выносим порицанье.
 И волк докладчик тоже прав –

Чуть-чуть помять и образумить.
 Сам и займётся этим волк.
 Желающие пусть помогут
 Так, чтобы был от дела толк.

Закон царёва директива –
 Волк отобрал себе отряд:
 Кабан, осёл, семья барсучья,..
 Ну, в общем, рыл на пятьдесят.

А шутка ли – козёл, да пьяный.
 Удался б вообще поход...
 Но вот, сам он среди поляны.
 И впрямь, как на ловца идёт.

Окликнул волк его: «Послушай!
 Нам нужно переговорить.
 Козлище, будь благоразумен,
 Ну, по-хорошему, брось пить».

Козёл расставил ноги шире
 И резкость на толпу навёл.
 - Ух, сколько здесь ничтожных тварей.
 Ведь сброд, а все ко мне. Козёл!

Козёл, не пей! А что, вам жалко?
 Ведь на свои я деньги пью.
 Ах, да, коза. О ней забыл я...
 Ну, ничего, и ей налью.

А ты чего здесь зубы скалишь?
 Ты думаешь, что пьян козёл?
 Ты что, меня не уважаешь?
 Подумаешь, зверей привёл.

А ну-ка, киш отсюда, смерды!
 А то бодаться буду! Ме-е-е-е!..
 Зверей как будто сдуло ветром –
 В кусты, на дерево, в кювет.

Лишь волк остался с глазу на глаз
 С дебошчинителем козлом.
 А звери тихо наблюдают.
 Не слышно только, речь о чём.

Но что за странное явление?
 И полминуты не прошло,
 Как волк свалился без сознания,
 Даже не тронутый козлом.

Из тех, кто видел это, каждый
 Непременул пересказать.
 Осёл сказал: «Убили молча», -
 Что мог осёл ещё сказать...

Кабан взялся за комплементы:
 - Козёл, ваш взгляд неотразим.
 Какая внутренняя сила!
 Гордимся мы козлом таким.

И каждый так – один поздравит,
 Другой ругает за глаза,
 Но сплетни равно распускают.
 Различны сплетни про козла.

Со слов одних – необъяснимо,
 А для других в том колдовство,
 Те с дьяволом его сравнили,
 Те притчи кажут про него.

Лев изучал подробно слухи,
 И в опасении одном
 Слились царёвы впечатленья –
 «Как бы козёл не стал царём!»

- Во избежание такого
 А ну-ка, я ему отдам
 Тот пост, где будет он доволен –
 Министр по внутренним делам.

И вот, козёл наш в кабинете
 Сидит и думает: «А что,
 Быть может, я и правда – дьявол?
 Пока походит всё на то:

Меня боятся – уважают,
 Сам лев меня боготворит,
 Медведь дорогу уступает,
 Кабан усердно шестерит.

С тех пор козёл общался мало,
 Ничтожнейших зверей презрев.
 Даже коза его боялась,
 Когда входил в родной он хлев.

Не разбирались даже шибко,
 Всё ж от чего скончался волк.
 Ведь ни укусов, ни ушибов.
 В чём дело? Не берётся в толк.

Толк прост: козёл дыхнул на волка,
 И восьмидневный перегар
 Свалил зубастого в могилу,
 Хоть волк был крепок и не стар...
17.09.76.

ПОЛГОДА СПУСТЯ.

(поэма)

Не усмотреть рожденье хлопьев снега.
 Не распознать, какой из дней – твой враг.
 Не объяснить поступков человека.
 Не угадать в кромешной тьме овраг.

Где снегопады мастерили зиму,
 Где заколдован был на время лес,
 Родился образ нежный и ранимый,
 Родился миг свершения чудес.

Он развивался с каждой минутой,
 Сметая все препятствия с пути.
 Усердно в маленькие валенки обутый,
 Он был всё время где-то впереди

Ты осторожно, тихо шла по снегу
 Как, не касаясь, а летя над ним.
 Берёз белёсый сон, и сосен нега,
 И надо всем голубоватый дым.
 Весь чёрный цвет изъят из обихода.
 Вокруг слиянье сладостных тонов.
 Ты, я, застывшее мгновенье и природа.
 И лишних было б появленье слов.

Не усмотреть рожденье хлопьев снега.
 Во всём есть неожиданная новь.
 То было два нормальных человека,
 Теперь на них двоих одна любовь.

От взгляда, вздоха вдруг родилось чувство –
 Мгновенно и внезапно, как укол.
 Любовь – это великое искусство;
 Служенье ей – творчество, и долг.

*****

Счастливых дней блестящая цепочка
 Нас опоясала кольцом любви.
 В нём начинала проступать и прочность,
 И жизненность, и звенья – пробуй, рви –

Паялись постепенно и без спешки.
 Настраивались сердце к сердцу в лад.
 И на дороге вырастали вешки.
 По ней мы шли упорно, без огляд.

Дорогой жизни, счастья, достижений
 Идти бы нам до самого конца;
 Но вот, на солнце первое затмение,
 И вразнобой ударили сердца.

Упущен миг с беспечностью позорной.
 Не распознать, какой из дней твой враг.
 Кем был контакт связующий разорван?
 В каком из звеньев той цепочки брак?

Какой же из прогнавших солнце ливней
 Свершил делишко гадкое своё?
 Сошёл весь блеск с цепочки дней счастливых,
 И разъедает ржавчина её.

Внезапно вкривь и вкось пошла дорога,
 То камни, то размытый переход.
 Идти нам стало невозможно в ногу,
 И не всегда поблизости есть брод.

Так у цепочки звенья выпадали.
 Не каждый день нам счастье приносил.
 Всё чаще мы внезапно расставались,
 И вскоре дождь совсем пути размыл.

*****

Непостоянством снег давно известен —
 Он тает весь с приходом тёплых дней,
 Но остаётся для людей он в песнях.
 Он в них живёт, стремясь к зиме своей.

Зачем же ты ушла с весенним солнцем,
 Точь-в-точь, как этот ледяной покров?
 Я ждал весну — мол, чувства вновь вернётся
 И подогреет снова нашу кровь;

Но для меня весна, как тень, поблёлкла,
 Противореча полностью себе.
 Не объяснить поступков человека.

Непостоянна логика людей.

Весна – пора любви и пробуждений –
 Для нас была воровкою всего.
 С её прекрасным пышным появлением
 Остались мы, увы, без ничего.

К чему звонки? Напрасны уверенья...
 Но время учит, и я смог понять,
 Что стоило забыться на мгновенье,
 Как оказались вместе б мы опять.

Мы оба вызубрили роль искусно
 И не хватало духа изменить.
 Ты избегала объяснений устных,
 Меня же начинало это злить.

К тому же гордостью своей безмерной
 Во многом я бывал руководим;
 И прибывая в настроенье скверном,
 Ускорил всё бездействием своим.

И таял снег, и распадался замок,
 Построенный трудом бессонных чувств,
 И будто кто-то сыпал соль на раны,
 И стал приятен терпкий крови вкус.

Но талый снег живёт во многих песнях,
 И о тебе я насыпаю строк.
 На помощь, Муза! На бумагу лейся,
 Весенней грусти бережный поток!

*****

Вооружитесь, люди, фонарями,
 Зажгите свечи и прожектора,
 Пусть темноты не будет между вами
 Ни днём, ни в ночь до самого утра.

Смотрите только прямо и открыто.
 Не бойтесь изменений и тревог.
 Когда всё светом ясности залито,
 Смелей, друзья, к скрещению дорог...

А нам немного света не хватило.

Твой образ быстро таял, как туман.
 Мне же дорогу темень преградила.
 И вот теперь о чём скажу я вам:

Был осторожен или замечтался;
 Не важно, умный ты или дурак;
 Пусть миллиметрами ты даже крался –
 Не угадать в кромешной тьме овраг.

Не ждёт атлет жестокого подвоха –
 Весь напряжён, завязаны глаза,
 В руках поводья, шлем горит в сполохах,
 А в колесницу запрягли козла.

Любовь на веру принимает вечность.
 Состав отправлен, дан зелёный свет;
 Но вот, идёт внезапность рейсом встречным –
 Бесшумно эдак, а объезда нет.

Вооружитесь, люди, фонарями,
 Зажгите свечи и прожектора!
 Предотвратите столкновение сами.
 Сегодня не должно быть, как вчера.

Пусть сбит я с рельс! Но ни любовь, ни веру
 Не растерял, а с нежностью сберёг.
 Бывает часто сорвана премьера,
 Но вновь зажжётся рампы огонёк!

*****

Не усмотреть рожденья хлопьев снега;
 Не распознать, какой из дней твой враг;
 Не объяснить поступком человека;
 Не угадать в кромешной тьме овраг.
01.10.76.

ПОД СКРИП ПЕРА.

Где пешком брожу я бодро по страницам,
 Где плыву на разноцветных кораблях.
 Где с собою мне приходится скреститься,
 Ну, а где удача в крепких тормозах.

Новизна воспринимается, как должное.

Отведу я ей каюту на корме.
И вперёд, сломя башку, насколько можно,
Без ограничений, но блюда размер.

Впереди прекрасный остров светлым раем
Прерывает незаметно долгий путь.
Там стада жирафов, попугаев стаи.
Я хочу туда надолго заглянуть.

Но, заполнив описанием страницу,
Я прощаюсь с говорящим какаду.
И опять волна, как серебро искрится –
Я с другим героем к берегу иду.

Мы живём одной душой, одною ложкой.
Он ползёт, и я как будто бы ползу.
Вот, осталось нам совсем ещё немножко –
Дату, месяц и финала полосу.

Там кого-нибудь обижу, там поглажу.
Раздразнить и приласкать всегда готов.
И опять уж испытаний новых жажду,
Чудеса творить из просто разных слов.
29.10.76.

ЕЩЁ ДО НАШЕЙ ЭРЫ.

Битый час брожу по лесу.
Распроклятый бронтозавр
Сгинул.
Я уже теряю в весе.
Палец свой сосу на завтрак –
Стимул.

И последние обмотки
Износил вконец и пяткам
Больно;
Да, к тому же, все тропинки
Вражье племя посыпает
Солью.

И в пещере всё неладно.
Я с шаманкой поругался
Очень.
У неё же всё нескладно,

Свои пассы шлёт в пампасы
Ночью.

Ну, а чаще просто ляжет,
Да ещё в своей парадной
Шкуре;
И ни слова мне не скажет,
И никак не подступиться
К дуре.

Ну, а, в общем, это наше
Дело. Мы с ней разберёмся
Сами.
Хуже, что сосед, поддавши,
Часто портит отношенья
С нами.

Этот лысый питекантроп
Через день, как мак разбавит,
Дразнит.
Вот, и завтра, мне сказали,
У него опять гуляли –
Праздник.

Ведь уже узнал, жестокий,
Что мне Боги запретили
С язвой.
Раздувать на этом склоки
Я считаю примитивным,
Грязным.
26.11.76.

ПАДАЮТ ХЛОПЬЯ БЕЛОГО СНЕГА.

Падают хлопья белого снега
И укрывают землю ковром.
Всё, что я помню – быль, как и небыль –
Зимнею сказкою входят в дом.

Дни, как снежинки, плавно ложатся.
Хлам календарный старостью нов.
И не смогу я с ними расстаться,
С миром сюрпризов белых снегов.

Миром всплывающих воспоминаний,

Зимним брожением наших сердец,
 Песней ночей, минутных желаний,
 Всем, чему в марте грозит конец...

Падают хлопья белого снега,
 Серую землю пряча собой,
 Темп, замедляя вечного бега,
 Вечного бега общей кривой.

Сказки дешёвые и дорогие
 В обледеневшей книге зимы.
 Сказки правдивые. Сказки живые.
 Сказки, в которых герои – мы.

Вёсны и лета мы забываем
 И заменяем жизнью иной,
 Но мерзлотою в нас оседает
 То, что случилось вдруг и зимой...

Падают хлопья белого снега,
 Новую зиму проча в судьбу.
 Может ли в быль превратиться небыль?
 Вот бы нащупать счастья тропу...

Роюсь в сугробах воспоминаний.
 Белая память передо мной.
 Тяжесть сознания бессознания,
 Ворох вопросов с новой зимой.
 15.12.76.

Из сборника «97 % ЗА ТО...»

МИНУТА ОТКРОВЕНИЯ.

Да, может быть. Не отрицаю,
 Но всё условность, глупый фарс.
 И уж наверняка я знаю,
 Что это и пугает вас.

Я не оправдываюсь. Только
 Давайте в гладь орнамент шить.
 Уверен, что пойми вы столько ж,
 Нам веселее было б жить.

Со временем.., но вряд ли, впрочем.

Здесь больше не во что играть.
И всякий думать правомочен,
Я избегаю отвечать.

Коль непонятно – не трудитесь;
Смешно – посмейтесь, буду рад;
Обидно – крепче рассердитесь;
А прав – кричите мне «VIVAT!»
12.01.77.

МНЕ ОЧЕНЬ ЭТО НАДО.

Мне, в общем, нужно мало, но чуть больше, чем другим.
И это не лукавство, не бравада.
Я многое мечтаю звать и чувствовать своим.
Нет, я не жадный, просто, очень надо.

Мне нужно, чтобы ветром повело, когда жара,
И солнце засветило среди стужи;
И быть счастливым я желаю с самого утра;
И никогда не падать носом в лужу.

Мне парус нужен крепкий, чтоб на рифах не сидеть;
А оседлав с утра попутный ветер,
На гребне белозубом в свой заветный порт влететь.
Да, так, чтобы завидовали черти.

Побольше быть живым, не по инерции, нет, нет –
Лишь потому, что кто-то им не будет.
Всего две жизни нужно, но не просто ради лет,
А заменять бывшее новым в чуде.

Необходимо, чтобы тот, кто рядом, нужен был.
И чтобы я был нужен неизменно.
Ну, словом, чтоб напраслину я пользой убедил,
Чтобы потом искали мне замену.

И перед днём свободным дай мне вдохновенья ночь,
Конюшню дай пегасовому стаду.
Мне нужно очень многое задуманное смочь.
В конце концов, и денег тоже надо.

А если о большом сказать, то нужно бы Земле
Крутиться не от скуки, и без лени.
А нам – почаще находить жемчужины в золе

И в каждом слове верное значенье.

Мне нужно это всё и нужно многое ещё.
И всё равно, ведь до смешного мало.
Для вечности настолько незаметен этот счёт...
Не платит, не платила и не стала б.
21.01.77.

ДЕВЯНОСТО СЕМЬ ПРОЦЕНТОВ ЗА ТО...
«Земля – явление временное».

*Прошло несколько сот лет.
В глубокой тишине, среди множества мерцающих звёзд
слышны голоса.*

Первый голос. (Более молодой)

Смотри, вдали видна планета,
Окутанная облаками,
Как новорожденный ребёнок
Заботой нежной материнской.

Второй голос. (Постарше)

Да, вижу облаков скопление.
Мы приближаемся к планете
От взоров любопытных скрытой,
В себе хранящей верно тайну.
Но нам дано везде проникнуть!
Мы, низко опустившись, тайну
Планеты этой разгадаем
И унесём к далёким звёздам.
Быть может, наконец, отыщем
Здесь жизнь, а может быть и разум.

1.

Прошли мы облаков завесу.
Открылось всё, как на ладони.
Мрачней планеты я не видел –
Преобладанье серых красок
Над чёрной. Вот и вся палитра.
Поверхность же, как будто сетью
Обтянута неравномерно.
Скажи, чем это объяснимо?

2.

К терпению, мой друг, взываю.

Вот-вот, с минуты на минуту,
 Как день, картина станет ясной,
 Мы приближаемся так быстро,
 Что вот, уже я различаю
 Наличие глубоких трещин,
 И в чём ты прав неоспоримо,
 Издалека на сеть похожих.
 Грунт обезвоженный чрезмерно
 Пред нами, видимо, пустыня,
 Напрасно жаждущая влаги.

Летят низко над поверхностью.

1.

Продолжим поиски живого
 В других районах. Неудачно
 С планетой начато знакомство,
 Но велика она. Быть может,
 Пустыня кончится так скоро,
 Что не успеем оглянуться;
 И нам откроются картины
 Обилия и процветанья.

2.

Да, да. Летим. В живое вера
 Нам будет спутницей достойной...

Некоторое время летят молча.

2.

...Конца нет трещинам жестоким.
 Мы только зря потратим время.
 Не лучше ли назад вернуться?

1.

Да нет же, мы почти у цели.
 Вдали растение маячит
 А это первый признак жизни.
 И трещин, если ты заметил,
 Всё меньше и свежее почва.

2.

Свои слова беру обратно...
 Но как растенье это странно –
 Не куст, не дерево, взгляни же!

Две ветки перпендикулярно
 Одна другой. Впервые вижу,
 Чтобы предельно ствол был ровен.
 К тому ж, как зимнею порою,
 Растенье голо – ни листочка.
 Плодов не видно и цветенья...

1.

Правее, там, точь-в-точь такое.
 И вот ещё, и слева тоже.
 Чем дальше, большее пространство
 Покрыто ими в беспорядке.
 Не лес, не роща, вроде сада.
 И ни души, лишь птиц скопление
 Над этим бесконечным садом...

2.

И крики их, и шорох крыльев
 Среди безмолвия такого
 Звучат в ушах колоколами.
 Зловеще, пасмурно и дико...
 Ужели, кто-то, кроме этих,
 Внушающих мне отвращенье,
 Огромных птиц, здесь жить способен.

1.

Сдаётся мне, никто уж боле,
 Пусть даже и хотел бы очень,
 Не смог бы оказать нам встречу:
 Вдали, за садом, след печальный
 Большого бедствия, как видно.
 Черна поверхность. Толстым слоем
 Навален пепел, плод горенья.
 Жилищ и утвари останки
 Разбросаны кругом. И тоже
 Хранят следы больших пожарищ.

2.

На рану грязную, на теле,
 Уж ныне мёртвом, это место
 Походит сверху.

1.

Присмотрись-ка!
 Правее, там за пепелищем,

Вновь виден сад таких растений,
Что попадались нам уж прежде.

2.

Да, спорить время, что пейзажа
Нам не найти иного нынче;
И предлагаю прочь скорее
Лететь, на сколько то возможно,
Не тратя времени без пользы.

1.

Я повинуюсь. С сожаленьем
Прощаюсь с этой я звездой,
Или планетой – как, не знаю,
Её мне называть точнее...

Улетают прочь не оглядываясь.

1.

Когда внезапно показалась
Она вдали за облаками,
Я на минуту вдруг представил,
Что мы увидим мир цветущий
И полный жизни непременно...

Обидно, что мечты остались
Мечтами... Будем полагаться
На нескончаемость вселенной.
Но что молчишь? О чём так сильно
Задумался ты в час, сей грустный?

2.

Я сопоставил впечатленья
С услышанным когда-то прежде.
Легенды есть о той планете,
Где жили существа, и ныне
Непревзойдённые в развитии.
Планеты красочней, живее
Во всей планете не бывало.
По многим признакам известным
На девяносто семь процентов
Уверен я, что это тело,
Покинутое спешно нами,
Собой являет лишь остаток
Несохранённого богатства.

И, если я не ошибаюсь,
Звалась планета та Землёю,
А обитатели людьми...

Племян сто сотен разноцветных,
Разразмерных, разнополых –
Из пыли камни воздвигало,
А из камней огонь пыталось
Явить и обжигать друг друга.
Им просто мира было мало.
До сотни лет не доживая,
На сон в футляры забирались.
И пыль их сверху заносила,
Тем, завершая точный круг.
И вырастали там деревья,
Которые ты и заметил,
Когда мы низко пролетали.

1.

И ты твердишь, что это былъ.

2.

А мысли редкие из верхней
Округлой части тел несчастных,
Сквозь пыль, просачиваясь в воздух,
Являлись птицами друг другу...

1.

И эти мерзостные стаи
И посейчас кружат в садах.
Не избалованы различьем,
Похожи до противной рези
И серы, коли не черны.
Преувеличена, скорее,
Легенда. Где там быть богатству...

*Скоро голоса перестают быть слышны.
19.03.77.*

ЛЕБЕДЬ.

Вдоль земли, до бешенства обычно,
Шёл и щёлкал семечки беспечно
Человек – на вид вполне приличный.
Шёл, как люди ходят бесконечно.

Семя в рот, а шелуху на землю,
Съел и сплюнул. Новое забросил.
Шёл и видел: под ногами землю,
Сверху небо, вдоль дороги осень.

Вот, он бросил семечко чуть выше
И увидел лебедя на небе.
Взгляд его из прежних рамок вышел,
« Как красив в полёте этот лебедь! »

Круг. Второй. Спускается он ниже,
Одиноко шею выгибая.
На земле он чавканья не слышал,
В облаках, отыскивая стаю.

Человек насыпал из кармана
Шелудивых семечек побольше,
Для вполне обычного обмана
Взял петлю обычную настолько ж.

Положил перед собой на землю
И застыл, как надо, не пугая.
Опустился лебедь, тронул семя.
Человек схватил его руками.

Тщётно вырваться пыталась птица,
Очень крепко, даже как-то хищно
За ноги и шею ухватился
Человек - на вид вполне приличный.

Он держал и говорил ей: « Птичка,
Что же ты так сильно испугалась?
Ну, да это, верно, с непривычки »-
Говорил он просто, улыбаясь.

Бил крылами, рвался в небо лебедь.
Уставал, но продолжал бороться.
Он не мог и не хотел поверить,
Что в неволе жить ему придётся.

А ловец опять ему: « Хороший,
Нам с тобою вместе будет лучше,
Мы друзьями станем, если хочешь,
А пока, вот, семечек покушай ».

Но не принял угощение это
 Гордый лебедь, слабость презирая,
 Он смотрел на небо. Там за летом
 Пролетала мимо к югу стая.

Человек насильно попытался
 Лебеда заставить подкрепиться,
 Но не смог, а может, испугался-
 Он увидел то, как плачет птица.

Плачет очень крупными слезами,
 Перестав совсем сопротивляться...
 И разжались злые руки сами,
 Их обязанность была разжаться.

Оглянулся лебедь удивлённо.
 « Я свободен?» И с порывом ветра
 Крыльями взмахнул он облегчённо
 И рванулся к облакам заветным.

Человек кричал, махал руками,
 Ничего вокруг не замечая:
 Ни земли осенней под ногами,
 Ни вдали видневшуюся стаю...

« Улетел...» Идя своим маршрутом,
 Думал он и семечки беспечно
 Щёлкал точно так же, как и утром,
 И казалось это бесконечным.

Вдруг, забыв, что направлялся к дому,
 Бросил всё и – почему, не зная-
 Он пошёл сначала, а потом уж
 Побежал за догонявшим стаю.

Он бежал, не мог остановиться,
 Глаз от неба отвести не смея,
 И прощаясь с человеком, птица
 Благодарно выгибала шею.
 28.03.77.

ЭТО ЕЩЁ НАДО ДОКАЗАТЬ.

Пусть неизбежна смерть,

Пусть есть закон природы;
 Но с тем, что умерев,
 Становишься свободным,
 Не соглашусь, пока
 Не кончится строка,
 И я не буду там,
 И не увижу сам.

Пусть действует закон,
 И короток наш век;
 Но с тем, что в вечном сне
 Спокоен человек,
 Не соглашусь, пока
 Не кончится строка,
 И я не буду там,
 И не увижу сам.

Про то, что вечна смерть,
 Известно наперёд;
 Но с тем, что умереть
 Бывает – лучший ход,
 Не соглашусь, пока
 Не кончится строка,
 И я не буду там,
 И не увижу сам.

Пусть где-то на пути
 Смерть повстречает нас;
 Но с тем, что нужно ждать,
 Смирившись, смертный час,
 Не соглашусь, пока
 Не кончится строка,
 И я не буду там,
 И не увижу сам.
06.04.77.

КОГДА СТОЮ НА БЕРЕГУ...

Когда стою на берегу, гляжу на волны,
 И волос бьётся на ветру, бьёт по глазам,
 Желая воли надышаться грудью полной,
 И если надо, вдруг волнам себя отдам.

Вопросы прошлого горят во мне свечою.
 Мне очень надо это снова пережить.

И я рассказываю берегу ночному
О том, как нужно мне с волнами рядом быть.

Я слышу голоса печали в каждом всплеске,
Я вижу взгляды в отражениях огней,
И споры-ссоры представляются мне детской
И неоконченной игрой ушедших дней.

Быть может, волны, проплывая в лунном свете,
И этот ветер, обнимающий закат,
Мне принесут рождение счастья на рассвете
Желаний сбывшихся взамен былых утрат.

Ну, а пока стою один на берегу я,
Пытаю с временем затеять разговор,
И против грусти молчаливо протестую,
Что удавалось мне с трудом до этих пор.

Пусть песней сказанное мною обернётся;
И кто-нибудь её, услышав, запоёт;
И чьё-то ласковое сердце отзовется,
Пока волна меня к себе не позовет.
11.05.77.

ЗАБЫТАЯ АЛЛЕЯ.

Пасмурно и дико
В узенькой аллейке.
Брошены гвоздики
На пустой скамейке.

Беспокойно скачет
Воробей подбитый.
Всё совсем иначе
На тропе забытой.

Из листвы застывшей
Солнце не выходит.
На аллее бывшей
Нас печаль находит.

И идёт бок о бок,
Сильных охраняя,
Тех, кто слаб и робок,
С колеи сбивая.

Словно мхом пушистым,
Горькою обидой
Путь зарос тенистый,
И следов не видно.

И не заслуживши
Ничего плохого,
Человек уходит,
Не дождавшись слова.

Он уйдёт, простившись
С лучшей мечтою,
По аллее бывшей
Мшистою тропею.

Но на век задержит
В памяти своей он
Ту, в кого так нежно,
Безоглядно верил.

На пустых скамейках
От печали тесно.
Красные гвоздики.
Брошенное место.

На забытых тропах
Всё совсем иначе.
Человек уходит.
Человек не плачет.
20.07.77. г. Сочи.

ПОЭТ НА ОТДЫХЕ.

В воздухе кружится запах магнолии.
Тихо всплывает над морем луна.
Весел курорт, а я жив и не более.
Ну, а душа моя просто пьяна.

Все отдыхающие развлекаются.
Песни летят над вечерней листвой.
Я не скрываю, мне всё это нравится,
Но не участвую – профиль не мой.

К той я спешу, кто весь вечер нуждается

В ласке моей и надёжных руках.
 Чу, на колёсиках мерно качается
 Бочка, где «Пиво» на круглых боках.

Не возникает и тени сомнения.
 С кружечкой я на природе сижу.
 В парке дендрария, в хитросплетениях
 Что-то возвышенное нахожу.

Запах магнолии в воздухе кружится.
 Рифмы мои на платанах висят.
 Море теперь для меня уже лужица.
 С берега видели, вам подтвердят.

В воду вошёл я, а дно каменистое.
 Ноги разъехались, я и упал.
 Далее – жертвой медузы неистойвой,
 В рот мне заплывшей, я глупо предстал.

Утром встаю, а желудок расстроился.
 Есть неотчётливость и в голове.
 Только у пива, скажу вам, достоинство –
 Сколько ни пьёшь, снова тянет к себе.
 25.07.77.

РАВЕНСТВО.

В грозу иду по переулкам
 И жадно черпаю озон.
 А надо мною садит гулко,
 Меня испытывая, гром.

Дождём окутаны и руки,
 И весь я с ног до головы.
 От молний, словно Долгорукий,
 Блистаю я среди Москвы.

Такое равенство мне лестно.
 Спешу грозу благодарить.
 Но, что это? Как интересно!
 Здесь философская есть нить.

В фонтане брызг случайно близок,
 Омывшись, как и мы с великим –
 Подгнивший яблочный огрызок

Такие же рождает блики.
06.08.77.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ.

Всплывая из пены девятого вала,
Собой разрезая зловещий туман,
Спокоен и горд, никого у штурвала –
Корабль-виденье, корабль-обман.

В штормах негибаемы фоки и гроты,
Порыв лобовой не сорвёт парусов,
Но жизни не видно за призрачным бортом,
Не слышен пропитый разгул голосов.

Он вечен, как соль четырёх океанов,
Как боль превращённого в кладбище дна.
На скорую гибель судов караваны
Ведёт за собой, сведя их с ума.

Какою, моряк, ты рождён был из наций?
Не знает никто, не подскажет вода.
Для тех, кто ушёл за Летучим Голландцем,
Не лягут цветы на причал никогда.

Не слышно над морем отчаянья стонов.
Глумится над судьбами бдительный страж.
Идут корабли к своему горизонту
Стадами слепцов, а ведущий – мираж.

И гибнут, порой, не успев попрощаться,
Морские бродяги в безвестной дали,
С легендой в устах о Летучем Голландце
И с горстью защитой у сердца земли.

Но нет, не сидите за запертой дверью.
Где ставни закрыты, там ложный покой.
В себя и в удачу попробуй поверить,
Штурвал присмиреет под твёрдой рукой.

Пусть прямо по курсу мираж возникает.
Вперёд, разрезая его пополам!
И как предрассветная дымка, растает
Корабль-виденье, корабль-обман.
12.09.77.

Из сборника «НОВЫЕ СТРАНИЦЫ БОРТЖУРНАЛА»

СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЕМ.

Ушёл я за обещанными мне под килем футами.
И горизонт был чист, тревоги не было в душе.
Случилось это вслед за солнцем утренним,
И поросло годами всё уже.

Потрёпан мой корабль, и паруса кругом с заплатами.
За утром тем не видел больше солнца я в глаза.
Но чаще меня черти смерти сватали,
Чем с глаз катилась редкая слеза.

Пусть у штурвала сутки, словно к мостику прикрученный.
Когда шальная палуба уходит из-под ног,
Всегда я вижу, как стоишь над кручею,
И как в руке колышется платок.

Не знаю, где корабль сейчас! Не знаю, завтра будет ли!
Не помню, как на землю я ступал последний раз.
Не знаю, называемся ли люди мы.
Знать не хочу, осталось сколько нас!

Да, под завязку намотав узлов за это плаванье,
Я жду того момента, как голодный дикий зверь,
Когда я брошу якорь в тихой гавани –
У дома, где лишь мне откроют дверь.

Я знаю, что не будет слёз, не будет причитания.
Тепло повеет нежностью, любовью и добром,
А время и большие расстояния
Покажутся мне беспокойным сном.
03.11.77.

МНЕ ПОМНИТСЯ...

Мне помнится, как шли снежком скрипя.
Нас было трое в этот славный вечер.
И ехали, нас фарами слепя,
Машины, почему-то всё навстречу.

Он на меня, конечно же, был зол,
Она же равнодушна и покорна.

А я, жалея, что уже ушёл,
Оглядывался долго и упорно.

Потом вдруг начинал я спорить с ним,
Но спор наш также быстро прекращался.
И тут я понимал, что мы стоим,
А месяц в небе надо мной смеялся.

Мне помнится, на окна глядел,
Пока мои следы в снегу пропали.
А свет машин из-за спины летел,
Когда они нас с шумом обгоняли.

Я вспоминал о попутчиках своих,
Когда те окна, наконец, погасли.
Она, увы, по-прежнему молчит,
И он всё время с чем-то не согласен.

Смеялся снова месяц с высоты.
Я б выключил его, моя будь воля...
Что здесь смешного? Хочется грустить,
Или лежать среди ромашек в поле.

А может, съехать с горки на заду,
Кого-нибудь поздравить с Новым годом...
Тут я упал, не устояв на льду,
И в помощь мне никто руки не подал.

Мы шли и шли, и вкусно снег скрипел.
Я больше не оглядывался круто,
Он в душу нагло мне залезть хотел,
Она ж опять молчала почему-то.

Никак не мог я ей в глаза взглянуть
И оставался снова одиноким,
Хотя мы шли втроём весь этот путь,
Проваливаясь в свежий снег глубокий.

Посторонился встречный гражданин.
Хотя нас было трое в этот вечер,
Я шёл один. Я шёл домой один.
Я, тень моя и дух противоречий.
28.12.77.

НА ПОЛУСТАНКАХ ПОЕЗД НЕ СТОИТ.

Стучат колёса поезда не в такт.
Который год мы носимся по свету.
И у соседей нет с собою карт.
И я листаю старые газеты.

На полустанках поезд не стоит,
Но спрыгнуть можно, если очень надо,
А здесь тепло и носит дефицит
Ударно-образцовая бригада.

Меняются попутчики мои,
А я один считаю километры,
И есть у них у всех дела свои –
Им до проблемы этой дела нету.

Вот, даже кто-то дверь забыл закрыть...
Вдруг мимо Вы прошли. Я Вас увидел.
Секунды, но хватило полюбить.
Постойте! Как зовут Вас? Подождите!

Как будто бы один удачный кадр
На длинной никому не нужной ленте.
И это Вас я так давно искал.
И это Вы нужны мне, Вы, поверьте.

Я по вагонам поезда бежал,
Заглядывал в купе, искал и думал;
Наверное, я слишком долго ждал,
Чтобы найти Вас вновь. Но я найду Вас!

Найду, ведь должен быть всему предел,
Потоку станций и газетным строкам.
Ведь я не знал о том, чего хотел,
Жизнь, наблюдая из оконных стёкол.

Но кто-то дверь в купе забыл закрыть.
Вы проходили мимо. Я Вас видел.
Секунды, но хватило полюбить.
Постойте! Как зовут Вас? Подождите!

Стук сердца заглушает стук колёс.
Я поезд обыскал, и Вас в нём нету.
А проводник мне чай в купе понёс.
Неужто, вновь пустые километры?!

Сейчас платформы эти проплывут,
Начнётся лес...Но что это я вижу?
Я Вас увидел, прыгнули Вы тут!
И где стоп-кран?! Не важно, в тамбур ближе!

Закрыта дверь. Я вышибу стекло.
Ударил ветер мне порывом встречным.
Ну, вот и всё, по насыпи снесло –
Конец им, километрам бесконечным.

Скорей назад! Теперь уж догоню!
Я лидером внезапного забега.
Не за медаль, а за судьбу свою
Расцеловать готов я человека,

Который дверь в купе забыл закрыть.
Вы проходили мимо. Я Вас видел.
Секунды, но хватило полюбить.
Постойте! Как зовут Вас? Подождите!
01.02.78.

Я ОТВЫКАЮ ОГОРЧАТЬСЯ.

Далёкая платформа, неизвестный полустанок,
Ну, здравствуй, я пришёл, но я чего-то не пойму.
Нет никого, лишь радужные планы
И след, ведущий, может, в тишину.

Пусты скамейки, даже пыль на них тяжёлым слоем.
Окошко там, где женщина билеты продаёт,
Спокойно заколочено доскою,
И расписание задом наперёд.

Эй, люди! Где вы?! Что вы? Неужели, нет желанья
Хоть раз на этом опустевшем островке побыть,
Сказать кому-то тихо «до свиданья»,
Без цели, без оглядки укатить?

Зачем же прыгал я, зачем бежал, мне интересно?
И поезда проходят здесь, похоже, лишь раз в год.
Да и писать стихи здесь неуместно,
Не слыша, их никто и не поймёт.

Мой голос разлетается, как испугнутые птицы,

По закоулкам серым и окрестной пустоте.
 Но тут же, умерев, как пыль ложится.
 Ведь даже эхо нету тут нигде.

За сказкою, фантазией, простой игрою света
 Я прибежал и смысла не могу теперь найти.
 Пусть были Вы, но Вас же больше нету.
 Друг друга потеряли мы в пути.

Быть может, этот след, куда ведущий, я не знаю...
 Возможно, что он Ваш, но я-то, значит, опоздал.
 Вы далеко, а я тут пыль пугаю,
 И между нами бытовой провал.

Я потерял Вас, но не привыкаю огорчаться.
 Там не пойму, где раз уже оставил кто-то след.
 Эй, кто-нибудь! Довольно прохлаждаться!
 Садитесь в кассу, я куплю билет.

Хоть здесь я буду первым, и забег мой не окончен.
 Я знаю, поезда здесь только замедляют ход.
 Запрыгну, уцеплюсь, и даже ночью –
 Побольше бы мне эдаких забот!

Забытая платформа, неизвестный полустанок,
 Прощай! Сюда, пожалуй, я уже не заверну.
 Спокойно спите, пыльные туманы.
 Я больше не нарушу тишину.
 30.03.78.

ОСТРОВ СЛАДКИХ ПЕСЕН.

Друзья, к штурвалу! Обрубить канаты!
 И курс – любой! Достаточно уйти.
 Скорее прочь! На острове проклятом
 Нам или смерть, или с ума сойти.

Зазывно надрываются сирены.
 От сладких песен вылезут глаза.
 Заткните уши! Не уйти из плена,
 Когда ты слышишь эти голоса.

Огонь на трап! Нас больше половины.
 Не привыкайте опоздавших ждать.
 Скорее прочь! Ведь лучше смерть в пучине,

Чем быть живым, но жизни не видать.

...С пути мы сбились, и мечтою сладкой
Вдали ты показался, островок,
Покрытый кипарисовою шапкой,
Потерянного рая уголок.

И эти голоса проникли в душу,
Когда был брошен якорь, наконец.
Под эти песни мы сошли на сушу,
Под них вошли в хрустальный мы дворец.

Хвостами били толстые павлины.
Ковры и фрукты, кувшины с вином,
И чьи-то бёдра гладкие, и спины,
И всё казалось это добрым сном...

Зазывно надрываются сирены.
Заткните уши, умоляю вас!
Иначе нам не вырваться из плена
И не попасть туда, где помнят нас.

Вперёд! Попутный ветер, дай нам силы!
Наполни-ка собою паруса.
Прощайте, кого из нас сманили
С павлиньими хвостами голоса.

Прощайте, нет сомнений, отплываем.
Обрублены канаты, трап сожжён.
На уголок потерянного рая
Не променяем мы родимый дом.

Но странствия под парусом удачи,
Пока ещё мы дышим, не прервём.
Грешно стыдиться, радуйтесь и плачьте –
Мы чёрт-те где, но мы опять плывём!
09.04.78.

НОВАЯ СТРАНИЦА БОРТЖУРНАЛА.

Сколько раз сухими выходили из воды
Наши просоленные фрегаты,
И пока не подвернулось на пути волны,
Чтобы повернула нас обратно.

Но фортуна птичьими повадками сильна,
 Распустила крылья, чуя ветер:
 Исчезает где-то вдалеке её спина,
 А корабль уже, как щепку вертит.

Что девятый! Чувствую одиннадцатый вал!
 Жалобно поскрипывают мачты.
 Светится по курсу прямо рифовый оскал-
 Это наша пристань, не иначе.

До чего же мягко, как в далёком детском сне,
 Только вот никак мне не проснуться.
 Может, я лечу ещё, а может быть на дне,
 Эх, фортуна, чтоб тебе вернуться!

Хорошо, что я пока способен понимать-
 Будто о себе кино смотрю я,
 Где ты флот наш бравый, непоруганная рать?
 Где моя надгробная статуя?

Почему не слышится по мне фанфарный стон?
 Почему монах не в эполетах?
 Почему размыто всё и ходит ходуном,
 И на мне попона с позументом?

Новая картина, но и в этой всё не так:
 Вымощена золотом дорога,
 Я же запряжён, как мул, в огромный саркофаг
 И кнутами помыкаем строго.

Где вы, разноцветные в заплатках паруса?
 Где моя каюта с клавесином?
 Больно мне и страшно, но сухи мои глаза,
 Даже плакать нынче не под силу.

В чей карман, скажите, я так дорого плачу?
 Кто мои ценители и судья?
 Кто-нибудь, услышите голос мой! Я жить хочу!!!
 Но вокруг всё рыбы, а не люди.

Эти не помогут, им до трупа дела нет,
 Хоть я подавись песком солёным.
 С большим удовольствием я б бился о паркет,
 Только мой паркет остался дома.

Вот, опять Гольфстрим меня куда-то потянул,
 Он меня угробит, и отлично...
 Только слышу, будто кто-то тихо мне шепнул:
 «Если жив, протри глаза, счастливчик».

Что же это- чудо? Или вновь фортуна тут?
 Это всё, по меньшей мере, странно.
 Нет, я просто выброшен волною, как продукт,
 Чуждый атмосфере океана.

Плакать разучился, а смеяться нету сил,
 Землю целовать, я не приучен,
 Я не знаю, где я, и не знаю, где я был,
 Словно после приступа падучей.

Сон, возьми меня, и все, расставив на места,
 Возврати, чтоб ахнула Европа.
 Разрешаю делать всё, не трогая креста!
 Начинай, и я должник до гроба.

Ну, спасибо милый, я признаюсь, и не ждал
 Видеть продолженье старой ленты.
 Снова этот дивный погребальный карнавал
 И моя попона с позументом.

Всё это в театре. В ложах лошади сидят.
 Весь амфитеатр, в тумане будто.
 Музыканты в яме залихватски хлещут яд,
 Но монах за дирижёрским пультом.

Все они плывут, плывут куда-то от меня,
 Холодно того не замечая,
 Ну, а я уже сижусь, оковами звеня,
 С боцманом своим за кружкой чая.

На его цепочке не свистулька, не дуда,
 А какой-то колокол замшелый,
 Но старик спокоен, не трясётся борода,
 Не дрожит натруженная шея.

Колокол гудит. Его ударами полна
 Вся каюта, как зловонным дымом,
 И кого зовёт он? Может, даже и меня.
 Только это вряд ли выполнимо.

Но с ударом каждым всё становится светлей,
Редкое слиянье квинт эссенций,
Вижу небо. Ах ты, боцман, призрачный злодей!
Я проснулся! А стучало сердце

Вот теперь мне ясно, почему я снова жив,
Цель моя видна мне и понятно:
Я у человечества - записанный в актив,
И не скрою, мне это приятно.

И теперь я не имею права опоздать -
Слишком много их, забот о разном.
Я вернусь с умением красиво побеждать
На утеху баловням маразма.

О конце вояжа не загадываю я,
С грунта благодатного снимаясь,
Право есть на то, я назову тебя, земля -
Берегом Родящим Убивая.

Может - максиостров, может - миниматерик...
Чем бы ни был ты, чинить преграды
Мне, кто так глобально и внушительно возник,
Лучше по-хорошему не надо.

Линия намечена, с которой не сверну.
Через джунгли сказочные эти
Я пройду, нарушив вековую тишину,
И увижу гавань на рассвете.

Я уверен в этом, как и в том, что жив опять,
Колокол зовёт меня в дорогу.
Стоп, секунду, запишите, я хочу сказать:
Человеку надо очень много.

Если ж человек остановился и молчит,
Даже пусть мечтая в это время,
Непременно будет обойдён он и забыт,
К недвижимым равнодушно время.

Я согласен с тем, что вечных двигателей нет,
На абсурд бездарно полагаться,
В этом-то и есть он, главный жизненный секрет,
Чтобы в нужном месте отдышаться.

А теперь вперёд! Стелись ковром, пушистый мох,
 Элегантней расступайтесь, звери,
 Кто там, крокодил скрипит зубами из кустов?
 Бросьте, всё равно я вам не верю.

Эти шутки, может быть, достойны простака
 Или там положим Робинзона,
 Миссия другая у меня, и вы пока
 Мне, что зоопарковая зона.

Кто посмел смеяться? Я не вижу, что за чёрт
 Спрятался в кустарнике с остражкой,
 Верно, попугай? И точно! А, попался! Счёт!
 Вечно юный раб чужих пиастров!

Я тебя поджарю на костре, как петуха,
 Ты же спой мне песню, подгорая,
 Ну, а я послушаю, насколько ты лиха,
 Песня погоревших попугаев.

Ладно, улетай и будь живой укор для всех,
 Дым, хвоста по ветру развевая,
 Помни, сколько стоит нынче неуместный смех,
 Мне же в путь, а то уже светает.

Всё пока что сходится, а значит и финал
 Будет своевременен и точен,
 Если в темноте ты цель наощупь отыскал,
 То она вернее многих прочих...

Джунгли уступили лесу средней полосы -
 Тополя, берёзы и осины.
 И летят откуда-то, касаясь чуть росы,
 Тихие аккорды клавесина.

Но откуда здесь он? Я иду теперь на звук,
 Обступили сосны ровным строем,
 Залезаю в крайнем нетерпении на сук,
 Но перед глазами только хвоя.

Я теперь бегу уже. Последняя сосна
 Позади осталась одиноко,
 Впереди обрыв, внизу, я слышу, бьёт волна,
 Сердце бы не выскочила только.

Море! Наконец-то, Впереди родной фрегат,
 Полукругом весь наш флот построен,
 Сыгранны фанфары, пушки празднично палят,
 Будто снова сон передо мною.

Замереть, замолкнуть. Я ведь знал, что будет так,
 С берега машу, как с постамента,
 Всё сбылось, и вьётся на флагштоке, будто флаг,
 Яркая попона с позументом.

Вот он, финиш красочный, блестящий карнавал,
 Шлюпку и шампанского! Живее!
 Ну, огонь! Ещё один приветствующий залп
 Тем, кто, соль впитавши, не стареет.

Палуба, родная, снова твой извечный кач,
 Ты опять манишь меня куда-то,
 Боцман, оглянись, но только брось, старик, не плачь -
 Встали по-походному фрегаты.

Вздулись разноцветные в заплатках паруса,
 Новая страница бортжурнала,
 Значит, если попугай смеётся вам в глаза,
 Впереди удачное начало.

Может быть, ещё найдутся рифы пострашней,
 И монах накроет нас, робея...
 Только есть волна, и есть пока что мы на ней.
 И фортуна вздёрнута на рее.
13.06.78.

ВРЕМЯ ИДЁТ, КАПИТАНЫ.

Этот день был осыпан цветами.
 Освещал нашу гавань салют.
 Мы прощались с родными местами,
 Отмечая на карте маршрут.

И бутылки о борт разбивая,
 Каждый клялся, целуя причал,
 Что останется гавань родная
 Нам навечно мериллом начал.

За кормой удаляется берег.
 Мы трезвеем на резком ветру.

Отправляясь к намеченной цели,
Каждый верит в свою правоту.

Но на памяти данная клятва
Сохранялась надолго тогда,
И почти после каждого фрахта
Сразу в гавань спешили суда.

Океан, он безделья не терпит.
Все затянуты в водоворот.
И на каждой дороге к бессмертью,
Как мгновенье, был каждый год.

Только время идёт, капитаны,
Хоть вода остаётся водой,
Но всё чаще свои караваны
Мы уводим дорогой другой.

Гавань ждет, и свисают гирлянды
С опустевших причала перил.
Вот, уж утлые чьи-то шаланды
Мерно дремлют, укутавшись в ил.

Я глазею в бинокль с фрегата.
Учащённо колотиться пульс.
Начинал я отсюда когда-то,
Но не знаю, как скоро вернусь.

Захватило морское раздолье,
Хоть предательства нет и следа.
Первый тост на весёлом застолье
За одно поднимаем всегда.

Чтоб не гнили пробитые трюмы
На далёких прибрежных камнях,
И больные, спокойные думы
Не гнездились бы в наших умах.

Чтобы встретившись у перекрёстка
На невидимых водных путях,
Мы хотя бы приветствием просто
Обменялись бы годы спустя.

И пусть солью разъело все клятвы,
Цветом совести красился флаг.

И отмечена точно на картах
 Наша гавань, как главный маяк.
 14.06.78.

ЖИТЬ, ЛЕТАТЬ И БЫТЬ ЦАРЁМ.

«Унижен. Втоптан в грязь. Творцу проклятье!
 Как мусор, на тропе среди камней
 Лежу, как будто нет других занятий.
 Царь среди птиц, орёл среди царей.

Но я – не я, коль бросив все усилья,
 На этом успокоюсь рубеже,
 И умывая в луже крови крылья,
 Дам вольную измученной душе.

И нужно-то чуть-чуть, не до каприза –
 Всего лишь метров пятьдесят ползком.
 Преодолеть, схватить остаток жизни,
 И снова в небо. Небо – это дом».

И полз орёл, простреленную лапу
 По тропке каменистой волоча,
 Назло тому, кто выстрелил внезапно.
 По – царски презирал он палача.

И мысль одну сознание рядило,
 Боль побеждая резкую с трудом:
 «Уж если эта пуля не убила,
 То надо жить, летать и быть царём.

Быть там, откуда жалкая планета
 Красива, но беспомощно мала.
 Не нужно скипетра. Любви! Рассвета!»
 Вместо всего есть небо у орла.

Свобода титанических размеров...
 Не сможет без неё, кто в ней рождён.
 И на земле, что нет ему удела,
 Чем смерть, другого, тоже понял он.

И кровью каждый след омыт невинной.
 В ушах вороний непрерывный гам.
 Но стал ещё короче этот длинный
 Путь, возвращающий Царя орлам.

Должно хватить, должно хватить терпенья.
 Победа в полуметре! Ближе, сир...
 Он оглянулся. Позади сомненья.
 «Прощай, земля, прогнивший лживый мир!»

Оборвалась тропинка у обрыва.
 Всем телом устремился он вперёд.
 И вновь летит, и снова он счастливый.
 Боль зачеркнул целительный полёт.

Да, да, летит, летит, свободен снова,
 И свежий ветер ввысь его зовёт.
 Он не услышал выстрела второго,
 Которым и убит был метко влёт.
 06.07.78.

В КРАСИВОМ ЗАМКЕ НА КРУТОЙ СКАЛЕ.

В красивом замке на крутой скале
 Жил феодал, от нас веков за девять –
 Терпел покой и доверял жене,
 Считал, что только в это важно верить.

С утра он не молился, как другой,
 Не бился лбом о мраморные плиты,
 Но обнявшись с красавицей женой,
 Шёл на балкон, началом дня залитый.

В тумане, что до самых до перил,
 Шампанское ждало их на балконе,
 И тот бокал, что каждый день он пил,
 Ей посвящал он, как своей иконе.

Всё для неё – и гости, и шуты,
 И трубадуров скрипки, и свирели,
 И утром из Голландии цветы,
 Чтобы ковром насыпать у постели.

Повесою он в молодости слыл,
 К врагам своим, не обращая спину.
 Меч для невесты в ножны вложен был
 И за супругу снова был бы вынут.

Теперь-то он уж не рубил сплеча.

Держались крепко клятвы и обеты,
И сидя у камина при свечах,
Он сочинял ей нежные сонеты.
27.08.78.

ЖДЁМ МЫ БЕРЕГ, НО ТОЛЬКО ТАКОЙ.

Ей лет миллионы, солёной воде.
Ей нет ни конца, ни начала.
Отдашь ты ей лучшее в жизни своей,
Однажды застыв у причала.

Здесь солнце на небе напротив луны.
Здесь шепчутся камни с водою.
Разочек, хлебнув настоящей волны,
Ты ждёшь её с каждым прибоем.

Корма утопает в морской полноте,
И цепи разорваны с визгом.
И помнишь, как на берег с ходу влетев,
Хрустально рассыпятся брызги.

Не снятся тебе ни поля, ни леса,
И дом вспоминаешь всё реже.
Морской горизонт, закрывая глаза,
Ты видишь. Рассвет уже брезжит.

Годами без суши с покорной тоской,
Весь мир наш от борта до борта.
Ждём берег, но ждём его только такой,
Как виден из главного порта:

Лежат волнорезы – уставились вверх,
Где в проседях чайками небо,
Дельфины, и рыб пузырящийся смех –
Да, быль, но похожа на небыль!

Живём на земле, тут ведь жили всегда,
Но как-то в высоком заборе
Нам в щёлку лазурью блеснула вода.
Ушли любопытные в море.

Теперь, если с палубы кто-то сойдёт,
Покою уже не находит.
И при смерти слышим, как море поёт

Для тех, кто под парусом ходит.
17.09.78.

БЕЗУМНЫЙ БЕРЕГ.

Рассвет последний. Что он нам несёт?
Быть может, наконец, увидим берег.
Глазами пожираем горизонт.
Пожалуй, страшно в счастье не поверить.

Ещё минута... Солнце над водой.
По курсу гавань! Протяните руки.
Но почему там дым пороховой
И лай орудий дальнобойных гулкий?

Рассвет на море, он не слепит глаз.
От пушек слепнем, с берега палящих...
И этот воздух, он похож на глаз –
Такой же и манящий, и пьянящий.

Нас с берега обстреливают так,
Как будто мы чужие, мать их в душу!
И может быть, случится даже так,
Что вовсе нам не выбраться на сушу.

Но там же наши... Так же ведь свои...
И нам одно лишь только не понятно:
Зачем им гнать нас от родной земли,
Живыми возвратившихся, обратно?

Нам всё равно, кто в этом виноват.
Мы можем и обратно при желанье.
Жена нам – шхуна, всяк друг другу – брат,
И не к кому идти нам на свиданье!

Неужто, город весь с ума сошёл?
Он обезумел, что ли, милый берег?
Когда два года в море ты провёл,
То в это трудно просто так поверить.

Ведь значит, зря мы сквозь шторма прошли,
И в порт родной спешили мы напрасно.
Уж лучше вовсе не видать земли,
И будет всё тогда предельно ясно.

Остановитесь, там, на берегу!
 Корабль в дыму и ослабели тросы.
 В спокойном море мы, как на снегу,
 И падают убитые матросы.

Безумный город... Сумасшедший край...
 Забудьте дом! Одна дорога – в море.
 Эх, боцман, бочки с ромом открывай.
 Тот самый час, чтобы напиться с горя.

Пожар тушите. Сердце на замок.
 Корабль разверните в море носом.
 А ну-ка, юнга! Вздёрни на флагшток
 Флаг чёрный, без гербов и без полосок.

Эй! Кто там песню грустную запел?
 Петь можно, но не стоит огорчаться,
 Ведь это тоже не плохой удел –
 Живая тень Летучего Голландца.

...Здесь нет берёз,... не колосится рожь,...
 Нет поездов, жестоко уходящих.
 А воздух моря, он на газ похож –
 Такой же и манящий, и пьянящий.

Здесь нечего бояться лишних фраз,
 Не надо здесь шептаться осторожно –
 Рассвет на море, он не слепит глаз...
 А это, значит, и прожить здесь можно!
 28.09.78.

КТО ТЫ, ЧТО ЗА МОЕЙ СПИНОЙ?

Кто ты? Я не знаю.
 Не знаю, какой,
 Но я ощущаю
 Тебя за спиной.

Всегда и повсюду
 Со мной ты рядом,
 И сверлишь мне спину
 Скептическим взглядом.

Ты мысли читаешь
 Мои по слогам

И более знаешь,
Увы, чем я сам.

Как душеприказчик,
Как телохранитель,
Ревнивый и верный
Судьбы оформитель.

И шарики вертишь
В сознание моём,
И прав ты, и верен,
Как вне, так и в нём.

Ты память и руки,
Ты шторы и тормоз,
Ты средство от скуки,
Уверенность, гордость.

Мне падать не страшно,
Ты руку подашь,
И ловкий грабитель,
И бдительный страж.

Кто ты? Я не знаю.
Зачем ты со мной?
Но я ощущаю
Тебя за спиной.

Ты целое? Или
Частица меня?
Скажи мне, а может быть,
Ты – это я?

И душерассказчик,
И телохранитель,
Судьбы Потрошитель
И верный служитель!
30.09.78.

НЕВИДИМЫЙ РЕДУТ.

Ну, где же он, невидимый редут,
Откуда так неправильно стреляют?
Они зачем-то часто в воздух бьют,
В меня, как в цель, совсем не попадают.

А я иду по тракту напрямик,
Не спотыкаюсь и не пригибаюсь.
Наверное, я ко всему привык,
Но сам ещё того не понимаю.

Они свистят над самой головой,
Дразнящие, задиристые пули.
Всё странно мне и кажется порой,
Что, подлетев ко мне, они свернули.

Не вижу, где же он, редут косых,
Откуда так неправильно стреляют?
Ведь ясно, что иду я мимо них,
Они ж в меня никак не попадают.

Есть право больше не идти вперёд,
Остановиться посреди дороги.
Точнее снайпер дуло наведёт.
Вот, только бы не выстрелили в ноги.

Пусть сразу в сердце, больно, навсегда...
Но всё-таки не стоит поддаваться.
Возможно, что у них своя беда
И нужно подотчётно отстреляться.

Меня смешит невидимый редут,
Стреляют откровенно мимо цели.
А может быть, они чего-то ждут?
А может, они каши мало ели?

А я иду рокадой напрямик
И не сверну. Пускай себе стреляют!
Да, я уже и к этому привык,
Но за редутом этого не знают.

Иду и сожалею об одном,
Что мы сейчас на суше, а не в море.
На полигоне плавно голубом
Попроше с кем-то пулею поспорить.

Среди воды не выстроить редут.
И если тебя палуба качает,
Ты не нырнёшь и не прижмёшь ко дну.
И пули там свою дорогу знают.

02.10.78.

УХОДЯЩИЕ С РАССВЕТОМ.

Это было как-то очень рано утром.
Окна были в ставнях. Город спал.
Уходили люди, по делам как будто,
Но они сходились на причал.

Там качалась шхуна – снова, как и прежде,
Новые на мачтах паруса,
Свежей краской выкрашен старый борт «Надежды»,
И надежда новая в глазах.

Этот день особый, он отмечен чёрным
В городе на всех календарях.
Древний сказ уводит моряков упорных
Счастья поискать в чужих краях.

Раз в году бывает здесь на небе виден
Ясно, как на карте, млечный путь.
Ну, а кто с зарёю вместе в море выйдет
Должен постараться не свернуть.

Тишина сурова. Всё вокруг знакомо.
Якорь лишь предательски скрипел.
Вот бы часом раньше не проснулись дома,
И до сердца крик не долетел.

Уходила шхуна на восходе солнца
Вот уже пятнадцать лет подряд.
Может быть, удача нынче улыбнётся,
Но об этом вслух не говорят.

Много капитанов старая «Надежда»
Поменяла за недолгий век.
Сколько их осталось на песках прибрежных
Крестовидных путеводных вех.

Отнимали звёзды у семей кормильцев –
И мужей, и любящих отцов,
Но опять спешила, даже не простившись,
Новая команда храбрецов.

Это было как-то очень рано утром.

Страшный крик из окон вылетал,
И десятки женщин – сонных, необутых –
Дом забыв, бежало на причал.

И рыдали жёны, и кричали дети.
Кто-то прыгал в шлюпки, кто-то вплавь.
Но «Надежде» в спину дул попутный ветер.
Время не теряй и свечи ставь.

И свечей в соборах сотни загоралось,
И мадонны плакали навзрыд,
И не расходились толпы у причала,
Слушая, о чём волна шумит.

Прижимали крепко матери детишек,
Подсчитавши, через сколько лет
Сыновья заменят моряков погибших
И уйдут, когда придёт рассвет.

Это было как-то очень рано утром.
Шхуна шла в тумане напролом.
И на шхуне знали, будет очень трудно,
И молчали каждый о своём.

Но не знали люди, восхваляя чёрта,
Что не ждёт их счастье впереди –
Ведь для них всё счастье за знакомым бортом,
Счастье в бесконечном их пути.
20.10.78.

ПРОМЕТЕЙ.

Этот голос не мой, что летит из груди.
Он сейчас захлебнётся от ветра.
Этот голос чужой. Он кричит: «Подожди!»
Но обратной дороги мне нету.

Там глотает огонь молодые стволы,
И побеги на ветках дымятся,
И как будто бы стонут они: «Помоги!»
Но, увы, не могу я остаться.

Нет, не трус я, огонь не пугает меня.
Впереди может быть ещё хуже.
Может быть, своего загоню я коня,

Хоть он дорог мне, предан и нужен.

Мы не знаем, что ждёт нас. Мне верит мой конь.
Мы спешим на свидание с адом.
И за мною, как плащ кардинальский огонь,
Только голос хрипит мне: «Не надо...»

Он летит из груди, молит он: «Подожди!» -
Лепетаньем ушной перепонки.
Но скачу я на узенький мост впереди
И плюю на проклятья вдогонку.

Может всё оборваться на этом мосту
Без фанфар и тяжёлых надгробий...
Я не помню себя. Пересохло во рту,
Конь забылся в предсмертном галопе.

Старый мост, он скрипит, я топчу эту твердь,
Волоча факел свой по перилам.
Да! Я взял на себя и ещё одну смерть,
Не прося о прощенье постылом.

Не доставлю я радость такую векам!
Вот и внутренний голос сорвался.
Он плюёт на меня, посылает к чертям.
Ну, спасибо! Я дальше помчался.

Ведь погибнет без ветра священный огонь.
Приносящий забвение встречным.
Я не встану, пока не подохнет мой конь,
И не стану я факелом вечным.

Обмотавшись плащём, обогнавшим меня,
Я не сделаю лишних движений,
Монументом застыну над трупом коня
В честь того, кто бежал от сомнений.
31.12.78.

МЕЖДУ ВЧЕРА И ЗАВТРА.

Остановись на миг, течение времени,
Отчётливее обозначь мне край.
Ни тропкой, ни верёвкой, ни ступенями
Вчера и завтра не соединяй.

Пускай принцесса на далёком острове,
 Как и прежде, будет вечно молодой,
 А шпаги, в землю воткнутые острые,
 Не тронет больше пусть ничья ладонь.

Пусть не услышат новых сплетен фрейлины,
 И трубадур не начинает петь,
 А воробей, который уже стрелянный,
 Туда пусть не захочет залететь.

Пускай отлив приливом не сменяется
 У острова, где золотой песок,
 И дальше в море быстро удаляется
 Мой маленький, но крепенький челнок.

Вчера и Завтра, между вами времени
 Хватает на один короткий день,
 Но этого достаточно мгновения
 Придуманную сказку сдвинуть в тень.

Всё засыпает на волшебном острове.
 И рыцари уснули, и шуты.
 Никто безумно не проскачет по траве
 И не наступит больше на цветы.
 03.01.79.

Из сборника «ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ»

БЕРЕГ. (сюжет пятый)

Молчит вода. Молчит осока.
 Молчит прибрежный тихий лес.
 И журавли летят высоко
 Среди своих седых небес.

Застывший взгляд. Потухший окрик,
 Обломок старого весла,
 Искоренённые пороки,
 Растраченные капли зла...

Вода стоит. Осока дремлет,
 В лесу не слышно пенья птиц.
 И журавлиный клин уверен,
 Что за удачею летит.

Друг другу многое прощая,
 Не ценим лучшие года.
 И вновь тропинка травяная
 Зовёт, неведомо куда...

Как в отражении зеркальном,
 В воде покоится рассвет.
 Грустят берёзы в чаще дальней
 И кроной тянутся на свет.

За вечность время принимая,
 С лекарством путаем мы яд.
 Как торф сухой, воспоминанья
 Лишь тлеют, даже не горят...

Молчит вода. Молчит осока.
 Обломок старого весла
 Торчит над озером высоко,
 Как в пальцах ржавая игла.

Потухший окрик. Взгляд застывший.
 И замеревший строй берёз.
 Рассвет, над озером возникший,
 И на траве роса из слёз...
 17.10.78.

СОН. (сюжет шестой)

Я не знаю, в чём тут дело,
 Снова снится этот сон:
 Счёта нет сугробам белым,
 Ходят ветры ходуном,

Снег идёт не уставая,
 Всё бело вокруг меня,
 Всё вокруг меня сверкает,
 Бубенцы вдали звенят.

Вы, снежинки, озорницы,
 Не засыпьте этот звон.
 Если вдруг он прекратиться,
 То рассыплется мой сон.

Наважденье светлой ночи –
 Где спокойно, там бело...

Белый терем, в белой роще,
И тропинки замело,

Побелевшая осина,
И на ней среди ветвей
Серебристый, снежно-синий,
Одинокий воробей.

Налипает слой пушистый –
Не земля, но снежный ком...
Неспроста он снова снится,
Зазывает белый сон.
19.10.78.

ШЕДЕВР. (сюжет седьмой)

Двери в старом замке
Не закрыты плотно.
В запylённых рамах
Древние полотна.

Нимфы и дриады,
Вакхи и сатиры,
Грозди винограда,
Облака эфира.

И ещё картина
Кисти неизвестной –
В сети паутины,
В самом грязном месте.

За веками имя
Девы, в дальнем зале –
Смотрит голубыми
Юными глазами.

Смотрит и смеётся
Из пыли лежалой,
Не выдавши солнца
Лет пятьсот, пожалуй.

Взгляд не заостряет
На мышках летучих,
Явно презирая
Чопорную скучность.

Старые полотна
 Дремлют носом в стены,
 И ночами ходят
 Мимо чьи-то тени.

Дверь в скрипучем стоне
 Ветру отдаётся...
 Тихо в зале тёмном,
 Девушка смеётся.

Озорно играют
 Голубые глазки
 Над уснувшим миром
 Над печальной сказкой.

Не утратить радость
 Безмятежной песни.
 Верно написалось
 Кистью неизвестной.
 21.10.78.

СТАНОВЛЕНИЕ. (сюжет десятый)

Он бил скорлупу – вылезал
 Наружу, на свет, на свободу.
 Спешил и глаза открывал
 В холодную очень погоду.

Он ярких и пристальных фар,
 Светящих без спросу, пугался,
 И в массе танцующих пар
 Сперва неуклюже толкался.

Но к свету привыкли глаза.
 Заучен порядок движений,
 И руки желают туза,
 Вникая в вещей положенье.

Способен заметить он стал
 Протезную челюсть в улыбке,
 Что кто-то каблук свой сломал,
 А кто-то фальшивит на скрипке.

Он больше не видел ни стен,

Ни празднично светлого зала.
Он видел пустыню и тлен,
Чем это закончится, знал он.

Картины мелькали в глазах,
Двойко значенье которых,
И тонкость крапленья в тузах,
И ласковый денежный шорох.

Полотна, мольберты, столы
С песком перемешаны ветром.
Колонны, как пьесы тылы,
Плющами и мхом разодеты.

Движенья танцующих пар
Накручивая с упоеньем,
Не зная, куда он попал,
Уже он был полон терпенья.
13.01.79.

СЧАСТЛИВЧИК. (сюжет одиннадцатый)

Двери не закрыты и на окнах ставень нет.
Свет струится из щелей нерезкий.
Словно эхо, слышен недосказанный сонет.
В ночь летит оборванная песня.

Кружевами трудится по берегу волна,
Размывая свежий след глубокий.
Эта ночь для тех, кто трезв, покажется длинна,
Ну, а мир пустым и одиноким.

Режется морская гладь, как масло, на куски.
Ждут и манят новые походы.
Снаряженье скромное – немножечко тоски
И процентов семьдесят свободы.

Кто-то машет с берега корме высокой вслед...
Ей спешится подарить прощенье
Раньше, чем на борте в крене высветит рассвет
«О, счастливец!» - золотым тисненьем.

А пока команда спит. Ей снятся тонны снов.
Большинству – покинутая бухта.
Занавески в крапинку и сломанный засов

Видит капитан, живьём как будто.

Эх, волна, подкинь, родная, крепче тряхани,
Выкинь бред из головы мятежной,
Склянками в ушах спросонок громче прозвени,
Заглушая ноты песен нежных.

Выпусти из сердца ровно половину чувств,
Вылечи к утру от лишних литров,
Сам пока ведёт по морю шхуну шальный курс
С пенной лихостью цирюльной бритвы.

Эта ночь для тех, кто трезв, покажется длинна,
А для тех, кто протрезвел, тем боле...
И как будто чем-то подавилась тишина,
А корабль выплюнула в море.

Повисает в воздухе оборванный сонет,
Только капитан его не слышит.
Принимая удовлетворением рассвет,
Он не слышит, даже как он дышит.

Машет капитану перекошенная дверь,
Скрип – её ночные поцелуи.
Утром, всё возможно, обернётся: «Что ж, теперь
На пути обратном загляну я».
09.11.79.

СОБАКИ. (сюжет тринадцатый)

Оглянитесь вокруг и представьте:
Мрачный замок, двенадцатый век,
Длинный стол сплошь едою уставлен,
Блики факелов, чавканье, смех,

Смрад и копоть, упитые гости
И собаки покорно вокруг.
Им кидают объедки и кости
Эти сорок засаленных рук.

Эх, собаки, вернейшие твари.
Сколько чувства в собачьих глазах.
Но в ответ их ногами пинали.
Благодарность ждала их в плетях.

А на завтра хозяева вспомнят
И с утра, да пораньше, «Ату!»
Чтобы всё было чашею полной!
Чтобы не было пусто во рту.

Так вот было и часто, и долго...
И однажды собаки ушли,
По совсем незнакомым дорогам
В тишину потаённой глуши.

В замке снова тем временем пили
И заметили только с утра,
Что все псарни открыты, пустые.
Как же быть? На охоту пора!

Призадумалось рыцарство круто.
Ждать не ждали подобных потерь.
Но мир жив, пока злой он и глупый –
Заменили собак на людей.

И плетьюми, как скотину, погнали:
Музыкантов, герольдов, писцов.
Что ж они? Да ведь им приказали.
Только, что не брехали под псов.

А под вечер садились по кругу.
Со стола им кидали куски,
И сцепившись за них, друг на друга,
Как зверьё, обнажали клыки.

Время шло, и зверела прислуга,
На хозяев бросалась, рыча.
И порвала бы позже друг друга...
Но однажды в рассветных лучах

По дороге, из леса ведущей,
Хвост, поджавши, повадкой хромой,
Нос – на запах, повинные уши,
Возвратились собаки домой.

Не смогли добродушные твари
Жизнь прожить с человечеством врозь
И вернулись..., чтоб плетью их драли,
Но кидали бы сладкую кость.
20.11.79.

ОСТРОВ. (сюжет семнадцатый)

Лёгкий ветер в саду шевелит перезревшие вишни,
 Этот сад на горе за высокой глухою стеной.
 Я на острове этом бывал, как ненужный, как пришлый,
 Как бродячий певец попадал в королевский покой.

И стоял мой челнок у причала, готовый к отплытью,
 Но я пел и старался проникнуть в глубины сердец.
 Эх, скажите, зачем мы желаем чудесных открытий,
 Если встретим в саду среди вишен хрустальный дворец?

Почему пропустила без слов меня строгая стража,
 Ведь я даже тельняшку свою у ворот не сменил?
 Где бы ни был я, бардам с таким убедительным стажем
 Не давали коснуться и края дворцовых перил.

А в вишнёвом саду шелестели листвою деревья,
 По аллеям гуляли придворные, я же им пел.
 Я им пел, я смеялся, чего я там только не делал –
 И что мог я, и то даже, что я считал – не умел.

Но однажды, когда я сидел на ступенях у трона,
 Я внезапно прозрел и, на временный плюнув уют,
 Перевёл свой замыленный взгляд от блестящей короны,
 И ушёл с того места, где, в общем-то, должен быть шут.

И лишь тут я услышал вишнёвый навязчивый шелест.
 Переполнившись им, я не смог оставаться в саду.
 Почему не растут здесь суровые грустные ели:
 Те, что краску свою не меняют по сто раз в году?

Слава богу! Мой старый челнок не сорвало приливом.
 Я в него погрузил свою гордость и песен запас.
 До чего же бывает на море с рассветом красиво!
 Я готов повторить это в сотый и в тысячный раз.

Эта притча была аллегорией, но не обманом.
 Было море печальным, а волны его в серебре.
 Я оглядывался, но покрыт был глубоким туманом
 Чудный остров, где вишни в саду шелестят на горе.
 12.03.79.

СНЕГОВИК. (сюжет восемнадцатый)

Над землёй весна, в сердцах певуче,
 Но не всем приятен этот миг:
 Одиноко тает снеговик
 Посреди двора на снежной куче.

Не мелькают детские салазки,
 Отступил под солнцем Дед Мороз,
 И морковный на бок съехал нос,
 И поплыли угольные глазки.

Отогрелись, птахи звонко свищут,
 Ручейки дорогу бьют к земле.
 В грусти. С горя, иль навеселе –
 Кто же вылепил тебя, дружище?

Что ты слышал зимними ночами,
 Успевал что за день увидеть,
 Поспешит водою вешней стать
 Это всё, сверкая под лучами.

Может быть, ты чей-нибудь глашатай?
 Ну! Скажи хоть слово! Что молчишь?
 Сколько вьюг стерпев, ты здесь стоишь?
 Чей гонец? Посланье чьё ты спрятал?

Он молчит и молча оседает,
 И понять труднее каждый миг,
 Что когда-то крепкий снеговик –
 Здесь, на этой снежной куче, тает.

У прохожих нету даже в мыслях
 Задержаться посреди двора.
 Там весну встречает детвора,
 Там щебечут радостные птицы.

Может, так же этою зимою
 Не заметил кто-нибудь в мороз –
 Из моркови добродушный нос...
 Проходя походкой деловою.
 20.03.79.

АЛЁНУШКА. (сюжет девятнадцатый)

Уезжал ковбой от мамы с папой,

На коня садился своего.
Не давал руки
И не поднимал он шляпы.
И не брал в дорогу ничего.

Только пистолеты и патроны...
Правда, книжку детскую ещё -
Сказку о добре
Про красавицу Алёну.
В сумку бросил он через плечо.

Он скакал по прерии пустынной
Не одну неделю напролёт,
Редко весел был,
Чаще всё впадал в унынье,
Но скакал по-прежнему вперёд.

Лишь под вечер, мыслью запылённый,
У костра он книгу открывал
И опять смотрел
В грустные глаза Алёны
И слова из сказки повторял.

Незаметно пролетело время,
Породнился с прерией ковбой,
И всё твёрже он,
Каждый раз, влезая в стремя,
Верный пистолет сжимал рукой.

Но с годами сердце не черствело.
И ковбой про сказку не забыл.
Глубоко в него
Та Алёнушка засела -
Сказочную, он её любил.

Много лет искал бедняга счастья.
В переделках разных побывал.
Никогда, нигде -
В стороне любой, в ненастье.
Он любви своей не изменял.

Но однажды попаданьем точным
Ранен был и кровью истекал,
« Эх, Алёнушка... », -
Прошептал, - « прости за то, что

Так тебя я и не отыскал».
23.03.79.

Из сборника «НОСТАЛЬГИЯ»

ДВА ПУТЕШЕСТВИЯ В ДЕТСТВО
(*поэтическая композиция*)

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА...ДЕТСТВО.

Где я есть, скажите, люди?
Эх, куда ж я занесён?
Кто мне голос раздобудет,
Чтоб ответ услышать в нём?
Что за станция такая?
Тёмный лес вдали шумит,
Васильками расцветая,
Под ногами луг лежит.
Остановка, остановка,
Своевременна ли ты?
Незнакома обстановка,
Где, куда ни глянь, цветы,
Свод небесный вместо крыши,
Травы – мягкая кровать.
И из тамбура я вышел,
Чтобы этот мир понять.
Мне не нужен больше голос,
Чтоб услышать в нём ответ.
Я топчу младую поросль
И срываю первоцвет.
Я хочу своим умишком
Расшифровывать кроссворд,
Здесь живётся не по книжкам,
Это за сердце берёт.
Кто придумал эту волю,
Сплёл из тонких радуг нить?
Кто её такую понял?
Кто здесь смог всё время жить?
Вот, о чём я на коленях
Умолял мне рассказать
Васильки, ромашки, клевер –
Это я не мог понять.
По лугам бежит девчонка,
И венок на голове –
Детство кистью золочёной

Дарит миру нежный свет.
 Я купе покинул, значит,
 Чтобы детство повидать.
 А теперь сижу и плачу,
 Что не смог его узнать.
 Я побуду тут подольше,
 Где за крышу небеса.
 «Расставанье будет горше», -
 Шепчут злые голоса.
 Только, я не обречённый!
 Если скоро поезд мой,
 И цветы, и ту девчонку
 Увезу тогда с собой.
 12.04.79.

У РЕЧКИ СИНЕОКОЙ.

Я упал в траву высокую,
 Неба чистого вдохнул,
 В эту речку синеокою,
 Свои руки окунул.
     И смотрел на капли малые –
     Руки будто бы в слезах,
     И душа моя усталая
     Молодела на глазах.
 Речка, реченька прозрачная,
 Ты полна живой воды.
 Всё ли, что уже истрачено,
 Возвратить, способна ты?
     А вода тиха и ласкова...
     Только вдруг заметил я,
     Что в лучах заката красного,
     Как в крови, ладонь моя.
 Подмигнув мне, улыбается
 Солнце, падая за стог:
 «Не пугайся, так случается
 У воды под вечерок».
     Ветер веет тихой песнею...
     Я, пожалуй, здесь усну...
     Эх, в далёкую, чудесную
     Я попал, видать, страну.
 23.04.79.

НОЧЬ.

Моя склонилась наземь голова,
 И вдруг я услышал в ночи стрекочущей,
 Мне кто-то шепчет нежные слова,
 Забыт и непривычен звук их колющий.
 Я глаз не открываю и молчу,
 И слушаю, и слушаю старательно.
 Я странные слова понять хочу
 И в каждом вздохе смысл ищу внимательно.
 Мне кажется, что все, кто здесь вокруг –
 Цветы и лес, и речка синеокая –
 Все затаились, чтобы каждый звук
 Я, уловив, укладывал бы строками.
 А ты, что шепчешь, не переставай,
 Уже твои слова мне душу тронули,
 Уже я их люблю и этот край
 Я в образах могу сравнить с иконами.
 Дышать боюсь и, замерев, тону –
 В тепло земли, как в бездну невесомую –
 Зажав в руке травиночку одну,
 Что кем-нибудь впотьмах была обломана.
 И кажется, что всё знакомо мне,
 Что я здесь был, а эти звуки нежные,
 Я чувствую, вернули что-то мне –
 Ворвавшемуся, чуждому, заезжему.
 Ты говори теперь, ты не молчи...
 Боюсь рассвета, как мороза вешнего...
 Твои глаза грустны и горячи,
 И странно велики для края здешнего...
 29.04.79.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Под стук колёс въезжаю я в родной
 Свой город и привычный, и знакомый,
 Где все идут своею чередой
 И оставляют сантименты дома.
 Но чёрствых нет и нет сухих сердец,
 Здесь даже плачут, если потеряют,
 А если возвращается гонец,
 Его приветствуют и обнимают.
 Вот и теперь я вижу, как всегда,
 Знакомые толпятся на перроне,
 И коньяка бутыль, как ни горда,
 Склонилась над стаканами в поклоне...
 Я бросил всё. Я должен здесь побыть,

Не рядом, не вблизи, не по соседству,
 Но точно здесь и прочно закрепить
 Концы путей, связующих нас с детством.
 Я расскажу, меня должны понять.
 Я видел чудо. Я его запомнил.
 И я вернусь, вернусь туда опять –
 Я должен эту чашу выпить полной.
 Мне нужно знать, что кроется в лесу,
 Зачем над лугом бесконечно лето,
 Кто выпивает по утру росу...
 Вопросов много, требуют ответов.
 Где речки чудодейственный исток?
 В чей шёпот я влюбился, как мальчишка?
 Кому сплела та девочка венок?
 Куда уходят годы быстро слишком?
 Но чудный мир был временно забыт.
 Мне жали руки, долго говорили,
 Что заждались, и стол уже накрыть,
 Ну, а потом мы ярусно купили.
01.05.79. г. Ленинград

КТО-ТО УМЕР.

Здравствуй, утро раннее, головные боли,
 Одиноким огурец, тонущий в рассоле,
     Кофе чёрного стакан и яичко всмятку –
     Оседающий туман отшумевшей схватки.
 Вспоминаю, как вчера за полночь устало
 Я рассказывал в дыму о закате алом,
     Как описывал луга полные дурмана,
     И в ответ кивали мне, хоть и были пьяны.
 Кто-то плакал втихаря, кто пошлил не к месту,
 Кто, не помню, закричал, чтоб вернули детство...
     А над городом опять было всё спокойно.
     Только где-то среди нас отдыхал покойник –
 Так, невзраченький на вид, небольшого чина,
 Просто умер и молчит – Детство ему имя.
     Неприятно вспоминать мне вчерашний вечер.
     Эх, зачем в хмельном чаду откровенны речи.
03.05.79.

ОДИНОЧЕСТВО.

Я слоняюсь по дому пустынному.
 Я не знаю, куда себя деть.

Взгляд по стенам скользит безучастливо,
 Не задерживаясь ни на чём.
 Как по полю, по полю по минному,
 Страшно под ноги даже смотреть.
 Почему мы частенько несчастливы,
 Если тих и спокоен наш дом?

Мне не думается и не пишется,
 Я по кругу хожу, как больной.
 Всё сильнее желание чувствую
 Возвратиться в покинутый мир –
 Это вдруг иногда будто слышится
 Нежный голос чарующий твой.
 Посреди обетованной пустыни
 Одиночеством вытеснен пир.

Снова хочется в поле ромашковом
 Утонуть, обо всём позабыв,
 Чтобы месяц игриво барахтался
 В облаках поднебесной дали,
 Чтобы речка, играя барашками,
 Откликалась на шепоты ив,
 Чтоб не видеть, как город наш спрятался
 В одинаковой серой пыли.

Я слоняюсь по дому пустынному,
 Я по кругу брожу, как больной:
 Взгляд по стенам скользит заморожено...
 Только вдруг на часы он упал,
 Коридором из кухни в гостиную,
 А из спальни в галоп по прямой –
 Успеваю на поезд! Так что же я?
 Вот блокнот, вот ключи...Я сбежал!

15.05.79.

БЕГСТВО.

Я помню тот адрес и местность вокруг:
 За рощицей тою покажется луг,
 Что, сердце, затронув, заставил вернуться
 К раздолью далёкому, словно проснуться.
 Уже мы проехали высохший пруд.
 Три старых берёзы по-прежнему тут,
 Но чёрен один из стволов. Неужели,
 Над этою тоже землёй пролетели
 Грозой начинённый скопища туч...
 Будь доброе вечным, но нам не наскучь...
 Ну вот, заискрилась и речка за рощей.

Колёса, куда же я снова? Нет мочи...
 И хочется прыгнуть, и хочется петь,
 Но силы хватает стоять и смотреть.
 Спеша нам навстречу, платформа всё ближе...
 А кто-то сейчас подъезжает к Парижу,
 И тоже в окно все глаза проглядел...
 Но каждому свой и маршрут, и удел.
 Я снова из душного тамбура вышел.
 Какие же могут быть, к чёрту, Парижы!
 Девчонка по лугу бежит напрямик,
 Душой молодеет вчерашний старик.
 Валюсь на траву, устоять невозможно...
 Как всё здесь чудесно, легко и несложно.
 Я здесь! Я вернулся! Возьмите меня!
 Не знаю, на час ли, на день, на два ль дня.
 Отдай же венок, королева лесная,
 Ведь мне он сплетён, уж теперь-то я знаю.
 Возьми мою руку, веди по лугам
 К тем, прячущим под вечер солнце, стогам.
 Во всём нахожу я черты дорогие...
 К чему приведёшь ты меня, ностальгия?
 16.05.79.

УТРО ПЕРЕД ГРОЗОЙ.

Не пойму я, что это сегодня меня разбудило:
 Те же травы и те же, но тёмные очень леса,
 Небо тоже темнеет, и что-то раскатистой силой,
 Будто давит, хоть солнце по-прежнему слепит глаза.

Я о грозах в таких вот местах знаю лишь понаслышке,
 Но, на край небосвода, чернеющий глядя, страшусь.
 И, хотя здесь, отчасти, живётся совсем не по книжкам,
 Этих гроз полевых, признаю, не люблю и боюсь.

Вспоминаю теперь я, меня же ведь предупреждали,
 Что туда возвращаться, откуда однажды ушёл,
 В безмятежные детские, в годах застывшие дали –
 И неправильно, и даже, может быть, не хорошо.

А теперь эти тучи, и в воздухе пахнет грозойю.
 Как же быть? Уходить? Нет желанья, но всё же уйду.
 Эту новую встречу себе представлял я другою.
 Потерплю, она будет ещё, но не в этом году.

Ты спиной повернулась? Пстой! Может, вместе уедем?
 Не старайся, глаза опустив, от ответа уйти.
 Подошло уже время на мир посмотреть в новом свете,
 Детство, только покинув, возможно, как память, спасти.

Нет ответа, лишь ветер солому гоняет по лугу...
 По тропиночке узенькой к станции я подхожу...
 Всё же жизнь наша часто идёт по спиральному кругу,
 Но в момент роковой распрямляется, как погляжу.

Рвать не стал я цветов, к ним не смог я сейчас прикасаться,
 Ведь бутоны не выживут в душности наших квартир...
 И не надо из окон открытых подолгу прощаться!..
 Ты сама не хотела покинуть упущенный мир.
 27.06.79.

ЛЮДИ И БОГИ.

Бывают минуты, иконы снимают со стен,
 И свечи тогда за ненужностью угасают.
 А вера? Что вера, она превращается в тлен,
 А может, и в пепел, который на ветер пускают.

Не падают ниц, если святость дала кривизну,
 И сказочно быстро из памяти выйдут молитвы,
 Богам виноватым припишут все беды в вину –
 Сначала проклятьем осыпаны, после забыты.

Но злоба угаснет, привычка своё заберёт.
 Подкрасив иконы и символы перетасуя
 Состряпают гимны и новым Богам пропоют
 Народы. И будут от счастья дарить поцелуи.

Напишут труды, переставив местами слова,
 И кто-то найдётся, кто свечи зажжёт, как бывало,
 И чья-нибудь тихо покатится с плеч голова,
 И ярким цветастым прикроют её покрывалом.

Как вечно нужны человеку любовь и вражда,
 Так Боги в пути его жизненном необходимы,
 Чтоб было, кого проклинать, коль случится беда,
 А если всё ладно, молиться им – неувеличимым.

И снова пестро от лукавых улыбок с икон,
 Меняют им лица, но взгляды у них не меняют,

Любой при желанье уложится в старый канон...
 Но, всё же, бывают минуты, когда их снимают.
 21.06.79.

МОНОЛОГ СТАРОГО ВОЛКА.

Вот, стали дни короче прежних,
 С утра выходит пар с дыханьем.
 Зима наступит неизбежно
 Суровым новым испытаньем.

Поняв сегодня эту правду,
 Я, наконец, отстать решился,
 Чтоб от своей же стаи славной
 В глаза не слышать, что зажился.

Не быть обузой неуклюжей,
 Не быть причиной остановок,
 Чужим теплом не греться в стужу,
 Когда медлителен, неловок.

Чужой добычею питаться?
 Уж лучше голод, вы поверьте...
 И вот, решил я здесь остаться
 И встречи подождать со смертью.

Как вечер тих... Луною светел...
 Покоен мир.... А всё же странно,
 Никто ведь даже не заметил,
 Что я свернул в кусты бурьяна.

А может, это так и должно,
 И волк с рожденья чёрств и злобен.
 Ведь это, в общем-то, не сложно,
 О близких боль давить в утробе...

Я тоже молод был когда-то.
 Тогда отец ушёл из стаи.
 Весной беспечно виноваты,
 Его мы тоже не искали.

Ещё один виток спирали,
 Пожалуй, позади тревоги.
 И важно то, что все мы знали –
 Он неизбежен был в итоге.

Возможно, я ошибся на год
И поспешил, но раньше лучше.
Здоровым в тягость быть не надо
И их мешать благополучью.

К тому же дни короче стали,
С утра с дыханьем пар выходит,
Я б зиму выдержал едва ли,
Она же, видно, на подходе.

Но я, наверное, успею,
С тропы уйду подальше в чащу
И сном последним, не робея,
Забудусь, от смерти не прячась.

Пускай, как буду умирать я,
В минуту эту лес проснётся.
Всегда удачи вам и счастья!
Большой добычи! Много солнца!

И тихой смерти незаметной...
О, мир, большой и справедливый,
Спасибо! Час почуяв смертный,
Я здесь и этим я счастливый...

У всех ли так, иль только волки
Наделены бесценным даром?
А человек, к примеру, смог бы
Уйти, ненужным став и старым?..
09.08.79.

АФРИКА.

Н.Гумилёву

Я в Африке не был, а значит, увы,
Гориллу великого леса
Не видел, и мне не встречались львы,
А также и карлики-бесы.

Не жёг я костров на экваторе сам,
Я только читал твои строки,
И дух смертоносный вокруг не плясал,
И раны мои неглубоки.

Я в Африке не был, а значит, увы,
 Не знаю её лихорадки,
 Под стрелы не ставил своей головы,
 Когда уж сгорели палатки.

Но это не значит, что мне не близки
 Шатры на стоянке походной
 В Сахаре, воспеты тобой чьи пески,
 Бессмертной громады безводной...

Я в Африке буду. Ты умер, поэт,
 Но ты мне приподнял завесу.
 Я верю, заманчивей ужаса нет,
 Чем ужас великого леса.

Я весь этот мир у тебя прочитал,
 И что-то закралось мне в душу...
 Пока ещё просто твой час не настал,
 Большая жестокая суша!
22.08.79. Москва – Волгоград.

ДЕВУШКА И ПОЭТ.

- Расскажи мне, что в сердце глубоко
 Ты запрятал своём от меня?

- Это я зашифровывал в строках,
 Свои тайны живьём хороня.

- Расскажи мне, о чём твои мысли,
 Если взгляд устремляется вдаль?

- Это всё в неотправленных письмах,
 Но доступно понять их едва ль.

- Почему, расскажи, умоляю,
 Так надолго опять замолчал?

- Это всё ты отыщешь, читая,
 Как впервые во сне я кричал.

- Расскажи мне, о ком ты скучаешь,
 Когда я от тебя далека?

- Ты об этом давно уже знаешь,
 Этим дышит любая строка.

- Расскажи хоть о чём-нибудь, милый.

Я хочу от тебя это знать.
 Вслух прочти, я твой голос забыла...
 Ну, попробуй хотя бы солгать!

... Он молчал, улыбался и слушал,
 Но сквозил его взгляд сквозь неё...
 - Умоляю, открой свою душу,
 И согрею я сердце твоё...

Вдруг он взял карандаш, лист бумаги,
 Лишь взмахнул, ничего не сказал,
 И осталось, как будто на флаге:
 «Жил, любил, умирал и писал».

«Жил, живу, жить хочу очень долго,
 И люблю, пока жив ещё я.
 Умирать – путь от Бога до Бога,
 А стихи – это совесть моя».

И ушёл, промолчав, без обмана,
 Что опять повело его в путь?
 ... А вода вытекала из крана,
 Позабытого кем-то заткнуть...
12.09.79. г. Лермонтов.

МЕЧТЫ.

Я хочу на корабль, в душе я – моряк.
 Я хочу уплыть в приключение.
 Чтоб однажды подняв заржавелый свой якорь,
 Я попал, наконец, бы в течение.

Чтобы плыть в те края, где найду и удел,
 И тот остров, что раем покажется,
 Чтобы право вступить на него я имел,
 Чтобы знать мне, о чём там расскажется.

Чтобы таз, на котором пристану к земле,
 Всей командой до гроба налажен был –
 Бесконечность отыщется в круглом нуле,
 И не кончатся рано кураж и пыл.

Я хочу, чтобы ту, что по трапу взойдёт,
 Мог назвать я своей королевою,
 Чтобы гимнами вздрагивал искренний борт,

Чтоб она, как и я, была смелою.

Я хочу на корабль, в душе - моряк,
 Чтобы я и друзья, и любимая,
 И за тысячу миль сторонился, чтоб враг,
 Чтобы общее всё – неделимое.

Позолоты слегка на пиратский диплом,
 Чтобы встречных за приз не упрашивать.
 Поиск счастья – работа в подпарусный долг,
 Чтобы чайки нам – птицы домашние.
 26.10.79.

НАШ ПОЕЗД...

Наш поезд мчится, и колёса всё сильнее стучат,
 И проводницы, не общаясь с нами, лишь молчат,
 И не объявят остановку,
 И не скажут, сколько будет
 Поезд наш на этой станции стоять.
 Но лишь он тронется, неловко
 Успеваем ухватиться
 За перила, чтобы только не отстать.

Прощаться жалко, но привычка вновь своё берёт,
 И едем дальше мы, не зная, впереди что ждёт,
 Не зная, что за остановка,
 И не зная, сколько будет
 Поезд наш на этой станции стоять.
 А лишь он тронется, неловко
 Успевая ухватиться
 За перила, чтобы только не отстать.

А может быть, пора соседей сонных разбудить
 И поезд, мчащийся на всём ходу остановить,
 Придумать имя остановке
 И сказать, что поезд будет
 Наш всегда на этой станции стоять.
 Не всю же жизнь свою неловко
 За перила нам хвататься
 Только потому, что страшно опоздать.
 28.12.79.

Из сборника «ОБЕЗЬЯНИЙ СЕЗОН»

ПОБЕГ.

Я обниму тебя покрепче и пришпорю жеребца,
А ты закрой глаза и больше не дрожи.
И цокоту копыт ответят в унисон сердца
Среди рассветной затуманенной тиши.

Ещё не просыпался город, накануне запоздав.
Никто нас не заметит раннюю порой.
А то, что уезжаем «до свиданья» не сказав,
Пусть будет новою загадочной игрою.

Враги побег проспят, друзья, поняв, конечно же, простят,
Родные будут ждать покорно, чтоб обнять.
И верный конь не подведёт, и у любых ворот,
Уверен, встретят лишь добром и пустят в дом.

Уснула ты, и вот последняя застава позади.
Никто не смеет нам дорогу перейти.
И даже ветер стих, чтобы тебя не разбудить;
И новый день желает доброго пути.

Хочу, чтобы тебе приснились только завтрашние дни;
А если из вчерашних, лучшие тогда.
Печаль, сомненья, грусть, фортуна, дальние отгоны
И близко их не подпускай уж никогда.

Враги побег проспят, друзья, поняв, конечно же, простят,
Родные будут ждать покорно, чтоб обнять
И верный конь не подведёт, и у любых ворот
Уверен, встретят лишь добром и пустят в дом.
07.01.80.

НЕОСПОРИМО.

Пусть я вчера и пропустил закат,
Пусть я сегодня не был при рассвете.
При всём при этом я же во сто крат
Счастливей тех, кто не живёт на свете.
03.03.80.

СТАРЫЙ ДЖОН И ГРАММОФОН.

Который год уже подряд
Седой и старый Джон

К салуну, всяк ему, где рад,
Подводит свой фургон.

На одряхлевшей кляче
От времени и голода.
За пазухой он прячет
Намытое им золото.

И там играет граммофон.
На нём потрескан глянec.
Он создаёт надёжный фон
Для игроков и пьяниц.

А тот салун, друзья мои,
Он тоже много видел:
И петушинные бои,
И умиравших, сидя.

И старый Джон когда-то
Здесь появился мальчиком.
Любовь свою не прятал,
Был щедрым и запальчивым.

Тогда был тот же граммофон.
Играл во всю он силу.
Ему внимая, юный Джон
Резвился вместе с милой.

Теперь уже прошли года,
И наш дружище Джон
Здесь появляется всегда,
Оставив свой фургон.

И вот сегодня утром
Он снова здесь, заброшенный...
Но, вдруг, опять, как будто
К нему вернулось прошлое.

А это ржавый граммофон
Сыграл мотив забытый.
И вспомнил время старый Джон
Любви своей разбитой.

И невдомёк хмельным друзьям,
Зачем старик вскочил,

Наполнил виски свой стакан
И в миг опустошил,

Метнул зачем-то кости
И кулаком, как молотом,
Разбил стакан и бросил
В рассыпанное золото.

Он для кого-то был смешён,
Кобылу погоняя.
И только старый граммофон
Играл, не уставая.

И снова катится вперёд
По прерии фургон,
И что он ищет, что найдёт,
Не знает старый Джон.

На одряхлевшей кляче
От времени и голода,
За пазухой пряча
Разрушенную молодость.

И он, как будто видит сон
О тех годах забытых;
И еле слышен граммофон,
Лежа в пыли разбитым.
04.04.80.

Я ОТВЕЧАЮ НА ВОПРОСЫ.

Вы не поверите, я слышал сам,
Что то, о чём пишу, не интересно;
А если интересно, то друзьям
Иль бывшим или завтрашним невестам.

Наверное, я в чём-то и не прав.
Я не кричу о трудовых победах,
И строк моих не политичен нрав,
Не вознесу, но и не хаю дедов.

Однажды написать хотел про БАМ,
Да так, чтобы не мельком, полновесно.
Вот это было бы, скажу я вам,
Не интересно, даже и не честно.

Я не был там, поэтому писать
 Пока прав не имею, уж простите,
 И как тайгу нам надо покорять,
 У Евтушенко и других прочтите.

«Он мелок и уж слишком о себе,
 А о большом и пробежать не хочет...», -
 На этой вот начищенной «трубе»
 Играют те, кого достал я «очень».

Я слушаю, киваю иногда,
 Или внимания не обращаю.
 Обидчив ли? Не очень, как всегда.
 Писать же вообще не прекращаю.

Считаю, как здоровый человек,
 И вы меня не переубеждайте,
 Одним велик великий этот век...
 А ну, попробуйте-ка отгадайте!

Вы говорите, миром? Миром да.
 Так будем же в миру и миром живы,
 Спокойны, если далеко беда,
 Не суетливы, не шумны, не лживы.

Не надо, я прошу, перебивать!
 Нет, нет, никто не позабудет войны.
 Должны мы быть, я повторю опять,
 Не успокоенные, но спокойны.

И вот, я говорю перу: «Строчи!»
 Оно мне отвечает тем, что близко.
 Да, что я, право, люди – трубачи?
 Не слишком подпустил ли я вас близко.

Зачем-то оправданья нахожу,
 Как будто виноват.., а, в общем, ладно..
 Пожалуй, до конца вам доскажу –
 Уж больно понавьписалось складно.

Мне интересно написать про лес,
 Про море, память, про мечты и счастье,
 А не про Метрострой или про ГЭС.
 У них лады, им не страшны ненастья.

А мне бывает плохо по ночам,
 Бывает скучно, весело бывает;
 Так лучше я скажу своим друзьям,
 Пусть только им, что я переживаю.

Скажу, пока есть время и язык,
 Пока не чужды ни любовь, ни пир нам,
 Пока ещё не древний я старик,
 Пока спокойно мне, светло и мирно!

«А если?» - говорят, - «А что тогда?» -
 Дрожащие хранила наших судеб.
 - А если ничего, то, что тогда?!
 А если что..., когда..., тогда и будем.
 22.04.80.

УЖЕ ЗА ОКНАМИ РАССВЕТ.

Ребятам стало не до шуток.
 Ребятам стало не до сна.
 Всё больше радостных минуток
 Лукаво дарит нам весна.

И день уже длиннее вдвое,
 Когда до утра он продлён,
 Когда об этом знают двое
 И не настаивает сон.

Весна играла с нами в прятки,
 Когда мы были малыши;
 Но отгадали мы загадки,
 Что нам слышались в тиши.

Теперь-то выспимся едва ли,
 Уже за окнами рассвет.
 Вопросов мы не задавали,
 Но на любой готов ответ.
 25.05.80.

АНТИМИР.

Я вошёл в этот мир,
 Где смешенье веков,
 Где, куда ни взгляни,

Переплетены судьбы,

Где сегодняшний пир,
Словно ключ от оков,
И решётки разрушены.
Славят нас трубы.

Где кто есть, не поймёшь.
Птицы прочат рассвет.
Может мы этот день
Провели вместе в замке.

Вдруг дорогу найдёшь
В век чужой, где нас нет,
И внезапно раздвинутся
Старые рамки.

Тут салат из веков,
Тут людской винегрет,
Тут вампиры и мы
Перемешаны в кучу;

Но не бойся врагов!
В этот мир, в этот свет,
Раз принёс свою кровь ты,
То значит, он лучше.
11.06.80.

ИКАР.

Завтра под вечер опять в полёт.
Небо зовёт к себе.
Вспомнить уж страшно, который год
Падаю я с небес...

Но о мечте не могу забыть.
Крылья опять мастерю.
Ветер скорее устанет выть,
Я же не устаю.

Точно измерен уже разбег,
Выбран давно утёс...
Должен когда-нибудь человек
Всё же достигнуть звёзд.

Думать себе давно не даю,
Выгнал сомненья прочь.
Должен! И крылья свои творю,
Буду творить всю ночь.

Уже, конечно, не в первый раз,
Да и народ не тот –
Раньше отвести и не смели глаз,
Не закрывали рот;

Завтра же, знаю, будут стрелять
И разжигать костры,
Но не могу уже не летать,
Стрелы пусть и остры.
14.06.80.

МИМОЛЁТКА.

Пришла идея мудрецам,
А не послать ли им гонца.

Послали, ждут, пришёл гонец,
Открыли, приняли, конец.
17.07.80.

ВРЕМЕННЫЙ ПРИЮТ.

Зачем бояться тишины,
Когда спокойно море,
Когда на небе нет луны
И не с кем больше спорить.

Ты тихий берег отыскал
И здесь раскинул лагерь.
Спокойны под охраной скал
Приспущенные стяги.

В раздумье на камнях присев,
Ты свет в своей каюте
Расцениваешь, как напев
Чуть слышный самой сути.

Ты не пойдёшь на перевал;
Немного отдохнувший,
Рукой помашешь паре скал

И выстрелишь из пушки.

И снова выглянет луна
И будет улыбаться...
Когда на море тишина,
Зачем её бояться.
08.09.80. пос. Криницы.

РАНА.

Коварные люди поранили птице крыло.
Убежища ищет она и кружит над землёй.
...И что меня вновь в этот маленький двор привело?
И что я ищу здесь? Наверное, встречи с тобой...
Вот, видит спасение птица и, крылья сложив,
Стремится туда, где возможно немного вздохнуть.
...Но что же так сердце стучит и внутри всё дрожит?
Неужто, напрасно проделал я весь этот путь?..
Вокруг всё спокойно, но птичий недуг не прошёл.
Опасности жди, если кажется близким покой.
...И вот твой подъезд. Почему я в него не вошёл?
А вдруг, пока был вдалеке я, ты стала другой...
И птица взлетает опять, силясь боль позабыть,
Не дав передышки, так нужной, крылу своему.
...Туда не пойду я, где могут мне дверь не открыть.
Пусть лучше при встрече внезапной всё сразу пойму...
Для раненой птицы небесный надежнее нрав.
Спасенья не ищет на, боль ей принесшей, земле.
...Ты мне эти мысли прости, я ведь знаю, не прав.
То просто, наверное, боль не стихает в крыле...
20.09.80

ДЕТИ СПАРТЫ.

Ребёнок кричал непонятно, по-детски,
И кто-то из женщин дыхание сжал,
И где-то другой закричал по соседству,
Который здоров и суда избежал.
И крик, раздающийся из колыбели,
Смеялся легко над печалью людской
Тогда, как на острые камни в ущелье
За неполноценностью был сброшен другой.
Таков уж суровый спартанский обычай.
Лишь только ребёнок родится на свет...
И весел, и крепок? Тогда всё отлично,

Претензий к нему у мудрейшего нет.
 А если на вид хиловатый ребёнок:
 То слёзы, то сопли, родимый ли след –
 Тотчас вынимают его из пелёнок,
 И можно считать, что ребёнка уж нет.

Скала над обрывом. Вот-вот и свершится.
 По правую руку с мудрейшим отец.
 И матери сердце готово разбиться,
 Но хрупких не любят спартанцы сердец.
 Ребёнок кричал непонятно, по-детски,
 И кто-то из женщин дыхание сжал,
 И где-то другой закричал по соседству,
 Который здоров, и суда избежал.

Он будет расти – разрешённый ребёнок
 Он всем наделён, ничего не лишён.
 Он – просто попозже намочит пелёнок.
 Да что там, пусть мочит, ведь он разрешён.
 Забудутся слёзы семей неудачных.
 Страна процветает. Спешите во Храм!
 Здоровых-то больше, а как же иначе.
 Всё «кровь с молоком», все «подобные львам».

Но всё ли в порядке у воинов статных?
 На вид – без изъяна, куда ни смотри.
 А сколько извилин дано им на брата?
 Чем головы полны? Что скрыто внутри?
 Какие блуждают сусеками мысли?
 Мудрейший и тот бывший бравый боец...
 И снова мы вышли тропой каменной
 К обрыву скалы, к испытанью сердец.

Не спросят ребёнка, умён или глупый.
 Не может ребёнок ещё говорить.
 И полно ущелье маленьких трупов,
 Лишь эхо злое шепчет: «Умри...»
 Один с головою большой оказался,
 Широкий был лоб у другого дитя,
 А третий руками был слаб... И прощался
 Отец, стиснув зубы и мать отведя.

Ребёнок кричал непонятно, по-детски,
 И кто-то из женщин дыхание сжал,
 И где-то другой закричал по-соседству,
 Который здоров и суда избежал.
 Ещё он никто и не смыслит, конечно,
 Не сделал и шага ещё по земле...
 А вырастет, может быть, станет мудрейшим
 И будет суровой стоять на скале.

30.09.80.

МОНОЛОГ РАНЕНОГО ВОИНА
(из балета « Легенда о Жанне Д АРК»)

Я не был ни труслив, ни пьяный;
Но почему я воин с раной?

Зачем смеётся в зале зритель,
Вы мне ответить не хотите ль?

Я вас прошу, ответ мне нужен!
А может быть, я лишь контужен?

Когда иду, в кулисах тише.
Молчат. Отделались афишей.

Во много было б раз любезней
Дать мне историю болезни.

...Местами помню: лёг к лафету,
Вздремнул, тут пуля рекашетом,

В меня попала – это да...
Не помню только вот,.. куда.

Молчит главврач, молчит и Д Арк;
А я-то, верил им, чудак.

Теперь иной дороги нету,
Как заниматься здесь балетом.

13.12.80.

Из сборника «С КУРАЖУ, А НЕ ИЗ КОРЫСТИ»

ВСТРЕЧА.

Я до сруба добрёл в измождении,
Телом будучи ног впереди.
И топор задержав на мгновение,
Мне хозяин кивнул, «заходи».

Возле печки оттаивать начал я,
Позабыв уж про бородача.
Только он мне из четверти начатой,

Молча, в кружку плеснул первача.

За окном – завывание волчье
И грозы нарастающий гул.
«Эти стены, наверное, прочные», -
Я подумал и тут же уснул.

Забрало, повело, затуманило.
И чего только вдруг не всплыло!
И как леший в чашобу заманивал,
И как лез от русалок в дупло.

И село я видал позабытое,
И сплетённый навек бурелом,
И болото, где нечисть немытая
Ждёт с дарами людей на поклон.

А очнулся укрытый тулупом я.
За окном раздавался топор.
«И на чей, голова моя глупая,
Завела меня ночью ты двор?»

Вот и он. Дверь, скрипя, отворяется.
Питуху, видно, время пропеть.
Дров охапку несёт, ухмыляется.
А ручищи – ну, чисто медведь.

«Кто ты есть, мужичина нестриженный?
Может, дьявол ты с видом людским?
Что найду у тебя я, у рыжего?
Для меня обернёшься каким?»

Знаком он показал – «Поднимайся, мол».
Я поднялся и сел на скамью.
Он картошки и хлеба метнул на стол,
И сказал: «Подожди, я налью».

Мы вчерашнюю четверть прикончили.
Разговорчив не очень он был.
Но, чем было, без жалости потчевал.
Я, его не боясь, ел и пил.

Позабыл я про чёрта, про лешего.
Мой хозяин уже был мне люб.
Уж в уме я ручища не взвешивал,

Будь он даже и впрямь – душегуб.

Так сидели до часа закатного.
 Кое-что, всё же, он рассказал.
 Я бледнел, реагировал пятнами,
 Понял меньше, чем напредставлял.

Утром он проводил меня тропами,
 Не боясь гнили мерзлых болот,
 Соловьёв с колчанами и копьями,
 И русалок, где водоворот.

Он естественно, фразою матерной
 Колдовство, где крушил, где тужил –
 Топором, как заразоискателем,
 След заметный на путь проложил.

Мы расстались под солнцем полуденным,
 Просто руки друг другу подав.
 И насколько уж путь этот труден был,
 Не понять, как и то, кто был прав...

В поле трудно и с гуслиями милыми
 Снова всё постараться напеть –
 Будто соколом, с новыми силами
 Над тем лесом легко пролететь.

Птица что, ведь она безответная...
 - Рыжий! Глянь, старина, на закат!
 ...Из заветной тропа мне запретною
 Стала. Срубы поодаль стоят.
19.02.81.

БЫЛИ-НЕБЫЛИ.

Кто же были вы, кем вы не были,
 Все кого я знал, с кем я дни считал?
 То ли были вы, то ли не были,
 То ли вас не знал, то ль собой не стал.

Где же вы теперь? Где же я теперь?
 Где же это всё? Вообще ли есть?
 То открою дверь, то закрою дверь.
 И уснуть боюсь, и не смею сесть.

Или не жил я, или не был я,
Или это всё лишь казалось мне.
От любой тебя до того меня
Перекинуть мост можно лишь во сне.

А теперь другой, я совсем другой.
Я не помню вас, я не знаю вас.
Когда был с одной, когда был с другой,
Я не помню день и не знаю час.

Много было бурь и лихих погод,
И в снегу лежал, и в дожде я мок...
И возможно, что не один уж год
Прожил я не так, как прожить бы мог.

Кто же были вы? Кем вы не были?
Кем пришли ко мне? Кем покинули?
Мои Были вы, мои Небыли.
Пусть, как годы, вы просто минули...
09.03.81.

КОСЫЕ НИТИ ДУМ.

Шорох ног кругом. Шорох ног.
На зубах скрипучий песок.
И блестит, блестит потолок,
Где небесный свод быть бы мог.

Сотни шёпотов слились в крик.
Вдруг – темно, когда не привык.
И металла слышится визг,
Где мог быть ручей, мог родник.

Сотни фар повсюду горят.
Будто чей-то глаз, чей-то взгляд –
Смотрит в этот раз невпопад,
Когда солнцу я был бы рад.

Норовят меня обмануть,
Своды крепкие подогнуть.
В духоте, за стенами путь.
А ведь ветер здесь мог бы дуть.

Как не мягок шаг, а стучу.
Гулкий мрамор шагом топчу.

Не хочу того. Не хочу.
Я травы зелёной хочу.

Нет, не быль, не сказка, не сон,
И не бредилось мне красой.
Просто думы нитью косою
Замелькали перед грозой.

Где-то есть трава у ручья,
И от солнца небо в лучах,
И гоняет ветер печаль,
И сторонка эта ничья.
07.04.81.

ГОДЫ, БЕДЫ...

Как в далёком раз году
Звал я музою беду...
Звал зайти и звал остаться,
И напрасно, может статься.
Нынче – это не тогда,
Та беда уж не беда.
Но по сей день эта муза
На душе тяжёлым грузом.

Как потом в другом году
Звал в подруги я беду...
Подошёл черёд по кругу,
Стала мне беда подругой.
Наставляла, поучала,
Что потом, а что сначала.
С пользой что, что для вреда,
И не плакать никогда.

В третьем как-то раз году
В сёстры звал к себе беду...
Почитал и уважал,
Никогда не обижал.
Но смеялась вся родня –
Брат не вышел из меня.
Как заветы и обеты,
Оставлялись мои беды.

В позапрошлом раз году
Звал невестою беду...

И хотел назвать женою
 Наступающей весною.
 Только испугался вскоре
 Счастье променять на горе.
 Так ещё одна беда
 Тут осталась навсегда.

В эту пору в том году
 Взял в сообщницы беду,
 На большую, на дорогу –
 Позабавиться немного.
 Сколько б не было их, бед,
 Всё равно, один ответ.
 Вышло, что беда в ответе,
 Я же цел на белом свете.

Ну, а в этом вот году
 Я не звал к себе беду...
 Я наматывал на ус
 Жён, сестёр, подруг и муз.
 Мне б хватило старых бед
 И ещё на пару лет;
 Но сама беда пришла,
 Не спросясь в меня вошла.

В душу часть себя вложила
 И подмену совершила,
 В подсознание, скрипнув дверцей,
 Не забыла тронуть сердце
 И сковать шальные руки...
 Мол, не все постиг науки.
 Мне тогда скажи, беда,
 Ты попутчицей сюда.
18.04.81.

ПОЛПАРТИИ.

Я б за партию эту не сел,
 Но четвёртым меня затащили.
 Я сегодня играть-то совсем не хотел,
 Но они за меня всё решили.

Размешала мы кости. Я взял –
 Что осталось, я взял равнодушно.
 Но опять, как всегда, заходной мне попал,

И уже показалось не скучно.

Я заходчик, привычный удар,
Вздвогнул стол, мне ответили быстро.
Кто сказал, что не нужен к везению дар?
И игре не мешают артисты.

Я завёлся – мотивы стучать.
Камни – чудо, противник не знает.
Только вдруг, неожиданно стал замечать,
Что с ходами меня вынуждают.

Я чужую игру выношу,
Я совсем не помощник партнёру.
И тогда крутанул я разок по бланжу,
И все трое проехали хором.

Мой был рад, он доволен мной был.
Он смеялся, кричал «Молодчага!»
Что четвёрочный дубль я ему обрубил,
Не заметил от счастья бедняга.

Увлекаясь, игру я менял.
За концы мимоходом хватался.
А сосед, тот, что слева, и двоек не брал
И опять виновато катался.

Только всё же я где-то сглупил.
Мне б подумать и вынести три бы.
Но сосед, тот, что справа, шестёрку влупил,
И надсадная вырвалась «РЫБА».

«Посчитайте!» - он грубо сказал,
Шахматист, он рассчитывал точно.
Мой партнёр чуть не плакал, того он не знал,
Что «баяном» я тихо закончил.

Мы на них записали полста.
Удивленье на лицах застыло.
Может, зря, только дальше играть я не стал –
Не хамил, не пижонил,.. остыл я.
15.05.81.

А МИМО ПЛЫВУТ ЧЬИ-ТО БЕЛЫЕ ЯХТЫ.

Не в заботах, не в бедах теперь, не в боях, не в делах ты,
И осталось мечтам доживать всего несколько лет.
Молча смотришь, как мимо плывут чьи-то белые яхты,
Оставляя на море дрожащий и тонущий след.

Ты не знаешь, откуда она – эта белая стая,
Где гнездо у неё и насколько велик переплёт;
И солёные брызги прибоя привычно глотая,
Помнишь ты, что тебя здесь никто не зовёт и не ждёт.

Ощущаешь горячие камни намытого пляжа,
Для которых уже всё равно, что закат, что рассвет.
Сам ты тоже ведь что-то намыл..., накопил или нажил,
Только, вот, позади, почему-то, лишь тонущий след.

Ты любил веселиться, мечтал походить на гусара,
Не давал никогда своей грусти себя победить.
А, как вечер, сидишь ты в углу полутёмного бара,
И не любишь за это себя, но не можешь бранить.

Стая белая, ты уплыла и назад не вернёшься;
Улетела искать место то, где светлей и теплей.
Ну, а сам, неужели и завтра опять, как проснёшься,
Выйдешь на берег вновь в ожиданье больших кораблей?
08.08.81. г. Сочи.

В ОЖИДАНИИ ШТОРМА.

Не прошу я давать мне совет.
Не нарушена прежняя норма.
Удивительно только, что нет
Уж пятнадцать подряд суток шторма.

Мы успеем, наверное, в срок.
Мы уже половину проплыли.
Но ни разу никто не промок,
Разве... Те, что разок перепили.

Капитану не много забот –
Шевели себе тихо усами.
Где бром-стенга, где фок и где грот,
Разберутся на палубе сами.

Ни малейшей опасности нет.
Чистота горизонта бесспорна.

Удивительно только, что нет
Уж пятнадцать подряд суток шторма.

Я хочу, чтоб хоть раз был туман
Или предгрозовое удушье.
Нам не нужен внезапный обман,
Настораживает равнодушие.

Неужели мы сможем пройти
Путь, намеченный без происшествий,
Не собьёмся ни разу с пути
И избегнем положенных бедствий?

Нас пугает немеркнувший свет,
Но не может быть море притворно...
Удивительно только, что нет
Уж пятнадцать подряд суток шторма.

Мы не мало оставили стран,
Проплывая, по правому борту.
Я на палубе. Я капитан.
Своего дожидаюсь я порта.

Хватит нам и рассудка и сил.
Всяк свершенья желаний добьётся.
Ведь давно я команду спросил,
Чего хочет она, к чему рвётся.

Мы не просим давать нам совет.
Не страшась, моря гладь разрезаем.
Мы не шторма боимся, нет, нет –
Ждать откуда его, мы не знаем.
15.08.81. г. Сочи.

СТАРЕЦ.

-Салам алейхем! Здравствуй, аксакал!
Не знаю, как по имени зовёшься.
Я из Москвы, представь себе, «скакал»
Взглянуть, что тут к чему, как ты живёшь здесь.

Молчит старик. На вид не спит едва,
Лишь чётками постукивает мерно,
И простынёй укрытая глава
Кивает – в такт речам моим, наверно.

- Скажи, мудрец, как мне попасть в Дамаск?
По этой запылённой ли дороге?
Старик опять кивнул, мол, в добрый час.
Кивок был убедительный и строгий.

Но что-то сомневаться вдруг я стал.
- Скажи, а как до Босры мне добраться?
Туда? Как в прошлый раз я показал.
И он опять кивнул, поверьте, братцы.

- Ну, чудеса, старик, ты пошутил?
Кивнул из-под простынки мудрый отче.
- Быть может, хочешь, чтоб я заплатил?
Ты глянь, опять кивает, значит, хочет.

Кто, всё же, терпеливее из нас?
Две лиры кинул я и снова к бою.
- Какой, скажи мне, старец, нынче час?
Ответ был «да» склонённой головою.

- Скажи мне, ты вопросы понял все?
Какой язык ты знаешь всех искусней?
Do you speak english? Parle vous francais?
Да? Оба знает?
- А слабо по-русски?

Опять кивнул, Тогда спросил я впрок.
- А может, ты глухонемой, бедняга?
И снова «да». Вот это диалог!
О, вытерпит ли это всё бумага!

Он на любой вопрос в ответ кивал.
И как не уставала только шея.
- Тогда прощай, - я крикнул, - аксакал!
И он кивнул, мол, будь здоров, пришелец.
09.09.81. г. Дамаск.

ДВЕ НОЧИ У БЕРЁЗЫ.

Как в июле однажды пришлось
На берёзу платок мне повесить.
Той берёзе одной не спалось.
Я решил, пусть не спится нам вместе.

Я спросил: «Почему не цветёшь?
 Я верну тебе зелень, ты хочешь?»
 «Я хочу, только ты не вернёшь».
 Пусть вернись даже завтрашней ночью».

Я повесил зелёный платок
 На сухие Березины ветки.
 На ветру, как последний листок,
 Трепетал он порою рассветной.

Так берёза весь день прожила.
 Я вернулся, как только стемнело.
 «Ты пришёл..? Я уже не ждала», -
 Сухо скрипнуло стройное тело.

Я спросил: «Почему не поёшь?
 Я веселье верну тебе, хочешь?»
 «Я хочу, только ты не вернёшь,
 Да и кто веселиться-то ночью...»

Я за стол под берёзою сел,
 Угощенье поставил несмело,
 И все песни свои ей пропел,
 Обнимая за ствол её белый.

Зашумела берёза в ответ,
 Будто вновь оживая ветвями:
 «Ты вернул мою радость, поэт...,
 Хоть её под дурными ветрами.

Ей вернул, а свою потерял.
 Отошёл. Один раз обернулся.
 И по рельсам быстрее зашагал.
 И туда никогда не вернулся.
11.11.81.

БЕШЕНЫЙ КОНЬ.

Вот, такие дела...
 Ветер бьёт ему в лоб.
 Закусил удила
 И ударил в галоп.
 Через снег, через лёд.
 Все подковы разбил.
 Нет важней, чем вперёд.

Обо всём позабыл.
 Не сгорел он в огне
 И петли избежал.
 Конь в скаку «на коне».
 Он от счастья заржал.
 Только сбился слегка
 На чужом рубеже.
 Потерял седока,
 Где, не помнит уже.
 Будто крылья обрёл,
 Будто снова рождён,
 Будто юный орёл
 В жеребце пробуждён.
 Даже топот копыт
 Превращается в свист.
 Он теперь фаворит.
 Он теперь оптимист.
 Кто смотрел ему вслед,
 Лишь моргнул один раз.
 На проложенный след
 Пыль снегов улеглась.
 Он не ждёт ничего.
 Он давно не в себе.
 Нарисуйте его
 У себя на гербе.
17.11.81.

«С ВОЛКАМИ ЖИТЬ, ПО-ВОЛЧЬИ ВЫТЬ».

Зима была морозная. Промёрзло вдохновенье.
 И лошади, устав, неровно сани повели.
 Конечно, я уснул, всего лишь, правда, на мгновенье,
 Но всё же выпал, да на край своей же колеи.

А снилось что-то тёплое, что всё вокруг в порядке,
 И планы грандиозные, в них ногу сломит чёрт.
 Но вот, глаза открыл - лежу, как огурец на грядке,
 А кони, им уж легче, продолжают бег вперёд.

Сорвал я шапку зло, лицо размазал горстью снега.
 Постойте, кони, ведь в санях всё то, чем дорожил!
 Я на коленях в поле - безколёсная телега,
 И мысленная суматоха, и кулак дрожит.

Кусайте землю, мальчик, коли вас берёт досада.

Как спящий сосунок из люльки, выпал из саней.
И время мимо! Я же – мимо денег, мимо сада.
Ничем не остановишь убегающих коней.

А может быть догнать? Я пробежал шагов пятнадцать,
Но снова в снег упал. Уже не видно их вдали.
Кому кричать? Куда теперь за помощью податься?
Осталось лечь в тулуп, свернувшись, в мякоть колеи.

Не слышно Колокольцев, убаюкавших однажды.
И пуст карман, в санях остались водка и табак.
Снег, хоть и чист, едва ль спасёт от голода и жажды.
Вперёд, хоть на коленях, если вовсе не дурак!

Казалось мне, что двигаюсь уже вторые сутки.
На самом деле, солнце даже разу не взошло.
Но вот, со всех сторон раздался вой протяжно-жуткий,
И волчьи тени замелькали, путаясь смешно.

Сначала, было, попрощался мысленно со всеми.
Перекрестился даже, хоть не верю ни на грош.
Ко мне всё ближе волки и отчётливее тени,
Но тянут, не торопятся. Как тут их разберёшь?

Минуту дали лишнюю на жизнь. Её я прожил
Не зря, явилась мысль одна былым делам подстать.
Я пальцем жоака к себе приблизил осторожно.
Он об сапог потёрся, дал за ухо потрепать.

И вот, в одно мгновение вскочил я на волчину.
Он аж присел, но перешёл с рычания на вой.
Тогда, присвистнув, я огрел хлыстом крутую спину
И стаи во главе помчался санной колеёй.

Летели, обгоняя по пути и снег, и ветер.
Мне даже пару раз хотелось волком зарычать.
Вдруг, стоп! Вдали мелькнули мои сани на рассвете.
- Ну, что, волчата, - крикнул я, закрыв глаза, - кончатъ!

Слюнями истекали языки. Стучали зубы.
Я стаю пропустил, сдержав матёрого коня.
Без нас там обойдутся. Даже пересохли губы.
Прощайте, жеребцы, навек, коль предали меня.

...Клубки распались. Будто вспахан снег с землёю вместе.

Наказаны одни, другие мной покорены.
 - Эй, серые, спасибо! А теперь в упряжку лезьте.
 А ты, вожак, уж так и быть, вставай-ка коренным.

В санях я снова в полусне. Вожак я стаи.
 Со мной лихих с десятков. Как по воздуху, несут.
 Волк на волках спешит, и волки сзади подгоняют.
 Уж если выпадут теперь, свои и загрызут.
 25.11.81.

С КУРАЖУ, А НЕ ИЗ КОРЫСТИ.

Толкнул от берега багром я свой чёлн,
 По воде ударил вёслами,
 Поплыл вперёд по воле быстрых волн
 Под нависшими утёсами.

А речка та и вкривь, и вкось норовит,
 Вправо, влево извивается.
 Течение быстрое зовёт и манит,
 Звоном, плеском заливается.

Я вёсла бросил уж на дно челнока,
 Успеваю лишь вырुливать.
 Но нет, для паники-то рано пока,
 Не потонем, леший, будет врать.

Эх, сколько было поворотов лихих,
 Пока плыл я по течению,
 Со скольких речек я челнок свой таких
 Выволакивал в мучениях.

Багром пытался дно достать, не достал,
 А торчат ведь камни острые.
 Какой-то мнительный уж больно я стал...
 В никуда спускаться просто ли?

Или проще позабыть, сколь друзей
 Разнесли пороги вдребезги.
 Потому по сторонам лопухом не глазей,
 Сбереги хотя б свои мозги.

Беги, беги ты, речка живенькая!
 Всё ж не можем мы без скорости.
 Ох, видно будет вечно жизнь такая,

С куражу, а не из корысти.

Но если будет водопад на реке,
Свой челнок покину вовремя.
Уж лучше то, как он погиб налегке,
Крепко – накрепко запомню я.
27.11.81.

Из сборника «ЛАРЕЦ 1982»

ВЕНОК СОНЕТОВ

1.

Переплелось, и вот - венок сонетов.
Но почему бы не баллад букет,
Корзину стансов, клумбу зонгов? Нет,
Сонеты есть вершина у поэтов.

Но я писал потоки этих строк
Не потому, что завистью был мучим
К тем, кто писал сонеты этих лучше,
Увы, я просто промолчать не мог.

И я теперь на этих вот страницах
Забуду обо многих очень лицах.
Рука гудела, мне писать веля.

Сплету венок. Понравится, коль ярок.
Но помню, окрыляя сей подарок,
Не первооткрыватель в стиле я.

2.

Не первооткрыватель в стиле я.
Учителей великих галерея.
Часов, уроки брал я, не жалея,
И дар о вдохновении моля.

Но вот, явилась с опозданием Муза.
Забыто время рифм и строф пустых.
Вновь рвётся на свободу лёгкий стих.
Минуты эти – счастье, не обуза.

Как блеск созвездий, вылетают строчки.
Не ощущаю, что пишу я ночью,
И незаметно явится заря.

Лишь половину я слагаю в звенья,

На два венка хватило б вдохновенья,
Преступник – автор, честно говоря.

3.

Преступник – автор, честно говоря,
Всё перевёрнуто в моём сознание.
Отобрано умение и знание,
И год этот с начала января.

Я прихожу домой, беру бумагу,
И не звоню подругам и друзьям,
И многим прежним доблестным стезям
Я изменил, как раз вкусивший брагу.

Под вечер места мне не отыскать,
Не дам себя жалеть или ласкать,
Уж много дней мне не найти ответа.

Но вот, прозренья, лёгкость, ясность, свет –
Причина чувства – боль, один ответ.
Я понял это с нынешним рассветом.

4.

Я понял это с нынешним рассветом:
Зимою мне теперь не холодней,
Пора настала беспокойных дней.
Но я, не думайте, не за советом.

Я болен, и болезнь моя – любовь.
Больны стихи, пронизанные этим.
Их тоже я закончил на рассвете,
Когда вставала из-за шторы ночь.
Мне Муза даже имя не сказала.
Я посредине мраморного зала,
Сижусь, пишу, от люстр струится свет.

Красивейшие стены в гобеленах,
Но обходя их взором каждодневно,
Пока не вижу выхода я, нет.

5.

Пока не вижу выхода я, нет,
Из осязаемого состоянья –
Сознания сердцу противостоянья –
Всего, что переносится в сонет.

Протянется рука, не бросишь взгляда.
Взлетают мысли, ноги не идут.

Противоречья вечно, там и тут...
Но вдруг, мне это именно и надо?

Как будто тает нависавший воск,
Разбужен, вяло засыпавший мозг,
Цепь дней, своим явленьем украшая.

Я вновь горю, как факел, как ночник.
И каждый час, и каждый Божий миг
В душе моей полемика большая.

6.

В душе моей полемика большая.
Тем, кто восстал всех раньше, был я сам.
И не давал я волю голосам
О том, что чувства действия решают.

Обрёл я равновесие, покой,
И это потерять опять боялся,
И потому, как мог, сопротивлялся...
Но Муза вдруг махнула мне рукой,

И дальше шла, не убыстряя шаг.
Тут первый раз сдалась моя душа.
Я вслед пошёл, с трудом кроссворд решая.

Иду и спорю меньше с каждым днём.
К чему мы дальше с Музой повернём?
Пока живу, тому я не мешая.

7.

Пока живу, тому я не мешая,
Кто вертится вокруг, шумя-вопя,
Со стороны, но пристально терпя,
И ничего пока не совершая.

Себя я должен в мысли укрепить,
Войдя в тот круг, не лишним оказаться,
И лишь потом с другими состязаться.
Должны сплестись волокна крепко в нить.

Не подведёт ли прежнее искусство?
Не буду ли противен взглядом грустным,
Нарушив невмешательства обет?

Не пропущу ли, долго выжидая,
И правильно ли миг свой угадаю?

По времени в запасе пара лет.

8.

По времени в запасе пара лет,
Но, право, этот срок звучит жестоко,
Как тополию – зима в снегу глубоком –
Что помнит пух явившийся на свет.

И я, уверен в том, не выжду срока,
Коль мне махни ещё разок рукой.
Терпения не хватит. Прочь покой,
Любить нельзя лишь на страницах в строках.

Растает снег, родится новый пух,
И новой песней усладится слух,
И прозвучат по-новому все ноты.

И каждый взгляд пусть будет свыше знак.
Что я скажу, ещё никто не знал.
Я не намерен повторять кого-то.

9.

Я не намерен повторять кого-то,
Коль окажусь с судьбой наедине.
Не будет стыдно за меня луне.
Не буду я объектом для остроты.

Любовь не допускает ни подделок,
Ни в объяснение бедность языка.
Уж лучше промолчать наверняка,
Чем заслужить презренье платьем телу.

И каждый вечер в праве светел быть,
И чашу должно до конца испить,
И выйти за открытые ворота,

Не становясь, коль по колени вязь,
И в сапоги водица налилась.
Я ненавижу мелкое болото.

10.

Я ненавижу мелкое болото.
Когда привёл меня сюда мой путь,
Не испугаться, важно, утонуть,
Пусть и безумцем быть в глазах кого-то.

Не медлив шаг, коль чувство велико,
И не свернув, пути я буду верен,

И под ногами ощутится берег,
Пройдусь спокойно там, где глубоко.

Я вспомню, что не встал на полдороги,
Внезапно замочив в болоте ноги,
И с гордостью отвергну чистоган.

А после жемчуг отыщу в песчинках
И, как на театральных вечеринках,
Я не налью шампанское в стакан.

11.

Я не налью шампанское в стакан.
Другого зелья я уже отведал,
И опьянён им, и того не ведал,
Что этим не излечится тоска.

Насочинить, как яду в малой доле:
Привычка возникает и растёт,
Пусть вкуса уж не ощущает рот –
Не гибнешь, но отравлен, и не боле.

Чтоб наслажденье капли вновь вкусить,
Глоток воды достаточно испить,
Вкус творчества ты испытаешь снова.

Допущен ли к колодцу для глотка?
Стихи идут не от любви пока.
За то судим, и строго, и сурово.

12.

За то судим, и строго, и сурово,
И спрошено в брожениях по тропе,
Где прежде ошибался он в судьбе,
Где гладкой не была моя дорога.

Сам расскажу, пусть будет больно даже,
Где странствовал, с кем виделся в пути,
И не переставало ли везти,
Сокровища я или мудрость нажил.

Всё расскажу, зачем же хмурить бровь?
Нарочна сухость встречи – ломка дров,
Не всё обман лукавый то, что ново.

Не слушается без обид рассказ?
Стихи не люди, чтоб дарить им час?

Хотя ни в чём не виновато слово.

13.

Хотя ни в чём не виновато слово,
Ему приказ – работать на меня.
И не прошло без строк ещё ни дня,
Как сделался я больно безголовый.

Хозяин слов своих, но не себя -
Не отпускаем, сдержан с расстоянья.
Нежданно доведённый до призванья,
Подстёгнутый, не то, чтоб торопя.

Уже ли окончательно мне сдаться?
Сказать при Музе главное удастся ль?
Не подарю ли глупость я векам?

Слова, слова, рабы жестокой лиры,
Где те из вас, повесы и задиры?
И сам я, словно пойманный в капкан.

14.

И сам я, словно пойманный в капкан,
И то, что написал, теперь в ловушке.
Мы беззащитны, двое на опушке.
И сердце барабанит по вискам.

Освободимся ли? А это значит,
Взлетит венок и даст свободу мне,
И либо будет счастье при луне,
Либо над ним завялым я заплачу.

Не повторит такого взлёта мозг.
На много лет опять застынет воск,
Короче лишь, увы, свеча при этом.

В замок капкана ключик светлой лжи.
Ещё полны бутоны и свежи.
Переплелось, и вот - венок сонетов.

15.

Переплелось, и вот - венок сонетов.
Не первооткрыватель в стиле я,
Преступник – автор, честно говоря.
Я понял это с нынешним рассветом.

Пока не вижу выхода я, нет.
В душе моей полемика большая.

Пока живу, тому я не мешая.
По времени в запасе пара лет.

Я не намерен повторять кого-то.
Я ненавижу мелкое болото.
Я не налью шампанское в стакан.

За то судим, и строго, и сурово,
Хотя ни в чём не виновато слово.
И сам я, словно пойманный в капкан.
23.02.82.

ПОЦЕЛУЕВ ДЕНЬ.

То там, то здесь, как фейерверка блики,
И бьют в глаза, и режут нежный слух –
Восторженные радостные крики
И нарочитые пожатья рук.

Размазана палитра этих красок,
Улыбки какофонией горят.
Не узнаю и путаюсь среди масок,
Как будто бы, надетых невпопад.

Целуются, целуются открыто
Франческа с Джотто, и Паоло рад.
В обнимку – Капитони с Айболитом,
Степан с Царём, с Одеттою Ротбарт.

Ещё одним ремонтом перекрашен,
Театр стоит и шутит – снова жив.
Мы дружно в хороводе вместе спляшем,
До завтра лишь подножки отложив.

Как родственника встретили Прокопа,
И Дон Жуан всех командоров друг...
А завтра же ведь снова по окопам,
И никаких, к чертям, пожатий рук.

Но это завтра! Нынче день оваций –
Соскучились немножко подружить.
Сегодня мы собрались целоваться,
Обнять друг друга и потормошить.

Сегодня даже можно ошибиться,

Врагу в ответ, улыбку вдруг даря,
Смотря вокруг, забытья и влюбиться
Во всех, себя за прошлое коря.

Аплодисменты зависти и злу я
Готов рассыпать и кричать «Ура!»
Как горячи в порыве поцелуи!
Какая превосходная игра!
8.09.82.

ЗАВТРАШНИЙ ГЕРОЙ.

В который раз, а будто новичок.
Нет, не волнение, скопище предчувствий.
Какой, скажи, по счёту твой порог,
Дверь в новый зал в большом дворце искусства?

Уж образ пойман крепко, как в капкан,
И начинаю с вечера меняться.
Сам постепенно прочь, на задний план,
Плоть уступаю, чтоб он смог размяться.

Он должен влиться полностью в размер,
Заполнить всевозможные пустоты,
Но и не выпирать с боков и вверх,
Не вызывать к себе вопроса: «Кто ты?»

Я должен ему верить и вложить
В него тепло и ум, что мной оценен,
Тогда он сможет вечер свой прожить –
Назначенный фрагмент судьбы на сцене.

А может быть, он завтра поднажмёт
И из спектакля выпрыгнет за рамки,
Со мною параллельно заживёт –
Двойник, соперник и сосед в программке.

Уложенное бережно в строфу
До завтрашнего будет сохранимо.
Герой мой, он на вешалке в шкафу,
Его лицо в моей коробке с гримом.
12.09.82.

СТАДА ПЕРЕЛЁТНЫХ КОРОВ.

По улицам Дели идут и молчат,
Копытный роняя стук.
Идут и жуют. В глазах печаль.
Октябрь. Пора на юг.

Машины стоят терпеливо и ждут.
Стада полумёртвых святых,
Костями гремя, через площадь идут,
И мух отгоняют хвосты.

Ступает спокойно по виду вожак,
И стойкость в бесстрастие морд.
Вглядишься, над рогами, как будто знак.
Он знает об этом и горд.

Прохладой повеяло в эти дни.
Ломит кости недуг.
Всего только градусов сорок в тени.
Октябрь. Пора на юг.

Проспектами Дели коровы идут,
Медленно, дни напролёт.
Привычен им ежегодный маршрут.
Миграция. Перелёт.

Неприкосновенность дарована им —
Не кормят, но и не бьют.
И сыты коровы духом святым,
Живы, пока идут.

По полуострову вниз и назад,
К лету на север опять.
И не беда, что костляв их зад,
Святые должны страдать.

Мимо Госбанка прошёл не встав
Вожак, не повёл и бровь.
Пересекают Индостан
Стада перелётных коров.
17.10.82. г. Дели.

МЫСЛИ, НАВЕЯННЫЕ МУДРОСТЬЮ ВОЗДУХА ИНДИИ.

Я теперь прошёлся и по Дели,
Я теперь Калькутту обошёл.

На меня во все глаза глядели,
Что во мне не так, что хорошо.

Под названьем гордым Индостана
С чудесами древними земля.
Показать им слабость не подстало
И открыто улыбаюсь я.

Под чужую дудку из корзины,
Раздуваясь, не шипи, змея.
Я в гостях здесь, это некрасиво,
Ты должна приветствовать меня.

Вот, слоны, они добры и мудры,
На лице солидности печать.
Я ему «Салют», мол, «С добрым утром».
Он в ответ мне тоже... промолчал.

Нравы непривычные и вкусы.
Но планета ведь одна – Земля.
Так вот, и поэтому индусы
По планетному для нас родня.

Ничего, что в пробковой панаме
Я иду, сощурившись слегка,
На рукопожатье между нами
Я готов, коль чистая рука.

По примеру древнего кумира.
Пусть того потребует игра,
Я готов отпить из кружки мира,
Окунув полтину серебра.

Ну, а то, что до седьмого пота
Перед ними в юбке я скачу,
Это называется работа,
Жажду я того иль не хочу.

Это называется искусство,
С радостью несомое в народ,
В те глаза, где беззаветно пусто,
И в распахнутый от счастья рот.

Я теперь прошёлся и по Дели,
Я теперь Калькутту обошёл.

Многие у них тут не при деле.
Безработица – нехорошо.

Мы до них приехали с балетом,
С озером и стаей лебедей;
А у них не кушают при этом
Регулярно большинство людей.

Пара даровых электростанций
Им пришлось бы больше по душе;
Но пока что хлопают за танцы,
Танцы белых женщин в неглиже.

Индостана гордое название
Долго суждено нам вспоминать:
Кто получит по приезду звание,
Кто-то перестанет выезжать.

Сухость опадающих заметок
Не осветит братски горячо,
Как маргышки прыгают без клеток
И плюют на вас через плечо,

Как толпа ликующе махала,
Не поняв, где принц, а где кощей,
Или то, что рядом с Тадж-Махалом
Познаёшь ничтожество вещей.

Большинство из всех воспоминаний
Оживут через десятки лет
В тот момент, когда перед гостями
Развернёте кипу вы газет.

Но, увы, достойно эпиграммы
То, что уцелеет на листке.
Это даже будут не программы
На родном индийском языке.

Для того ваш суп скучал в пакете,
Чтобы весь гастрольный материал
Вплотил директор на портрете –
Тот, что через месяц бывшим стал.

Под чужую дудку из корзины,
Раздуваясь, вновь ползёт змея.

Как чудна, грязна, дика, красива
Со своею древностью земля.

Ничего, что в пробковой панаме
Я иду, смотря на всё в упор,
Пусть индусы все с двумя руками,
Даже если каждый третий вор.

Я всё время думаю о разном.
Мысли по порядку не лежат.
Здесь на лбу у женщин пятна красным,
А у наших по три багажа.

Здесьшний воздух называют мудрым.
Я его побольше захвачу.
Завтра слон мне скажет «С добрым утром»,
И в ответ я тоже... промолчу.
20.10.82.

Из сборника «ФАНТАЗЁР»

ДИАЛОГ.

- Влюбляться, не устал ли ты? –
Спросил старик юнца.
- Все в мире не сорвать цветы
Для одного венца.

- Устать влюбляться – это смерть, -
В ответ сказал юнец.
- Намного радостней смотреть,
Когда пышней венец.
01.02.83.

НЕ СПЕШИ, ВЕСНА...

Я на мартовских заснеженных сюжетах
Отыскать пытался путанный свой путь.
Но в душе боялся каждого рассвета.
На весеннюю тропинку б не свернуть.

Слышал я, что даже песни потеплели.
У природы только всё наоборот.
Не спеши, весна, с любовью и капелью,
Подожди, пока растает старый лёд.

Я нащупал своим посохом дорогу,
Хоть и был уже до пояса в снегу.
Вижу сани. Мне осталось лишь немного,
Только выбраться и вспрыгнуть на скаку.

Я взглянул на солнце – налилося кровью.
Значит, завтра по морозу вновь взойдёт.
Не спеши, весна, с капелью и любовью,
Подожди, пока растает старый лёд.

Эх, пегасы, дорогие, что вас гонит!?
Только крепко вожжи я зажал в руке.
Как-нибудь потом расскажите мне, кони:
Где ваш кучер, почему вы налегке...

Не спеши, капель, с любовью и весною,
Подожди, пока растает старый лёд.
Мы, наверное, сюда вернёмся снова
Ближе к осени, а может, через год.
06.03.83.

КОРАБЛЬ НЕ УМЕЕТ В НОГУ.

Узлы обратно дорогой
Мотал он, не спеша.
Сам по себе, ни с кем не в ногу,
Свободная душа.

Всё побережье под прицелом,
Наличие бумаг.
Не флагман, но один и целый,
Не опуская флаг.

Он просто долго не остался.
Опасно, говорят.
Завоевал и возвращался,
Обратно – не назад.

В кают-компании все мысли
Гнездились наперёд.
Не ищут тут двойного смысла.
Где в море поворот?

Уже, наверное, двенадцать,

Но это не беда;
 Не ищет он, куда податься,
 Домой идёт всегда.

В свой порт, к любимому причалу,
 На пару дней на цепь.
 В какую новое начало
 Его закинет «степь?»

В какую сторону наклонит
 От ветра пики мачт?
 На берегах каких колоний
 Теперь раздастся плачь?

Он шёл обратной дорогой.
 Свой стиль. Своя волна.
 Корабль не умеет в ногу,
 Не зацепить бы дна.
 30.03.83.

МНЕ В ГОЛОВУ...

Когда придёт конец моим скитаньям,
 Сесть, отдышаться б и воды испить!
 Весна грозит мне новым испытаньем.
 Готов и жду, не смею отступить.

Пружину механизма закрутило –
 То в жар, то в холод где-то там в груди.
 И в голову никак не приходило,
 Что столько может в голову прийти.

Засвечиваю плёнки, много брака,
 Мощь памяти дробится в слабый смысл.
 Событий хоровод кружит, однако.
 Не приглянись, а позже не приснись!

Тут не желанен, там не подфартило,
 Где, не познав, сумел перерасти...
 Но в голову никак не приходило,
 Что столько может в голову прийти.

Я полон весь живейшего участия
 К своей персоне, не касаясь дна.
 Большие бури – малое ненастье,

Потеря – неудача, не беда.

О передышке молит и Светило,
Встреч ожидая на своём пути.
Мне в голову никак не приходило,
Что столько может в голову прийти.
16.04.83.

ФАНТАЗЁР.

Плывёт его отважный
И дерзновенный флот
Корабликов бумажных,
Попав в водоворот.

Неясные картины
Запутанных эпох,
Зверинец пластилинный
И закулисный мох.

Певец своих мечтаний,
Уложенных в строке,
Построил город зданий,
Стоящий на песке.

Завёл семью и близких,
Прекраснейших людей –
Для главного артиста
Театр из теней.
19.04.83.

ДОПИТАЯ ЧАША.

Я попал в этот город с толпою гостей,
С балаганом весёлых актёров.
Как подарки, несли мы поток новостей
И на улицах пели все хором.

Нам из ратуши вынесли чаши с вином
Бургомистр и группа актива.
Глубока была чаша, с невидимым дном,
И уж явно не с аперитивом.

Представленья любили у них в городке,
Ну, а нас полюбили давно.

Мы привыкли к цыплятам в актёрском пайке
И называли гастроль эту главной.

Мы считали, что звёздная наша пора
Вместе с формой приблизилась к пику.
Выдавали такие, порой, номера,
Что толпу доводили до крика.

Шёл второй уже год. Я полчаши отпил,
Но до дна далеко, видно, было.
Бургомистр нас новым контрактом скрепил,
Ведь программа была не унылой.

Фейерверки включили мы в репертуар,
Пригласили факира с мартышкой.
Остающийся на ночь в цветах тротуар
После нас, украшал городишко.

Мы царили, и шла наша жизнь ходуном,
Отвергали другие гастроли.
Нас уже приглашали почти в каждый дом,
Бургомистр просил себе роли.

Ещё год с половиной, как миг, пролетел.
Делал я по глотку каждодневно.
И чем дальше, тем я всё сильнее хотел
Чаши дно увидеть непременно.

Вот, однажды накрыли нам в ратуше стол.
Весь актив собрался там и власти.
Приближалась развязка, которой никто
В нашей труппе не ждал, веселяся.

Мы гуляли всю ночь. Не кончался поток.
Я уж думал, у чаши не раб ли.
Но один мой огромный и жадный глоток
Оказался последнею каплей.

По утру же столпились мы, молча, в окне.
Вы бы видели лица актёров.
Там какой-то индус восседал на слоне,
И сбежался почти уж весь город.

Бургомистр наш потчевал зверя хурмой,
А в индуса летели букеты.

Чаша выпита. Всё. Не пора ли домой?
На слона не досталось билетов.

Мы из города вышли весёлой толпой,
Специально состроив гримасы.
В свой театр мы спешили знакомой тропой,
Где серьёзные люди у кассы.

Фейерверка на время погаснет пусть свет.
Всю дорогу мы пьесу писали.
В ней вопрос своевременный: быть или нет...
Но как примут, ещё мы не знали.
30.05.83.

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ БЕЗ ОТВЕТОВ.

Ирине Вариченко

Свои нервы не жалея, провожаем и встречаем,
И становится привычна кутерьма.
Почему же часто рядом мы того не замечаем,
Что с разлуками лишаемся ума?

Забываем мы, беспечно расслабляться разрешая,
Жизнь одна – и коротка, и дорога.
Почему же очень часто мы себе, увы, мешаем
Своих собственных желаний достигать?

Добиваясь равновесия, смеемся мы и плачем,
Упустив и не преследуя весны.
Почему же очень часто для решения задачи
Ситуации конфликтные нужны?

С детства раннего привычно огибать по краю площадь,
Даже если нет движения на ней.
Почему же на бумаге всё понятнее и проще,
Ну, а в жизни обязательно сложнее?
02.06.83.

Я РЕШИЛ НЕ ДУМАТЬ О ДРУГОМ.
(триолет)

Ирине Вариченко

Я по памяти лихо промчался,
И скакун, отдуваясь, притих.

Сотни раз я с тобою встречался
Неожиданно в мыслях своих.

Как в музее, сомненья-волненья,
Оставайтесь-ка вы под стеклом.
Окончательно это решение,
Я не думать решил о другом.

Если я покорён и захвачен,
Глупо думать, что это пройдёт,
И настраивать мысли иначе,
И сбивать их логический ход.

Я по памяти лихо промчался,
И скакун, отдуваясь, притих.
Сотни раз я с тобою встречался
Неожиданно в мыслях своих.

Иногда, не исчезнув с рассветом,
В голове у меня ты весь день.
Я ж присутствую просто при этом.
Говорю, и работать не лень.

Ощущение стаей влетело –
Не уйди из меня, вечно будь!
И подвигни на верное дело,
И направь же на правильный путь

Я по памяти лихо промчался,
И скакун, отдуваясь, притих.
Сотни раз я с тобою встречался
Неожиданно в мыслях своих.

Как в музее, сомненья-волненья,
Оставайтесь-ка вы под стеклом.
Окончательно это решение,
Я не думать решил о другом.
12.06.83.

НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГРУСТНЕЕ.

Ирине Вариченко

Тихая зелёная аллея,
Словно жизни вьющаяся нить.
Ничего не может быть грустнее,

Чем в подобный вечер побродить.

Солнцу, ослабевшему в закате,
Ярко осветить тропу не в мочь –
Будто извиняется и платит
Золотом за будущую ночь.

Звёзды уже в небе показались
Зрителями бледными из лож.
Сколько им, далёким, здесь сказалось,
Что не может походить на ложь.

Показатель времени жестокий,
Убегающего, мил и прост –
Не слышны шаги в траве высокой,
Через плиты выбившейся в рост.

Вот, уже вступает всё смелее
Лёгкий ветер с шорохами в связь –
В тихую зелёную аллею
Сумерки спустились, не спросясь.

Грустная награда – нету лада –
Вечер одиноко побродить.
Просто, в это время я не рядом
С той, кого случилось полюбить.
02.07.83.

МИНИМУМ И МАКСИМУМ.

Ирине Вариченко

Я доволен тем, что со мною вышло,
У судьбы такая лёгкая рука.
Я, как минимум, хочу тебя услышать,
А как максимум, взглянуть наверняка.

Цепь нюансов деликатней звуков скрипки
И нежнее родниковых тонких струй,
Я, как минимум, хочу твоей улыбки,
А как максимум, хотя бы поцелуй.

Пусть не кажется, что я желаю много,
Ты вольна мне ничего не обещать,
Я, как минимум, хочу беседы долгой,

А как максимум, её не прекращать.

Только, не рискуя оказаться чуждым,
Мне свою проблему не легко решать.
Я, как максимум, хочу тебе быть нужным,
А как минимум, хотя бы не мешать.
01.09.83.

ЛЕШИЙ.

Ирине Вариченко

Я тебя в свой лес не приглашаю,
Я могу один в лесу прожить,
Ничего себе не разрешая,
Но и, не пытаюсь запретить.

Не считаю в соснах повороты,
С направленьем путаю длину,
Без на лбу написанной заботы,
В будни уважая тишину.

Я тебя в свой лес не приглашаю,
И меня сюда никто не звал,
Я совсем недавно ощущаю
То, что он меня зауважал.

То, что стал моим, хотя б частично,
Что друг друга стали понимать,
Но не всё здесь так категорично,
Как бы мне хотелось показать.

Я тебя в свой лес не приглашаю,
Не приходят гостем в этот лес.
Просто как-то вечером решают,
Что пришла пора селиться здесь.

И идут не ждать забав и чуда,
Не пугаться звуков темноты,
А понять и выучить – откуда,
Поллюбить за то, что не просты.

Я тебя в свой лес не приглашаю,
Узкую тропинку проторя,
Ничего вокруг не запрещаю,
Но и разрешенья не даря.

Ты войдёшь, когда придёт желанье,
 Если вообще оно придёт,
 В этот лес полями и долями
 Правильно тропинка приведёт.

Я не знаю, сколь он обитаем –
 Этот лес – я сам здесь новичок,
 Но тебя найду, во тьме узнаю –
 У меня в петлице светлячок.

В соснах повороты не считаю,
 Куролесы лешего в ходу.
 Я тебя в свой лес не приглашаю,
 Но чем дальше, тем сильнее жду.
 02.09.83.

ОПОЗДАНИЕ.

Ирине Вариченко

На ощупь дождь холодным был мокрым,
 За шиворот уже лилась вода,
 Добротню заколоченные окна –
 Сознательно забытые года.

Но доски оторвать с ворот придётся,
 Коли забыли, заметя следы,
 За домом во дворе на дне колодца
 Старинный текст: секрет живой воды.

Трава-крапива парковой решёткой
 Строптиво встала в толстых шесть рядов,
 Не богом здесь покинутый ещё край,
 Но людям вспоминается с трудом.

Загнав приличных лошадей с десятков,
 Тогда лишь ощущаешь свой секрет,
 Вкус капель на губах горяч и сладок
 И сколько-то сулит вакантных лет.

Последний ужин грянет здесь со скрипом
 Несмазанных и сорванных петель...
 Но нет колодца... Он давно засыпан...
 И обезглавлен мощный журавель.

Неслабый праздник! Повод и причина
 Явиться не изволили сюда,
 Живительная влага не смочила
 Сухое горло, как и полость рта.

Довольствоваться дождиком придётся,
 Смягчающим следы крапивных жал,
 А в битых окнах пляшет и смеётся
 Последний – вместо ужина – пожар.

Теперь бы спать неделю без просыпа
 Иль к горизонту мчаться на коне.
 Секрет живой воды землёй засыпан,
 А тайна сруба мёртвого в огне.
 07.09.83.

ДОЖДЬ ПРОШЁЛ.

Ирине Вариченко

Это не начало длинной повести,
 Не эпиграф строк этих предел:
 Дождь прошёл, и воздух чище совести
 И прозрачней помыслов и дел.

Перспектива открывалась та ещё:
 Обивая позолоту крон,
 За рекой шумело нарастающее,
 И темнел над лесом небосклон.

То и дело яркую засечину
 Молнии врывающийся блеск
 Заносил на небо и высвечивал
 Зеркало реки и каждый всплеск.

С берега же противоположного
 Несколько внимательных пар глаз,
 Нет переживания в них ложного,
 Не на них водица пролилась.

Почему не жмутся утки к берегу?
 Посреди реки они смешны...
 Были наблюдавшие уверены,
 Что надёжнейше защищены.

Не пройдёт лавина, воды льющая,

Над переградившей путь рекой,
В этом их уверенность растущая
Троила и наглость, и покой.

Не хватало ветра дуновения,
Чтоб с небес несущийся поток
Гладь перешагнул в одно мгновение
И над берегом другим возлёт.

Всё здесь было так же: гром и молния,
Тот же шум, но громче во сто крат,
Гневом ли была стихия полнена,
Или била слепо наугад?

И опять не жмутся утки к берегу,
Птицам отряхнувшимся смешны
Те, кто были так в себе уверены,
Что надёжнейше защищены.

Это не конец внезапный повести,
Не измерен смысла строк предел:
Дождь прошёл, и воздух чище совести
И прозрачней помыслов и дел.
08.09.83.

МНЕ ОТВЕЧАЛО ЭХО.

Ирине Вариченко

В одиночестве будучи, видно, для смеха,
Я беседу завёл без свидетелей с эхом.

- Что меня занимало последние годы?
Что меня поднимало в любые погоды?
Ты ответь, если знаешь, веселое эхо!

И ответило эхо:
- Потеха...

- Что давно уже сделалось целью в дороге?
Что при том в постоянной нуждалось подмоге?
Ты ответь, если знаешь, мне, мудрое эхо!

И ответило эхо:
- Утеха...

- Чем теперь объяснить, что себя не узнать мне?
 Чем, порой, становился я, можно понять ли?
 Ты ответь, если знаешь, печальное эхо!

И ответило эхо:

- Помехой...

- Где возможно решение главной проблемы?
 Где есть пристань любви для души утомленной?
 Ты ответь, если знаешь, правдивое эхо!

Не ответило эхо...

Даже для смеха.

09.09.83.

ФАНТАЗИЯ ДЛЯ ТИШИНЫ ТЁМНЫХ УЛИЦ.

Ирине Вариченко

Какофонии города смена приходит,
 Как настрою оркестра со взмахом руки.
 И затихшие улицы вдруг в хороводе
 Закружатся. Их звуки нежны и легки.

Здесь слышна из раздумий скрипичная тема,
 Как со вздохом, порой, с переборами арф,
 Звук объёмен, за каждой мелодией тени
 Подпевают, внезапно при отблеске встав.

Вот, рояль, зазвучал, он ведёт утверждая,
 Он привычно увлék и привычно проник,
 Но какое-то «до» в темноте западает,
 Там конец переулка, там ночь и тупик.

Повороты плавны. Что за звук их сменяет?
 Это песня тоскующей гордо трубы,
 Нет, не плачет, но ведаёт мудро, что знает
 О ненужных антрактах звучащей судьбы.

Вдруг литавры, как вспышка секундная света,
 Барабанная дробь – неудавшийся гром,
 Дребезжат колокольцы – в воде две монеты,
 Под ногами лежащие кверху орлом.

Слышный мне лишь ансамбль переулков и улиц
 В свете окон, как будто пюпитра огней,
 Партитура из многих фрагментов, из рук, лиц,
 Не звучащая при светлой ясности дней.
 16.10.83.

Из сборника «У ЗЕРКАЛА»

КОГДА ИЗВЕСТНЫ ВСЕ ОТВЕТЫ.

Ирине Вариченко

Какой быть должен год и день, и месяц?
 В каком часу и на какой минуте
 Ты должен будешь, всё тончайше взвесив,
 Не ошибиться на своём распутье?

Как выгадать умело обстановку,
 И точно зная, помнить, где не место
 Язык свой пережёвывать неловко
 И ждать недоумения невесты?

Где взять зимой в часу девятом розы?
 Как быть, когда не можешь быть смелее?
 Какую руку протянуть с мороза
 К висящей за спиною батарее?

Как подыскать слова не на бумаге,
 Когда уже привык к немым победам?
 Как объяснить отсутствие отваги
 И надобности в собственных обетах?

Как передать накопленное сразу?
 Как уберечь от множества ошибок?
 Как, подойдя, прильнуть губами к глазу,
 Чтоб это все проблемы разрешило?

Как говорить почти, что на год позже,
 Чем первый поцелуй украсил губы,
 Чтоб знала, не хитёр и осторожен,
 А просто сам не понимал, что любит?

Какой тут опыт может быть, уменье,
 Какие, к чёрту, навыки в общенье,
 Когда не можешь сделать предложенье,

Не вызвав на лице недоуменья...

Как мыслишь ты назвать её невестой,
 Когда не можешь выбрать подходяще
 Ни нужный день, ни час, ни даже место,
 Ни быть галантным в этом и изящным...

Как косо не смотреть в ответ на косо?
 Как дружеского избежать совета?
 Как отвечать на множество вопросов,
 Когда давно известны все ответы?
 14.02.84.

С ВИДУ – ТО Я НА СЦЕНЕ.

Ирине Вариченко

Мне днём сновидений потоки,
 А ночью не спится всё чаще,
 И вновь недописаны строки,
 И шепот какой-то кричащий.

И я говорю – безотчётно,
 И думаю я – еле-еле,
 Девятку ищу вдруг на чётной
 Плющихинской субпараллели.

Мне жить надоело хорошим,
 Мне быть надоело худым.
 И я всё чаще непрошен,
 И молнии с громом – в дым.

И день мне любой не ценен,
 Пред зрительскою толпой –
 С виду-то я на сцене,
 Но в мыслях целуюсь с тобой.
 15.02.84.

Из сборника «ОБРЕЧЁН ЛИ НА ОДИНОЧЕСТВО?»

ТЕРПЕНИЕ.

Напрасно мужик первобытный в кустах
 Топор от досады раскусывал.
 Мол, нету добычи, пещера пуста,
 Хотя и капканы искусные.

Не ведал, что мамонт в пути уж его,
Не слышал глухого сопения.
А нужно-то было – всего ничего –
Терпение, только терпение.

Был юн и весьма недалёк трубадур,
Спеша, позабыв про манерности,
К своей госпоже дотанцовывать тур...
С ключами от пояса верности.
Не ведал он, что не сносить головы.
Вернулся гонцом невезения
С дороги барон. Не хватило, увы,
Терпения, только терпения.

Старатель, промывший камней миллион
С участка забитого прадедом,
Всё проклял и, виски открывши галлон,
Прозвал свою жилу ненайденной.
Не ведал, что прадед был мудрый старик
И клад свой зарыл в упоении
Под деревом тем, у которого сник,
Кому не хватило терпения.

Впитавши всю пыль городскую собой,
Забрызганный микрорайонами,
В поту ты с работы вернулся домой –
В квартиру, тобой заселённую.
Не ведал того, что направился зря
Ты в ванную для омовения.
Горячей воды в доме нету с утра...
Терпение, друг мой терпение.

К чему это всё, непонятно пока.
Пишу, ноги свесивши с берега.
Итог подвести не мешало б слегка,
Открыть небольшую Америку.
О чём же стихи эти, спросите вы,
Мол, нету единого мнения.
Напрасно, прошу, не ломать головы.
Терпение, только терпение.

Когда послезавтра уйдёт во вчера,
Не канут впустую усилия.
Скорее всего, что наступит пора
Гармонии и изобилия.

Историки – люди с понятием, не врут,
 Такое моё разумение.
 Не мы, так другие, глядишь, доживут...
 Терпение, нужно, терпение.
 30.05.85.

НЕДЕЛЬКА.

Это не виденье, не русалкин мельник.
 С добрым утром, Лёня, князь ты наш удельный.
 Просто, как сомненья в завершённом деле,
 Никому не нужен в жизни понедельник.

Собираю мысли во едином стоне,
 И пройду я тою тропкой проторённой.
 Он такой бескрайний, он такой просторный...
 Я чужих не знаю, мой же мил мне вторник.

Мелкой птахой утром, соколом с обеда,
 Разгоняя взглядом мелочные беды.
 Составляя выбор с видом привереды,
 Так необходимы суетные среды.

Побежали быстро по колёсам белки,
 И забил внезапно дождь по стёклам мелкий.
 Кто взойдёт, не вспомнит про того, кто свергнут.
 Многие загадки кроются в четверге.

Сбудется желанье, будет нам приятно.
 Где шероховато, там наводят глянец.
 Где должно быть чисто, там исчезнут пятна.
 Не бывает стыдно к окончанью пятниц.

Эх, влюблюсь сегодня я опять в кого-то,
 И опять не хватит нынче мне чего-то,
 Не отпустит снова допоздна работа...
 Говорят, что это, вот, и есть суббота.

Не случилась свадьба, не пошло веселье,
 С балаганной шуткой, с глупой каруселью.
 Тени-полутени понабились в сени.
 Это, без сомненья, было воскресенье.
 08.06.85.

ЛЮБИТЕ НАС.

Весенний теплый дождь,
 Поток живой воды –
 Он отрезвляет нас, и он нас будит.
 С асфальта городов
 Он смывает все следы.
 Любите нас, и мы вас не забудем.

Ты с чувством повторил
 Любимый свой романс
 И розовым коням во след ускочишь.
 Написан про других,
 Теперь звучал про нас:
 Мы не жалеем, не зовём, не плачем.

Есть тёмные очки
 На зеркале души,
 Есть рифмы и игрушки и резоны.
 Пока ещё нас ждут,
 Мы можем не спешить
 И не копить монет для телефона.
 01.07.85.

КОМЕДИАНТЫ.

Заходите, люди, в гости!
 Посетите балаган!
 Мы за рублик на помосте
 Разыграем пьеску вам.

Мы поднимем настроенье
 Вам, уставшим после дел.
 И станцуем в упоенье,
 И споём, кто как умел.

Посмотрите в лица наши,
 Неужели, не смешно?
 Нет носов подобных краше
 Даже в западном кино.

И глаза у нас косые,
 И большие языки –
 Мы ребята не простые,
 Нам любой трючок с руки.

Посмотри, как дядя скачет,
Словно пёсик, хвост трясёт,
А ведь день всего не плачет
И всего два дня не пьёт.

Но другая половина
Нашей жизни не важна!
Смейся вместе с арлекином,
От него ушла жена.

Не увидите по лицам
И не сказано у касс,
Что в какие-то страницы
Жизнь не вписывает нас.

Вам не важно настроенье,
Что царит в душе моей,
Важно вам моё уменье,
Важен мастер-лицедей.

И встаю я на ходули,
Отрываюсь от земли,
Чтоб вы часом не зевнули
И на завтра вновь пришли.

Не пройдите мимо, братцы!
Пожелайте посмотреть!
Вам за рублик посмеяться,
Нам бесплатно постареть.

Не хотите ли сюрприза?
Не вернуть ли каламбур?
Ну, как вывернет кулисы
Развесёлый трубадур.

Смачно разыграв приманку,
Я взмахну сейчас рукой
И открою вам изнанку
Всея актёрской мастерской.

Все печали и заботы
Вылью вам на пиджаки –
Пару вздохов от работы –
Мы на шутки мастаки.

Мы расскажем, что нас душит,
Не пускает от земли.
И придётся вам послушать,
Ведь заплачены рубли.

Вы услышите не сказки,
Не пустой словесный звон,
Что скрывает эти маски
И потрёпанный фургон.

И не затыкайте уши,
Не по нраву будет коль!
Раз пришли, придётся слушать,
Что таит какая роль.

Что, вот, эта акробатка
В лихорадке восемь дней,
Что тошнит её украдкой
С каждым выходом сильней,

Что факира обобрали,
Кто-то, кажется, из вас.
Это б вынес он едва ли
Будь не с нами бы, сейчас.

А кумир – мешочек смеха,
Укатавший вас до слёз,
Из-под купола в утеху.
Раз паденье перенёс.

И теперь он лишь смеётся.
Набекрень совсем мозги.
Так живёт под вашим солнцем
Потерявший две ноги!

Засвистели! Зашумели!
Номер надо объявлять.
Нет, сегодня не сумею
Я вас круто напугать.

Запьянел с аплодисментов.
Настроенье угадал.
Хватит мне экспериментов,
Я их в жизни повидал.

Вам понравилось, не так ли?
Мы бисируем, друзья.
Не могу конец спектакля
Просто так испортить я.

Не по тем нас судят меркам.
Им плевать среди витрин,
Что в разгаре фейерверка
Застрелился арлекин...

Посетите заведение!
Загляните в балаган!
Только рубль, и настроенье
Мы поднимем шуткой вам...

Все в фургоне? Шибче, кони!
Коль догонят, так побьют!..
А за занавесом стонет
Неузнавший правды люд.
11.07.85.

ДЕВОЧКА ИЗ ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА.

Ирине Вариченко

Опадают у букета лепестки,
И похоже это на паденье слёз,
Начинаю вспоминать я от тоски,
Кто его мне на спектакле преподнёс.

Помню девочкины ясные глаза,
И она была скромнее тех, других,
Я ей, кажется, спасибо лишь сказал
И не задержался рядом ни на миг.

Увела меня богема до утра,
И цветы по вазам мама разнесла,
А сегодня я увидел, что пора
Лепестки собрать сухие со стола.

И как будто вновь девчонкин ясный взгляд
В распутившихся бутонах увидел,
Я своё спасибо брякнул невпопад,
Неужели, я тебя не отгадал.

Как же я со сцены их не видеть мог,

Эти девичьи раскрытые глаза.
 Каждый падающий новый лепесток,
 Как скатившаяся горькая слеза.

Я не трону увядающий букет
 До тех пор, пока не встречусь с нею вновь,
 Может быть, она приходит на балет,
 Ну, а может быть, здесь кроется любовь.
 13.07.85.

ТЫ СЕГОДНЯ ЗА МНОЙ НЕ ХОДИ.

Ты сегодня за мной не ходи, дай побыть одному.
 Дай собою побыть. Дай в свою атмосферу вернуться.
 Получается так, что, порою, я сам не пойму,
 Где артист, а где образ, настолько их грани притрутся.

Ты сегодня останься на сцене, ночуй без меня.
 Пусть я в снах не увижу однажды твоих приключений.
 Я за вечер отдал тебе столько святого огня,
 Что могу в эту ночь удалиться, погаснув с почтеньем.

Ты сегодня за бегство моё меня должен простить.
 Ты был больше меня, значит должен быть великодушной.
 Для тебя моего сам я должен весьма подрасти,
 Или завтра тебе в моей шкуре окажется душно.

Ты сегодня попробуй подумать, пока я тут сник,
 Что находим друг в друге и то ли потом исполняем;
 Ведь один я, а ты бесконечно всегда многолик,
 И хоть боремся мы, но друг друга собой дополняем.

Ты сегодня побудь без меня – это я заслужил –
 Посвяти эту ночь духам сцены, кулис и карманов.
 Я в какой-то там раз, твою жизнь не противясь, прожил
 Так пойдя, погуляй и не снись. Я желаю тумана.

Ты сегодня не будь моей тенью в дороге домой
 И лицо не меняй, мои мысли назад возвращая.
 Пусть, дойдя до двора, окажусь я внезапно собой,
 И соседи узнают меня, когда их повстречаю.
 20.07.85.

ВСТРЕЧА В ОКЕАНЕ.

(Из воспоминаний о Японии.)

При взошедшем по туману солнышке,
Зная, что не будет урагана,
Утлые японские судёнышки
Бороздят просторы океана.

Белыми барашковыми волнами,
Брызгами, омывшись, как слезами,
Промышлять выходят рыбной ловлею
Смельчаки с раскосыми глазами.

Ни одна рыбёшка не упущена.
Тщательно просеивают воды,
Провожая взглядами хитрющими
Шумные туристов теплоходы.

Паруса с неправильными формами,
Словно в ванной детские игрушки.
Их так много, что вполне довольны мы,
Что не ставят на такие пушки.

Мы плывём, не ведая пока ещё,
Каковы их утренние планы:
То ли на воде толпа встречающих,
То ли авангард морской охраны.

Дружественно машем мы руками им.
Ждём в ответ японские улыбки.
Нам – по курсу встреча с Йокогамою,
Рыбакам же – рыбки, рыбки, рыбки.
09.08.85.

ДАНСИНГ.

Он считался, да и был артист балета,
А по сути дела просто инвалид.
И с друзьями не скрывал свой взгляд на это,
Но при зрителях старался делать вид.

Он давно уже не отдыхал на море –
Всё творил здоровью хрупкому во вред;
Но теперь свершилось, прибыл в санаторий,
В лоно ванн, массажей, грязей и диет.

Он безропотно включился в распорядок.

У врачей послушным пациентом слыл.
Уж и сон послеобеденный был сладок,
И балет он свой, казалось, позабыл.

Но под вечер как-то, кончив процедуры,
Он услышал звуки танца за окном.
Там кружились неуверенно фигуры
Не ушедших в санаторное кино.

Он сначала фыркнул с недовольной миной,
Но не смог в палате долго усидеть
И решил пройти, сторонкой будто, мимо,
И одним глазком на это поглядеть.

Он к танцующим был в полуобороте
И старался любопытства не казать,
Но не спрашивали ноги об охоте
И пытались к центру круга ближе встать.

Пробежала дрожь знакомая по телу,
Стал постукивать мелодии он в такт.
И стоял бы так, но на него глядела
Симпатичная девчонка, мол, чудак.

Что ж стоять, когда и музыка играет,
И желанье, видно, есть потанцевать.
И пустилась в круг, игриво извиваясь,
И артист вдруг захотел её обнять.

Он не выдержал, рванулся вслед за нею,
И никто не попытался спорить с ним,
Своим телом упоительно владея,
Звук любой в движенье делал он живым.

Среди топающих в танго ветеранов
И танцующих друг с дружкой старых дев
Он казался долгожданным ураганом.
Как, настигший стадо серн, голодный лев.

И проказница заметила партнёра,
Улыбнулась и сильнее повела.
Ну, да это не проблема для танцора,
Закусившего в заводе удила.

И уж всё почти вокруг остановилось.

Танцевальный марафон – столь редкий акт.
Только двое в вихре музыки кружились,
Отдыхающие хлопали им в такт.

Но внезапно танец резко оборвался,
Вспыхнув, замер, будто вдруг перегорев.
Хруст и скрежет оглушительный раздался,
И девчонка закричала, замерев.

Он, конечно, до конца артист балета,
Хоть по сути дела просто инвалид.
Пусть с друзьями не скрывал свой взгляд на это,
Но при зрителях старался делать вид.

Он, танцуя, позабыл про сто болячек:
Про мениски, про ахиллы, позвонки...
И свалился, словно загнанная кляча,
Весь рассыпался на части и куски.

- Вот трагедия, а был совсем не старый,-
Из толпы жалела чуткая душа.
Тут с носилками примчались санитары,
Что осталось, погрузили неспеша.

И расплакалась виновница позора,
Умоляла подсобрать, хотя б слегка.
Ну, а он? Остался до конца актёром:
Улыбнулись губы, дёрнулась нога.
13.08.85. г. Сочи.

ПРОНОСЯТСЯ СТОЛБЫ КИЛОМЕТРОВЫЕ.

Прносятся столбы километровые
И люди на платформах городов.
В пути так неизбежны встречи новые,
Но поезд мой не всех принять готов.

Он мчится вдаль и не сбавляет скорости,
В своих вагонах многое таит,
Не ищет пассажирах некой корысти
И не на каждой станции стоит.

Прносятся столбы километровые
И каждый новый виден впереди,
Но сколько их всего там уготовано,

Узнаю только лишь в конце пути.

Состав мой удлиняется со временем,
Но я его уверенно веду.
Вагоны, что мешают тяжким бременем,
Мы отцепляем прямо на ходу.

Прносятся столбы километровые,
Колокола вокзалов шлют привет,
Привычно мы в ответ гудим, здороваясь,
Прощаться ж времени всё чаще нет.

С билетом даже не у всех возможности
Уехать. Я не замедляю бег.
Не каждый вскочит на подножку поезда,
Скорее лучше спрыгнет человек.

Прносятся столбы километровые
И люди на платформах городов,
В пути так неизбежны встречи новые,
Но поезд мой не всех принять готов.

Сбавляет скорость только по желанию
И выбирает стрелочников сам,
Выводят песнь, что писана со знанием,
Надёжных пассажиров голоса.
03.09.85. г. Сочи-Москва.

ОБРЕЧЁННЫЙ НА ОДИНОЧЕСТВО.

Как ни бывает часто крайне увлечён,
В своих стремлениях подвластен дуновенью.
На одиночество художник обречён,
Хотя бы в мыслях и в минуты вдохновения.

Пока влюблён, готов писать и днём, и в ночь,
И Музу будет умолять о посещенье.
Но удалиться поспешит он тотчас прочь,
Как станет видимым для глаза превращенье.

Подайте нисходящий с пьедестала миф!
Дорогу из чудес, где там и здесь преграды!
И устремится соискатель, позабыв
Про всё, лишь полон вдохновения отрадой.

Но цель достигнута и в рамке на стене,
 Не шепчет больше он сонеты с придыханьем,
 В себе он весь, а взгляд его давно в окне
 И сверлит непогоду, уводя сознание.

Вокруг стена, её и лаской не пробить,
 Он далеко, но неизвестно направление,
 В счастливом месте, где желает в миг тот быть,
 Но долго как ещё пока до появления.

Его попутчице немислимо суметь
 Всегда стать раньше той, к кому он устремиться,
 Власть мифа – Музы над художником иметь
 И наяву земному среди ночи сниться.
 07.09.85.

ОН ЗНАЕТ, ЧТО НУЖЕН.

В.Высоцкому

Посмотрите, он встал над погостом,
 А прошло уже пять с лишним лет.
 Вновь поднялся, стал выше нас ростом,
 Только жизни в глазах его нет.

Простыней или смирной рубашкой
 Руки связаны крепко назад,
 Звуки песен души бесшабашной
 Громче всё над землёю летят.

Голове повезло с человеком –
 До сих пор несклонённая с ним.
 Бронзой светятся струны и дека,
 То гитара над нею, как нимб.

Кони снова готовы в дорогу,
 Только медлят, как он их просил.
 Он как будто окликнут тревогой,
 От земли набирается сил.

Он уже ничего не напишет,
 Он теперь только с плёнок звучит,
 Он не видит нас, он нас не слышит,
 Но о каждом и мёртвый болит.

Он любовью людскою разбужен.
 Постамент, от себя отпусти!
 Он поднялся, он знает, что нужен –
 Начал новую четверть пути.
 23.10.85.

МАЯТНИК.

От потрясения старинные часы
 Сердцами-шестернями заскрипели.
 Цепь вытянута вся и брошен на весы
 Отрезок временной – печаль веселья.

И заходил в пространстве деревянных стен
 Весёлый глупый маятник, как новый.
 Туда-сюда, вперед-обратно, свет и тень –
 Смеялся, тикал, нет пути другого.

Смотрящий на часы стал скоро уставать
 От суеты и маятника кача,
 Следить за стрелками и дёргать цепь вставать...
 Но главное – мелькание до плача.

Туда-сюда, вперед-обратно, свет и тень –
 Из завтра во вчера, от сказки к были.
 Путь одинаков, одинаков каждый день...
 И, наконец, его остановили.

Без потрясения старинные часы
 Застопорили в миг сердца-колёса.
 Кукушка, крикнув, угодила на весы,
 А в память маятник залез без спроса.
 20.11.85.

Из сборника «ТЕМЫ ДЛЯ РАЗГОВОРА»

ДЫМ НАД ВОДОЙ.

Я, как дым от костра моего, над водой расстилаюсь,
 Не касаясь воды, забывая, что есть берега.
 То толкает, то тянет какая-то силища злая.
 Даже если не злая, себе я уже не слуга.

И пронзителен крик перепуганных утренних чаек,
 Уводящих пришельца от гнёзд и от тёплых яиц.

Их тревожить совсем не хотел. Это вышло случайно.
Но приятна, как плакальщиц крик, суетня баловниц.

Вот, вираж моей мысли у юной утопшей берёзы,
И такая картина в сознание свободном встаёт:
Будто не добежала до берега как-то в морозы,
А теперь не идёт потому, что никто и не ждёт.

За угар и за блики в глазах воздаётся с торицей.
Звуки ночи холодной в видениях тёплого дня.
Безнаказанность тех, кто повесил на дереве птицу
Наказуема тем на бумаге, кто птицу не снял.

Я, наверное, просто давно не общался с природой.
Уже память без жалости стёрла последний тот раз.
И теперь я смотрю сквозь огонь на стоячую воду,
Но полезно ли это для жадных и чувственных глаз?
10.05.86. пос. Пятница, Моск. обл.

В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ ПУСТОМ.

В зрительном зале пустом
Между покинутых кресел
Кружатся отзвуки пьес,
Тени героев живут.
На ночь оставленный дом
Столько загадок уместит,
Сколько завидных чудес
В вечер представилось тут.

Словно тяжёлый туман,
Из оркестровой, из ямы,
Эхо мелодий взойдёт,
Как на приливной волне.
Зрительный зал – океан.
Право же стать капитаном
Шхуны ночной отдаёт
Он, как всегда, тишине.

Снова возникнув легко
И оттолкнувшись от сцены,
Шхуна над залом плывёт,
Нежно и грустно поёт.
Поднят над ней высоко
Красочный парус бесценный –

Духа театра полёт,
Якоря нет у неё.

Мир – океан – не обман,
Хоть он и спрятан под крышей.
Занавес пал, ты не рад?
Сам же теперь не споткнись.
Шхуну закроет туман,
Можешь ты песнь не услышать,
Но, покидая театр,
В зрительный зал оглянись.

Кружатся отзвуки пьес
Между покинутых кресел,
Между обрывков программ,
Фантиков и лепестков.
Сколько завидных чудес,
Сколько загадок уместит
Полный теней океан,
Ляжет лишь ночи покров.
19.05.86.

БЫЛ ВТОРОЙ ЗВОНОК.

Нет у судеб прологов, «от автора» нет.
Нет сценариев у биографий.
От пелёнок до камня, где встанет портрет,
Пара цифр и альбом фотографий.

Но на что поделить это больше с руки?
На аршины? На годы? На такты?
Я артист, я делю свою жизнь на звонки,
На звонки и пустые антракты.

Он со школы в ушах, он давно на слуху –
Неизменный разменный звоночек.
Для одних превращается он в чепуху,
А для нас, словно бритва заточен.

Тем, кто связан с театром, он ляжет свинцом,
Перепонки давя не на сутки.
По звонку мы своё искажаем лицо,
Раздеваемся, как проститутки.

Он звонит каждый вечер в положенный срок.

Ты уже ненавидишь помрежа.
 В репродукторе голос – «Был первый звонок»,
 Как зануда, не чаще, не реже.

Он – биение мысли в твоей голове,
 Остроту неоконченной фразы,
 И совет, и ответ, и завет, и навет,
 Как подлец, оборвёт, словно сглазит.

Он командовать, распоряжаться привык,
 Он вторгается в души без спроса.
 Нету места, куда бы звонок ни проник
 Омерзительным въедливым носом.

Он с порога зовёт и ведёт за порог,
 Регулирует страсти и чувства.
 И подскажут всегда, что второй был звонок,
 На ступеньку приблизив к искусству.

Комара надоевшего можно убить,
 Можно выключить чайник на кухне,
 Но звонок – это страшная тонкая нить,
 Нас самих превратившая в куклы.

Отойти и ожить от звонка до звонка
 Не поможет безликость антракта,
 Не имеет достойной замены пока
 И надолго в условиях контракта.

Там, порою, наводит собою тоску,
 Тут наигранно тянет в весёлость.
 И годами артисты живут по звонку,
 То слюну выделяя, то голос.

Где же третий звонок? Задержите не в лад!
 Пролегла через сцену дорога.
 Пусть пока не звенит! В тишине! Наугад!
 Без сценария и эпилога.

11.06.86.

ОДИНОКИЙ ЗРИТЕЛЬ.

Последние две ноты отыграли,
 И занавес, шурша, сомкнул уста.
 Свет постепенно угасает в зале.

Вздохнули опустевшие места.

Я покидаю милую обитель,
Устало отодрав парик со лба.
И ждёт какой-то одинокий зритель
С программкой у фонарного столба.

Он приходил сюда не по указке,
Он не в нагрузку покупал билет,
Он просто, видно, тоже любит сказки,
Искал, его волнующий ответ.

Он не спешил в финале к гардеробу.
Но и не хлопал просто для бузы.
Он понимает: как на месте лобном,
Мы каждый день на сцене – будни злы.

И вот, я вышел, погрешив игрою,
Ещё не отряхнувши до конца
Манеру жизни моего героя
И вариант сегодняшней лица.

Я в урожай искусства малый колос
Поднял с земли. Меня ты понял, друг.
Быть может, ты окажешься тот голос,
Что скажет мне «спасибо». Ну, а вдруг.
23.06.86.

ГОНОРАР.

Награда – гонорар за поведенье,
За колебанье жизненных доктрин,
За поиски тепла и игры с тенью,
За блеск из глаз от мишуры витрин,
За трусость и удачные обманы,
За смех не к месту, домики бровей,
За рваные несмазанные раны,
За грубость и смешение кровей,
За чьё-то безмятежное злодейство,
За сигареты с фильтром золотым,
За ясное неправильное детство,
За лень и равнодушие к святым,
За колкость взглядов и рукопожатий,
За прелесть неизведанных картин,
За мужество пощёчин и объятий,

За малодушие толстых паутин,
 За зелень трав и чопорность простуды,
 За злое стрекотание сверчка,
 За вечность мнимой корысти Иуды,
 За брызги искр из-под каблучка,
 За тяжесть недоплаченной монеты,
 За плохо как-то сыгранную роль,
 За брэнную греховность всей планеты –
 Ниспослана на нас зубная боль.
 24.06.86.

ПРОХОДНЫЕ ДВОРЫ.

Проходные дворы, подворотни, кусты,
 И лачуги под слом, что темны и пусты,
 И подвалы до дна, и леса до верхов,
 И манящие джунгли больших лопухов –
 Это первые курсы до классов, до школ,
 Крик души познают в них, дворовый закон,
 С ними в детстве был каждый, наверно, знаком,
 В них мы все получали свой первый диплом.

Торопили мы возраст – досадная прыть,
 Сотни жизней чужих успевали прожить,
 И носили другие совсем имена
 Под родительский бдительный крик из окна.
 Расходились врагами на час, на обед,
 Оставаясь друзьями на тысячи лет.
 В наши игры теперь не играет никто
 И смеются не так, и читают не то.

Нет, не помнят дворы и сады тишину.
 Мы вели в них свою против правил войну.
 Деревянные дула всегда били в цель,
 Корабли из песка не садились на мель.
 Мы, как губки, впитали – такая пора –
 Все достоинства и недостатки двора.
 Принимали мы исповедь старых домов,
 Не уложишь их все и в десятки томов.

Подворотни, кусты, проходные дворы,
 Лопухи и сараи, подвалы, костры,
 Оглянулись на днях, больше нет вас вокруг,
 Пара новых качелей и клумбовый круг.
 Но остались ведь мы, и остался наш дом,

Хоть к разъезду течением быстро ведом.
 Наши жизни широкие – много в одной
 И сердца нараспашку, как двор проходной.
 10.07.86.

МЫ НЕ В НОГУ ИДЁМ.

Мы не в ногу идём потому, что немного устали,
 Крут подъём и совсем не указан на карте маршрут.
 Впечатление, что все, кто раньше в походах бывали,
 За собою все записи просто сознательно жгут.

Мы не в ногу идём потому, что совсем замолчали,
 Потому что на прошлом привале никак не спалось,
 Потому что не помним, где песню свою потеряли,
 И когда раздраженье от мелких камней началось.

Мы не в ногу идём не от солнца, палящего сверху,
 Не от ветра, который сейчас, кстати, вежливо стих,
 Есть другие в пути незаметные глазу помехи –
 Может, наши характеры, может, отсутствие их.

Мы не в ногу идём потому, что упряма дорога.
 Но упрямы и мы. Вот, задача! И мы не свернём.
 Здесь совсем не парад, нет оркестра, не нужно здесь в ногу.
 Ну, а песню другую смолчим. Ещё громче споём.
 24.07.86.

ВЕРА.

Ирине Вариченко

Не надо ходить далеко за примером.
 Не надо искать, расточая мольбы.
 У каждого в жизни какая-то вера
 Становится Верой, уйдя из судьбы.

Да, радостей мало беспечно запомнишь,
 Лишь горечь навеки на жадных губах.
 В какой-то момент весь достоинства полный
 Героем во времени был на бобах.

Всё верно, хоть в двадцать с немногим. Бестселлер!
 Неужто, своё? А иначе же чьё?
 Однажды по юности плохо расстрелян,

Потом переедешь с десятков ручьёв,

И в веру другую уже обращённый,
 Не веря, но веруя зябким умом,
 Теперь уже несколько раз непрощённый,
 Стремишься ты к Вере в единственный дом.

Забудешь ты время, забудешь законы,
 Себя и Лукавого перешалишь,
 Но к Вере, с которой когда-то знаком был,
 На лошади мёртвой ты вечно летишь.

Ты глаз молодых глубину не измеришь.
 Где радости? Горечь одна на губах.
 Но свечи поставлены вере и Вере
 Героем во времени и на бобах.

Моряк, что рождён на разбойничьем судне,
 И списан на сушу со временем вдруг,
 Ждёт парус у моря и в праздник, и в будни,
 И глушит душой завладевший испуг.

Твой путь не измерить единою мерой,
 И парус, возможно, расправлен уже.
 Не важно, когда и кто был твоей Верой,
 Ты верил в неё и оставил в душе.
 26.07.86.

СОЗВЕЗДИЕ СТРЕЛЬЦА.

Только лишь при точном попадании
 Звёзды зажигаются вокруг,
 По стреле на каждое свидание,
 На зачётный и почётный круг.
     Он – кентавр, существо единое,
     Этакий небесный молодец,
     Половина тела лошадиная,
     Вольный неподкованный стрелец.
 Только лишь при точном попадании,
 Будто в тире, сразу яркий свет,
 К ночи и всегда к похолоданию
 Вот уже, какую сотню лет.
     Он скорее мчится, но не мечется,
     Замыкая знаком зодиак,
     Чудо с головою человеческой,

Символ авантюры и атак.
 Только лишь при точном попадании
 Лук его восторженно звенит,
 Никогда не явится заранее,
 И на страстный зов не прилетит –
     Только вдруг и на одно мгновение
     Дёрнется тугая тетива,
     Вновь попал! И стало больше гением,
     И в молитвы сложены слова.
 Только лишь при точном попадании
 Остаётся сам собой стрелец.
 У него особое задание.
 У него всегда один конец:
     Гаснет, пролетев по небу зимнему,
     И растратив колчана запас.
     Свысока назначив щедрый минимум,
     Всё же точен был с десятков раз.
 Звёзды зажигаются во мгле,
 Только лишь при точном попадании
 Яркая ошибка мироздания –
 И не под седлом и не в седле.
     Не награда он и не возмездие,
     Вздорный эгоист, не друг, не враг,
     Меткое декабрьское созвездие,
     Символ авантюры и атак.

01.09.86.

ГАТЧИНСКИЕ ОСТАНОВКИ.
 (триптих)

НЯНИНА ИЗБА.

Тот ли камень, не знаю, у входа,
 Что под дубом известным лежал,
 У которого кот мимоходом
 Часто песенку спеть угрожал?

Вот, порог и скрипучие двери.
 Наклонившись, заходим в избу.
 Глянь, отсюда всех сказок поверье
 Вылетало однажды в трубу.

Мы застыли у их колыбели,
 Что повисла на старом крюке.
 Их однажды под вьюгу пропели

Над лучиною в том уголке.

И уже двести лет, не иначе,
Сказки живы и им хорошо,
Потому что запомнил их мальчик
И в соавторы к няне пошёл.

Никого буря мглою не кроет,
Ладно всё и спокойно для глаз.
До сих пор только слышен, порою,
Родионовны тихий рассказ.

Слышишь нежный заботливый голос,
Он донёс, и, не зная притом,
Что и в сердце был верным уколом
И на первых порах бегунком.

Как в веках уцелело подворье? –
Сто загадок, хоть сто отгадал –
И про то ли в стихах лукоморье,
Что за полем, где спит Ганнибал.

С незажжённою даже лучиною
Навсегда освещён этот двор.
Вот, и вспомнилась няня Арина,
Лишь о сказках пошёл разговор.
д. Кобринно.

ДЕПЕША МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ.

Хоть и знаем, под этой крышей
Нет хозяев, и это не страшно,
Ощущенье, что Вырин лишь вышел
Встретить почту с дневным дилижансом.

Или сообразив, что надули –
Эх, гусарство, как трудно поверить –
Побежал за любимицей Дуней,
Оттолкнув помешавшие двери.

Мы покой не нарушим, обитель,
И не тронем бумаг даже ветром.
И не нынешний мрачный смотритель
Написал на челе нам запреты.

Разукрашен трактир «У Сомсона»,
 Принимает гостей неустанно,
 А под крышею этого дома
 Нет хозяев, и это не странно.

Мальчик! Слышишь? Постой же, ты местный?
 В школу ходишь? Уже отпустили?..
 Ты скажи мне, пожалуйста, честно,
 Та тропинка за домом – к могиле?

Хоть и знаю, могилы там нету,
 Да и сам ты придуман и не жил,
 Я иду к тебе, Вырин, не сетуй,
 С подорожной и этой депешей.
Пос. Выра.

В ГОСТЯХ У ДУХА.

Спиной ко мне покойный Павел Первый,
 Вокруг – его дворец в английском стиле,
 Но у меня поправленные нервы
 И всё, что совершить задумал, в силе.

И что же? Так, не много и не мало:
 Услышать шум на площади парадной,
 И подсмотреть бредущего устало
 Царя в ходу подземном в грот прохладный,

И запахом полакомиться чудным
 обеда, где полковники в лакеях...
 Возможно, увлажнить сухие губы
 И озером серебряным успею.

Задумал и решительно с опушки
 Вошёл и гостем стал, пускай не главным.
 Волнение? А как же, только пушки,
 Вот, что-то не палят. На них бы Павла!

Моё вторженьё стражники зевнули,
 Вернее, духи. Я их тоже чую.
 Почаще разводите караулы!
 И жалуйтесь пореже, что бичуют!

Занятно, и на столик для регалий
 Предметец уложили аккуратно,

Которым, как царя не сберегали,
Прихлопнули в Михайловском так знатно.

Дорогу, господин придворный мастер,
Пора бы реставрировать! Когда-то
По ней ушли пешком – на лицах счастье –
В сибирство невинные солдаты.

А кто спиной, идёт себе, не слышит?
Какой курносый! Ну, умрёшь от смеха!
Ба! Не узнал я... Сам! И еле дышит.
Пойду за ним ходами к гроту «Эхо».

Мундир испачкан сзади чем-то белым.
Цари, как боги – всё к лицу и к месту.
Теперь я вижу – это буквы мелом:
«Здесь были...», дальше тоже интересно.

И всё, что совершить задумал, в силе,
И в основном поправленные нервы.
Я слышу, барабаны как забили,
И кладбище собачье вижу первым.

Так вы молиться? Так бы и сказали!
По-видимому, дух теперь не в духе.
Я зря стоял так долго в тронном зале
И разбирался, как пройти на кухню.

Спиной к царю, хоть это крайне грубо,
За тёмными и частыми кустами,
Пройдя шагов с две сотни после дуба,
Глоток воды серебряной на память.

Г. Гатчина

14.09.86.

ФАМИЛИЯ.

Фамилия – не номер, не ярлык,
Не просто место в многолюдном списке.
К фамилии прирос я и привык,
Как к женщине, давно и верно близкой.

Мы вместе с нею ездим и живём,
Мы с нею в паре зрителя забавим –
Всегда на удивление вдвоём.

От расставанья нас, господь, избави!

Фамилией украшен документ,
Афиши, книги, справки и программы.
Автограф – сувенир-эквивалент,
Факсимиле – под текстом телеграммы.

Она везде, где я, и где я был.
Но вот... – она же, только не со мною.
На мрамор серафимовских могил
Она пришла дорогою другою.

Отец и брат, которого не знал.
Фамилия – цитатою из жизни.
Но я-то жив и перед ними встал,
И ни какого в том анахронизма.

Я выучил цитату наизусть
И ей добавил новое значенье.
Сегодняшнюю праведную грусть
Фамилии я принял поученьем.

Ловить свой звук на тишине камней
Сквозь сетку букв, покрытых позолотой...
Жизнь – партитура, я – страница в ней,
Открытая недозвучавшей нотой.

За кем ступаю, перед теми наг,
И каюсь – подпись ставлю, где умею.
Фамилия – переходящий флаг,
И уронить нельзя, и не посмею.
16.09.86. г. Ленинград

СКВОЗЬ КРЕПОСТНУЮ РЕШЁТКУ.

Эти воды Невы, эти волны...
Я на миг здесь, но всё по-другому,
Отнимая у вольного волю,
Душу ранили, стиснули горло,
И от стен отлетает нечётко,
И как колет меня осторожно:
«Даже сквозь крепостную решётку,
Если жив, разлюбить невозможно».

Эти камни, трава бастионова,

Их следы, сквозь меня о вчерашнем
 Вспоминают, и слышатся стоны
 Лиц, несущих гримасу бесстрашья,
 И я слышу достаточно чётко,
 Чтоб понять и поверить тревожно:
 «Даже сквозь крепостную решётку,
 если прав, разлюбить невозможно»,

Петропавловских узников мысли
 Через годы летят, словно чайки,
 Неразлучны с восторгом и высью,
 И забвению не отвечают,
 Возвращенье к тебе безотчётно
 Через подвиг и неосторожно:
 «Даже сквозь крепостную решётку,
 Если горд, разлюбить невозможно.
18.09.86. г. Ленинград.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК.

«Порт назначения – будущее».
(В.Вишневский)

Над сухою дорогою серая пыль,
 И она не лежит, а клокочет.
 Это облако-полк, это облако-быль,
 Легендарный бессмертный мирочек.

Словно палуба, криво уходит земля,
 Разбегаясь в десятки походов,
 Но, полвека на части себя не деля,
 Снова бродит кому-то в угоду.

Изнутри по спирали раскрутится вихрь
 Мановеньем рискнувшего доки.
 В каждой личности внутренних сил на двоих
 И на дюжину в каждом подонке.

Это облако новый осадок несёт,
 Он просыплется густо и тяжко,
 Без примерки на тело натянет народ
 Анархизм, сапоги и тельняшки.

И погибнут таланты щедро на миру,
 Как и яркие их прототипы.

Возвратиться лишь тот, кто не шёл ко двору,
Но испишет бумажные кипы.

Я сегодня включил запасные глаза
И смотрел изнутри и снаружи,
То не сдерживал смех, то купался в слезах,
То затягивал пояс потуже.

И всегда где-то рядом я взгляд ощущал,
Исучающий правильность складок,
И себя он бессмертил, хотя и не знал,
Что из облака выйдет в осадок.

Над сухою дорогою серая пыль.
Чёрен путь, как и полы бушлатов.
Это облако-полк, это облако-быль,
Это мир, что навеки расшатан.

Не в одном поколении личностям жить,
След угадан полётами чаек.
Уцелевший писатель лишь начал вершить,
За развитие не отвечает.
12.10.86.

ДЕЛИЙСКИЙ ТУМАН.

Делийский туман, разлагающий русскую душу,
Окутал клубами густыми подряд этажи.
Ночные фонарики он своевременно тушит,
Вынашивая для приезжих свои миражи.

Делийский туман разрушает действительность буден
И мягко толкает тебя, как проехавший слон.
На вид – прост и лёгок, на деле – тяжёл он и труден.
Не ведом скрепляющий эти пустоты закон.

Делийский туман предлагает предаться забвенью,
На самом же деле – тоску обостряет, как нож.
И это сильней в каждой клетке и с каждым мгновеньем,
Но именно эти мгновенья – вынь да полож.

Парные клубы, поднимаясь, совсем обалдели.
Неужто так просто скрывать надоевший обман?
И хочется мне в это утро прощания с Дели
Запомнить, но больше не видеть делийский туман.

29.11.86. г. Дели (Индия)

ТИШИНА ОКЕАНА.

Тишина океана –
Не отсутствие шторма,
Не отсутствие звука
Или вида волны.

Тишина океана –
Это то, что он гордо
Соизволил развлечься
Вдоль какой-то страны.

И приливы-отливы,
И накатывающие,
Всё, что слышу и вижу
На транзитном Яву,

И жемчужины в лужах,
И рассветы в закатах –
Тишиной океана
Я теперь назову.

Не обман капитанов,
Не на картах описки –
Душу водную глади
Просто так не понять.

Океан этот тихий
Кем-то назван Индийским,
Но себя под название
Не подумал менять.

Я прислушался снова
К тишине океана –
То бурлит понемногу,
То затихнет устанн...

Кто и как, непонятно,
Выбирал эти страны,
У которых по борту
В тишине океан.

01.12.86. г. Бомбей (Индия)

НА ЧУЖОМ КРУГУ.

На острове с названьем «Элефант»,
Приняв простор пенатов обезьяньих,
Я вытащить хотел счастливый фант –
Услышать подсознаньем предсказанье.

Вошёл я в обозначенный там круг,
Избитый центр внутреннего мира,
Закрыв глаза и вдумался без мук
И не о чём, и обо всём вокруг.

И тут познал я двойственность души:
К земле, я понял, ноги прирастают,
Но жаждет с головою грудь вершин,
Связующие их волокна тают.

Стремилось тело ввысь, хоть крыльев нет,
По щиколотку в землю утопая...
И где же предсказанье? Где совет?
Где на вопрос, мной заданный, ответ?

Под тихий хохот местных обезьян
В недоуменье вышел я из круга.
Ошибка португальцев – «Элефант!»
Буддийский остров. Русская потуга.

Возможно, путь и предопределён;
Но, видимо, из замкнутого круга
Не выдернет вас в небо даже слон,
И ноги сами не запляшут вон.
Так прочь круги, раз предопределён!
04.12.86. г. Бомбей (Индия)

Из сборника «ВЕЛИКИЕ ЯПОНСКИЕ СТИХИ»

ДВЕ ГОРЫ.

Две горы сошлись друг с другом,
Поговорке вопреки,
Чтобы выпихнуть из круга
Ту, которую с руки.

Две горы пыhtят несносно,
Щёки пышные надув –

Жирнопузые японцы
С сотней складок на заду.

Две горы, одно занятие.
Разметав небрежно рис,
Устремляются в объятия,
Жмутся, взгляд потупя вниз.

Две горы крутого нрава,
Извращение само –
Это древняя забава,
Странный спорт, борьба сумо.
29.06.87. г. Токио

НЕКИВАРА.

Ни в одно посещённое место,
Как сюда, торопился едва ли,
Чтоб с тобой побеседовать честно
В этом милом уютном подвале.

В ситуации, мной сочинённой,
Мы с тобой отличная пара:
Я – живой, но я твой подчинённый,
Ты – начальник, но ты некивара.

Из фамилии правильных копий
Видной знатной семьи манекенов,
Терпеливо ты ждёшь тех, кто копит
Недовольство своё каждодневно.

И пока дать эмоциям выход
Можно только в подвале под вечер.
Ты стоишь здесь покорно и тихо,
Не присевши от встречи до встречи.

Я пришёл, ты соскучился, дядя?
Начинаем по старому типу.
А за то, что тебя не погладил,
Благодарности шли прототипу.

Отвечаю сперва на вопросы.
Ну, считай, на ответ по удару.
Молодец, что не вертишь ты носом,
Мой любимчик, мой шеф-некивара.

А теперь моё личное мнение
 Выражается серией вдвое.
 Вызывает, смотрю, одобренье
 По тому, как трясёшь бородою.

На сегодня, пожалуй, дебаты
 Прекратим, что-то руки заныли.
 Я завидую вашему брату,
 Нет ни крови, ни боли, ни пыли.

На фасаде всё та же улыбка,
 Под жилеткой всё те же опилки,
 Гонорар за чужие ошибки
 Ты на собственном терпишь затылке.

А теперь я скажу на прощанье,
 Что провёл здесь прекраснейший вечер,
 И хочу, чтоб характер случайный
 Не носили подобные встречи.

Регулярнее будем встречаться.
 Мы с тобою отличная пара,
 Потому что во всём соглашаться
 Я могу лишь с тобой, некивара.

30.06.87. г. Синдай

ОАЗИС НА МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ.

Пьём sake мы своими устами
 И глазами жуём колорит.
 На шести однотонных татами
 Нам сегодня ночлег предстоит.

Золотые здесь плавают рыбки
 И прозрачны пруды, как слеза.
 Возвращаются наши улыбки,
 Постепенно добреют глаза.

Замерла суета безобразий,
 Калькуляция суточных дел.
 Попадание в этот оазис –
 Лучший выстрел последних недель.

И нельзя называть аморальным,

Если ночью вам будет дано
 Лечь в источник воды минеральной
 Почесать свои пятки об дно.

До рассвета мельканье юкато,
 Не отбой, а какой-то прибор.
 Разбежались по гейшам ребята,
 Мы в достатке их взяли с собой.

Ну, а я в настроении банном,
 Ноги крестиком, глазки во мглу,
 По соседству сию с экибаной
 Под картинкою в светлом углу.
01.07.87. г. Бандай.

ОНИ НА ГОСТЯ НЕ ПОСМОТРЯТ ГРОЗНО.

*«В общественном парижском туалете
 Есть надписи на русском языке».
 (В.Высоцкий)*

Он прав, порою, нужно «уколоться»
 И «вырвать провода», и сутки нем...
 Ни про волков, ни про канатоходца
 Не слышно по японскому «эф, эм».

Они на гостя не посмотрят грозно.
 Им чужд категорический ответ.
 Они не знают, что такое «поздно»,
 И на каком Каретном сколько лет.

Они все знают то, что нам не надо.
 У них творят машины с ветерком,
 Что наша полуржавая кувалда
 На век устроит вместе с матерком.

Они другого совершенно клана.
 Они же дети маленькой земли,
 И им не нужно «залудить три плана»,
 Чтоб «к венграм в Улан-Батор» на свои.

Возможно, что они не любят тоже,
 Чтоб «против шерсти», чтоб чужой мороз
 Тупой иглой по самурайской коже
 Прозренье запоздалое принёс.

Отсюда постоянные улыбки
 По лицевым окружностям скользят.
 Они не помнят старые ошибки,
 От новых в микросхемы заползя.

У них не слышно наших громких песен,
 Всё лирика про миллионы роз.
 Нет, нет, их мир для нас совсем не тесен,
 Пожалуй, наш для них слегка раскос.

Но то, что и в японском туалете
 Три наши буквы, словно манифест,
 Приятно было видеть. В новом свете!
 Их не сотрут здесь, им окажут честь.
02.07.87. Бандай-Токио.

ХОНСЮ ПОДО МНОЙ.

Хонсю подо мною. Лечу в тишине.
 Не слышится плеск океана.
 Своим, поражая размером, в стене
 Работает плоскость экрана.

Японские шутки, поток новостей,
 Последний доклад Горбачёва...
 И мысль, что потом не собрать нам костей,
 Мне кажется вовсе никчёмной.

Наушники с музыкой разных программ,
 Проспекты с подробною картой.
 Хонсю подо мною. Долам и горами
 Привет мой с воздушного тракта.

Моё раздраженье не тем, что у нас
 Такое вдали и прилично,
 А тем, что у них всё наличие прикрас
 Заметно, но сразу привычно.

Удобное кресло, размер, интервал,
 Отнюдь не ошибка расчета.
 Встречаешься с тем, чего раньше не знал –
 Удобно, как сущность полёта.

Приятно призвать и потом созерцать
 Приветливый лик стюардессы,

И хочется сразу себя наказать
За хлопоты и перевесы.

Пришла и спросила, зачем я позвал.
Пишу про твой жёлтенький бантик.
Пишу, чтоб хоть кто-то об этом узнал
В просторах Плющих и Арбатов.

Хонсю подо мною. Лечу в тишине.
Вдали показался Хоккайдо.
О чём-то задумался там в полусне
Наш менеджер, мистер Токада?
03.07.87. Токио-Саппоро.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ ЛЕТОМ.

Мне солнце по цвету здесь кажется зимним,
Хотя ужасаемся этой жаре.
Неловко идём по лицу Хиросимы.
Не многое помнит о страшной поре:

Стены полторы от центрального банка
Под куполом серым – единственный след.
Да, солнце другое тогда спозаранку
Пролило на землю непрошенный свет.

Над гладью здесь вытекших слёз догорает
Уверенно вечный простой огонёк.
Пусть немо, но каждому напоминает:
Не всех ещё, кто обречён был, он сжёт.

Чуть дальше – гора журавлей разноцветных,
Внезапно увядшие души детей.
И горькою памятью сделалось это,
И делом единственным многих людей.

Здесь сердце трагедии, здесь эпицентр.
Дыхание сдержано, щёлки глаза.
И есть ощущение покинутой сцены,
И наши лишь, зрительские, голоса.

И жители парка с огнём сторонятся.
Пусть кажется мне, я других не спросил.
Не встретишь ни свадеб, ни манифестаций,
Ни ярко невидимых внутренних сил.

Горячее солнце, но цветом из снега.
Холодный костёр, будто жертвенный круг.
В музее на мраморе тень человека,
И души людей, словно тени, вокруг.

Спустившийся с неба «малыш» незаслужен,
Как довод последний земных королей.
Теперь же внутри отогреть, не снаружи,
Что сможет заставить взлететь журавлей.
08.07.87. г. Хиросима.

ВЕЛИКАЯ ЯПОНСКАЯ РЕКА.

Где устье? Где исток её?
Притоков миллион.
По Осаке и Токио,
Полна со всех сторон,

Извилисто раскосая
Река других главней,
Великая японская
Бетонная «хайвэй».

Звучат колонки стерео.
Как бакены, табло.
Главнейшая артерия
Кипит через стекло.

Не чувствуется глобуса,
Воздушная река,
И щепочки автобусов
Взмывают в облака.

Игривая и вздорная,
Характером дурна,
Где омуты заторные,
Где гладка и ровна.

То смело разбегается
На сотни ручейков,
То резко погибается
Вязанкою подков.

Пружиною встревоженной

Взметнулась из земли.
Страною придорожною
Летит поток, летит.

Манящая, несносная
Река других главней –
Великая японская
Бетонная «хайвэй».
10.07.87. г. Мацудо.

ЛЕБЕДИ.

Не старясь в образе с годами,
Назло цинизму всех идей,
Попарно плавными рядами
Танцует стая лебедей.

Как в снежном пухе, в перьях пачек.
Вот, две приковывают взгляд.
О дальних странах, не иначе,
Воркуют с музыкою в лад...

- Ну и страна! За те же цапки
Там пара джинс, здесь телефон.
- День потеряли по-дурацки:
И нету ног, и слабый шмон.

...Луна над озером чуть брезжит.
Изгибы линий хороши.
Танцуют лирику надежды
О боли брошенной души.

В движеньях сердце приоткрыли
Сквозь музыкальную волну.
О грустью отягчённых крыльях
Воркуют, шеи изогнув...

- Брала по сто в универмаге.
Шмотья вагон, еле дошла.
- Вчера куртец одна коряга,
Ну, из-под носа увела.

...Игрой кулис открыты дали.
Кто клятву птице возвратит?
Ей вслед пучок диагоналей

Из лука классики летит.

Легенда – быль и предсказанье,
Она вселиться в них смогла.
О силе тайн над мирозданьем
Воркуют. Взгляд из-под крыла...

- Взяла со скидкой синтезатор.
Поможешь, чтобы не застрял?
- Один, ну к трём, и без азарта.
С вязалкой проще, есть канал.

- Ой! И меня, как раз, просили.
Так может пополам? А? Как?
- Не суетись, сама осилю.
Бери кроссовками, верняк.

...Легенда в озере таится,
И о любви сюжет простой.
Кружатся в строгом танце птицы,
Возвысившись над суетой.
13.07.87. г. Токио.

ОТЕЛЬ «МЕРКУРИЙ».

Меркурий, ты не просто бог торговли,
Ты добрый малый, стоящий мужик,
Не раздаёшь ты писанные роли,
А, помня, даришь то, к чему привык:

Подвыпившим – неузнанные маски,
Допившему – что будет под рукой,
Влюблённым – ожидание и ласки,
Стерпевшимся – и сытость, и покой,

Для дебютантов – мудрости и шутки,
Бег этажей, несчитанность часов,
Отъезд протяжный на другие сутки
И по утру натяжку всяких слов,

А для бывалых – шёпотную встречу,
Рукопожатье полубожества,
Мыслишку, посетившую под вечер,
Ненадобность вояжного родства.

Дельца здесь ждут проколы и барыги,
 Покинутого всеми – новый друг,
 Сознательно закрывшегося – книги,
 Больного – здравье, бравого – недуг.

Сандалии с крылами. Звёзды кровлей.
 Коль по душам, тогда простись с душой.
 Меркурий, ты не просто бог торговли,
 Ты бог хитрец и путаник большой.
15.07.87. г. Маэбаси.

ДИСНЕЙЛЕНД.

Над эстакадой «космоса» вершины
 И дивный замок Синей бороды.
 Несутся в выходной сюда машины,
 Впадают в детство, отложив труды.

Родители, как дочки и сынишки,
 Спешат сниматься с Микки и Плуту,
 Попить чайку с Алисой, шалунишкой,
 От гномов получить улыбок сто,

И среди прочих милых заведений
 Пройтись без страха в замок привидений.

Пусть в непривычной, но удобной позе
 Немножко ржавый поезд мчит вперёд.
 И глаз не закрывай, пугаться поздно,
 Лишь понадейся, что он повернёт,

Со всеми вместе закричи истошно,
 Чтоб знали, что сам чёрт тебе не брат,
 Ведь ты уже бывал и к звёздам брошен,
 И по Карибам плавал, как пират.

Ядро над головою пролетало,
 И ром ты пил, и внутрь не попало

Что ищут все за этим поворотом,
 На корабле Том Сойера плывя?
 Быть может, встречи с сытым бегемотом
 Иль поцелуя плюшевого льва?

Да нет же, как обычно, крокодила
И свежесть раздающий водопад.
И чтобы всё на правду походило,
И чтоб туземец бросил наугад

В кого-то из соседей бумерангом,
И чтоб это был вождь, не ниже рангом.

Спеш и стар, и млад сюда, не мешкай.
Всех вместит многоликий Диснейленд.
И встреча в хороводе с Белоснежкой
Преподнесёт вам пару лишних лет.

Ведь не кулисы те, где бульдо-сальдо,
Влекут сюда со всех концов земли.
Широкою улыбкою Дональда
Нас привлекают чудо-корабли,

Детишек смех, родительские крики
И даже облака с мордашкой Микки.
16.07.87. г. Токио.

ДОЖДИ НАД ЯПОНИЕЙ.

Какие дожди над Японией,
Чужие или же общие?
Пока ещё мы не поняли,
Такое их здесь скопище.

С какими дождями не спится нам?
С какими не просыпается?
Здесь довелось родиться им
Или они здесь старятся?

Что эти воды небесные
Видели в долгих странствиях?
Только причуды местные
Или пресытились странами?

Какие дожди над Японией?
Насколько они натуральные?
Может, синтетика полные?
Может, мираж неправильный?

Если дожди не японские,

Если не «дживисовские»,
Может, они к нам посланы,
Небо пройдя московское?

Может, мочили дожди
Землю нашу прекрасную –
Зубовскую, Остоженку,
Балчуг и Площадь Красную?

Плачут дожди над Японией,
Хмурое серое скопище,
Просто они не поняли,
Что над землёй они общие,

Больше б дни не плакали,
Высохли б и улыбнулись,
Привет передали б ласковый
От наших – японским улицам.
19.07.87. г. Токио

ВОЛЯ.

Давно уж не кажется странным,
Лишь только шагнём за порог,
Влекут нас далёкие страны,
И множество манит дорог.
И конские упряжи туги,
Пожитки в котомках опять,
И наши дома и подруги
Затихли покорные ждать.

Мы бродим по белому свету,
Мы видим чужие края,
На редкость скупые приветы
С посыльными близким даря.
Желая увидеть востоки,
А с юга на запад спешить,
На воле мы долгие сроки,
Отпущенные, чтобы жить.

Я встал в середине дороги
Проверить копыта коня.
Мы жертвуем очень уж многим,
Хотя бы и волю храня.
Потоки любых впечатлений,

Вояжи беспечной души –
 Никак не заменят мне время,
 Когда никуда не спешил.

Далёкие страны нас манят,
 Длинноты влекут нас дорог,
 И мы расстаёмся с домами,
 Бросаем подруг-недотрог.
 И воля – тяжёлая доля!
 Хотя и бродить будем впредь,
 Но воля должна быть не доле,
 Чем можно ту волю терпеть.

Когда новизне на планете
 Дивиться я перестаю,
 Спокойно могу не заметить,
 Побыв по дороге в раю.
 И в ад неподвижного дома,
 Как в самый опасный вояж,
 В свой мир, где ничто не знакомо,
 Я брошусь – и в этом кураж!
 25.07.87. г. Осака

ФЛАГ ПО ВЕТРУ.

Впереди нам не видно причала,
 Но прибрежные птицы кружат.
 Все, кто слаб, и кого укачало,
 По каютам со стоном лежат.
 Были слёзы, и были разлады,
 Драки с другом, лобзанья с врагом.
 И за всё нам под вечер наградой
 Будет песня в порту дорогом.

Почему же всё так? Неужели,
 Нужно множество лет потерять,
 Чтоб уметь не садиться на мели
 И соседу вполне доверять?
 Значит, нужно гореть и стреляться,
 И тонуть, и терять отчий дом,
 Сотни раз и страдать и влюбляться,
 Чтоб любить без оглядки потом.

Вот, под килем последние футы,
 Толстой коркою соль на устах.

Корабли нас встречающей бухты
 Как-то замерли с грустью в бортах.
 Флаг по ветру! Спокойнее в марше!
 Каждый что-нибудь в сердце зажал.
 Что нас ждёт? Кто нам рад будет так же,
 Как несчастен, когда провожал?

Словно тросы, и нервы тугие,
 И все мышцы, как будто свело.
 Нас не так уж и много такими
 Возвратилось, какими ушло.
 Море, море! Дурная отрада!
 Что ни ночь, мне с тобой на беду!
 Здравствуй, берег! Родная громада!
 Не качай, как по трапу сойду.
 30.07.87. г. Находка

Из сборника «БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО»

НА КЛОЧКЕ БУМАГИ.

Всё то, что хочется писать,
 Из ничего готов связать.
 Ненужное ж наоборот,
 Клочки бумаг само урвёт.

Когда мечтал и рвал узду,
 Терял я цель и тратил мзду.
 Не знал, что в поздние года
 Всё получится без труда.

Большое множество дорог
 Сплелось в запутанный клубок,
 А тьма привалов и квартир
 В один отчётливый пунктир.

Всё принесённое добро,
 Как раскалённое тавро,
 Зато злодеяния не с руки
 Остались в жизнь, как маяки.

Лицо спешит на каждый взгляд,
 Уже бока его болят.
 Прошло не так и много лет,
 Ускорен возраст мой и цвет.

Уже печален злой вопрос:
 Куда же я себя занёс?
 Не как хотел – наоборот.
 Само же на бумагу рвёт.
 03.04.87.

ПЕСНЯ.

В.Высоцкому

Он не первый и он не последний,
 Наизусть не просили учить;
 Но кому-то бесшумно наследие
 Очень хочется переточить.

Звать на помощь не нужно науку,
 Чтоб понять, в чём сейчас поклянусь –
 Коль из слова не выкинуть букву,
 Значит, в букве мы чувствуем пульс.

Не юля между правдой и ложью
 Выбирается песня на свет,
 Не как кто-то на душу положит,
 Но как Богу расскажет поэт.

Спета фраза – не блюдо готово,
 И слова в ней – не сахар, не соль.
 Коль из песни не выкинуть слова,
 Значит, в слове и рана, и боль.

Не ищите для копий артистов,
 Не будите помощников рать.
 Обойдясь без услуг пародистов,
 От бессмертья не надо спасать.

Всё настолько слилось и притёрлось
 И для каждого, словно своё –
 Коль из песни не выкинуть голос,
 Значит, в голосе сердце её.
 19.05.87.

ЗАЧЕМ ОН И КТО ОН?

И в избранный круг,

И в испытый кабак –
Хозяин и друг,
Как в бильярде свояк.
Печальный и скучный
С ним рядом проснётся.
Любимый и лучший,
Пока не напьётся.

И нужен, и мил,
Ненавязчиво смел.
В труде полон сил,
Не бегущий от дел.
С ним дали открыты,
И песня поётся.
Всё гладью расшито,
Пока не напьётся.

Он ждал и искал,
И любил, и страдал,
И в чувства накал
Сам себя отдавал.
И с кем-то был счастлив,
Но чаще – сорвётся.
И нежен, и ласков,
Пока не напьётся.

Уверенность чтил
И сомненья разил,
И в радостях жил,
Что себе подносил.
Знал дело и слово,
За что сердце бьётся,
Зачем он и кто он, ...
Пока не напьётся.
15.08.87.

МОРЕ ВСЕ РАНЫ ЗАЛЕЧИТ.

Море все раны залечит и сгладит,
Море утопит дурные дожди,
Новые рейды и фрахты наладит,
Только уверенно морем иди.

Чистый закат, пусть он даже кровавый.
Будет гарантией ясного дня.

Ветру подставишь побитый, но правый
Борт, не желающий рыхлого дна.

Будешь молиться на каждом восходе
Даже и малой несущей волне.
Море для каждого разным выходит,
Разным по цвету и по глубине.

Радовать будет случайная встреча,
Если такая по курсу лежит.
Ждёшь ведь, пока море раны залечит,
Сгладит углы и лицо освежит.

Море простит и обнимется портом –
Море Великое жизни твоей –
Будет терпеть, пока сможешь ты штопать
Сотни пробоин своих кораблей.

Были потоки, топившие трюмы.
Валы ложились на палубы гладь...
Но только море излечит угрюмых
И сможет снова в матросы нанять.

Души, за правильность курса радея,
Преданно тел не покинут своих.
Лица с характерами затвердеют.
Ну, а сердец широта – на двоих.

В жизненной общей глубокой пучине
Тех замечают, кто даже в «дыру»
Плавает не по какой-то причине,
Но по велению и по нутру.

И потому море раны залечит,
Бухтой того приласкает, кому
Каждая с морем, пусть грустная, встреча
Будет, как ветер, нужна самому.

Он в корабле, как в своём организме,
Дырки всю ночь до рассвета латал,
Чтоб своим курсом с волною по жизни
Двигаться, твёрдо сжимая штурвал.
17.08.87. г. Сочи

И РАДОСТЬ, И БЕДА.

Вы и ниточки кукол, висящих
 Перед зрителем, словно бельё,
 И с чужих голосов говорящих,
 И танцующих про не своё.

Вы и копия шейной верёвки,
 Чья работа не дать воспарить,
 А потом, проскользив очень ловко,
 Равнодушие вдруг подарить.

Вы и тросы, и вам бригантину
 Удержать на приколе в порту,
 Обмотав её, как паутиной,
 Глупо дряхнуть на вольном ветру.

Вы и цепи из звеньев чугуновых,
 В камень вбитых на множество лет.
 Это вам сторожить мой цугундер,
 Пусть, обставленный под кабинет.

Вы и струны, не надо стараться
 Извлечение нот затевать.
 Вас легко переборами пальцев
 Для потехи толпы оборвать.

Мне беречь вас, вы дети нагие,
 Но и конские вы удила.
 Эх, вы, нервы мои дорогие!
 Вы – не вечны! За то вам хвала!

Вы – не нити, не струны, не тросы,
 Не верёвка, не цепь, не узда.
 Вы – разряды от пальцев до носа.
 Вы – и радость моя, и беда!
19.08.87. г. Сочи

БЫЛИ, БЫЛИ, БЫЛИ...

Были полёты
 И были забвения,
 Были работы
 И озарения.

Были просчёты

И были ничтожества,
Высшего качества
Были художества.

Были копейки
И кипы бумажные,
Были скамейки –
Сухие и влажные.

Были и слёзы,
И радость объятия.
Были угрозы
И гнев моей матери.

Были советы –
Плохие, хорошие,
Лёгкое что-то,
Лежащее ношею.

Но никогда
Не старался избавиться
И не жалел –
Всё, что было, мне нравится.
24.09.87.

Из сборника «ПОСЛЕДНИЙ ХРИП ЮНОСТИ»

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ.

Мой напарник – вот-вот и из силы начнёт выбиваться.
В пух одежда разорвана, сам исцарапанный весь.
Но у нас, видит Бог, нет желанья так скоро сдаваться
Той скале, на вершине которой растёт эдельвейс.

Не пугают ошибки других, предыдущих уроки.
Сорняками легенды во многих пустили росток.
Сотни тысяч осталось на склонах и в щелях глубоких,
Но пока единицы видали живьём тот цветок.

Как назло, собралось и немало дерьма в атмосфере,
В настроеньи ещё и от этого радости нет.
И потом оттого, что уже не так слепо я верю,
Не известно ещё, может быть, эдельвейса и нет.

Мы с напарником головы каждый отдельно ломаем

И молчим, но в глазах очень схожий совсем не восторг.
 Даже, если он есть, доползя, не покоимся малым.
 А сорвать эдельвейс – не уверен, что лучший итог.

Ведь мы сами придумали эту лихую забаву,
 Нас никто не тянул, только двое – упорство и страх.
 У подножья скалы нам и надобно было не славы,
 Но проверить себя и узнать, что бывает в горах.

Нужно выбрать, напарник, вдохни же и глупо не смейся.
 И мы примем решение, как только рассеется мгла:
 Или – правда, что здесь уж давно не растут эдельвейсы,
 Или пусть бесконечно растёт, словно призрак, скала.
 14.03.88.

САМЫЕ, САМЫЕ, САМЫЕ.

Самый пока разговор интересный
 Не договорен ещё.
 Самые милые наши беседы
 Тоже пока впереди.
 Самый удачливый путь, что с поправкой
 На несуразный просчёт.
 Самая верная цель, о которой
 Часто не будешь твердить.

Самый удачливый стиль рифмованья
 Не доработан слегка.
 Самые опасных картины ошибок
 Браво висят по стенам.
 Самые сложные мысли-загадки
 Сходят за шутки пока.
 Самая страшная в жизни минута
 Кажется праздником нам.
 20.05.88.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Солнце с тенью очерёдною завидною
 Полосуют, как и прежде, гладкий пляж,
 Отодвинув описание видов видимых,
 Дарят бывший и невидимый пейзаж.
 Здесь бродил тогда по каменным заборчикам
 Мальчик вежливый, воспитанно играл.
 С белым пузиком и правильным проборчиком

Всё ручонки, окунаясь, задирает.
 Он знакомился с девчонками: и с местными,
 И с приезжими из южных городов.
 Их историями баловал чудесными,
 Фантазировать до ночи был готов.
 Он песок перебирал и утрамбовывал,
 Обдирал стыдливо веточки у ив,
 И с соседями внимательно здороваясь,
 Был доволен, вслед гримасу им скривив.
 За свои боялся маленькие радости
 И обманывал, с гулянья приходя,
 От парней далёк был местных хулиганистых,
 Расслаблялся, их удачно обойдя.
 Он кривился и просиживал над кашами,
 Он не ел их, потому что не любил.
 И поэтому командовать лишь младшими
 Мог, командовал и тем доволен был.
 Был ли, не был этот мальчик удивительный?
 Светом вновь исполосован гладкий пляж.
 Если был, то кем он стал на зло родителям?
 Или кем не стал на радость мальчик наш?
 Вот он? Стройный и небритый, вьются локоны,
 По-печорински задумчив, цепкий взгляд,
 Улыбается чему-то там далёкому,
 Снисходителен, но не ко всем подряд.
 На знакомства он ленив, но обаяние
 Без труда предоставляет массу встреч.
 Он опаздывает на свои свидания,
 Долгой песнею не утруждает речь.
 Он рассеян на знакомых, если встретятся,
 И отзывчив на случайные пиры.
 Появившись на каких-нибудь полмесяца,
 Вам раскроет всю значительность поры.
 Он не робкого частенько поведения,
 Но выходит, сух и без душевных ран.
 Мастер взгляда, демагог по убеждению,
 При желании словесный хулиган.
 При наличии данных всех борца за истину
 К этой истине не очень-то и строг.
 Он не лжец, хотя бывает и неискренен,
 И желанье может выдать за итог.
 Нет ли, есть ли, был ли, здесь ли этот юноша?
 Пляж по-прежнему в полосках световых.
 И досаду неподдельную свою душа,
 Завершаю, хоть к героям и привык.

Были тучи, были пляжи и заборчики,
 Было море, было время и слова.
 Только не было ни мальчика с проборчиком,
 Ни того, кого курчава голова.
 Не было их просто, как отдельных особей,
 Как и нет того, кто вспомнил вдруг о них.
 Жизнь, как пляж, в ней свет и тень идут полосками,
 Из частей она здоровых и больных.
     И коврижку лет ножом разрезав весело,
     Корку видим мы и чем начинена.
     Но не вспомним, из какого это месива,
     И забыли, в печке, чьей обожжена.
 Крошки сыпятся, мы – ладно, если в руку их –
 Чаще по полу и веником за печь.
 Не считают повара своей доукою
 Крошки все и перечесть и, и уберечь.
     Не примеры эти были неудачные,
     Неудачен выпекания процесс.
     Вряд ли не было ни юноши, ни мальчика,
     Их не видно было на коврижкин срез.
 Кто беседу эту с пляжа вёл досужую,
 Не кондитер он, но и не в россыпь тмин,
 И когда им вдруг подавятся за ужином,
 Пусть и мальчики привидятся из тьмы.
04.08.88. г. Юрмала, ст. Майори.

ОРАКУЛ.

Почему, скажи, оракул,
 Ты ни разу не заплакал,
 Ни улыбки не видал я никогда?
 Хоть из мрамора ты сделан,
 Неужель, не надоело
 Оставаться одинаковым всегда?

 Ты рассмейся жарким летом!
 Не сочтут тебя «с приветом».
 Подмигни замёрзшим путникам зимой!
 Мы тебя, оракул, просим:
 Погрусти хотя бы осень,
 Разомни весною позвоночник свой!

 Ты суров и неприступен.
 Только все же чуть притуплен,
 И уже не мудрый твой с годами взгляд.

Чтоб тропа не зарастала,
Оторвать от пьедестала
Ты не опасайся мраморный свой зад.

И потерь авторитета
Не страшись с улыбкой летом!
И весною топни ножкой! Ну, и что ж!?
Если вздумаешь сморкнуться,
От тебя не отвернутся,
И укроют, если на зиму уснёшь.

Бедный мраморный оракул,
Ты ни разу не заплакал.
Кто твой автор? Кто колдун твой и шаман?
Неужели, он, ей Богу,
Даст забыть к тебе дорогу?!
Ты-то сам – оракул или истукан?!

Сбрось-ка мраморную маску
И сострой кому-то глазки!
Перепутай зиму осень и весну!
Возвести начало лета!
Не сочтут тебя «с приветом».
Человеком стань, оракул! Ну же!! Ну!!!
5.08.88. г. Юрмала, ст. Булдури

НА ГЛАЗАХ У АЛЬБАТРОСА.

Как салют, кусочки хлеба
От руки взлетают в небо.
Чайки ловко ловят их на вираже.
Среди птиц, как будто мошки,
Сухарей большие крошки.
Лишь взлетят и все по клювикам уже.

И летят со всех сторон.
Голубей полно, ворон.
За кусок борьба упорная кипит.
А ленивый альбатрос,
Словно к берегу прирос,
Ничего не понимает или спит.

Чайки носятся по кругу,
Вырывают друг у друга.
Кто слабее, тот по берегу клюёт.

Потолкаться! Побороться!
 Позабыли благородство –
 Хватать кусок и тут же вновь на разворот.

И летят со всех сторон.
 Голубей полно, ворон.
 За кусок борьба упорная кипит.
 Только грустный альбатрос,
 Словно к берегу прирос,
 Ничего не понимает или спит.

Громко лают и взлетают.
 Что бросают, то хватают.
 Кто слабей, тому крылом по голове.
 До противного красиво,
 И смотреть невыносимо,
 Потому что здесь не важно, кто правей.

Жадно мчат со всех сторон,
 На скамейку и на трон,
 Лишь бы первым к миллиону и к рублю.
 Ну, а я, как альбатрос,
 Глупо к берегу прирос,
 Ничего не понимаю или сплю.
7.08.88. г. Юрмала, ст. Майори

КРИК ПТИЦЫ.

Во сне как будто птица закричала,
 Заманенная на глухой чердак...
     ...Я всем простил, и всё начну сначала,
     Но не прощу себе, что надо так.
 На птицу я имел большие виды
 И на судьбу её мне наплевать...
     ...Я не прошу не наносить обиды,
     А умоляю промах не давать.
 Чердак на удивленье крепко заперт,
 И птица очень жалобно зовёт...
     ...Уж лучше промокнуть пяток царапин,
     Чем с лацканов отряхивать помёт.
 Засовы не падут волшебю сами,
 Чтобы проник я к узнице во тьму...
     ...Воспитывая противостоянье,
     Решаю твёрдо для себя, чему.
 В чердачное окно проникнуть проще,

Преодолев крутую крыши гладь...
 ...Давно не тот опасен, кто лишь ропщет,
 Но кто, ропща, и дело может дать.
 Удушливая пыльная картина,
 Последний хрип позёмкою у ног...
 ...Не то, чтобы беспомощность противна,
 Возможность одолжения не впрок.
 Чердак проветрен, только непоседа
 В земле, и эпитафия над ней...
 ...Когда подходит время для обеда,
 Без ложки сложно, потрудись, имей.
 Цветы полил, но в сторону глядится,
 И громом нарастает тишина...
 ...Стремительная юность, словно птица –
 Доверчива и незащищена.
 Во сне ли эта птица прокричала?
 Ведь наяву я ей не смог помочь!
 ...Когда всё начинается сначала,
 Ошибки дня нельзя валить на ночь.
 29.08.88.

СЛОВИЦА.

Слова, слова, ещё слова –
 Потоки, капли и моря –
 От вас кружится голова
 И пухнет, честно говоря.

Вас очень нужно говорить,
 Нельзя на ветер вас бросать,
 Вас можно просто подарить
 И вами можно привязать.

Слова по делу и без дел,
 Сплошная выделка из слов.
 Без вас бы статус не имел
 Ни златоуст, ни сквернослов.

Слова слабей – идут в мольбы,
 Слова сильней – зовут вперёд.
 А выросли б из слов бобы,
 Не рот бы был, а огород.

Слова, вы очень нам нужны,
 Но я опять от вас бегу.

Вы складные не так нежны,
Как редкие всегда в долгу.

Не выкинуть из песни слов,
И мы плодим, метя с весов.
Не для ослов и не для сов
Из слов засовы и послов.
6.09.88.

Из сборника «БУКЕТ НЕПАХНУЩИХ НАДЕЖД»

ПУШЕНЬКА.

Это было лет с десятков раньше:
Я автобус вяло штурмовал
И услышал, как водитель в кашле
Пушёнкинской площадь обозвал.

Пусть для слуха и не очень гладко,
Только вдруг повеяло теплом.
Кто же этот *Пушенька*-загадка?
Где его мемориальный дом?

Он не гений в черном одеянье,
Что то так, то эдак повернёт –
Автор стихотворных мирозданий.
Я уверен, *Пушенька* – не тот!

Он не грандиозный, не убогий,
Не всегда его и увидеть.
Видимо, он тот, кто все дороги
Свёл на эту площадь постоять.

Он когда-то был и нынче есть он –
Мудрый дед и ласковый малыш.
Пушенька является здесь, если
Вовремя о грустном промолчишь.

Пушенька подарит вам и строчки,
Пушенька закажет вам и пир.
Пушенькина площадь – это точка!
Пушенькина площадь – это мир!
14.02.89.

СЛАБОСТИ.

Вы скажите мне на милость,
Почему так получилось,
Что в масштабах всей страны
Мы на слабости сильны?

Наши слабости бесценны,
Но с наличием цены,
Как объекты полноценны,
Постоянно нам нужны.

Независимы, безвестны,
Хоть и явно на глазах,
Наши слабости, как песни,
Как весенняя гроза.

Вы скажите мне на милость,
Почему так получилось?
Не избавиться никак,
Каждый свой растит сорняк.

Осуждаем постоянно
И копаемся в себе,
Но бравируем упрямо,
Как кругам на воде.

Не количеством слабинок,
А диаметрами их.
И они неистребимы,
Проникают даже в стих.

Вы скажите мне на милость,
Почему так получилось –
Если слабостей вдруг нет,
Это худшая из бед?

Мы без слабостей не можем,
Знаем это и молчим,
И от них воротим рожу,
И невнятное мычим.

В час дурной, потупя взоры,
Затянувши поясок,
Сами слабостям, как воры,
Лучший отдаём кусок.

Состояньем слабины
 Атлетически сильны.
 Так вот всё и получилось!
 Не пойму, кому на милость!
 3.04.89.

ЧТО-ТО НЕ БЫЛО ДАВНО...

Что-то не было дождя давно,
 И давно я не смотрел в окно.
 Просто так в одно окно
 Не смотрел уже давно –
 Просто не было дождя давно.

Что-то не было давно весны,
 Не являлись золотые сны.
 Золотым сияньем сны
 Не сияют без весны –
 Просто не было давно весны.

Что-то не было давно стихов,
 Что-то не было давно грехов.
 Но стихи ведь без грехов,
 Как грехи без их стихов –
 Не грешится просто без стихов.

Что-то не был я давно собой.
 Был такой и был сякой – любой.
 Но, увы, другой любой
 Не поможет быть собой.
 К чёрту всё! И надо быть собой!
 11.04.89.

НАКАНУНЕ...

В.Васильеву

Пойдёт пехота утром в дело.
 Уже представлен каждый полк.
 Их двое на поле глядело,
 В ногах томился юный волк.

Историю глобальной мерой
 Черпали, обходясь без карт –

Наполеон в шинели серой
И с лисьим воротом Мюрат.

Исход доверен лишь природе.
Сомненья облаками – фон.
И дух лесной до них снисходит,
И дух московский идет вон.

Когда тропа узка и бренна,
Когда она едва видна,
Она не столько проторена,
Сколь философски лишь одна.
14.06.89.

«ЭСМЕРАЛЬДА».

Сие не бред, не поза и не мода,
А перевоплощенья новый круг...
И тянет к Эсмеральде Квазимодо
Глухонемых горбатых пару рук.

Он не сумел спасти любимый образ,
На плаху в исступленье проводил.
И автор это всё предупредил,
Но он переживает всё ещё раз.

С покорностью шутящего калеки
Он привыкает к частоте потерь,
И даже плача искренне теперь,
Он помнит то, что в гриме эти веки.

У каждого, уверен, Квазимодо
Есть Эсмеральда с именем своим,
Когда-то целовавшая уroda,
Иль жаждущая поцелуя с ним.

И здесь не обязательны ни танцы,
Ни «вдолбленная» с детства немота.
Сюжет всегда иной, ины места,
Дуэты их на сотнях мира станций.

Конечно же, от встреч до расставаний
И взгляд преобразуется во взор.
О, только б не досада и позор,
Не просто мизансцена со словами.

Горбун глядит сквозь плаху, сквозь кулисы
 В ту сторону, куда она ушла –
 Не на партнёршу, знойную актрису,
 На ту, что видят сердце и душа.

Он подождёт. Она сюда вернётся.
 Ведь не на всех приходится палач.
 И прекратит звонарь свой тихий плач.
 Когда она губами прикоснётся.

И будет уж другое время года,
 И будет ярче белизна страниц,
 И может быть, как в сказке, юный принц
 Родится из несчастного уroda.
 27.09.89.

ОТРЕЧЕНИЕ.

(Монолог Царя из балета «КОНЕК-ГОРБУНОК»)

Уже зима. Сезон не для охоты,
 Хоть кони перелётные летят.
 Озлить или порадовать кого-то
 Придётся невпопад и наугад.

Рубли в казне дырявой, воны, кроны –
 Сочтёт теперь помазанник другой.
 От блеска шестилетнего короны
 Освобожу чело своей рукой.

Сегодня я отрёкся от престола
 И прыгнул в поминальный самовар.
 Меня по кружкам разольют весёлым,
 Как едкий непрописанный отвар.

Но за столом меня не будет с ними,
 Белёсым паром вылечу в трубу.
 Возможно, что моё запомнят имя
 За то, что я видал их всех в гробу.

Чтоб я услышал правильные звуки
 И до конца всё правильно сказал,
 Я перед выходом умою руки,
 А после загляну друзьям в глаза.

Пусть шепотки в кулисы завернутся,
 И печника с бородой возникнет тень,
 Я умудрюсь теперь не оглянуться.
 День ритуальных танцев – этот день.
 3.12.89.

Из сборника «ТАБУНЫ НЕУЮТНЫХ РУСАЛОК»

«СПЯЩИЙ...»

По брусчатке Красной площади
 Топот, ропот, шепоток –
 Не будёновские лошади,
 Не физкультурников поток.

Эту очередь выращивать
 Семьдесят старались лет,
 То народ на «принца спящего»
 Глянуть хочет – есть, аль нет.

Нет бы – ветром, да на лошади,
 Чтобы пена вокруг удил,
 К двери поперёк всей площади,
 В губы чмок и разбудил...

Нет, идут толпою ровною.
 Как за праздничный заказ,
 И окончить сказку добрую
 Некому и в этот раз.

То ли просто глянуть ласково,
 Обновив собой тропу,
 Как там «рыцарю прекрасному»
 Во «хрустальном», во гробу,

То ли друг за другом пристально
 Проследить, чтобы... А то –
 На Руси большой, неистойвой
 Ух! ... А тут, чтобы никто!

Спит, его и не в земле душа,
 Знатный русский богатырь –
 Или просто добрый дедушка,
 Или гениальный хмырь.

Топот, шепот, прохождение,
 Человеческая нить...
 Не предскажешь поведения,
 Очень страшно разбудить.
 22.06.90.

ИЗ «ИСКРЫ».

Отгремела одна уж не впрок
 Революция, еле початая.
 Только снова: подвал, ночь, станок,
 У станка большевик – он печатает.

Он поспать был бы, может, не прочь.
 Это – действие вполне благородное,
 Но печатает «Искру» всю ночь,
 Возгорелось чтоб пламя народное.

Не потеет в работе станок,
 Циклы все одинаково точные.
 Засыпая, не чувствуя ног,
 Стал печатник деталью станочною.

Выплывают газеты листы,
 Злые буквы в строчки сливаются,
 И над ними, как смертных простых,
 Нелегала глазёнки слипаются.

И откуда оно? Видно, сон –
 То сказался режим с перебойми,
 Но привиделось: будто весь стол
 Вместо «Искры» завален «Плей Боями».

Большевик наш сперва обалдел,
 Но печатать старался без устали.
 Похотливая фотомодель
 Прикусила напротив губу свою.

Вот, она здесь уже не одна –
 Справа, слева, и все обнажённые.
 Оживают! Любая годна
 В дело и нереволюционное.

Всё стремительней ходит станок,
 Взад-вперёд, взад-вперёд, нарастающе.

Уж в руках – не рычаг, пара ног,
И каких! Эта пара ног та ещё!

«Искры» с глаз! Повалил на «Плей Бой».
Голова переполнена звуками...
Только нет, не в висках этот бой.
Это в дверь барабанят. Застукали!

Головы не сносить на плечах.
Под угрозой успех Революции.
А снаружи всё громче кричат:
- Открывайте немедля! Поллюция!
16.07.90.

ЕЖЕДНЕВНИК.

Ежедневно живу и никак не умру.
Календарь – листьев осени тень.
Я центральный игрок в эту злую игру –
Жизнь разыгрываю каждый день.
9.08.90.

ВРЕМЕНА ГОДА. (поэма)

Год каждый круглый, как лассо,
Как нимб с двенадцатью лучами,
Как движущее колесо,
Как неуклюжий круг гончарный.

Тебя, как глину, он вертит
И сдавливают, как добычу.
И переедет – не скряхтит,
И не воспевши, возвеличит.

С любого месяца начни,
Получишь цикл. Он полон жизни.
Да что там, и недели, дни –
Спираль в этом механизме.

Как сбросивший рога олень,
ЯНВАРЬ – он смена поколений.
Его явления ждать не лень,
В раскаянье и отрезвление.

Не пишет, не даёт, не ест...

ФЕВРАЛЬ, как злая поэтесса –
 Страшнейшее из милых мест,
 Погода и период стрессов.

Надежд, Любви и Веры страж –
МАРТ, из сомнений состоящий –
 Рассчитанный на чью-то блажь,
 Бездонен, как Пандоры ящик.

Чулан-сюрприз, чулан-обман –
АПРЕЛЬ. Весна, середина жизни!
 Нырнул, чтоб утонуть, в карман
 Ключ от замка из оптимизма.

Не нов – о маете опять...
 Как **МАЙ**, так множество работы.
 И только маясь их прогнать,
 Собравшиеся все заботы.

Внутри разбужен людоед!
ИЮНЬ – в накале нерв до пенья.
 Скорее б выстрелиться в свет,
 В своём же стоя оцепленье.

Гордиться будущим спеша,
ИЮЛЬ – антракт, расчет, итоги,
 Закрытые, как и душа,
 В пророчествах, от глаз чертоги.

Серьёзно или налегке,
 Но **АВГУСТ** – время путешествий.
 Умом и сердцем вдалеке,
 И даже если я на месте.

Стихам в угоду много жертв.
СЕНТЯБРЬ – кипенье вдохновенья
 И злой охоты на сюжет
 Разбуженного откровенья.

ОКТЯБРЬ – опора за спиной,
 Он ощутимый, он не снится,
 Уверенностью не шальной,
 Как силой наполняет мышцы.

НОЯБРЬ! Голубчик, что за вкус?

Стезя твоя неблагодарна.
 Влюблённый – ты открыт для Муз,
 Прекрасных, милых и коварных.

От дня рожденья до конца,
ДЕКАБРЬ – неугомонный праздник.
 В снегу, в иголках, без лица,
 Весь год он приближеньем дразнит.

И не известно ни гу-гу,
 Молчит текущая водица,
 На всё-таки каком кругу
 Исчезнешь, чтобы вновь родиться.
 30.08.90.

ОН ПРИХОДИЛ.

Он пришёл туда с весёлой доброй песнею.
 Он подумал, с песней будет интереснее.
 Только люди, вот, его, увы, не поняли
 И совсем другим его слова наполнили.

Он пришёл туда с душою очень чистою,
 С удивительными мыслями и истиной.
 Только люди чистоты той не увидели
 И жестоко незаслуженно обидели.

Он пришёл туда с улыбкой и прощением,
 Не желая ни разбора, ни отмщения.
 Только люди почему-то вдруг озлобились
 И побили так, что чудом не угробили.

Он приполз туда с вопросом умирающий,
 Но добили его чуткие товарищи,
 Не спросив его ни имени, ни звания,
 Камнем выразив людское понимание.
 3.09.90.

НОВОДЕВИЧЬИ КУПОЛА.

На купола не только солнце может,
 Но даже небо пасмурное лечь,
 Когда печаль неясная тревожит.
 Идя сюда, не бойся новых встреч.

На Новодевичьем сегодня тихо.
 А впрочем, здесь ведь быть так и должно.
 Грустит река и вторит ей Плющиха,
 Мы что-то все сегодня заодно.

Я так устал указывать рукою
 На неизбежно очень верный путь.
 Мне не хватает полноты покоя.
 Я этот миг прошу мне завернуть.

Стекут водой печали и тревоги,
 Лишь только взгляд скользнёт по куполам.
 А в глубине души вдруг недотроги
 Прольют свой нежный звон – колокола.

Когда-то это в памяти осталось,
 Сегодня ляжет по-соседству день.
 Пусть новой встречи и не состоялось,
 Но стала меньше пасмурного тень.
 4.09.90.

Из сборника «ГОД ЗАТМЕНИЯ СОЛНЦА»

СОЧЕЛЬНИК.

Останови на время хоровод,
 Не торопись распить и полюбить.
 Зажги свечу, и пусть к тебе зайдёт
 Любой, кому сегодня негде быть.

Пусть трепетный укажет огонёк,
 Подобно маяку, кому-нибудь
 В гадании грядущего намёк,
 А наяву с окна на верный путь.

Не тереби свой грустный телефон
 И у огня тихонько помолчи.
 Поможет и тебе сегодня он,
 Он будет собеседник твой в ночи.

Он песню еле слышно пропоёт,
 Картину незаметно впишет в век,
 И, может, в этот миг к тебе зайдёт
 Только тебя искавший человек.

В сочельник придержи свой хоровод,
 Зажги свечу и у окна побудь.
 В дрожании, увидишь, проплывёт
 Желанная несбыточная жуть.
6.01.91.

И НА ПОЛЯНАХ СТРАШНО.

Я обращаюсь к этой теме
 Под внутренний неизлечимый рёв,
 Когда в лесу сплошная темень
 И на полянах страшно больше трёх.

И снеговые ёлок патлы
 Обрушиться готовы на тебя,
 Когда стучат лихие дятлы,
 Своё предназначение любя.

Уже окрысились соседи
 И шишечкой никто не одарит.
 Вчера задрали вдруг медведя
 Зайчишки два – совсем не упыри.

И под кустом уже не каждым
 И стол, и дом – притихли голоса.
 И изнасилована дважды
 Когда-то недоступная лиса.

Сидят по норам, кто был смелый.
 Филин и тот надулся, словно сыч.
 По просекам идут отстрелы,
 По чащам дележи больших добыч.

Но неизбежно каждым утром
 Слепая пробуждается заря,
 Окрашивая перламутром,
 Местами, застывая в янтарях.

И хочет даже шкет бельчонок,
 Сокрыв своё желанье от «тата»,
 Спросить её, вот так, спросонок:
 «Давно ль ещё ты и глухонема?»

К чему сиянье в поднебесье,

Не освещающий ни метра свет,
 Когда по лесу нравы бесьи,
 А в лесостепи выхода и нет?

Когда прошли зимы все сроки,
 И озверели звери изнутри,
 Тут только верещат сороки,
 И что-то снова глушат глухари.

Не колят лиственниц иголки,
 Когда не валят их на корабли,
 Но по-собачьи брешут волки,
 Когда по-волчьи воют кабели.
12.01.91.

ЛИШЬ ФРАЗА.

Не задержу я вашего внимания,
 Мне хочется лишь фразу привести:
 «Любовь – это такое состояние,
 Когда не нужно говорить “Прости”».
27.01.91.

СПИ, МОЙ ГОРОД!

Я на посту, мой город, спи спокойно!
 Надеюсь, я тебя не разбудил.
 Я сам у аппарата. Стража, вольно,
 Пока я никого не сократил!

Мой город будет весел и спокоен,
 Пока его я в полночь обзвоню.
 Серьёзны свечи, вдумчивы иконы,
 Погибли опасенья на корню.

Сомкни глаза, мой город. Даже мушка
 Не прожужжит сквозь наступивший сон.
 Придумано неплохо – колотушку
 Мне заменил сегодня телефон.

Ведь было время: я не думал даже,
 Что диск простой вертлявствуя рукой,
 Я стану зорким и ревнивым стражем,
 Дарящим ночью городу покой.

Мой город, я люблю тебя, как песню,
 Как женщину, как постоянный мир.
 Хочу я быть в тебе, а значит, вместе.
 Я – твой повеса, ты же – мой кумир.

А может быть, всё перепутал кто-то:
 Я – просто ОН. Ты, город мой – ОНА,
 У нас роман и первая забота,
 Чтобы вокруг струилась тишина.

Довольно болтовни, беспечный стражник!
 Опасность город твой не заслужил.
 Ты – баламут и временами – бражник.
 Марш к аппарату! Крепче связь держи!

Все по местам! Созвездия, по коням!
 Что я несу?! Затмение! Кретин!
 Я на посту, мой город, спи спокойно.
 Я – стражник, твой почётный гражданин.
 12.05.91.

(Баллада 33-х строк и лет)

ЛЕОНИД.

1957

1.	Ложка, пух, горшок и плюшевые чудища,	1958
2.	Ежедневная котлета за щекой,	1959
3.	Очень мелкая песочница, но с будущим,	1960
4.	Несравненное лопушьё над рекой,	1961
5.	Без конца командировочная мать,	1962
6.	Гриппы, свинки и клоповая кровать,	1963
7.	Черета гостиниц, некогда сощуриться,	1964
8.	Изнывание за партою в урок,	1965
9.	Легкий бег по первой сцене тихой улицы,	1966
10.	Старый двор, и воспитание не впрок,	1967
11.	Еле-еле усмирившийся отсев,	1968
12.	Ненавистное высокое «пассе»,	1969
13.	Эстафета школ по воспитанью мастера,	1970
14.	Испытанья и уколы в лоб и в бровь,	1971
15.	Лимузины на бумаге – «муки гангстера»,	1972
16.	До отверженности первая любовь,	1973
17.	Если можно так сказать – уже стихи,	1974

18.	Но неправильные первые грехи,	1975
19.	Погружение в искусство обезьянное	1976
20.	Пожилых училок лепет, пьяный сон,	1977
21.	До – восторги, после – отторжение странное,	1978
22.	Ева с яблоком, квартирою и псом,	1979
23.	Лицедейство, страсти бурь, побег в рань,	1980
24.	Очень Ближний, но Восток, трофеи, дань,	1981
25.	Вечера сонетов, сказки, жизнь летящая,	1982
26.	Чаше – каплю, старт – любви, мечте – софит,	1983
27.	Доступ к тайне чуда «Солнца Восходящего»,	1984
28.	Ловля спутниц между счастья и обид,	1985
29.	«Ёлки-палки», Перестройка, смута, брак,	1986
30.	Острова опять, под канитель бурлящую,	1987
31.	Взрыв прозрения, долги, партийный мрак,	1988
32.	Исступленность, поиск, бред, вторая юнь,	1989
33.	Добрый дядя, светлый путь, три раза сплюнь!	1990

20.05.91.

ВОЙНА НЕ ОКОНЧЕНА.

Знакомая фраза затёрта по плитам,
 Годами подкрашена, водкой облита,
 И снова она произносится сыто:
 «Никто не забыт, и ничто не забыто».

Она на высотах тупых обелисков,
 Она в многочисленных прозах-записках,
 В фигурах гранита она исполинских,
 И от безымянных огней она в искрах.

Она в черепах, пролежавших в болотах,
 Она в катакомбах, в ущельях и в дотах,
 В polegших – безжалостно брошенных ротах,
 В погибших отважно, застывших в окопах.

Утоплены в тостах и славой залиты,
 Воюют герои – в земле не зарыты.
 Война не окончена. Тема открыта,
 И помнит любой, что ничто не забыто.

22.06.91.

СКОРО ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА.

Скоро затмение Солнца
И полнолуния схватки.
Сызнова всё начнётся...
Лучше б в обратном порядке.

Утром проснёшься и знаешь,
Что тебе нужно не делать.
Плётка назад уползает
Мысленно змейкой по телу.

Выпитая «Кока-Кола»
Раньше вкусна, чем открыта.
Кровь уже раньше укола,
Слёзы же раньше обиды.

Ранее оригиналов
Увидят свет переводы,
И раньше свадеб скандалы,
И раньше ссор разводы.

Прежде весны будет лето.
Кубок пуст раньше, чем полон.
До выключения света...
Не как хочу, но как понял!

Будет затмение Солнца
С полной Луной встречаться.
Прямо с конца начнётся,
Чему началом кончатся.
7.07.91.

БЫЛИННЫЙ КАМЕНЬ.

Я от камня направо свернул, отмахнувшись от шуток.
Как тропинка утоптана, глянь, богатырь-молодец.
Головы не сносить на плечах до скончания суток.
И она не успеет заметить бесславный конец.

Я от камня налево, и глазом моргнуть не успевши,
Повернул и почувствовал тотчас, что падает конь.
Соловей ли, разбойник, болотное ль чудище, леший –
Будет другом или разведёт подо мною огонь.

Я от Камня Судьбы по прямой неизвестной дороге
 Всё ж пошёл, отогнав суеверие – утренний сон.
 Интуиции ноль, только ужас и ватные ноги,
 И огромная жадность идти и достать горизонт.

Я у камня сижу. Не с кем слова сказать, я немею.
 От всего, что возможно, далёкий и на волоске.
 Ничего не пойму и ни строчки прочесть не умею,
 И сколоть эти буквы никак не подняться руке.

Я на камне стою. Непривычно, обидно и плохо.
 Только ветер свистит в неурочный для путников час.
 Мои ноги уже неподвижны, покрыл тёплый мох их.
 На плечо сел орёл и клюёт мой всевидящий глаз.

Я под камнем лежу, мысли прочь отгоняю, но тщетно.
 Беспробудная жертва и путаник целей и вер.
 Я так сильно прижат, не нырнуть даже в тихую Лету.
 Только чьи-то всё время шаги отдают в голове.
 28.07.91.

ЛИРИКА В ЖУРНАЛЕ.

Когда-нибудь прочтут журнала строки.
 Там будет не маршрут, но лишь стихи
 О том, как рассветало на востоке,
 Как градусы жидки от чепухи...

И всюду заразительная радость.
 А может, я с покоем не в ладу?
 Взойдите к нам на раненый корабль,
 Который я пока ещё веду.

В журнале вычислений нет из страха,
 Но ужас наводил не шторма вал.
 Боялся я удачи, но не краха,
 И лирикой свой путь зашифровал.

Привет, прохожий! Кем ты будешь? Юнгой!
 И коком, и матросом, кто гребёт!
 С любовью к риску новым верным другом,
 И боцманом, кто склянки мне набьёт.

Расстреляны враги, утопли плаксы,
 И выздоравливает голова.

Я запишу сегодня после кляксы,
Что и команда полностью жива.

Ну, а тебе придётся раздвоиться
И оградить корытину от бед:
Весь день следить за путеводной птицей,
Но в кубрике накрыть на всех обед.

И снова я пишу в своём журнале.
Опять стихи – прилив, поток, обвал.
Мы тут недавно сушу миновали,
И я это причудливо назвал.

Уверен, нас ещё догонит песня –
Светла, как утро, как любовь, проста.
Возможно, это цель и плата рейса.
Проходят раны, коль жива мечта.
15.08.91.

ДВЕ ЛОШАДИНЫЕ СИЛЫ.

Что так внезапно и странно взбодрило,
Словно застойного снова коня?
Чувствую две лошадиные силы
В этом единственном теле меня.
Мало меня, видно, в детстве пороли.
Не перестал я вертеть головы.
Две лошадиных: одна – сила воли,
Ну а вторая – неволи, увы.

Вожжи – струна! Ничего не поделать,
Время летит от беды до беды.
Даже дорогу одну не поделают,
Так и виляют у носа зады.
Мочи уж нету! Метаться доколе?
В споре друг с другом, как дети резвы
Две лошадиных: одна – сила воли,
Ну а вторая – неволи, увы.

Как две сестры, непохожих натуры.
Быть коренному меж них не дано.
Две непокорные крепкие дуры,
В жилах – не кровь, молодое вино.
Вечно вдвоём – до экстаза, до боли.
Как ни смешно – и в труде, и в любви.

Две лошадиных: одна – сила воли,
 Ну а вторая – неволи, увы.
 16.08.91.

ВСАДНИК ПОЦЕЛУЯ ТВОЕГО.

Всем, кто ждёт!

Из ворот бумажных надо рвом-ручьём
 Замка из сыпучего песка
 По дороги серпантина обручам
 Уносило ветром седока.

На коне из облака свинцового,
 С острой шпагой лунного луча,
 В кружевах камзол прилива нового.
 Неизвестно, как и величать.

Время и реальность – долго дуются
 Две сестры итога одного.
 Надо ждать. Однажды расколдуется
 Всадник поцелуя твоего.

Замок станет твердью, рвом проталина,
 Облако конём и луч клинком.
 И обнимет он тебя за талию,
 И сведёт в ворота прямым.
 18.08.91.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ АВГУСТА.

Не ленитесь и запомните, пожалуйста,
 Как бы дальше не сложилась ваша жизнь,
 Это утро девятнадцатого августа,
 Как на танках нам вернули коммунизм.
 19.08.91.

ПРОСТИТУТКА.

Бесстыжее я наблюдаю тело,
 Чтоб не соврать, не первый год подряд.
 Не властно время. Только раздобрела,
 И побогаче, ежели на взгляд.

А ведь даёт себя любому лапать,

Пускает в близость, имя не спрося.
 Тот проходимец, тот типичный «лапоть» -
 Всегда безмолвна и сияет вся.

Как пионерка. Будь готов! Готова!
 Очередной подонок – фаворит!
 Как дура, верит каждому их слову,
 Хоть всяк из них былого повторит.

Бывали идиоты, лицемеры,
 Преступники, садисты, алкаши.
 Не знала чувства меры, чувства веры,
 В любви едино – все ей хороши.

Толпа едва мычащих импотентов
 И та влекла паскудницу в оргазм.
 Мало того, всё под аплодисменты
 И с песней, прославляющей маразм.

И плату же ведь не берёт, кретинка.
 Клиентов ласки – чаще кулаком.
 А то, получит сдёрнутым ботинком,
 Или забрызжут кофе с молоком.

Должна бы быть захватана руками,
 Утратить уж пора бы ей красу...
 Ан нет, свежа и с гладкими боками,
 И возраст не мешает ремеслу.

Кто при смерти, такому держит утку.
 Герб на груди ей добавляет вес.
 Союзного значенья проститутка –
 Трибуна для ЦК КПСС.
 21.08.91.

ТАРАКАН.

Если бросить таракана
 В недра мусорного чана,
 Обживётся таракан
 И полюбит этот чан.

Если бросить таракана
 Внутрь полного стакана,
 То от жажды таракан

Просто выпьет весь стакан.

Если сунуть таракана
В шевелюру великана,
Оглядится таракан
И решит, что великан.

Если бросить таракана
В зубы страшного капкана,
Удалится таракан,
Как непойманный в капкан.

Если бросить таракана
В кипятка струю из крана,
Отряхнётся таракан,
Наплевав на этот кран.

Если сунуть таракана
Внутрь старого дивана,
Будет счастлив таракан
За подаренный диван.

Если бросить таракана
В воды моря-океана,
Не заметит таракан
То, что это океан.

Если бросить таракана
Вниз башкой с аэроплана,
Улетит аэроплан,
Уползёт и таракан.

И нельзя из таракана
Сделать полного барана,
Потому что таракан –
Не какой-нибудь баран.
18.09.91.

В ЧИСТО ПОЛЕ.

Вижу поле впереди,
Речка в поле том.
Только речку перейти
Нужно этим днём.

По упавшему бревну,
По-между сучков.
И не белому вину
Закружить голов.

Вижу поле впереди,
Нет дороги в нём.
Взявшись речку перейти,
Тяжко этим днём.

Может, в рощу? Может, в лес?
Можно за бугор.
Где там леший? Где там бес?
Где чужой забор?

Трещину прошу веслу.
Бродом раз, как сто!
С лука выпущу стрелу –
Ветру баловство.

Светел небосвод и чист,
Помыслы белы.
Я пойду теперь на свист
Пущенной стрелы.
29.12.91.

Из сборника «ТРИ СТРАНЫ ГОДА»

ЧИКАГО.

Мои годы – шары надувные.
Колкий ветер, их гнать обожди.
А в Чикаго мосты разводные
И не редкость дневные дожди.

Местный билдинг чуть выше Смоленки,
Только мне здесь теряться нельзя.
У меня и покрепче коленки,
И совсем уж другая стезя.

Под чужою символикой пляшем.
Только в сердце и флаг мой и герб.
Не считите, что слог приукрашен –
Я совсем не про молот и серп.

А в Чикаго мосты разводные.
 Дождь дневной остужает мне кровь.
 Мои годы – шары надувные.
 Колкий ветер, мы встретились вновь.
5.03.92. г. Чикаго

ЖЁЛТЫЙ ТУМАН.

Это блюдо для гурмана,
 Перетерпим как-нибудь.
 В толще жёлтого тумана
 Пролегает долгий путь.

Он не серый и не синий.
 Не сожмёшь его рукой.
 Он такой же, как в России,
 Но какой-то не такой.

Как пуховым одеялом,
 Укрывает он холмы.
 На вершинах его мало,
 На долинах больше тьмы.

Как парами алкоголя,
 Окружает он умы.
 Всё хорошее до боли –
 Вдалеке, как вид с кормы.

По туману, как по морю.
 По Огайо, как к Орлу,
 На нью-джерском на просторе,
 На вершине и в долу.

Мне одно в тумане ясно
 Про бытё, про житиё –
 Чем заморское прекрасней,
 Тем любимее своё.

Через пыль в глаза, дурманы
 И другие чудеса,
 Через жёлтые туманы
 Под родные небеса.
6.03.92. Брайан – Черри Хилл.

СТИВЕНСОН-КРУИЗ.

Когда манят сокровищами страны,
Лишь этот свет далёкий видит глаз.
Команду набирают капитаны
В борделях, по тавернам торопясь.
Когда обещан куш и сжаты сроки,
Не думают о трудности в пути.
Идёт братва на всё – в гребцы и в коки,
Лишь бы успеть на палубу взойти.

В пути все заодно, цель оправдает.
Никто не замечает мелких ссор,
Испытывают жажду, голодают,
Хоть и в штанине нож, в руке топор.
Твердь незнакома. Нов изгиб причала.
Какая ты? И первым кто сойдёт?
Но вот, «земля» на вантах прозвучала,
И капитан наметил фронт работ.

Над картою склонясь в своей каюте,
Сам капитан и боцман, и старпом –
Не ведали, что делалось на юте,
И сколько было шлюпок за бортом.
Когда большой кусок лежит в тарелке,
Приборы на руках, желудок крут,
Беседы о порядочности мелки.
Гасите свет! Они вас не поймут.

На сушу капитан сошёл последним.
Он шёл искать контакт, дарить идей.
С ним пара дураков из многолетних,
А может быть, порядочных людей.
Мессией он не стал. Там было трудно.
И клад. Как ни старался, не нашёл.
Он не был ни тупым, ни безрассудным
И при своих на палубу взошёл.

Корабль и не украли, как ни странно,
И многие вернулись из бегов.
Старпом стоял седой, а боцман пьяный.
Монах и по сейчас хвалит Богов.
Пересекли Атлантику обратно.
Я не был там, журнала не читал,
Но, что могло случиться, вероятно,
Предположил, додумал и сверстал.

Ну, капитану, видимо – судиться.
 Он многим не заплатит за бега.
 Кто не вернулся, станет вольной птицей.
 Всегда ли это лучше? Не всегда!
 Старпом взорвётся вдруг по-итальянски,
 Не плавать поклянётся наперёд.
 С монахом боцман, чёрный эль ирландский
 Прикончив, вновь команду наберёт.
9.03.92. г. Нью-Йорк

В ИРЛАНДСКОМ НЕБЕ РАДУГА.

Пишу ли я? История такая,
 Что очень затянулся наш полёт.
 В ирландском небе радуга сверкает,
 Zalюбовался даже самолёт.

Её цвета правдивы и в порядке,
 По-западному сочны и свежи.
 Рассвет вступает исподволь, украдкой.
 Размыты дня и ночи рубежи.

Почти вчера покинул и простился,
 Почти сегодня полюбуюсь вновь.
 Я птица, или оседлать мне птицу
 И шпорами содрать ей крылья в кровь.

В ирландском небе радуга живая,
 И чёрный «Гиннес» - не помеха ей.
 Я с каждым годом что-то открываю
 И складываю в памяти своей.
10.03.92.

Нью-Йорк – Стефанвилль – Шеннон – Москва.

МЫ СПИМ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ.

Мы погружаемся в них сами,
 Иль нас окутывают сны.
 Мы спим с открытыми глазами.
 В них отражение весны.

Ночь управляется с весами.
 Она уже сильнее дня.
 Мы спим с открытыми глазами.

И нежно смотрим на себя.

Во сне омоемся слезами,
Или одержим ряд побед.
Мы спим с открытыми глазами.
И в них следа печали нет.

Мы спим с открытыми глазами,
И узнаём по ходу сна,
Возможно то, что будет с нами,
Если достанет нам ума.
12.06.92.

РАМКИ МИРА. (пантум)

И слаще мёда горький яд.
Размыты, зыбки рамки мира.
В глубоких мыслях броду рад.
Послушна дьявольская лира.
Размыты, зыбки рамки мира,
И неизвестный путь знаком.
Послушна дьявольская лира,
Доступно то, что под замком,
И неизвестный путь знаком,
Когда отравлен в утоление.
Доступно то, что под замком,
Мечтаешь, властвуя, о плене,
Отравлен если в утоление.
Врачуешь опыт на себе,
Превозмогаешь отвращенье
И тягу пестуешь в борьбе.
Реальность – мифом поколенья.
Превозмогаешь отвращенье
И жаждешь радости преград –
Реальность – мифом поколенья.
И слаще мёда горький яд.
22.07.92.

ГОД НА ГРОБ. (пантум)

В.Высоцкому

От каждой встречи год на гроб,
Рукопожатие всё крепче.
Кто тягостен, кто жив, кто горд.

Кто с чем пришел, тем и помечен.
 Рукопожатие всё крепче,
 Всё меньше розня возрастов,
 Кто с чем пришел, тем и помечен,
 Как чаща в метре от костров.
 Всё меньше розня возрастов,
 Всё дольше наши разговоры.
 Как чаща в метре от костров,
 Подслушиватели и воры.
 Понятней, дольше разговоры.
 Хватает их на целый день.
 Я остаюсь, покинув скоро,
 Ты ж посылаешь следом тень.
 Однажды будем в ряд без ссоры.
 Я остаюсь, покинув скоро,
 И в крупных каплях пота лоб.
 Однажды будем в ряд без ссоры.
 Опять при встрече год на гроб.
 25.07.92.

РОССИЯ.

Посмотри, какое небо синее,
 А под ним загадки в ночь и днём.
 Почему зовут тебя Россию –
 Землю, на которой мы живём?

Годами безбрежными, глубокими
 Притянула ты клубы страстей.
 Почему ж осталась одинокою,
 Лучших потеряв своих детей?

Опusti глаза и глянь-ка под ноги.
 Сколь дорог и сколь на них крови!
 По траве, по мокрой грязи, по снегу –
 Всё следы без веры, без любви.

Мимо ж – равнодушное движение,
 Без восторгов, сдержанно дыша.
 Почему так твёрдо убеждение,
 Что загадочна твоя душа?

Посмотри вокруг себя, безумная!
 Полюби, но не нажми курок.
 Отыщи чуть более разумного,

Чем чудовищ тягостный поток.

Почему опять тебе не верится,
 Что не строят счастье без людей?
 Почему тебе пришлось довериться
 Самой злой из всех земных идей?

Ты же доказала, что ты сильная,
 И закалена не раз огнём!
 Потому и небо очень синее,
 И под ним загадки в ночь и днем.

Всех эпох прошедших громы рокотом
 Над твоей гремели головой!
 Потому и дети, хоть и прокляты,
 Погибали, гордые тобой.

Вдоль дорог, бессмысленно натоптанных,
 Твоё тело изукрасивших,
 Пусть неровно, но стоят – растрёпаны
 Деревя, терпеньем хороши.

Потому восторги будут поздними,
 После страха, горя и обид.
 И твоя загадка нам не по сердцу,
 Только душу больно бередит.

Жемчугами слёзными унижена
 Будет цепь, что сможет крест обвить.
 Кто придёт, нежданный твой, но избранный?
 Кто научит всех тебя любить.

Добрая, Богатая, Красивая,
 Глупая, Доверчивая Мать!
 Потому зовут тебя Россию,
 Что тебя так страшно потерять.
 30.07.92.

В ЛЮБВИ, ПОЭЗИИ И ВЕРЕ. (пантум)

Н.Гумилёву

Через Сахару путь лежит
 В любви, поэзии и вере.
 От испытаний не бежит,

Прикуривает на бруствере.
 В любви, поэзии и вере.
 Как в копиях, роет жемчуга.
 Прикуривает на бруствере,
 Гипнотизирует врага.
 Как в копиях, роет жемчуга.
 Раздать без жалости – искусство.
 Гипнотизирует врага.
 Стрела вонзится в сердце грустно.
 Без жалости раздать искусство
 Всем, вплоть до шальных морячков.
 В шатре томящееся буйство...
 Не убоится и оков.
 Перебирает чётки пусто
 В шатре томящееся буйство...
 Путь конквистадор довершит –
 Перебирает чётки пусто –
 В песках Сахары он лежит.
12.08.92. г. Санкт-Петербург

СТРЕЛЕЦ В ДОЗОРЕ. (пантум)

Конёк Никольской башни сгнил.
 Стрелец в дозоре смежил веки.
 Стоять уж больше нету сил,
 Предел угадан в человеке.
 Стрелец в дозоре смежил веки –
 Хотя ещё не сорок лет,
 Предел угадан в человеке.
 Полгода жалованья нет.
 Хотя ещё не сорок лет,
 Монашья думы душу старят...
 Полгода жалованья нет...
 Сегодня рад случайной чаре.
 Монашью ль душу думы старят?
 Иль снова демоны во сне?
 Стрельца лик правдою не жарит,
 Но тихо дремлет в тишине.
 Висячий мост ослаб и в гари.
 Стрельца лик правдою не жарит,
 Флаг выцвел и уже не мил,
 Висячий мост ослаб и в гари,
 Шатёр Никольской башни сгнил.
6.09.92. г. Нижний Новгород

МЕЖДУ ВОЛКОМ И СОБАКОЙ.

Что мне врать, не лезу в драку
И от драки не бегу,
Но меж волком и собакой
Удержаться не могу.
Разбудили, гонят в поле,
От покоя, от норы.
Я бегу по чьей-то воле.
Не стреляют до поры.

Им не нравятся повадки,
Шерсти цвет не по душе,
Что не мягкий и не гладкий,
И не чучело уже,
Что гляжу я цепко, колко,
Что клыки острей пилы.
Пребываю, глядя волком,
В их задах вместо иглы.

У меня ведь тоже брови.
Я сдвигал их в гуще стай.
Ну, как возжелаю крови,
Так кого-то подавай.
Лес, гадюки, обложили –
В травле серый кардинал.
Здесь мои законы были.
Выгоняют! Жаль, устал.

Ствол за ствол спешит укрыться,
И молчание хранят.
Но предупреждают птицы
Щебетанием меня.
Не рычать и затаиться,
Сердца стук в груди унять.
Чем-то нужно поступиться,
Что-то надо предпринять.

Между волком и собакой –
Травля, или же покой.
За горячей кулебякой
Лапой мне подать, какой?
Всё. Дождались! Сукой буду!
Даже, вот, не кобелём!
Изменюсь, но не забуду!

Глаз – землёю, хвост – рулём!
19.09.92.

КТО ЛЮБИТ БЫСТРУЮ ЕЗДУ. (пантум)

Не любит быструю езду
Лишь тот, кто медленную любит.
С каким пристрастием в роду,
С таким размахом сроки рубит.
Лишь тот, кто медленную любит,
Ездой балует не спеша.
С таким размахом сроки рубит,
С которым теплится душа.
Ездой балует не спеша,
Но взгляд ни мала не пропустит.
С которой теплится душа,
С той частотой не быть и грусти.
Ни мала взглядом не пропустит
И в окурат добавит ять.
И кто сказал, что он не русский?
Езда – не повод обвинять.
Зря гнут печатно слово устно.
И кто сказал, что он не русский,
У тех проверить бы в роду.
Зря гнут печатно слово устно,
Кто любит быструю езду.
16.10.92. г. Рязань

ОДИНОЧЕСТВО В ТОЛПЕ. (пантум)

Есть одиночество в толпе,
Всегда несомое с собою.
Оно в труде, оно в гульбе,
Отстаивается и боем.
Всегда несомое с собою
Ненарушение границ
Отстаивается и боем,
Грозит сожжением страниц.
Ненарушение границ!
Священный круг очерчен строго –
Грозит сожжением страниц
И присвоением залога.
Очерчен круг священный строго,
Его беседа не пробьёт.
И Бесом сам себе, и Богом,

Не расплескать своих забот.
 В том наслаждения премного –
 И Бесом сам себе, и Богом.
 Как по пустыне, по Судьбе –
 В том наслаждения премного.
 Верх одиночества – в толпе.
 23.10.92. г. Рязань

Из сборника «ОТКРОВЕНИЯ ВЕНЫ»

КУПЛЕННОЕ ОДИНОЧЕСТВО.

Одиночество куплено странной ценой
 И навязано вместо подарка потом –
 Окружает меня европейской стеной,
 И сидит на плече серебристым котом.

За какие грехи? За какие долги?
 За достоинства ли? От щедрот ли Земли?
 Затаились друзья, ухмыльнулись враги,
 И соседи, похоже, понять не смогли.

Голый Случай даёт и не ждёт, не спросясь,
 И улыбку не прячет, авансами льстит,
 Забирает в залог всё, что было, зараз,
 И назад не вернёт, и себя же простит.

Одиночество куплено или ты сам?
 Изобилие Австрии хлынет домой.
 Что-то, в рот не попав, протечёт по усам.
 Ты ушёл от сумы, но ушёл за сумой.

Ты идёшь по камням, где и Моцарт ходил.
 Ты несёшь свой талант и продашь его здесь.
 Только чтобы однажды себя ты простил,
 В эту роль, поклянись, превратишься ты весь.

И подарок сейчас, и сюрпризы потом –
 Одиночество – смех с невозможной слезой:
 И сидит на плече серебристым котом,
 И стоит за спиной, и играет весной.
 5.05.93. г. Вена

У МАРИИ ТЕРЕЗИИ.

На губах у придворных играет вино,
Или капли дождя в непогоду.
У Марии Терезии ночью темно,
Но достаточно много народу.

Благородная плесень загадочных шляп –
Монумент императорской власти.
У подножья – объятья, лобзания, храп –
Вольным воля, австрийские страсти.

У Марии Терезии мина лица –
То печать многолетней привычки.
Да, не близок сегодня я от кольца «А»,
Не на Пушке и не на Девичке.

Мрамор – верное ложе амурных утех.
Силуэты – не дева, так отрок.
Тимирязев давно уж обрызгал бы всех,
А от Леси свезли б в околоток.

Постоять – неудобно, прилечь – я один,
Любоваться – ни лучика света.
Перспектива – запомнить побольше картин
И примерить на группу балета.

Впечатленья мои – как участия груз,
Собирают в душе непогоду...
У Марии Терезии ночью искус,
И народ, больше – среднего роду.
8.05.93. г. Вена

ВАЛЬС.

Теперь услышишь зов едва ли
Из Сочи или из Москвы.
Мы вальс опять не станцевали
Ни с кем, как в годы тишины.

Но если очень откровенно,
То стал я понимать уже,
Что вальс звучит в моей душе,
Когда вокруг играет Вена.

Да, в эти дни случалось прежде
В течении последних лет –

Под гнётом девственной надежды
Летел, на первый яркий свет.

Сегодня ж никуда не деться,
И я меняюсь на ходу –
Когда по Вене я иду,
То вальс кружится прямо в сердце.

От шума праздной тишины,
Вживаясь в симфоничный шёпот,
На вальс разборчивой весны
Не приглашен по плитам шлёпать.

И откровение мгновенно –
Заря в росинках на траве,
И вальс в ногах и в голове –
Моей партнершей будет Вена.
20.05.93. г. Вена

ИГРА В ПОЗДНЕЙ ПЬЕСЕ.

Перерыв. Спокойною походкой
Прогуляться вышел на бульвар.
Это не разведка, не охота,
И, конечно, я им не товар.

Выбирал из трёх всегда второе,
Впуливая шутку между тел.
Просто, образ праздного ковбоя
С возрастом порядком надоел.

Снова пьеса. Узкие наряды.
Тема, как и стиль – потреба дня.
Кто теперь пойдёт со мною рядом,
Тут не ощутит, увы, меня.

И сюжет не нашего заказа,
Да и сам я – видный, но статист,
С устаревшей поволокой глаза,
С болью в сердце нанятый артист.

Всё пришло. Везением окутан.
Только очень долго я прождал.
Эти разноцветные минуты
Беспольный лишний капитал.

Я неожидан, мне не верят.
 Я терплю столь сложную игру,
 Что в победы выкрасил потери,
 Потому как, всё же, на миру.

Мне бы десятью годами раньше
 Этакое варьете крутить!
 И пролог в дебюте был бы краше,
 И финал сумел бы утратить.

Нынче же – бурун в пустом стакане.
 Сны без секса. Начал подсаживать.
 Как фонарщик, дед в «Штраусиане» -
 Жду свой выход, свечи задувать.
21.05.93. г. Вена

ВОЛКИ ЖДАЛИ ПОЛНОЛУНЬЕ.
 (Фрагмент композиции «ГРИМАСЫ ПОЛНОЙ ЛУНЫ»)

Нынче, как и накануне,
 На высокой, на горе
 Волки ждали полнолуние.
 Не сиделось им в норе.
     Что-то безудержно звало
     Из далёкой высоты.
     Безнадёжно не хватало
     Ощущений остроты.
 По серебряному диску
 Проплывали облака.
 Волк волчицу вяло тискал
 Сильной лапой вожака.
     Молодняк в кустах резвится.
     Им – что ждать, что догонять.
     Белый Бок на них не злится,
     Что на зеркало пенять.
 Бледный профиль с серым глазом
 Он зелёными сверлит.
 Притягательна, зараза.
 Оторваться – нужно сил.
     Но, увы, ещё не время
     Взвиться и обезуметь.
     Стая ждёт, притихло племя,
     Это надо одолеть.
 Полнолуние приближалось

Не смотря на облака.
 Как перед погоней вжало
 Разноцветные бока.
     Волки бросили охоту.
     Покидает страх леса.
     Им давно повить охота.
     Разложить на голоса.
 Этой ночью, как и прошлой,
 Месяц вырос на размер.
 Скоро, скоро праздник пошлый!
 И вожак подаст пример.
     Он завоюет не от лени,
     Распугает сгоряча
     Молодое поколение
     Народившихся волчат.
 Пусть щенки собьются в кучу.
 На косе ж береговой
 Эту рыженькую сучку
 Он обрадует собой.
     Пусть дорожку белых судеб
     Рассекает след клыка.
     В полнолуние волки любят
     И безумствуют слегка.
 Опустели стаи норы.
 Припухает диск Луны.
 На небесные просторы
 Все глаза устремлены.
     Мгла застыла, словно мчится
     Краем Млечного Пути.
     Лапа тискает волчицу,
     Сердце на берег летит.
29.05.93. г. Вена

КОРАБЛЬ СЛЕПЫХ.

Плывёт вперёд по воле волн,
 А может быть, назад –
 Корабль слепых, а может, чёлн,
 И чёрт ему не брат.
     Вода давно истрачена,
     И виски на столе...
     И очень трудно зрячему
     На этом корабле.

Проломаны отдушины,

Перегородок нет,
 И свечи все потушены.
 Зачем слепому свет?
     И время здесь утрачено,
     Вслед мыслям о земле...
     И очень страшно зрячему
     На этом корабле.

Безликие двуполые
 Забились по углам,
 И грязные, и голые,
 Забыв и стыд, и срам.
     И всё переиначено,
     И записи в золе...
     И очень больно зрячему
     На этом корабле.

Был капитан ещё не стар,
 А душу испустил –
 Апоплексический удар
 Давно его хватил.
     И стая крыс не схвачена,
     И трещина в руле...
     И одиноко зрячему
     На этом корабле.

Несутся песни за корму.
 Слепым – что шторм, что мель.
 Они привыкли ко всему,
 Невидящие цель.
     В погоне за удачею
     Во мгле и на нуле...
     И нету места зрячему
     На этом корабле.

3.06.93. г. Вена

НА ОСМОТРЕ ВЕНЫ.

Скажу вам это откровенно:
 И сверху Вена хороша,
 И снизу превосходна Вена.
 И в звоне каждого гроша.

Её осматривал сегодня
 Я, как внимательнейший врач,

Платил себе международно –
Не заинтересован врать.

Её причёска без проплешин –
Взгляд с башен, арок, куполов.
И кожей весь город нежен,
И пышен грудями домов.

На талии кольцо трамваев –
Традиционен венский стиль.
Вокзал в барокко осязаем,
К себе под вечер подпустил.

В метро спускаясь, как под платье
Чопорной дамы на балу,
Я ноты штраусовы тратил
И формам воздавал хвалу.

И денег никаких не жалко
На randevу, где госпожа
Зовётся Венной. Врач-зевака –
Сражён. Везде ты хороша.
17.06.93. г. Вена

ИЗ ЖУРНАЛА ПЕЧОРИНА.

Минут постоянной душевной невзгоды
Хватило б на полный большой циферблат.
Пустая работа кому-то в угоду
Для праздно задумавшегося – есть клад.

Конечно же, скука. А скука – забота!
С заботой не хитрость два шага в тоску.
Руки подавать никому не охота...
Ну, разве – на блюде, с отравой, в соку.

И ветер ласкает меня против ворса,
И солнце за тучку не к часу зашло –
Постылое лето в пыли Пятигорска,
Пожалуй, сейчас бы за радость сошло.

Сегодня бокал с минералкой разбился,
Плохая примета поспела и тут.
Княжна так глупа, что конечно влюбился.
Но встало за малым – балов не дают.

Однако: возжаждал на днях тут дуэли –
 До крови, до сорванных с плеч эполет.
 Окрест обошёл, подходящих ущелий
 В достатке. Противника с поводом нет!

Конечно, пищу по привычке записки:
 Места, по полста, а достал, и в уста...
 До Персии очень отсюда не близко,
 В Балканы не тянет – эпоха не та.

Минут постоянной душевной невзгоды
 Хватило б на полный большой циферблат.
 Хорошие деньги в плохую погоду,
 Как бурный разврат в аскетичный уклад.

Индейка в копейку зажарена, злая.
 До корочки сдержанным пылом томлю...
 - Не верьте, когда я скажу Вам, зевая:
 «Княжна, дорогая,... я Вас не люблю».
24.06.93. г. Вена

СЦЕНА БЕЗ ФАУСТА.

(Фрагмент поэмы «Мало ли какие, и трагедии ли...»)

Дойти до сцены Фаустом – не много.
 Возможно это в Вене, господа,
 Не чувствуя ни чуть стеснения слога,
 Средств бедности и времени труда.
 Всё так, и это будет не избито,
 Не узнано, а позже не забыто.

И это будет так:

- Мне скучно без...

Банальных фраз и гениальных мыслей,
 Людей пустых и приобретших вес,
 Смешных гримас, восторженных и кислых,
 Дурацких ситуаций и чудных,
 Великолепных смелых положений,
 Без этих нынче, завтра без иных,
 А более – без столкновенья мнений,
 Без радостей и без печалей то ж,
 Без занятости, без пустой забавы.
 Скучны мне равно, правда, как и ложь,
 Забвенья серость, как и яркость славы...

А может быть, вот так:

- Мне скучно без...

Конкретности и полного незнания,
Открытости ненужной и завес,
Метания из жара в замерзание,
Внезапных остановок на бегу,
Покорных встреч и бурных взятий боем.
Сперва по другу, завтра по врагу
Я поскучаю. После – по обоим.
Без пёстрой толчеи мне скучный ад,
Но и без одиночества такое ж.
Надоедают тайна и парад,
За ставнями, иль как окно откроешь...

Нет, всё же лучше так:

- Мне скучно без...

Бездействия топи, важности решений,
Безумных бунтов и покойных месс,
Беспутства тьмы и ясных отношений,
Погибели и выхода во вне,
Греха обузы, святости ненужной,
Себя во всех и части всех во мне,
Без колыбели и без грязной лужи,
Без яркой непохожести минут,
Портретного невиданного сходства,
Без «нет нигде», без «всюду – там и тут»,
Без «вечно», «никогда», высот и скотства...

Единственно лишь так:

- Мне скучно без...

Азарта, бед, ненависти, восторга,
Губительности добродушных пьес,
Елея, ёрничества, жажды долга,
Без забытья, без искренней игры,
Без колкостей, любви, мучений мёда,
Вины, наветов, сплетенной муры,
Раскаяний, сатиры, тостов, моды,
Без умников, без фронды, без хулы,
Без чиновочитанья, чванства, шашней,
Щедрот и скупости, хандры, юлы,
Янтарной яви и мечтаний в ящик...

И это прозвучало, не избито,
Не узнано, не будет и забыто.

Быть Фаустом, или не быть – не много:
 Желанье, Вена, Гёте, поздний час,
 Отсутствие в себе стеснения слога...

Каков итог?

Всё изменить!

Сейчас!!!

30.06.93. г. Вена

ДОН ЖУАН В ШЕНБРЮНЕ.

На много солнц, на много лун
 Легенду растянуть возможно.
 В подрамник классики – Шенбрюн,
 При свете факелов тревожных
 Законченное полотно
 Представлено согласно сану.
 Явиться было суждено
 Опять Живому Дон Жуану.

Звонок последний звонко дан,
 Глубокий вздох, спектакль и начат.
 Он – молод, в окруженье дам,
 Улыбчив нагло и удачлив.
 Опять свежи его слова,
 Хоть где-то разойдись и с делом,
 И не ломается канва
 Пред ним, как чопорная дева.

Он – баловень, любимец масс.
 Помост искусственный не шаток.
 И вслед за ним с десятков нас
 Пускает вскачь своих лошадок.
 Тут взмахи шпаг. Там звон острот,
 Не режет взгляда повторенье.
 При свете праздничных костров
 Легенда покоряет время.

Заказанный душевный пир
 Под звуки арии родился.
 Без этой встряски венский мир
 Сплошным бы «Реквиемом» длился.
 И светлячки тут по кустам,
 И вовсе не смертельны раны,
 И донныанны тут и там,

И спасу нет от донжуанов.

7.07.93. г. Вена

БЕЗМЕРНОЕ ПОКОЛЕНИЕ.

Отравленное наше поколение
 Не знает мер в движенье по Судьбе –
 Ни в отрицании, ни в поклонении,
 Ни в полном равнодушии к себе.

10.07.93. г. Вена

СИЗИФ.

Всё прошлое перемесив
 Сегодня в дребедень,
 Я понял, что катил Сизиф
 К вершине каждый день.

Не горя глыбу, не утех,
 Не ложь свою, не кровь,
 Но самый страшный смертный грех –
 Великую любовь.

С надеждой в сердце, чуть дыша,
 Отвергнут был Сизиф,
 Но вновь признанья «совершал»,
 Свой разум не спросив.

Морали он не преступал,
 В обман душой не бил –
 В слезах Сизифова тропа,
 Мечту он утопил.

Наказан. Камень в гору прёт
 И должен водрузить,
 Чтоб помнил праведный народ,
 Как пред богами жить.

Ведь то и дело, он любовь
 Вдруг выпустит из рук,
 И у подножья камень вновь,
 В начале всех потуг.

Сомненья трепет, что свеча:
 «Не зря ль в правах кичусь,

Вину переложить с плеча
На высшее из чувств?»

Ведь только камень докатив
И закрепив на пик,
Воспрянет жертвою Сизиф –
И не виновен вмиг.

Рушитель клятв, повадный зверь,
Чума его дери,
С любовью носится своей
По склону до зари.

Но не доводит до конца
Раскаянья, кретин!
Огромный камень он в сердцах
На сердце накатил.

Сперва по склону неспеша,
Потом с натугой, в крик,
Опять с надеждой, чуть дыша,
Как в близкий прошлый миг.

И вот бы миру возвестить:
«Любил! Люблю! Любить...»
Нет! Позволяет отпустить,
И – вниз, воды испить.

И нынче катит каждый день
Сизиф любовь свою.
За ним сомненья, словно тень,
Подобно воронью.

Что преступленье – только след!
След порождает новь.
Страшней – не дотащить на свет
И обмануть любовь.
12.07.93.

ТРИНАДЦАТОЕ. ВТОРНИК.

Тринадцатое. Вторник. Свет погас.
Внезапно. От порыва. Темнота.
Какой же месяц? И который час?
В груди не просто сжало. Пустота.

Глаза не видят. Ноги не идут.
 И новый воздух дышится не злом.
 Не торопись, язык, унять свой зуд.
 Столкнулись мысли с ожиданьем слов.

Нет ран и боли нет. Отпущен! Чист!
 Все чувства – вновь рождённые уже.
 Тринадцатое. Вторник. С миррой кисть.
 Аминь! Пред светом, словно в неглиже!
 Родиться мало, вырасти и стать,
 Ещё бы быть, достигнуть и найти.
 Терпенья, как энергии набрать,
 И от распятья до конца пройти!

И снова блики. Пляшут витражи.
 Великой тайне долгая пора.
 Теперь я слева крест свой положил,
 И будет так же каждый день с утра.
 Пред каплями святых пробитых рук
 На шепот клятвы мне, орган, играй.
 И в имени моём есть новый звук.
 Тринадцатое! Вторник! Генрих! Рай!
13.07.93. г. Вена

УРОКИ МАСТЕРА. (триптих)

ЖИВАЯ ПАРТИЯ.

...И цвета желчи меланхолия,
 И что-то шутится всерьёз.
 Рассвет – что сумерки, не более.
 Шесть дней до бала – время воз...

- Мессир, фигуры просят партии.
 Доска нова и пунш горяч.
 - Ты потакаешь этой братии.
 Ну, да уж ладно, не мяучь.

- Ваш ход! Я подыграю черными.
 Но только, чур, без волшебства!
 - Давно ли вышел ты в ученые,
 Что вольно путаешь цвета?

- E2 – E2, извольте пешечку.
 Скромнее хода нет, Мессир.

- Я б верил, Бегемот, не мешкая,
Когда б она не шла в ферзи.

- О, Вы чертовски проникательны!
Эндшпиль в дебюте, что туман.
- Тут конь стоял, не знаю, кстати ли.
Пожалуй, выверни карман.

- Они же, как живые, мечутся!
Я виноват, не углядел.
- Лукавство, котик, ведь не лечится.
Живыми ж сам играть хотел.

- Слон пал! Ладьёй его мы. Вот она.
Горизонтальная борьба.
- Что ж, кроме партии в угоду нам,
У них у всех своя судьба.

- Вы снова правы. Я устал кивать.
Но пешек, пешек – словно кур!
- Не надо клетки перескакивать.
Не требуй прыти от фигур.

- Какую ж пешку в дамы вывести?
Простите, рыба не грозит?
- Ты игры путаешь порывисто.
Смешеньем правил просквозит!

- Волнуюсь, миттельшпиль, вы в выигрыше.
Они послушнее у Вас.
- Цвет, милый, сам ты выбрал, видишь ли.
Твой конь с ферзём танцует вальс.

- Атака после рокировки!
Диагональная игра!
- Полегче дёргай за верёвочки.
Ну, вот и шах, дружок, пора.

- Я против! Вы опять колдуете!
Ваш ферзь с клыками и космат!
- Вы все – коты, и в ус не дуετε,
Когда в цейтноте близок мат.

- Всё, я сдаюсь! Фигуры куплены!
Профессор, стыдно! Не прощу!

- Кон снят! Шампанское откупорим!
Я эту пешку угощу...

...На белых клетках радости дождём,
Печаль по чёрным и тоска...
- Задумались, Мессир? Мы тоста ждём.
- Ночь бала, Бегемот, близка!

ГОРИ ОНО ОГНЁМ!

В бесконечной с виду сказке
Дело близилось к развязке.
Нервничал без меры кот,
Воланд знал всё наперёд.
    Переколота посуда,
    И встревожены повсюду
    Стаи Гелл и Маргарит.
    Пусть оно огнём горит,
Это призрачное место!
Люди здесь подобны тесту –
Что за музыка в игру,
Те и лица ко двору.
    Что теперь мессиру мнится?
    Им везде – не заграница.
    Бегемот скривил усы –
    Чувства вроссыпь на весы.
Беззапорные ворота.
Омутом круговороты.
Звуки – жала! Взгляд – разряд!
Эдак – десять раз подряд.
    Растасовка плоскогорья –
    Не прогулки к Лукоморью.
    Шахмат партия живых –
    Ран не пара ножевых.
Куры – блеют, волки – лают.
Пусть она огнём пылает!
Сказка-плакса, славный спич.
Кот – не фраер, Бес – не бич.
    Взгляды с птичьего полёта
    Так любезны Бегемоту.
    Завернув плащём коней,
    Воланд правит вальс теней.
Те, кто поднят из низины –
Кто в Лауры, кто в Розины.
Кто ж не удержал крыла –

Знать, задумчива была.
 Шпаги тучи прокололи.
 Сто стихий играют вволю.
 Молний стрелы от хвоста,
 И кривой ухмыл в устах.

ПОКЕР НА ФЕРЗЯХ.

Вновь занавешено окно.
 Притушен свет, как солнце в тине.
 И на зелёное сукно
 Четыре кости в ряд скатились.

Снеся пакет валюты в банк,
 Собою был доволен котик.
 Сегодня он пошёл ва-банк.
 «Каре» ферзей. Ферзи не против.

Изрядно опостылел «стрит»,
 И дремлют шахматы на полке.
 Не то, чтобы игрой горит,
 Но тягу ощущает в холке.

В усы мякнув «не блефуй»,
 В попытке первой размышляет.
 «Каре», конечно же, не «фулл»,
 Но радость тоже не большая.

Сегодня не запишешь в шанс.
 Одну попытку сам себе дал.
 От напряженья треск в ушах,
 Как будто месяц не обедал.

Повеса вновь – не Бегемот –
 Проснулся в Воланда творенье.
 «Каре» ферзей с улыбкой ждёт
 Последней кости появленье.

В ней может жить ненужный туз,
 Девятка заиканьем в строки.
 Что ж тянет он, стряхнув картуз?
 Колдует котик только «покер».

Луч осветил болота дно.
 Ещё мгновенье! Бросил левой

Всё ожиданье на сукно...
Ферзи – не дамы – Королевы.
21.07.93. г. Вена

РЕКВИЕМ.

Возможно, это воздух Вены
И гениальных прахов дым
Быть учит только откровенным
И бесконечно молодым.

И даже Рок, всегда звучащий
По нотам мастера-творца,
Надуманый, ненастоящий,
Но очищает нам сердца.

Нам музыка при света лаве
В груди не остужает пыл,
Кого бы «Реквием» ни славил
И «Реквиемом» бы ни бил.

Она, как дева, вопрошает,
Какой для нас ей нынче быть.
Любить без спроса разрешает
И заставляет не таить.

Терпя сеансы медитаций,
Как прежде, стыдно мне зевать.
Кулисы сдержанных оваций
Готов пристанищем назвать.

Я с позволения Моцарта
Очищен музыкой в Судьбе,
Хоть врата неземного царства
Не так я представлял себе.

Теперь всё будет по-другому!
Приснится мне в родной глуши:
Любовь, её сомнений гомон
И беспокойствие души.

Спасибо Вольфганга творенью,
Извлечшему из пустоты
Меня. Покорны заверенья,
И вечны Музыки Цветы.

22.07.93. г. Вена

ВЫХОД ШУТА.

Маска к лицу приросла со слезою большою.
Горб тяжелеет, подняться в свой рост не веля.
Смейся, паяц, над своею разбитой душою.
Втаптывай глубже осколки, на раны плюя.

Этот ли выход ты ждал, долго скалясь на сцену?
Свет, антураж, полон зал, звуки тактов своих.
В тонком водящем луче, как на мушке прицела.
Этак ли выйти мечтал ты – комичен и тих?

Загнуты кверху ботинок носы неудобно.
Звон бубенцов веселящий – серпом по ушам.
В зеркале сам испугался улыбочки сдобной,
Мимо на сцену идя и неровно дыша.

В кудрях свисает парик разморённой лапшою.
Горб одиночества тяжек, как мокрый песок.
Смейся, паяц, над своею разбитой душою,
Брошенной просто на пандус из старых досок.

Роли у всех на руках, будто карты при свете.
Взятки заказаны, козырь объявлен. Пора!
Долго в колоде лежал ты и в джокеры метил.
Только без джокеров нынче ведётся игра.

Всё не попад – и ужимки, и смех, и акценты.
Старым шутлом на балу среди множества пар.
Словно по лужам, шаги к освещённому центру,
Тенью кривою от чьих-то затейливых па.

Это ли думал ты вынести судьям сегодня?
Всё перебил откровенный софитов накал.
Ты захлебнулся в поту пережитых агоний.
Это ли ты так усердно в себе сберегал?

С маски не спрос, но она не исчезнет забыта.
Горб прирастает к спине и пугает людей.
Смейся, паяц, над душою своею разбитой,
Слёзы солёные пряча в своей бороде.

24.07.93. г. Вена

КАМЕРТОН.

Владимиру Высоцкому

На кладбище, на венском – я один.
Но чувствую, в Москве сегодня тоже
Какой-нибудь австрийский гражданин
Тебе к ногам букет цветов положит.

Я оставляю розы у Христа.
«Он был поэт...», «но гвозди ему в руки...».
И много за него твои уста
Договорили, вновь идя на муки.

Сегодня не спалось, но сон успел
Один засесть и в голове, и в глотке:
Про Братские могилы ты нам спел,
Потом кивнул, и я налил всем водки.

На кладбище, на венском – тишина.
А у меня в ушах хрипит, и жажда.
К чему-то там теперь идёт страна,
Которую ты разбудил однажды.

Что? Та весна тринадцать лет назад
Мне только померещилась, возможно?
«Концерт в Торонто» слушаю. Глаза,
Как лампы, замигали односложно.

«Но нет, нам честь знамён не запятнать!»
Хотя уже и дышится неровно.
Конечно, кто-то должен умирать,
Но, в нас живя, быть нашим камертоном.
25.07.93. г. Вена

ЗАДВОРКИ.

Источник был и при Романцах.
Им пользовался всяк за так.
Но толпы бравых иностранцев
Задворки не прельщали так.
Теперь мы все поднаторели,
В вояжах по миру кружа.
Когда-то только Марк Аврелий
Сюда на воды наезжал.

Здесь встретил Христианства утро
 И вечер свой. Но и теперь
 Сидит упитанный и мудрый
 В коляске, коей правит зверь.
 Покорный лев и с ним три львицы –
 Вся императорская рать.
 Вот, у кого с руки учиться,
 Куда стремиться умирать!

Прав человеческих разборки.
 Да, этим Вена дорожит.
 Какой империи задворки
 Ты нынче, Австрия, скажи?
 Твой скот идёт на общий рынок,
 К тебе же валит каждый «скот»:
 Кто – без штанов и без ботинок,
 Кто – так назад наоборот.

Но на задворках тоже люди,
 Творцы достатка своего.
 Здесь просто никого ни любят,
 Ни ненавидят никого.
 Спокойно доят свой источник.
 С бутылки римский профиль зрит.
 Для Венгрии здесь Запад прочно,
 Восток для немцев – колорит.
26.07.93. г. Вена

УЛИСС.

И положения двояко,
 И на две части сердце рвётся.
 Плыви, Улисс! Плыви, вояка!
 Плыви, пока домой плывётся.

Чудесный остров, где Сирена
 Живёт – ты знаешь это точно –
 Молчит, стоит непокоренный,
 В венце береговом цветочном.

Ты сам себе борьбу пророчил,
 Ты был готов сопротивляться.
 Уже твоя галера хочет
 Сама пристать и здесь остаться.

Не затыкай красиво уши
 И не привязывайся к мачте.
 Не ранит зов Сирены душу.
 Её не бьются крылья в плаче.

Ни звука. Молчаливый остров
 По борту тихо проплывает.
 В бою укол копьём двуострым
 Не так болезненным бывает.

Сирена! Позови Улисса!
 Харибду он прошёл и Сциллу!
 Он рыбой проплывёт до мыса –
 Чума Итаки, море силы.

Волна шумит. Минуты – пути!
 Хоть бы на мель галера села!
 Нет, остров ты не перепутал,
 Но не прерваться Одиссее.

Не будет зова сладкой песни.
 Доспехи жмут. Пуста арена.
 Как ты о палубу ни бейся,
 Не хочет звать тебя Сирена.

Павлиний хвост не пущен в танец.
 Не рви себя. Спеши в Элладу.
 Плыви, Улисс! Плыви, солёный иностранец!
 Плыви и не смеши команду.

Ты не поддался даже в Трое
 Соблазну совращать из мести.
 Ты фурий знал! Ты старше втрое,
 Чем два циклопа, взятых вместе.

Да, никому не рассказал ты,
 Что остров возжелал капризный,
 Что для Сирены бы ни злата
 Не пожалел, ни даже жизни.

Но злато грузом, жизнь на длани...
 Брось, не кричи, не отзовется.
 Плыви, Улисс! Не на закланье!
 Плыви, пока домой плывётся!

28.07.93. г. Вена

ФЛЕЙТИСТ.

Не состоялось торжеств, церемоний раздутых.
 Без патруля обошлись. Не обидеть бы тем.
 Выбыл флейтист. Не играет волшебная дудка.
 Нет, он не мёртв, но без музыки грустен и нем.

Чуткую душу мелодии переполняли,
 Щедро дарил он их людям, а нынче поник.
 Отняли флейту и спрятали, или сломали,
 А на словах объяснять музыкант не привык.

Скучен в любви неожиданно. Сам удивлялся.
 Руки мешают, язык – словно к нёбу прирос.
 И для борьбы без оружия тоже остался –
 Крысам теперь не грозит музыкальный гипноз.

Бродит, как тень, и молчанием громко мешает.
 Кто же придумал такую жестокую месть?
 Да, на балы музыканта ещё приглашают,
 Только без флейты, а просто попить и поесть.

Ноты, как прежде, не рвутся в полёте наружу.
 Душат немного, но он потихоньку привык.
 Он их играет в уме, а потом с ними дружит;
 В музыки тёмном лесу – дирижёр-лесовик.

Воспоминаньями жив. Он играл миллионам.
 Были оркестры и соло, букеты и плач.
 Выбыл флейтист незаметно, не в землю, без стога.
 Жаль, что волшебную флейту угробил палач.

Смех неуместный, указки, кривляние в лицах.
 Видит чудной музыкант, но с рассветом встаёт.
 Он ни кому не сказал, что у маленькой птицы
 Учится петь и, наверное, скоро споёт.

Он пропоёт, сочинит, он талантлив и в силе –
 Будут простые слова, и мотив будет чист –
 Песню о том, как чудесную флейту убили,
 И в одночас онемел позабытый флейтист.
30.07.93. г. Вена

СКАЗКА ВЕНСКОГО ЛЕСА.

Это всё стоит мессы,
Пусть Парижу подстать.
Может быть, показалось
Средь вечерних аллей.
Сказку венского леса
И не думал писать,
Но она состоялась,
По раскладу ролей.

Фотоплёнка, как дева,
Непорочно чиста –
Будто не было встречи,
Колдовство и обман.
Нежеланье велело,
Но сюжет наверстал.
Оправдаться мне нечем,
Я пропал, или пан.

Зажигаются свечи
В карнавальной стране,
Пьют герои на равных
Молодое вино.
Их и чувства, и речи
Мне знакомы вполне.
Это было недавно,
Это было давно.

Для кого окруженье
Я собрал не на смех?
Здесь восторженный шепот,
Здесь безудержный пыл.
Не смогло отраженье
Быть прекраснее всех.
Сто дуэлей прошёл бы,
Сто б морей переплыл.

Маета бестолкова.
И бранят голоса
Мир придуманный этот,
Перегляд фонарей.
Но однажды рукою
Всё, что я написал,
Оживёт в капле света
На случайной заре.

Небывалая пьеса,
 Сто героев из снов.
 Кадр, что пуст – не о главном
 В этом добром кино.
 Сказка венского леса
 Состоялась без слов.
 Это было недавно,
 Это было давно.
1.08.93. г. Вена

СЕКРЕТ ГЕРОЛЬДА.

Старая площадь Собора Святого Стефана.
 В ратных доспехах с трубой боевою герольд.
 Каменный памятник древности он для профана,
 Службу – на самом-то деле – несущий герой.

Посланный кем-то из Габсбургов срочно с депешей.
 Поиск невесты был тщетным. Застыл – не разбит.
 Ждёт с безнадёжностью, прочно с годами окрепшей,
 Верную девушку, чтобы, ожив, протрубить.

В тысячах мытый дождей, закалённый веками,
 То остужаем он ветром, то солнцем согрет.
 На миллионы красавиц смолчал гордый камень.
 Что ж, претендентки искомой, как не было, нет.

Славный герольд, не в пример многим прочим, разборчив
 И проницателен страшно. Наказ не забыл.
 Было, что нравилось, было – не тайна, и очень.
 Даже, порой, улыбался, но нет, не трубил.

Только последние месяцы вдруг перемены
 Стали прохожие в статуе той замечать.
 Группа девчонок московских заехала в Вену.
 Стоит им мимо пройти, старый рыцарь мигать.

С силой до боли трубу он сжимает руками,
 Лишь большеглазой блондинки мелькнет силуэт.
 Выбрал? Даёшь позывных, привередливый камень!
 Он же молчит, вековой сберегая секрет.

Проще простого герольду зевак бестолковых
 Остановить на пути, указать и забыть.

Но, на свободу сменившему камня оковы,
С ней уж тогда ему старому, ясно, не быть.

Пусть же гуляет спокойно блондинка по Вене.
Рыцарь замшелый давно уже ожил внутри.
Только молчанье его во сто крат откровенней,
Чем позывные трубы в переливах витрин.
3.08.93. г. Вена

ТРИ ВЕРСИИ. (триптих)

*«Власть на зуб перл неймёт -
умна, иль дурна...»*

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО.

«Суд ежечасно собственный верша...»

- Сегодняшний, почтенная Агора,
Камней двуцветный ритуал-расклад
Нас вынудил с очередного вздора
Произвести известный всем – Сократ.
- Ну вот, теперь простой подсчёт по цвету
Решит мою, философа. Судьбу.
Обычный жребий, поиск паритета...
И никакого права на борьбу.
Им всё равно, за что. Хоть мир и тесен.
И я любого лично знаю здесь.
Лишь черно-белый выбор интересен,
И чуть – с меня свисающая спесь.
Что не содеяно и шага злого,
То доказать, как плюнуть в водоём.
За верное придуманное слово,
Летящее по ветру воробьём!
За мысли, коим мало, кто прислушен!
За неумышленно красивый слог!
За аксиомы, ищущие уши!
Весьма демократично! Смерть – итог!
Причём не стоит даже сомневаться,
Обзорно – сплошь мои ученики,
И я простор им застил. Не раздаться.
Старейший – просто слеп и без руки.
Эх, мало, кто записывал за мною.
Наговорить теперь ведь не дадут.
В дебатах изошли уже слюною,

Что для моей же пользы этот суд.
 Коль смертный приговор нас подытожит,
 Богам все дружно воздадут хвалу,
 Что я себе же вред не приумножил
 Минутой лишней рассужденья вслух.
 Считают камни. Можно не трудиться –
 Так явно одиноки, что белы.
 Дилемма: пойло принесут в темницу,
 Удавят или бросят со скалы...
 Я б честно, предпочёл всему цикуту,
 Смешать с вином и лучше без воды.
 Но... всё! В обряд досыпали минуту
 Философосживания. Лады!
 - Смерть! Жребий указал... Единство – кредо!
 В Почётной Чаше – яд! Богам хвала!..
 ...Тебе, Сократ, жена тут напоследок
 Вина – я разрешил – передала.

АУДИЕНЦИЯ.

«Поэт себе – суть высшая цензура...»

- Мне мой Людовик приказал явиться?
 Минута велика! Я длю её.
 Так часто по руке менял я лица,
 Что счастлив, уложить к ногам своё!
 - Мольер! Я запрещаю вам отныне...
 Себя в работе вашей не жалеть.
 Мне дорого не только ваше имя,
 Но я хочу на вас ещё смотреть.
 Смотреть и радоваться, уж позвольте.
 Не смейте возражать! Я – ваш Король!
 И Солнце! Диалог на этой ноте
 Я дописал сегодня в вашу роль.
 Вот, вы от каждого переживанья
 Рождаете шедевры для ума.
 Но не для времявидосозерцанья.
 Мне ж зрелища важнее, чем тома.
 И видятся смешнее ваши строки,
 Когда б их поступь легче по судьбе.
 Талантливы уж слишком и жестоки!
 Убили же обойщика в себе.
 Плоды ночных раздумий не для сцены.
 Сплетенья неурядиц – вред жевать.
 Не набивайте глубиною цену.

Я запрещаю вам переживать!
 Да, Жан Батист, пора уже быть проще.
 И жизнь свою в конвульсиях трясти
 Нарочно перестать. Театр – не площадь!
 Заказ монархий! Господи, прости!
 Я признаю, что индивидуальны
 Во многом. Не гримасничать прошу!
 Но и талант свой подчинять Версалью –
 Труд не последний. Знаю, сам пишу.
 Иначе – ваши броские шедевры
 Без зрительских оваций, да, Мольер,
 Как в монастырь монашки-девы,
 Сейчас же устремятся. Мало ль мер!
 Итак, мы ничего здесь не подпишем –
 Сатирик и Король, нет, крёстный – кум!
 Я видеть вас хочу, но боле слышать
 И не краснеть, свой напрягая ум.
 - Всецело, Сир, и слепо повинуюсь,
 Ослепнуть не берусь, ничтожна тварь.
 Вы, право, так мудры, что я ревную.
 Мой здравый смысл! Рассудок! Государь!

ДОБРЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ.

«Себя – азарт – ломать и нарушать».

- Простите, вызывали?
 - Проходите.
 Фамилия.
 - Домбровский. Я хотел...
 - Писатель?
 - Литератор.
 - Всё юлите.
 Поговорим, не открывая дел?
 Надеюсь, вам понятно направление,
 В котором потечет наш разговор?
 - Признаться...
 - Очень кстати бы. Есть мнение,
 Что деятельность вся до этих пор...
 - Моя?
 - И многих прочих, вам подобных,
 Наносит, и не малый, нам ущерб.
 И было бы значительно удобней
 Вам некоторых не писать вещей.
 - Из тех, что?..

- Да, из тех, что написала.
 И вырубать не надо топором.
 Отказ публичный! Глубина морали,
 В сопровожденье росчерка пером.
 - Непостижимо!
   - Истина момента –
 Вам, как историку, не объяснять –
 В значительности формы документов,
 На содержание коих не пенять.
   - Условия, в которые...
     - Условий –
 Мы рождены, для творчества создать!
 Заметьте, мы на слове вас не ловим.
 Я – лишь уполномочен передать.
 - Довольно странно всё-таки...
   - Согласен,
 Я тоже это странным нахожу.
 Любой ваш труд без цензора безгласен.
 Хотите, я за вас всё подпишу?
   От вас мне нужно лишь добро, признаться.
   - Но что вы называете добром?
   - К словам не место-время придирайтесь!
   Не хочется уж больно топором!
 Согласно справим ваше возрожденье?
 - Пока сюжет идёт к похоронам...
 - Последнее, увы, предупрежденье,
 И больше так не сиживать уж нам.
   - Я бы хотел обосновать, расставить...
   - Не стоит! Подпишите протокол.
   - Но это же беседа?!
     - Вам бы править!
 Что ни пассаж – просчитанный укол!
 Идите!
   - Но...
     - Я не стреляю в спину.
 В уставе чётко: каждому – своё...
 Советовал бы сжечь вам половину,
 Иначе – могут уничтожить всё.

*****

Допытываться точности и света
 Нет смысла. Это – так, намёк совета.
 Три версии, три внутренних беседы,
 Возможно, что и одного поэта.

4.08.93. г. Вена

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ.

Спасибо, Серж! Сегодня водка в жилу,
И под икру горячие блины.

А ты ведь мне тогда не верил, Шилов,
Что ты пустая пешка для страны,
    Что звонкая начинка саквояжа
    Уместней здесь и только одному,
    И красных стягов злые антуражи
    Лишь стартом были финиша всему.

Тебя ведь чудом там не расстреляли.

И я сбежал, пока кипел базар.

И вот, теперь сидим в вечернем баре –
Экс-ротмистр и де, бывший комиссар.

    И стёрты между нами все различья.
    Кто свой среди чужих? И кто чужой?
    У нас уже давно повадки птичьи
    И лётный стаж внушительно большой.

А там – опять: и свары, и дебаты,
И что ни слово – пламенный обман.

Передрались у власти демократы,

И часа ждёт какой-нибудь тиран.

    И снова не поможет заграница,
    И потечёт четвёртая волна,
    И новые запуганные лица
    Мы встретим здесь. Судьба у нас одна!

Министры перебьются в журналистах,

Ворам банкирский навык по плечу,

Профессия ж сценичного статиста –

Не хуже гардеробщика ничуть.

    На сцене – не в такси – и свет, и взоры.
    И водке сотню лет не дорожать...

    Серж! Посчитай, а то наш выход скоро.

    Пойдём, брат Шилов, факелы держать.

10.08.93. г. Вена

АНАЛИЗ ГРУППЫ КРОВИ.

По крышам готических сказок,

По всем черепицам, что приторно мыты,

По семьям скульптур, одинаковых гласом

Знакомиться начал я с бытом.

Меня проверяли впервые,
 Но не были вовсе со мной откровенны,
 Ответ заменяли на дни выходные,
 И щедро я хлынул из Вены...

Да что я имел за спиною:
 Большую ошибку в неравной игре,
 Любовь не удержанную как-то мною
 И тягу к любви в той поре.

Сдаю, не моргнув даже глазом,
 Как кровь, свою душу бумаге для проб.
 И слёзы по крышам готических сказок
 Стекаются в трубы Европ.

И воздух, и почва мне внове.
 И всё, что с собою рассеянно взял.
 Анализ на группу рифмованной крови
 От скуки я сам подписал.

Но дни не слипаются в массу.
 Их – труппа, все разные, их – хоровод.
 А из-под жгута всё ж поставил я кляксу,
 Теперь отдаю в переплёт.

Как золото сердца до банка
 Донести? Или бросить в полночный Дунай?
 И ждать? Только ждать я устал, как собака!
 Проверка... Век сменится, знай!

И были опять выходные.
 Вопросы задать, отвечать по суду.
 И семьи скульптур становились родными.
 Мне б жить в черепичном году!
14.08.93. г. Вена

СЛЕПОЙ ПОИСК УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ.

Ты точно знаешь расстановку тел,
 И кто твои потери преумножил.
 Нет, ты не запил, не ушёл от дел –
 Ты возродился Фениксом и ожил.

Три месяца – вполне приличный срок,
 Понять себя, с собой договориться,

И подвести какой-нибудь итог,
И вывод сделать в личностях и лицах.

Использован неповторимый шанс,
То псом голодным бегая по Вене,
То памятником на ветру крошась.
И в прошлом часть судьбы, миг на арене.

Чего ты ждёшь? Напрасно, не резон.
Не зря ворона грубо прокричала.
Ты не проснёшься, это был не сон.
Нельзя перекрутить всё на начало.

Фантазий воспалённого ума,
Ассоциаций пухнувшего мозга
Не оживить. В глаза катит зима.
На тело – власяницу, в руку – розгу.

И можешь повторять по сотне раз
И каждый день, что, если бы да кабы,
Вдруг – Божий Глас, и снова май сейчас,
Ты разогнать смог на душе декабрь бы.

Не совершал бы пройденных шагов?
Туда б шагал, куда не получилось?
Перепоставил всё б? Герой каков!
Утраченное время приключилось!

Ты поиск заложил в свою строку!
Ты очумел и с горя вспомнил Пруста!
Не Феникс, нет! Ты – филин на суку!
Но дерево старо, листвы не густо...

Вслепую перебрав колоду дней,
Где всё не так в календаре обратном,
Ты мечешься, но знаешь всё верней,
Что ясно всё, что трижды непонятно.

И вот, итог – невиданный вираж,
И вывод – не могло и быть иначе!
Утраченное время – твой багаж.
И перевес тобою же оплачен.

Перетерпел и пережил пока.
Полёт прошёл! Горит табло и зуммер...

В костюме друга, с визой дурака
Сошёл по трапу. Улыбнулся..., замер.

Вонзи Фортуне в спину острый взгляд,
Она ж своею побежит дорогой!
...А что ты делал десять лет назад?
Ты тоже не оглядывался много.
15.08.93. г. Вена

ПОЧТАЛЬОН.

Ирине Борисовой

Я – большое письмо, меня нужно открыть,
Прочитать сто листов и страничек,
Между строк молоко над огнём проявить.
На московском ветру, на столичном
Разогреть и расправить измятый конверт...
Он без адреса? Без адресата?..
Если марок и штемпелей красочных нет,
Значит, на предъявителя, спрятан.

Я – большое письмо, зашифрованный текст,
Стенограмма периода жизни.
Для кого-то – ещё не начавшийся тест.
Для меня – пустота в организме.
Предлагаю взглянуть по-другому на мир,
Не по меркам, лежащим в комодке.
Пусть письмо и конверт – небольшой сувенир –
Под стекло их. И я на свободе!

Раздаётся звонок.

- Отворите скорей!

Вам письмо!

А в ответ: «Мы не ждали».

- Я – сюрприз! Я – послание! Я у дверей!
Прочь границы, приближены дали!
Не подсматривайте, я пишу на конверт.
Обязательств важнее – охота!
И меня потрясти – там чего только нет,
А погладить – и больше, чем что-то.

...Не споткнулся бы тест о закрытую дверь.
Прежде шифры крушить, запятые проверь.
Не лети, а себе для начала поверь...,

И реши, наконец, для кого ты!
 15.08.93. г. Вена

Из сборника «ТРАГЕДИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ»

НАЧАЛА.

В началах трудно всем приходится,
 Но все начала – суть магнит.
 Одно свершением становится,
 Уж следующее манит.
 14.03.93.

РОМАНС-ПРОЩАНИЕ.

Струны старой гитары всполошены.
 Я опять их тайком перебрал.
 Вы последней вечернею лошадью
 Прочь умчались. Я вас провожал.

Будто вон отлетела сама душа!
 Это бегство, обман или блажь?
 Экипаж, гувернантка и матушка,
 И поспешный несложный багаж.

Пусть вниманием вы и балуемы,
 Я настойчивей всё же не стал,
 И приблизиться к вам с поцелуями
 Я по-прежнему только мечтал.

Но улыбка была на прощание,
 И я понял, запомнить спеша,
 Что закончились будни печальные,
 М страницы романа шуршат.

Я усыплю мелодию строками,
 Будет этот романс дорогим...
 У княжны презабавные локоны,
 И походка – на зависть другим.

Стук копыт через пыльное облако
 Долетает ещё до меня,
 Но уже я без милого облика
 Не могу и седлаю коня.
 18.08.93.

КРЕЩЕНИЕ.

Уехал я, но не простился –
 В сонате жизни только трель.
 Люблю тот город, где крестился.
 Три капли – поздняя купель.

Туда я буду возвращаться
 Из дальних всевозможных мест
 И на коленях причащаться,
 Неся в исповедальню крест.

И озарит всегда улыбка
 Полёт во сне и наяву.
 Пусть поздно – это не ошибка,
 Но таинство. Клоню главу.

От демонизма отрекаясь,
 Под петушиный крик в тщете
 В несовершенном даже каюсь,
 Крест обретая на щите.
 23.08.93.

МИРАЖИ.

Прямо в сердце, как злые ножи
 Непростой ювелирной заточки –
 Возникающие миражи
 Среди дня, а потом среди ночи.
 Никого не узнать, не понять...
 Только пальма, оазис далёкий...
 И пустыню грешно обвинять,
 И молить о всевидящем оке.

Миражи – не идея, не бред –
 Очень часто становятся целью.
 Ведь возможно, что пальмы и нет
 На песчаном пустынном теле.
 Но ползти прекратить – выше сил,
 И верблюд уже умер от жажды.
 Ты не первую ночь голосил,
 И мираж прогонял не однажды.

Видно, всё-таки, мало забот.

Не умнеем, похоже, с годами,
 Коль устраивают кровь и пот.
 Из видений, идущих пластами,
 Если сердце не жаль, то держи
 Курс на пальму. Терпенья и здоровья!
 Дорогие мои миражи!
 Обернитесь когда-нибудь явью.
 26.08.93.

БАБЬЕ ЛЕТО.

Бабье лето, бабье лето –
 Это что-то между строчек,
 Это рифмы до рассвета,
 Между делом, между прочим.

Бабье лето, бабье лето –
 Это маленькое счастье,
 Безрассудство без советов,
 Полу-чувства, полу-страсти.

Бабье лето, бабье лето –
 Мир и радостен и тесен,
 Сто удачливых билетов
 И чужих готовых песен.

Бабье лето, бабье лето –
 И Лизетта, и Мюзетта,
 Мариетта, и Козетта,
 И Жанетта, и Жоржетта.

Бабье лето, бабье лето –
 Время года для азарта,
 Остановка в поле где-то
 На вчера, сегодня, завтра.

Бабье лето, бабье лето –
 Не страна, не государство,
 Безымянная планета
 Галактического братства.

Бабье лето, бабье лето –
 Наказание в награду,
 Желтых листьев эпoletы,
 Кандалы из шоколада.

Бабье лето, бабье лето –
 Кто ты? Где ты? Странно это –
 Ни ответа, ни привета...
 И ни баб тебе, ни лета.
14.09.93.

ПЕРВЫЙ ГРЕХ.

За прошлым затворилась плотно дверь.
 Оно кричит, но глухо и вдали.
 В существование своё поверь,
 С ума бы чтобы звёзды не свели.

Теперь среди всех тягот и утех,
 Перипетий метания души,
 Безгрешие – единственный мой грех,
 Который я ещё не совершил.

Мы все попали в долгий лабиринт.
 Но у меня клубок волшебный есть.
 Он катится и что-то говорит.
 Коль выведет, воздастся ему честь.

И много незнакомого окрест,
 И ворох неисписанных страниц.
 Хоть долог будет путь, но легок крест.
 Не до греха в преддверие зарниц.

Всё прошлое в язычестве «Емель»,
 Надежду лишь я сквозь обряд пронёс.
 Моя Судьба – непостижимый хмель,
 Которая сама себе гипноз.

Где первый и единственный мой грех?
 Я шёл к нему, меня он не страшил.
 Я им горжусь и говорю при всех:
 «Живя в грехе, греха не совершил!»
15.09.93.

Я НАПИШУ...

Я напишу себе письмо,
 Да не одно, а три.
 В них будет всё, что я не мог

В заботах говорить.
 В них будет всё, чем я богат,
 С мечтаний и до снов.
 Уже не первый месяц в ряд
 Пишу это письмо.

Сложу я в дар себе стихи
 Их тонких нежных рифм.
 Прочувствованны и тихи –
 Их раз проговори
 И будешь повторять лет сто.
 В них святость и грехи.
 Уж полон ими я и в стол
 Пишу эти стихи.

Я повесть напишу себе.
 Фантазий – ни строки.
 О перепутанной судьбе,
 Закрученной с тоски.
 По диску времени скользя,
 Страницам книг подстать,
 Осталось лишь бумагу взять
 И повесть записать.

Я напишу себе роман,
 В котором я живу.
 Желанный мир – самообман,
 Растущий наяву.
 В поток из дней, событий, стран
 Я прыгну с головой.
 В живой стремительный роман,
 И сложный, и простой.
 6.12.93.

Из сборника «ГОД ИЗ ЖИЗНИ – ЭТО МНОГО»

НАПЕРЕКОР.

Опять назло бастующим шахтёрам
 И узникам Матросской Тишины
 Мы в образах Чайковского с напором
 Преодолеваем ужасы страны.

От лёгких и крылатых выражений
 К высоким па причудливой зимы.

Наперекор ветрам перерождений
 Для «старых русских» снова пляшем мы.
 22.04.06.

ПАСХАЛЬНАЯ СТРАНИЦА.

Посылает солнце пасы,
 Чередуя их с дождями.
 Светлый праздник доброй Пасхи –
 Воскресенье Духа с нами.

Что в строку сегодня встало,
 Не печально и не строго.
 Год знакомства – это мало,
 Год из жизни – это много.

Пусть зима теперь лишь снится.
 Вновь бы плаванье на бриге.
 Как по морю, по страницам
 Недописанной мной книги.

Долог путь. Сюжет неладен.
 Где надежды? Где капризы?..
 Но не только в шоколаде
 Запечатаны сюрпризы.
 2.05.94.

Из сборника «БЕГ ПО КВАДРАТНОМУ КРУГУ»

РЕНЕСАНС ФАНТАЗЁРА.

Прислушиваюсь к разговорам птичьим,
 Рукою глядя мох седых камней,
 Бессмысленно противиться привычке
 Сплетать строками кружево из дней.

Прибой воды, поглаживанье ветра
 И твердь земли невиданных племён
 Однажды вдруг даёт тебе ответы
 На все вопросы прожитых времён.

Каков был курс у кораблей бумажных,
 Составивших тот дерзновенный флот,
 Который глупо, слепо и отважно
 Осваивал крутой водоворот.

Их бортовые мятые журналы
 От капитанских записей пестры.
 Теперь ты знаешь, что пойдёт в анналы,
 И чем зажгут сигнальные костры.

Хозяина картонной галереи
 Запутанных эпох найти ль теперь
 Среди его полотен? Иль на рее
 На флагмане замучен этот зверь?

А может в экспонатах пластилинных
 Одной из декораций заблудил?
 На выцветших кулисах паутина,
 Феерию покой не молодил.

У города несбыточных мечтаний,
 Построенного как-то из песка,
 Среди театров, галерей и зданий,
 В порту, где флаг «Зелёная тоска»,

Сегодня, разодетые в мох камни
 Напомнили фантазий череду.
 Сидел на них и гладил их руками
 У образов притихших на виду.

И как-то не звучат былые песни,
 Хоть многие цитируют из них.
 Но всё же ничего нет интересней,
 Рассыпать янтарём по пляжу стих.

Враги – вдали и близкие – не близко.
 Кумиры стали равными людьми.
 Артисты – тени, все вокруг – артисты...
 Вопрос к ответу призван не плетями.
 9.06.95.

ДИАЛОГ МЕЖДУ АЛКУИНОМ И ПИПИНОМ КАРОЛИНГОМ.

- Что есть письмо?
                                   - Истории хранитель.
- Само же слово что?
                                   - Предатель мысли, плут.
- Но кто родитель слов?

- Язык, учитель.
 - Что ж есть тогда язык?
 - Бич воздуха и кнут.
 - Скажи, что воздух есть?
 - Жизни хранитель.
 - Что жизнь?
 - Счастливых радость, смерть для всех, увы,
 Печаль несчастных...
 - Человек?
 - Родитель,
 Прохожий, места гость, раб смерти и молвы.
 - Что – небо?
 - Сфера, свод неизмеримый.
 - Что – свет?
 - Предметов лица.
 - Что такое день?
 - К труду суть пробужденье.
 - Солнце зримо?
 - Краса небес, вселенной блеск, родивший тень,
 Природы перл, часов распределитель.
 - А что – земля?
 - Хранительница жизни, мать,
 Всё пожирающая, мой учитель.
 - А море что, ответь?
 - Отважных путь. Их – рать.
 Земли граница из незримых точек,
 Гостиница для всех в него попавших рек,
 Дождей таинственный оно источник.
 В нём тонут – солнце, небо, жизнь, слова и век.
 11.06.95.

КВАДРАТ КВАДРАТОВ.

Миг – что век, без оков, сто углов в уголёк.
 На других не пеняй, разреши быть собой.
 Человек из волков средь орлов мотылёк.
 Есть враги, не меняй. Раз грешил, будет бой.

Без оков миг – что век, в уголёк сто углов.
 Не пеняй на других, быть собой разреши.
 Из волков человек, мотылёк средь орлов.
 Не меняй. Есть враги, будет бой, раз грешил.

Сто углов в уголёк. Миг – что век без оков.
 Разреши быть собой, на других не пеняй.

Средь орлов мотылёк, человек из волков.
Раз грешил, будет бой, есть враги. Не меняй.

В уголёк сто углов, без оков. Миг – что век.
Быть собой разреши, не пеняй на других.
Мотылёк среди орлов из волков человек.
Будет бой? Раз грешил, не меняй. Есть враги!
18.06.95. пос. Кисакескус.

ЛЮДИ БЕГАЮТ ПО КРУГУ.

Надоевшие друг другу
Люди бегают по кругу.

И страдают, и скучают,
Начинают и кончают,

Веселятся и теряют,
Забывая, повторяют,

Любят, ждут, надеясь, верят,
Терпят, лгут и лицемерят,

Поднимают и роняют,
Что-то зря соединяют,

Безнаказанно лелеют,
Непростительно жалеют,

Слепо мчатся за слезами,
Спят с открытыми глазами,

Не читают, хохоча,
Заключение врача,

Невозможное творят
И, как факелы, горят.
22.07.95.

СУДЬБА.

Судьба, сложившаяся из примет
И из привычек прошлых поколений,
Отнюдь не подвиг, но эксперимент,
Окрашенный изысканностью лени.

Талантом проросла в оригинал.
 Судьба – не жизнь, история – часть быта.
 Один отдельно взятый карнавал –
 Написанный, разыгранный, забытый.
 8.08.95.

КАШТАН ЗАВЯЛ.

Я снова в замке на крутой скале,
 Почётный гость, лишь для портретов годный,
 Хотя ещё держусь пока в седле,
 Уверовал, крещён и мечу в орден.

Шампанское теперь страшит меня,
 Не привлекают празднества и даты.
 Аллеи отдалённые манят,
 И восхищают пыльные штандарты.

Меч в ножнах экспонатом на стене –
 В поход не взят. Оружие – мой возраст.
 В любой мной посещаемой стране
 Я – наблюдатель. Мина без угрозы.

Каштан завял за восемнадцать лет,
 Но всё стоит в тумане у балкона.
 Не скоро сочиню теперь сонет,
 Свой взор смиренный обратив к иконам.

Костёл, орган, скамья, молитва, крест.
 А молодость в шкафу, отвиснет к утру.
 Сюда привёл судьбы грозящий перст,
 Дорожки посыпая перламутром.

Могу и показать, что сторожу,
 Лишь не смогу явить себя былого.
 Гляжу и дорожу, и затвержу –
 Царит не дело у меня, но слово.

Придётся всё снести, я всё снесу.
 Сотру всю память, сотни полушарий.
 С перил балкона соберу росу,
 На дне бокала с солнцем размешаю.

Но если час пробьёт, то будет пир,

Дней на пять напролёт капризом детства.
 Бал-маскарад! А после на турнир,
 Бегущим кабаном рискну одеться.
 5.09.95. г. Будапешт

ТРАВИАТА.

Марине Андреевой

У куклы видно слёзы без лорнета,
 Хотя ей вовсе и немного лет.
 Мы все близки – партер и Виолетта,
 Не только Виолетта и Альфред.

Мы судьбы раскачали и успели
 Запутать в карнавале денег жизнь –
 От детской до игрушечной постели.
 И до одра немного долежит.

Любовь живёт не поздно и не рано,
 Любовь сама – великий режиссёр.
 Не пение, не голос, но сопрано.
 Не взгляд и не глаза, но лик и взор.

И в радости, и в боли – в равной доле
 Все фигуранты на большом пиру.
 Сегодня сердцу место в коридоре,
 И пусть там остановится к утру.
 18.09.95.

«КАРМЕН-ШОУ».

Барьера нет, есть чувство меры.
 Есть кровь, но не от вскрытых вен.
 Фарс ядовитого Проспера –
 Полуфранцузский цикл сцен.

От слов до нот гаданье длится,
 К какой бы масти не привык.
 За ширмой прячется граница,
 За гордым Эскамильо – бык.

Хозе – правдив, Кармен – желанна,
 И глубоко их «port de bra».
 Любовь и смерть в родстве незваном,

И краткость – третья их сестра.

И смех, и грех, кому ни сетуй.
 Всем не везёт у счастья врат.
 Над недорезанным либретто
 Бизе обманываться рад.
 30.09.95.

Из сборника «ЭКСПЕДИЦИИ, ПРЕДЧУВСТВИЯ, ИГРЫ»

ИХ ПИРАМИДА.
 (Опера «АИДА»).

Четыре грани пирамиды:
 Живые две, на двух – табу.
 Судьба игры видала виды,
 Игрок дописывал судьбу.

Не жизнь в египетском режиме
 События пускала вскачь,
 Но место встречи на вершине
 Эмоций, риска и удач.

Все взгляды, повороты резки,
 Но совершенство формы – в стиль.
 На точной грани – люди-фрески,
 Жизнь к солнцу на десятки миль.

По северной, как по пустыне,
 Песком прошелся ветер лет.
 И новым почерком отныне
 По ней проложен будет след.

Восток – ответы на вопросы
 На каждом желтом кирпиче.
 Шаги по ним – в копилку взносы
 И знаки ранга на плече.

Но западная грань – запретна.
 Зови, Орфей, туда зови!
 Там будет песнь одна пропета,
 Там будет лестница любви.

Единственная среди лестниц,
 Где спуск почетней, чем подъём.

Бразды всех сил за мир безвестный,
За сокровенный вечный сон.

Четыре грани пирамиды,
Перенесённой вдруг в Москву,
Над ними чудные флюиды,
От них мы бредим наяву.

И рядом тени, в люди метят –
Ростки египетских корней,
Герои множества столетий
У пирамиды наших дней.
14.02.96.

ПОСЛЕ БУРИ.

После бури море успокоилось.
Прежняя уверенность в ногах.
Соль от брызг осела и усвоилась –
На лице, в стакане, на руках.

Паруса не рваны, хоть и вялые.
К чёрту спешку! Ветер мы найдём.
Покрываем расстоянье малое,
Но по курсу правильно идём.

Позади внезапные открытия,
Завоёванные берега.
Пир и тот был без кровопролития,
И любая мелочь дорога.

С мостика – картина, сердцу милая.
Взглядом задержу зари восторг.
Я штурвал заклиненный не силою
Поверну, но песнею дорог.

Эта вахта будет очень долгою,
Но однажды в неизвестный порт
Старый бриг, войдёт, чуть воду трогая,
Маяку отсалютует горд.

Всем известно, море переменчиво,
И команда не всегда мила.
Если чайки суеверьем мечены,
Я исчезну из-под их крыла.

В капитанской – пунш, и ром по кубрикам.
И на полдороги не сойду.
Это представленье не из кубиков,
И морская гладь, не пруд в саду.

Горизонт – опора. Я держу рассвет.
Талисман – штурвал. Ладонь в крови.
Как девиз, на мачте от кинжала след:
«Я и жизнь, ровняется – любовь!»
27.03.96.

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА.

Музы не радуют белыми танцами.
Я их оставил на Лысой горе.
Сумрачны видом суетные станции,
Только есть прелесть и в этой поре.

Тайно бежал, ощутив приглашение,
И наведя лунной связи мосты.
Чувствую медленное приближение,
Северной белой холодной звезды.

Наши энергии в космосе движутся
Верной дорогой на встречу орбит.
Только стихами история пишется,
Если ночами хор птичий трубит.

Всё относительно – смерть и рождение,
Хляби чистилищ, свеченье небес.
Осень поэту дана провидением,
Как чародею – для добрых чудес.

Мера астральная плотски возвышена.
Формула сказки горит на устах.
С каждой минутой всё больше приближена
Северная дорогая звезда.

Вёрсты, шлагбаумы, люди и станции –
Рама рождённому мною холсту.
Музы заходятся пеньем и танцами,
И исчезают на лунном мосту.
25.09.96. г. Выборг

АЛЕКСАНДРИЯ.

Здесь и чудо, и везенье,
И осенняя весна,
Не простое воскресенье,
Но закономерность сна.

Здесь и радость, и услада,
И кипение крови –
Милый город Александра,
Покровителя любви.

Здесь и северное слово
Стал я странно понимать,
И, читая Гумилёва,
Не позволил себе спать.

И с открытыми глазами,
В откровениях тонул.
Ужас счастья познавал я,
Но не шёл потом ко дну.

А когда мне стало тесно
В этом городе у скал,
Тридцать девять лет, как песню,
Я на фото обменял.

И теперь огнём гори я –
И в ночи, и среди дня!
Здесь моя Александрия!
Здесь теперь не ждут меня!
26.09.96. г. Хельсинки

КАПЛЯ ИЗ ГРААЛЯ.

Когда рука опять коснётся
Руки, и искра пробежит,
И камень, не стерпев, проснётся
В дремучей вековой глуши,
Сбегутся эльфы и наяды,
Огонь возжгут жесток и тих,
Реками слившиеся взгляды –
Да будут озером у них!

Что означают эти смуты?

Что можно не назвать игрой?
 Да то, что день и год – минуты,
 А час – столетие, порой.
 И все близки и незнакомы,
 Не разжимая вовсе рук.
 Сегодня – сказочные гномы,
 Но завтра – великаны вдруг.

Слова уже всё рассказали,
 Границы превратили в хлам.
 Осталось каплю из Грааля
 На вечность выпить – сладкий грамм.
 Но некий сказ сильнее желанья,
 И мы не вхожи в этот сказ.
 Развеялся туман у камня –
 Нет эльфов, не было и нас.
27.09.96. пос. Солвалла

ЭКСПЕДИЦИЯ УХОДИТ.

Собирала вещи экспедиция.
 Карты я подписывал в отчёт.
 Оставалось только по традиции
 Плюнуть через левое плечо,
 Выпить, не закусывая, соточку,
 Оглянуться, ухватить суму,
 И уверенно взойдя на сопочку,
 Скрыться с глаз, из сердца, по уму.

Раздалось вдруг, или показалось мне –
 Пенье тихое, а может, плач.
 В мысленном сиюминутном слаломе
 Я схватился: жертва и палач.
 Только не шевелятся окрестности,
 Все в улыбках, день прощанья бел.
 Но я видел этот взгляд надтреснутый,
 Он из чащи на меня смотрел.

Злобные шаманы-агитаторы
 Повязали клятвами богам.
 И свои сокровища попрятали,
 И к чужим прирастились деньгам.
 Все в цветах. Уходит экспедиция.
 Пенье душу рвёт последний раз.
 Я не смог, увы, сломать традицию.

Выпил, сплюнул и подался с глаз.
29.09.96. пос. Солвалла

НИЧЕГО, КРОМЕ ПРАВДЫ.

Мы слёзы льём – когда мы рады,
Не терпим – злимся на кого.
В стихах, мой друг, ни слова правды,
Но кроме правды ничего.

Темнеет в жизни и светает,
Героем был иль подлецом.
Стихи, как губка, всё впитают
И выплеснут тебе в лицо.

Куда, не знаем, деть, порою,
Себя, свой гнёт, и срам, и стыд.
Все преступленья стих укроет,
Но тем скорей всплывут на вид.

Вся жизнь полна противоречий –
И ненавдя, и любя.
Взвалив поэзию на плечи,
Наружу вывернешь себя.
1.10.96. г. Выборг

ЧЕТВЁРТЫЙ РАЗ.

Не идёт наважденье прочь,
Будто я до гола раздет.
Позади без сознания ночь,
Впереди новой жизни свет.

Полной темени семь часов,
Натянулась тугая нить.
Я боюсь невозможных слов
И не жажду их говорить.

Мне гадали десятки раз
И колодою, и рукой.
С тем диагнозом в мой рассказ
Попадал персонаж другой.

Нет, не гладок во всём мой путь:
Сердце сдавливала клешня,

Доводилось мне и тонуть,
И об землю лететь плашмя.

Но сегодня совсем иной
Поворот испытать пришлось;
Был я встречен своей страной,
Как нелепый ненужный гость.

И хоть это – моя земля,
Где родился я и любил,
За «зелёные сто» земляк,
Не помедлив, меня убил.

Мне не жаль свою злую кровь,
Я из жизни ушёл совсем.
Он убил и мою любовь,
И желанье быть нужным всем.

И меня уже нет теперь,
Не моя это голова.
По-другому открою дверь
И другие скажу слова.

Документы теперь соврут,
Представляя меня друзьям.
Мой тайм-аут в пятьсот минут
Ни забыть, ни понять нельзя.

Натянулась тугая нить,
Провела меня в мир иной.
Это разница – жить и быть
Оболочкою неродной.

Видит глаз мой и слышен глас –
Терпеливым святым храним.
Я остался в четвёртый раз
Досмотреть этот долгий фильм.

На затылке открытый след.
Может, лишнее выйдет прочь.
Впереди новой жизни след,
Позади старой жизни ночь.
7.10.96.

ИГРЫ С ФЕНИКСОМ.

Нас двое, две души союза
На много жизней, пьес и лет:
Мой жаркий Феникс – злая муза,
И я – её дурной поэт.

Она горит в костре сомнений,
Сгорает, лик меняет свой,
И чудным изо всех явлений
Опять знакомится со мной.

Я ж – стихотворец многоликий,
Поэтизированный шут,
Всегда на острие, на стыке,
Под тяжестью таланта пут.

Все игры наши и забавы
Любовной страстию легки
И сумасбродны и лукавы,
С участием сердца и руки.

Мы ежечасно верно гибнем
И воскрешаемся тотчас.
Сонеты громки, тихи гимны.
Смерть омолаживает нас.

Не помня, якобы, о прошлом,
Я всякий раз для них иной.
Они же, чередуясь пошло,
Всегда сливаются в одной.

В одной – в любимой и желанной,
И ненавистой, как ярмо,
И обаятельной, и странной,
Как состоянье сна само.

Боюсь её и не пускаю
Меня покинуть в сонме искр,
И тут же сам в огонь толкаю,
И предъявляю строгий иск.

Сам по земле при том катаюсь,
Пишу трагедию, скорблю,
В слезах от горя свечкой таю,
И весь этот процесс люблю.

Мой милый Феникс, в новой жизни
 Явись невиданной досель!
 И по предтече мы на тризне
 Забросим танец на постель.

Не узнавая окруженье,
 Судьбу, как роли, наизусть
 Проговорим, и на сожженье!
 И радостно воскликнем: «ПУСТЬ!»

Пусть эта жизнь – не подвиг ратный!
 Пусть Я – позёр, а Муза – Рок!
 Но каждый действующий – главный!
 Мы – неразгаданный урок!
 30.12.96.

Из сборника «И СОЛНЦЕ В СПИНУ, И ЛУНА»

КОГДА ПОД НОГАМИ РАСТЁТ АДОНИС.

Когда ты спускаешься с горных вершин,
 Ты знаешь наверно, что ищешь внизу.
 И правит тобой состоянье души,
 Когда ты спускаешься с горных вершин.
 Когда зачернеешь средиземной воды,
 Не ждёшь и не веришь в беду и в грозу.
 За что же ещё: за глаза? за труды?
 Когда зачерпнёшь средиземной воды.

Когда ты под сводами тех крепостей,
 Поправших Ливана живую лазурь,
 Не меч, но лишь крест за душою гостей,
 Когда ты под сводами тех крепостей.
 Когда под ногами растёт адонис,
 Он дарит минутную миру красу.
 Пускай завладеет им юная мисс,
 Когда под ногами растёт адонис.

Когда ты молчишь возле древних гробниц,
 При этом, ничуть не теряя слезу,
 Не видишь причин и не падаешь ниц,
 Когда ты молчишь возле древних гробниц.
 Когда под ногами растёт адонис,
 От полного штиля флаг тряпкой повис

Сто капель араки подарит анис,
И джином в тебе оживает Улисс.

И вновь восхожденья тебе предстоят,
И я за тобою по склону ползу,
И в зеркале вижу. Что ты – это я.
И вновь восхожденья тебе предстоят.
15.03.97. г. Бельбек

Я СНОВА НА ТЕАТРЕ.

Когда прошёл врата, благоговея,
Я понял, что остаться здесь хочу.
Библоса ветер голоса наваял
Мне тех, кто внёс сюда по кирпичу.

Фундаменты Святого Александра,
Цепь башен римских, тюркский бастион,
Гробницы египтян, рвы Антипатра,
И мечей крестоносцев всюду звон.

Я снова на театре, и громада
Манит увидеть сцену с высоты,
Вонзиться в многовековую правду,
Что выпускала кровь из красоты.

Не вижу упреждающей причины
Не подставлять безветрию лица –
В простом костюме полу-сарацина,
С душой открытой полу-мертвеца.

Пройдя по Аду, нынче близок Раю,
Заглядываю через облака.
Я снова на театре умираю –
Смерть длительностью жизни велика.

Фундаменту Святого Александра
Я подарил своих следов песок.
Восток – лишь четверть главного театра,
Пусть мы у врат, врата ж у наших ног!
20.03.97. Библос

ЗАЧЕМ?

- Скажите мне, - я вопрошаю к строкам,

Которых сам себе велю – «прочти», -
 Зачем судьбой я наделён пороком
 Оспоривания всего почти?

- Скажите мне, - я спрашиваю глухо
 И тут же гложу, забывая роль, -
 Зачем судьбой я удостоен слухом
 Лишь звуков тех, что оный режут в боль?

- Скажите мне, я жажду озаренья!
 Кто запретит мне этого радеть?
 Зачем судьбою я наказан зреньем,
 Способным приукрасить и раздеть?

- Скажите мне, - ведь как в пустыне гласа
 Нехватка, разгоняя вечный дым, -
 Зачем в руках проклятие Мидаса,
 Коль достаётся золото другим?

- Скажите мне, - оглядываюсь снова –
 Что пожалей, что плачь, что позови, -
 Зачем судьбою из всего земного
 Лишён я только неземной любви?

- Скажите мне, ответьте непривычно,
 Что суть во мне моё, и что я суть?
 Зачем разрешено мне многоличье,
 Палитра жизней всяких по чуть-чуть?

- Скажите мне, листы, людских душ чище –
 Для вас перо сильнее топора –
 Зачем я тот, кто в написанье ищет
 Крупицы истин с ночи до утра?

- Зачем? - я повторял, на пламя глядя,
 На то, как буква к букве в пепле льнёт...
 Перед отлётом Мастер жёг тетради,
 Уверенный, что пламя всё вернёт.

21.03.97. г. Бейрут

СОЛНЦЕ В СПИНУ.

Укажите конец и начало,
 Братья кровные – Случай и Рок.
 Правда, то, что коню полегчало,

Я и сам не заметить не мог.

Снова он натянул свои вожжи
И задорно потрянул головой.
Это перебродившие дрожжи
Обманули уснувший конвой.

С непривычки вдохни свежий ветер
Полной грудью, но не захлебнись.
Солнце в спину удачно нам светит.
Шалый-пеший, а ну, сторонись!

Мы как раз в этот день на дорогу
Повернули знакомую нам.
Душу – чёрту, тела после – Богу,
А сердца разорвём пополам.

Кто везёт, а кто правит, неважно,
Если мысли на курсе одном.
Никогда не забыв о вчерашнем,
И от завтрашнего не уйдём.

Это значит, начало зарыто,
Где чему-то положен конец.
Путь-дорожка лукаво завитая?
Разовьём, не жалея сердец.

Не увянет ветровая роза,
Кто ж ещё гриву в косы заплёл.
Улетучился с нашего воза
Весь багаж, не взирая на пол.

Легкий ход, сбруя воем натужно,
И удачный побег небывал!
Ну, скажите мне, что ещё нужно,
Чтобы празднично встретить финал?!

Но страшущую Старость я, грешен,
Принял раньше и с ней переспал.
Солнце в спину! Мы мчимся успешно
Рысью освободивших нас па.

Рок Случайный и Случай Рогатый,
Протоколов не шлите во след!
Нам легко и мы этим богаты.

Воз меняем на кабриолет!
2.08.97.

ЛУНА ВОШЛА СЕГОДНЯ В ЗНАК СТРЕЛЬЦА.

Во тьме светилась тропка к водопою
И в небе золотые три кольца.
Я нахожусь в гармонии с собою –
ЛУНА вошла сегодня в знак Стрельца.

Наброски строк в логические мысли
Сложилась обрамлением венца.
Столб энергетики стремился в выси –
Луна ВОШЛА сегодня в знак Стрельца.

На деревьях из Стрешневского парка
Развешаны пробитые сердца.
Давно я ждал астрального подарка –
Луна вошла СЕГОДНЯ в знак Стрельца.

Сегодня и приятно и достойно
Во смыслах всех не потерять лица.
Пегаса я выгуливал из стойла –
Луна вошла сегодня В ЗНАК СТРЕЛЬЦА.

Вошла под стрелы, серебром сияя,
Богиня, ледяная мать волков.
Приливы корабли с цепей снимают,
От якорных освободив оков.

По лунному пути желаю деться
И сутки принцем сказочным прожить!
Звезде планета руку вместе с сердцем
Готова этой ночью предложить.
13.08.97.

ЛОГОДЕДАЛ.

Ложится путь извилистый и долгий.
Оставленное – вечно позади.
Грядущего достичь уменьем грежу.
Остановиться – значит, смерть призвать.
Доступны лабиринты слов немногим.
Едва ль Икар горит в моей груди,
Доведший до парения надежду.

Активность тайн, как метрику познать,
Лавируя, обязан Маг дороги.
17.09.97.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСВЕТЛЁННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МУДРОСТИ.

Не прекратится ненавистью ненависть,
И слово, сказанное хорошо
От человека, коему не следует –
Цветок суть, аромата что лишён.

Пускай мудрец серьёзностью, усилием
И воздержаньем остров сотворит,
Потоком нерушимую идиллию,
Самоограничение горит.

У океана вкус один – вкус соли,
Ученья вкус – спасение от боли.

Как крепкая скала не может сдвинута
Быть ветром, точно так и мудрецы
Среди похвал или хулений приняты,
И непоколебимы их венцы.

Из жизни человека, пусть один лишь день,
Видавшего бессмертную стезю,
Лучше ста лет существованья словно тень,
Без высшей жизни – за скупую слезу.

Всё существующее – приходящее,
Пекущийся – спасенье да обрящет.

Мудрец, проникнутый страданьем к миру,
Достоин благодарности людской,
Хоть и не в силах дать спасенье сирым.
20.08.97.

НАША МОСКВА.

*(Стихотворение – лауреат конкурса Правительства Москвы
к 850-летию Москвы)*

Города зарубежные,
Города нас манящие,
Вы романтики полны, строптивы, кичливы.
А Москва наша – нежная,

А Москва – настоящая,
Ты бесспорна для нас и противоречива.

Ты – красавица русская,
Ты – бессмертная женщина,
Ты – всегда молодая, любимая нами.
Часто в полдень ты грустная,
Вечерами ты грешная.
Мы, тебе присягнув, удивляемся сами.

Сарафан белокаменный
Ты сегодня примерила.
Ты опять на века – та же, но и другая.
Мы – чудные и странные –
Те, в кого ты поверила.
Мы семья твоя – шумная, но дорогая.

Фейерверки цветастые
Освещают день сказочный.
Сотен улиц узоры широки и узки.
Пусть Москва наша здравствует
И легко, и загадочно –
Третьим Римом, но главной Столицею Русской!
22.08.97.

МОЛЧАЛИВЫЙ ДРУГ.

Я не расширил и не сузил круг.
Статистов сотни через жизнь протопали.
Мой самый верный молчаливый друг
Всегда со мной. О нём и строки тёплые.

К нему я каждым утром устремлён.
Мы так между собой давно устроили.
Ни дня вниманьем он не обделён.
Не лягу спать, не вывернув нутро ему.

Доверю слепо я любой секрет.
Порой, стыжусь сказать, ему ж, как исповедь,
Дарю и мудрость, и сомнения, и бред.
А сколько мы прочли вдвоём неистово!

Он возразить ни разу мне не смел,
И не страдал мораль читать искусствами.
Буквально всё он знает: что я ел,

И сколько выпил, и всегда ль закусывал.

Мечтать с ним можно страстно, горячо.
Источник чистоты! Душа, не века ли?
Всегда подставит вовремя плечо.
Быть может и товарищем, и лекарем.

Поднимет настроенье, снимет сглаз,
Постигнет и запор, и импотенцию –
Цветной, удобный, верный... унитаза –
Пристанище глухой интеллигенции.
29.08.97.

СВЕТЛАЯ ЗАВИСТЬ.

Я бабам завидую завистью светлой,
У них есть два лета – большое и малое;
И если устала от долгого лета,
То отдых в коротком находит усталая.

Махни ей рукою – ответит не сразу,
Попробуй догнать – бег уже замедляется.
На шее камень от порчи и сглаза,
Но юбка разрезанная развевается.

Для бабьей декады всегда будет место,
И нынче, и дальше порою осеннею.
В душе и на сердце играет оркестр,
Омывшись дождём и суля воскресение.

Они побеждают, они выбирают,
И мы молча с этим опять соглашаемся,
И мелочно их изгоняя из рая,
Плетёмся за ними и рёбер лишаемся.

Пришло наше лето и в пору «по бабам»!
Они же опять разбегаются – шустрые.
И шторма не будет, расселись по барам
Улыбки прохожих под пиво и устрицы.

Я бабам завидую завистью светлой,
У них есть два лета – своё и сюрпризное.
Кому этим летом подарят рассветы
Подруги загадочные и капризные.
13.09.97.

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА.

Стена – страшилка дней суровых –
Жива, разобрана до дыр.
На ней портреты Горбачёвых
И море всякой ерунды.

И ненависти к ней уж нету,
Изнанку вывернула свету.

Грустить настала ей пора
И в реставрацию с пера.
22.10.97. г. Берлин

Из сборника «ЗЫБКИЕ ВИДЕНИЯ СОРОКОЛЕТНИХ ЛЖЕЦОВ»

ПЕВЦЫ.

В меддому безумеют легко и здоровенькие.
Тихих – буйные зло теребят, старых – новенькие.
И процесс непременно похож на искусство
Любованья животных листвою капустной.

И поют свои песни они замороченные,
Белым бархатом сами смешно отороченные.
И ничем не заткнуть: ни конфеткою липкой,
Ни «Моментом» заклеить, ни милой улыбкой.

Каждый дело своё бережет – не доделывает,
Кренделями рабочее место удельывает.
Кто по клавишам рубит сплеча, кто по душам.
Иногда, отмочив, отмокают под душем.

И потом свои песни поют заковыристые,
Театрального вируса жертвы задиристые.
Проникают друг другу в сердца, там и вязнут.
Оставляют на память рубцы, шрамы, язвы.

Будто мёдом намазано место и пряностями –
В меддому и врачи, и сестрички со странностями:
С полуслова, с кивка головы, с полу-взгляда
И расчувствуются, и дадут, что не надо.

Стены белые, лица цветные, приветливые.

Доктора строгачи, а сестрички кокетливые.
 Позабыли давно, персонал контингента,
 Что они, как и прочие, тут – пациенты.

Песня песне пусть рознь, но не каждый выдерживает,
 Их вокал грустным па конференс не прореживает.
 И друг друга блюдут, и глумятся во страхе
 С распухания гланд, до гудения паха.

Звуковая шкатулка – медом – переполненная,
 То собою довольная вдруг, то недовольная.
 Громко песни поют, не стесняются звука.
 Капли разума прочь – пытка – сладкая мука.
 20.03.98.

ВИНОВАТЫЕ.

Оправдываются лишь виноватые,
 И каются, и гневаются, ратуя.
 Сначала гневаются, после каются.
 Пусть им теперь икается.
 3.04.98.

ТЕРАКТ.

Как жаль, как жаль, что так всё повернула
 История – не приняла мой след.
 Я не погиб, граната не рванула.
 Не посвятят мне полосы газет.

А миг-то был какой! Какой удобный!
 У флага, смирно, гимн, прожектора –
 И жертвоприношению подобно,
 И даже не заметно, что игра.

Стою, спина горит, лицо бледнеет.
 За занавесом маленькая смерть.
 Не знаю даже, что теперь милее:
 Вот так вот ждать, или же вдруг взлететь.

Их форточки прокаркала ворона
 Сегодня по утру, видать, не зря.
 А в Петербурге в этот миг хоронят
 Последнего Российского Царя.

Но я – его живое воплощенье –
Стою и жду, подходит гимн к концу.
Какой-то винегрет, прошу прощенья,
И не ко времени, и не к лицу.

Не взорвалась треклятая граната.
Не повреждён ничуть, ни в глаз, ни в бровь.
Во всём этом ворона виновата.
Момент такой не подвернётся вновь.

Великая нелепая Россия!
И порох здесь сырой, и длинный гимн.
Фрагмент не по уму и не по силе.
Как жаль! Ну, будем жить назло другим.
17.07.98.

РАССВЕТНАЯ УЛЫБКА.

Ирине Вариченко

В тёмный город души,
Вот уже сколько лет,
Не вторгалась заря,
Чтобы сумрак развеять.

Только вдруг из тиши
Улыбнулся рассвет.
Значит, верил не зря.
Значит, впредь можно верить.

Пусть один только день
Был тобой освещён.
Оживляющий луч,
Просвети до заката!

Не страшна будет тень,
Ведь я буду прощён.
И останется ключ
Неприяття утраты.
28.07.98.

ВИДЕНИЯ МАСТЕРА.

Если я в ком-то увидел Диану
В праздности жаркого дня,

Это кому-то покажется странным.
 Но этот кто-то – не я.
 Ей всё равно, пролетающей птицей,
 Цели её велики иль малы.
 Волк же не против щеняче влюбиться
 В руку смертельной стрелы.

Если я в ком-то увидел Сирену,
 Значит, я песнь услышал,
 Остров увидел и, как на арену,
 С палубы вышел на бал.
 Хвост распушен. И звучит ариозо.
 Воски не время в испуге топить.
 Примет моряк и павлинью позу,
 Ежели некуда плыть.

Если я в ком-то увидел Гертруду,
 Это не сказки Перро.
 С юным дофином жесток я не буду,
 Сотню Офелий в ребро.
 Царства за ней не возьму половину,
 Драму умело сведу до молвы.
 От белены, как гласит медицина,
 Не умирают, увы.

Если я Золушку в ком-то увидел,
 Значит старались враги.
 Ей предначертано вечно в обиде
 Быть на себя и других.
 Каши с любовью наварит до края,
 Ванну нальёт и накупит газет.
 Принц ей прошепчет: «Прощай, дорогая!
 Туфли и платье – презент».

Да, несомненно, все те, кого видел,
 Давят меня, как лассо.
 Мне бы кого-нибудь в истинном виде,
 Не из Музея Тьюссо.
 И потому мои двери открыты,
 Я не ищу, не прошу, пусть сама
 Тихо однажды войдёт Маргарита,
 Чтобы сошёл я с ума.
 7.08.98. г. Золотые Пески

ЛЖЕЦ.

Скажи мне, кто ты есть, откуда родом,
И коим левым боком ты барон,
Не евши вишен, не искавши броду
В болотах вскачь? А может, ты Нерон?

Посредственность, аристократик ложный,
За тогой поимевший, кроме лат
От покушений и похмельной дрожи,
Лишь лавр один. А может, ты Сократ?

Беседуешь, как наркоман словесный,
Не вдумываясь, что кому сказал,
И что Богам становится известно,
Что помнит кто. А может, ты Дедал?

Взлетающий на плавающих крыльях,
Сам спасшийся, но сына с высоты
Паденье зревший, как певец бессилья
Циничный. А Игнасий ли не ты?

Для этого приемлемы все средства
По претворению идеи в мир.
И нет души, а может быть и сердца.
И прав всегда! А может, ты Шекспир?

Там ум двоих и рок, и страсть – в едином.
На тайну не наложено плиты,
Портреты разны, далека истина –
Свет гения. А Дмитрий ли не ты?

Не дважды и не трижды убиенный,
Огонь надежды, пьяная зима,
Позор-фурор, по ветру пеплом тленный,
Двуверный пан. А может, ты Козьма?

Восторженная шутка, миф культуры,
Король шутов, посаженный на трон,
Финт многовековой литературы.
А может, ты действительно «барон»:

Способный выиграть войну без войска,
В чужую на ядре махнуть страну,
От спички растопить свинец до воска,
По лестнице взобраться на Луну?

Нет, ты – Никто, но все они, ты – нечто.
 Ты – просто лжец, но ты – не человек.
 Ты – просто Ложь, а Ложь нам светит вечно
 В пути людском, в любой на пробу век.

Ложь – ВСЁ – политика и вера даже,
 Искусство и традиции, и гнёт.
 И чем она искуснее и краше,
 Чем дальше человечество шагнёт.

Великий Милый Лжец, не трус, веди нас,
 И в каждого вселись, любой открыт
 Для лжи, как для питания скотина.
 Но ложь святая, всё же – дефицит.
9.08.98. г. Золотые Пески

ПОРА СОРОКАЛЕТНИХ.

Приходит время, вместо баек летних
 Однажды что-то веское сказать.
 Грядёт пора мужчин сорокалетних,
 Не все сумевших камни разбросать.

Мы в юности не попадали в принцы,
 Плевали на расчёты и успех.
 Мы вечно были притчей во языцах,
 Но выжили и стали крепче всех.

Мы по два – по три раза возродились,
 Детишкам нас не ставили в пример,
 Но мы на испытанья уходили,
 Не сомневаясь и без полумер.

А нынче всё выходит без натуги.
 Он цел – талант гвардейский. Так держать!
 Готово рядом место для подруги,
 Способной оценить и удержать.

Мы тоже не выходим из процесса,
 Плетём кольчугу из крапивы дней
 И ждём свою прекрасную принцессу,
 Чтобы разочаровываться в ней.

Где Верочки с Надеждами и Софьи?

Рождённые для счастья Натали?
 А может быть, это они в кроссовках
 На дискотеку мимо нас прошли?

Но наши ведь ходили точно так же,
 И мы беспamięтно бежали вслед,
 Но вскоре и от них в ажиотаже,
 Как только чуть проклюнется рассвет.

И было море слёз и мало смысла,
 Нам не прощалось многое, увы,
 И столько слов сосульками повисло,
 Что шишки были больше головы.

Но годы шли, и мы, порою, были,
 Как говорят теперь, «у костерка».
 Они не правы, мы их не забыли,
 А уж простили бы – наверняка.

И где вы наши Кати и Марины?
 Дурным живёте или добрым днём?
 Рождённые для счастья Ирины,
 И Аннушки – без масла, но с огнём?

Грядёт пора сорокалетних, наша
 Святая долгожданная пора.
 Собрали камни с поля мы и пашем,
 Описывая сладкое вчера.

Остались замки нам от глупых принцев,
 И мы на том не замарали рук.
 Не удивят шуршащие ресницы,
 Возникнувшие вдруг в виде подруг.

Мы их узнаем по движениям ловким,
 Когда они постелят нам кровать,
 По ярким и нестоптанным кроссовкам.
 Научим наши танцы танцевать.

Войдут Надеждой, улыбнутся Верой,
 Любовью возродят нас из дали,
 Софией вознесутся в полусферы,
 И ночью мы зашепчем «Натали»...

13.08.98. г. Винница – г. Москва

ГОЛОВА.

Движенье ветрами песков,
 Челу приносит нездоровье,
 Порой, круженье, боль висков,
 Неверные обмены крови.

Когда подвергнется молве,
 Когда и вовсе не при теле –
 Всё рассудить о голове
 Веками люди не сумели.

* * *

У Ирода дворец сиял,
 Как драгоценная шкатулка.
 Гости полон светлый зал.
 Царя слова весомы гулко.

Всегда горой тетрархов пир,
 Но кроме яств ещё затея –
 Услада сердца, как эфир,
 Воздушны танцы Саломеи.

Антипа, старый греховод,
 На падчерицу глядя, тает.
 То кругом дерзкая идёт,
 То вертится, а то взлетает.

Туманен и тягуч восторг
 Гостей – танцующей награда.
 В двух парах глаз горит восток –
 Дочь и сама Иродиада.

Царю теперь не устоять.
 Уж приказал, что к выполнению
 Любую прихоть должно взять,
 Лишь танец кончится. Волненье

Теперь по залу шелестит.
 Гадают любопытства ради.
 Что пожелает? Вдруг простит
 Пророка в праздном жестов ряде?

Всё! Бубен резко замолчал,

Дозвякивают колокольцы.
 Опять скромна, лишь дрожь плеча
 Играет золотом на солнце.

- Я жду желанья твоего,
 Божественная Саломея! –
 Кичится Ирод, царь всего,
 Что Иудея не имеет.

Глаза сверкнули через зал.
 Иродиада – вся вниманье.
 «Зачем, глупец, ты так сказал,
 Что жаждешь моего желанья?»

Все замерли. Как долго ждать?
 Коварны игрища Востока...
 - Вели немедленно подать
 На блюде голову пророка!

Заложник страха и глупец
 От обещанья своего же –
 Не муж, не брат и не отец –
 Ни шагу отойти не сможет.

И стража выполнит приказ.
 Что молвить, коль никто не вечен?
 Как и тогда, так и сейчас
 Лишь слова два: «Прощай, Предтеча!»

* * *

А вывод наш совсем простой:
 Он, кстати, и поныне точен:
 Главу теряет и святой,
 Коль женщина того захочет.
 19.08.98.

БЕГ.

Я видел снег, я побежал,
 Следы оставив на снегу,
 Как от себя, как от тебя,
 Как ото всех всегда бегу.

Бегу, не чувствую земли,

Легко топчу свою же тень,
И улетают журавли,
Как и положено, в свой день.

Я вижу снег, но он н миг,
Он быстро тает на земле.
Хоть краток век, я не старик,
Я волк – суть в беге, не во зле.

Я зло вначале обогнал,
Я жертв, как пищи, не искал,
Был в стае одинок, и знал,
Что будет снег. И мой оскал

Не призван никого пугать.
Я улыбаюсь, я бегу.
Кусты трещат, не тонет гать,
Следы чернеют на снегу.

Пусть улетают журавли.
Я не старик, хоть краток век.
Мне седина моей земли
Оправдывает мой забег.
1.10.98.

МОНБЛАН.

Никогда не запирайте своё сердце,
Не лишайте его сладкого брожения.
От болезни покорения не деться,
Потому, что это – жизнь, это – движение.

Альпинизмом меня осень закружила.
И я начал жить мечтою и без плана.
Всё само собой от Господа сложилось
В чудный вечер покорения Монблана.

Задыхаясь от избытка кислорода,
Окуная свои руки в скользкий ветер,
Я почувствовал в себе твою природу,
Самый утончённый пик на белом свете.

И не жалко, и не стыдно, и не страшно,
И привычно сразу даже, и не странно,
Что буквально всё до малости так важно

В чудный вечер покорения Монблана.

Солнцем залиты изысканные склоны,
По ущельям мысли эхо вслух разносит,
Облака и птицы шлют свои поклоны,
О посадке с деликатностью не просят.

Не забудется ни венская прохлада,
Ни закат Хоккайдо, ни заря Омана,
Но ни с чем сравнить не смею, и не надо
Чудный вечер покорения Монблана.
24.10.98.

ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ ДЛЯ АНТИЧНЫХ БОГИНЬ.

Нужны ли слова,
Когда тёплый дождь
Ласкает античных богинь,
Стремя свои струи с лица к постаменту?
И капля жива,
Пока её дрожь
Заметна для бледного света
И мраморной глади ноги.

Нужны ли слова,
Когда невзначай
Подаренный ветрами дождь
Античным богиням сознательно жизнь возвращает?
Заметно едва,
Момент величав,
Уж тело о чём-то вещает –
Какая-то сладкая дрожь.

Нужны ли слова,
Блестит пьедестал
И не произнесен вопрос?
Проснувшись под солнцем, богини антично вздыхают.
Горда голова...
А дождь перестал
И лужей у ног высыхает.
Он пролил себя – не донёс.
30.10.98.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МЕНЯ.

Твои труды, Святой Лука,
Плод наблюдающего буки.
Я ж белый лист держу в руках,
Где, словно пульс, неровны буквы.

И этот листик, как лицо
В прохладных трепетных ладонях,
Весь был в слезах. Вновь колесо
Фортуны мчат дурные кони.

Дыханию свободы – нет!
Тиски жестоко сердце сжали.
За что? Вопрос или ответ,
Которого никак не ждали.

А просто каждый хрупкий миг
В руках причудливого рока.
Энергией до звёзд достиг
И рухнул оземь злым потоком.

Тепло обрызгало дождём
И настроением, и дрожью.
Всё, что случилось страшным днём,
Не так уж было неотложным.

Спектакль! Кулисы разверни,
Софиты заменили фары.
И зритель счастлив в эти дни –
Врачи, медсёстры, санитары.

Что ж плакать? Всё! Изо дня в день
Будет не тяжелей, но легче.
Скатилась под колёса тень.
Кто смерть обманет, будет вечен.

Я белый лист держу в руках.
Начало с рук моих струится.
Я не сторонний брат Лука,
И труд мой сердцем завершится.

Ждёт терпеливая родня,
Ведь я вполне ей симпатичен.
Евангелие от меня
Я вслух продолжу и публично.

Когда-нибудь я назову
 Моментом «переломным» это.
 На нём потом срастись всему,
 И будет много много света.
 10.11.98.

ДУШИ ЗЫБКИХ ПЕСКОВ.

«Только змеи сбрасывают кожи...»
 (Н. Гумилёв)

День прошёл и сброшены костюмы,
 И душа стареет и растёт.
 Мы – навеянные ветром дюны,
 Зыбкие пески на тонкий лёд.

Изуродованной лапой память
 Превратила бытие в узду.
 Кто в нас, скачущих навстречу лбами,
 Прежде жил в неслыханном году?

Может быть, зависимые тени,
 В обществе искавшие угла,
 Скромные в молчанье не от лени,
 У кого дорога не легла.

Втоптаный в тропу ногой цветочек –
 Самый больно ценный талисман.
 Многоточье. В прошлом нету точек.
 Не узнать себя – разлить обман.

Может, лиры недр голубоглазых,
 У кого в ветрах подруга-жизнь,
 Мир – ковром царям с богами сразу,
 Коль поделят рифмы без межи.

Может быть, других, узнав, полюбим,
 Снайперов и капитанов шхун.
 Облака от зависти, как люди,
 Слезы растеряют наверху.

Выпивали капитаны жизни
 Прочих континентов, как вино.
 После, справив по свободе тризну,
 Свято ждали боя, лишь одно.

Муки голода и сон тревожный,
 Путь без света, жажда не воды,
 И на сердце шрамы видеть можно,
 Как медали, ордена, кресты.

Мы же – скоморохи белой грусти,
 Злые, бесконтрольные шуты –
 Всё ревнуем бесталанных пусто
 За залапанность своей мечты.

Ежедневны, как учёны мужи,
 На костре до тех далёких дней,
 Храм когда, которому мы служим,
 Станет нерушимым для людей.

На парад построятся планеты,
 Лунных яблок грежу урожай,
 Чем страшнее будет прорва света,
 Тем о нас и память хороша.

Следующий просит: кто мы были?
 Выдумает, не читая нас.
 Лица скрыты – путники из были –
 Львы, орлы и волки лучших рас.

Мы бы закричали... В небе голом
 Пара точек. Некому помочь.
 Сброшены костюмы. Вечер долог.
 Ветер души сдул, как дюны в ночь.
 5.12.98.

II

ПОСЛЕДНИЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД

«От сотрясения до осознания – 1999-2009»

*«И огненна мысль самого Просперо
 В партнёры навязнет знакомо.
 Познавший из книги вселится в перо,
 Он душу пронзит и слепому».*

Из сборника «КОНЕЦ СВЕТА – ЕСТЬ НАЧАЛО ХМУРОГО УТРА»

ПЕРЕСТАНЬТЕ.

Перестаньте, цветы, мне шептать,
Кем мне быть и кем стать.
Важно только бы не перестать
Безоглядно мечтать.

Перестаньте мне, птицы, шуметь,
Что мне крыл не иметь.
Важно не угодить в сеть и в клеть,
Долететь и допеть.

Перестаньте мне, бабочки, лгать,
И беспечно играть –
Легче станет, мол, сбросишь лишь кладь,
И не стоит искать.

Хватит, люди, газоны сажать,
Мотыльками жужжать,
Птиц ловить и себя обижать.
От себя не сбежать.
20.01.99.

ВЕНОК СОНЕТОВ В ВИКТОРИАНСКОМ СТИЛЕ.

I.

Сияет ледяной венок сонетов
В дворцовой Зале Славы Королев.
Дверь стережёт слепой домашний лев,
И всё залито темно-синим цветом.

Лишь редкий самозванец, по стене
Взобравшись, по балкону в шоке бродит.
Экскурсии сюда никто не водит...
Особенно сиянье при Луне.

Ковры съедают звук шагов нескромных.
Венок, как чудо – молодость короны.
Порой, тому не верим, что зрим мы.

И вот, уже смельчак в гипнозе светлом.
А на стене сполох, как луч рассвета,
Как ожерелье жемчугов зимы.

II.

Как ожерелье жемчугов зимы,
 Придворный круг прекрасной Королевы.
 Снуют и позади, и больше слева –
 И шепоты, и слабые умы.

То фрейлин сони вблизи, то кавалеров.
 Величество ж снедает чаще грусть.
 Снуют и ладно, это можно, пусть
 Разнообразят жизнь чередой примеров.

Сама же чаще у окна вдруг встанет,
 Как будто что-то к покиданию тянет
 Восторженной и красочной тюрьмы,

И сверлит взглядом дали-километры
 С желанием принять сюрприз от ветра
 Из белой ухмыляющейся тьмы.

III.

Из белой ухмыляющейся тьмы,
 Из неподвластной ощущеньям дали,
 Из тех картин, что прежде не видали,
 Со дна воображения сумы,

Порой, явиться не замедлит Нечто
 И поманит лукаво за собой,
 И мерно поведёт в борьбе с Судьбой,
 Явив Судьбой себя и сев на плечи.

Сперва одни глаза, чуть позже слух,
 И мыслей вернисаж, и общий дух
 Подчинены лишь этому уже, да.

И сердце не сдержать, и каждый шаг
 Стремит влечение, и болит душа
 Прологом несказанного сюжета.

IV.

Прологом несказанного сюжета
 Является не только страсть и пыл,
 И розовый туман, в котором плыл,
 Но иногда и неприязнь совета.

И жажда потерять слепой контроль,
 Приняв закономерность за случайность,
 Которая желанна изначально,
 Как новая несыгранная роль.

И даже через боли и терпенье,
 Кошмар потери и повтор забвенья
 Вдруг видишь путешествие в Эдем.

И красная строка уже на белом,
 И лишь прочтя финал, промолвишь смело –
 Величество достойно диадем!

V.

Величество достойно диадем,
 Способных подчеркнуть собой корону –
 Уму и сердцу, и лицу, и трону,
 И белизну подушек между тем.

Величество должно быть восхвалено
 Во здравие, или когда недуг,
 В трудах глобальных, и когда досуг –
 Амурно, и искусственно, и ленно.

Величество обязано гореть,
 Как платина и жемчуга – не медь,
 И в райской неге страха встречи с адом.

И не сочтёт величество тогда
 Народы павшие и города,
 И нежных рук, и обожанья взглядов.

VI.

И нежных рук, и обожанья взглядов
 Не ожидать Светилу лишь, ни-ни,
 Которое Величеству сродни,
 Как самоцентр орбиты кругоряда.

Такой же плен вертящихся планет,
 Сгорающие вдруг метеориты,
 Звездами все пути вокруг покрыты,
 Взрываясь, гаснут, коли силы нет.

Звезде же главной пыла не занять,
 Всё успеваешь в пламени познать,
 И передышке на ночь только рада.

Повелевает и дарует свет,
 Загадка и источник для планет
 Сюрпризов малых, сказочных парадов.

VII.

Сюрпризов малых, сказочных парадов
И нудной протокольной суеты
Перечисления давно пусты,
Коль нет однажды в дикости отрады.

И вот, через оконное стекло
Чуть видится, из чаши из далёкой
Как мчит, вздымая белый снег глубокий,
Кашмирский зверь – сарказмом пасть свело.

Возможно, оборотень стужей мчится,
Что трубадуром был, иль даже принцем,
И к замку приближается лишь с тем,

Чтоб песнь провыть, зелёною стрелою
Сверкнуть в окно, махнуть хвостом-метлою...
Стихами расписавшись, каждый нем.

VIII.

Стихами расписавшись, каждый нем.
Он почерком кричит, наклоном буквы
И сочетаньем лепестков и клюквы,
А после крика шепчет этим всем.

Поёт, хоть от рожденья безголосый,
И мелодекламирует на лист,
И возбуждён, пока хоть где-то чист
Тот лист. И всюду грезятся колоссы.

Он после... сразу вял и истощён,
Заранее самим собой прощён –
Не мог он ни длиннее, ни короче.

И снова нем. Автограф налицо.
Ни топором! Как клятву под венцом.
И строки будут пусть правдивей прочих.

IX.

И строки будут пусть правдивей прочих.
Для этого их надобно читать.
Не просто загонять в ночи в тетрадь,
Но нежно доверять тем, кто их хочет.

А может быть, порою, даже ждёт?
И вот, гонец.. И свиток распечатан.
И текст, который в этом свитке спрятан,
Не только время, но покой крадёт.

И сам процесс, зависящий от глаз,
 Читавшая повторит и не раз –
 Как целомудренно, так и порочно.

Все чувства поместятся в цепи строк:
 Закон, молитва, игрище, урок –
 В них будут счастья дни и счастья ночи.

X.

В них будут счастья дни и счастья ночи,
 И горестей такое же число –
 В любой из жизней, в коей повезло
 Себя терпеть неотстраненно очень.

Всему найдётся место среди недель,
 Что в месяцы слагаются и годы,
 И стону нищеты, и крикам моды...
 Такая, вот, у жизни канитель.

И всё терпимо, коли день проходит.
 Свершилось, значит, Господу угоден,
 Как ни рыдай, как ни кричи «Ура!»

Пусть чередой радости и боли.
 Своя надежда с силой Божьей Воли.
 Любое Нынче Завтра же – Вчера.

XI.

Любое Нынче завтра же – Вчера.
 Любое Завтра через день – Сегодня.
 И все они, буюны и тихони –
 Частица прошлого уже с утра.

А вот того, чем надо их наполнить,
 Пожалуй, верно тщательней искать.
 Ни двор, ни Зал Трофеев это дать
 По гамбургскому счёту не доволен.

Но сердцем продиктованные дни
 С душой в согласье, только лишь они
 В историю слагаются, как в соты.

Коль Нынче верно, славная пора,
 И Завтра не затмит уже Вчера,
 Как самоцветам не затмить красóты.

XII.

Как самоцветам не затмить красóты,
 Когда это единственный их шанс.
 И потому они прельщают вас,
 Как и пикантной жизни эпизоды.

Как полотну не отвлекать наш взор
 От тех, с кого написано в потугах.
 И свет, и краски, и толпа в подругах –
 Шумнёт, и позабудешь правды вздор.

Но коль способен, надо отличать,
 Что принимать, а что и величать.
 Смертельно спутать и озон с азотом.

Смущают только два – цветы, стихи:
 Из них в ком глубина, а в ком верхи?
 Стихи цветам подобны – не пустóты.

XIII.

Стихи цветам подобны – не пустóты.
 Их нужно чаще собирать в букет,
 В котором интересен каждый цвет,
 И ракурсы важны, и повороты.

Оттенок чистый с тем же поднесён,
 Что и двуликий, смешанный с загадкой,
 И полуцвет сюда попал украдкой,
 И грубый-яркий, как тяжёлый сон.

Букет стихов живёт века, не вянет.
 В любой момент, как перед взором встанет,
 В нём бабочки возможны и пчела.

Он не подарит утром ароматом,
 Не проведёшь с ним ленч игривым мартом,
 Но долгие вопросов вечера.

XIV.

Но долгие вопросов вечера
 Совсем Величество не утомляли,
 Лишь новые видения являли
 Под своды без свидетельства двора.

То вой, как зов, услышит, то печали
 Вновь одолеют и не совладать,
 И время им приходится отдать,
 И нервы. Как бы вас не величали.

Одну б хотя легенду воплотить,
И как вином, мечтами напоить –
Освободиться от Судьбы корсета.

И пусть бы видел Ветер, сын Луны,
Как на челе предчувствием весны –
Сияет ледяной венок сонетов.

XV.

Сияет ледяной венок сонетов,
Как ожерелье жемчугов зимы,
Из белой ухмыляющейся тьмы
Прологом несказанного сюжета.

Величество достойно диадем
И нежных рук, и обожанья взглядов,
Сюрпризов малых, сказочных парадов.
Стихами расписавшись, каждый нем.

И строки будут пусть правдивей прочих,
В них будут счастья дни и счастья ночи.
Любое Нынче завтра же – Вчера.

Как самоцветам не затмить красóты,
Стихи цветам подобны – не пустóты,
Но долгие вопросов вечера.
16.02.99.

НАРЦИСС.

Начало ль верх? Конец ли точно низ?
Тот прав ли, жизни ради кто остался?
Стоящий нервно над водой Нарцисс,
Собой в зеркальной глади любовался.

Он изощрял круженье головы
И аромат струил – манящ и тонок.
И поощрял его всегда, увы,
Ветр, явно полный сил, без бурь и стонов.

Он протянул бы руки до воды,
Сей жадный цвет, зовущийся Нарциссом,
И вострепенул плакучие ряды
К забвенью лет ив, да и кипарисов.

Он не предвидел окончания сна,
Большой любви к себе с концом цветенья,
Ведь жизнь – это не вечная весна.
Опавший берег – прихоть Провиденья.
28.02.99.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ.

Как поворот планеты точен –
Не прихоть, не добро, не зло.
Господство вновь полярной ночи
На нас величием снизошло.

О, долгий яркий день, он прожит,
Он в памяти на целый год.
Ночь опыт жизни приумножит,
А после – всё наоборот.

По льду теперь когтями долго
Скresti, чтоб мха клочок найти.
Но ночь полярная для волка –
Зима всего лишь, стужь в пути.

Не первый раз блещут сполохи,
Сдвигая слабаков умы.
Но и предчувствия неплохи,
Сиянье ждёт в конце зимы.

В тот день, когда олени ягель
Под соль с камней начнут сжирать,
Мы шерсть свою в снегу, как флаги
На солнце сможем отстирать.

Она с отливом заискрится.
На лапах раны зарастут.
И стая клином, словно птицы,
Вонзится в мир, не чуя кнут.

Верны планеты повороты,
Всегда полярны ночь и день.
Когда по льду – не ищем брода,
И в день предпочитаем тень.

Звезда полярная в зените!
Есть общий интерес и свой.

Ночь не страшна голодной свите,
Об этом торжествует вой.
18.03.99.

НЕЧАЯННЫЙ ДАР ВЕТРА.

Ещё не вышло срока, как сорока
Так затрещала, слышно за версту.
И ветер налетел тут ненароком,
И сбросил мне холодную звезду.

Глазам не верил я, она горела,
Но на руках ожоги не видны.
Она себя каким-то чудом грела,
Возможно, озорством слепой весны.

А может, чудо в красочной короне –
Творение невиданных искусств?
Или мои декабрьские ладони
Хладны и не воспринимают чувств?

И я не знал, благодаря Борея
За яркий дар, сияющий свежо –
Ни кто кого в конце концов согреет,
Ни кто кого в итоге обожжёт.
20.04.99.

КОГДА УЛЕТАЮТ ХОЛОДА.

Когда улетают сосем холода,
Как злые голодные птицы,
Приходит внезапно беда-небеда,
Но может в беду превратиться.

И с ней надо чутко, с ней надо тепло,
Как с дамой чужой и желанной,
Чтоб много цветов на душе расцвело,
Пока поведёт себя странно.

Когда ни земля, ни глаза не серы,
И многие этому рады,
Хранителям срочно несите дары,
Скромнее, без лишней бравлады.

Капризная ваша беда-небеда

Навеет сердечную стужу,
Сочтёт это даром, в ответ, как всегда,
Потребует крови и душу.

И вот уже вы с ней в законном почти,
Не чуя, чем выгодном, браке.
И мелочь любая – одна к десяти,
И луч погибает во мраке.

Зачем холода города отдают?
Уходят разбитою ратью?
Беда-небеда, принимая уют,
Заводится в доме нехстати.
15.05.99.

АЛЬИЙ БЕРЕТ.

Дайте, девушка, чистенький листик!
Я сюжетец один запишу.
В примечании свежие мысли,
И фамильным гербом завершу.

Через лес пробегала девчушка –
С пирогами кулёк, ал берет.
Как ни странно, ни няня, ни Пушкин
Не испортили этот сюжет.

Жизнь поэта интрига вязала.
Это, кстати, его не спасло.
Героиня жила с генералом,
А средь бала с испанским послом.

Я не трону тоски и позора.
Был берет и на деве другой –
Напевала и двигалась скоро,
Мухоморы сшибала ногой.

Там, где тропка петляет деревья,
Повстречался проказнице волк.
Нет, не злой, но голодный предельно,
На базар свою шкуру волок.

Из-под красной беретки глазища
Жадно вырвали зверя в момент.
Соблюдать он старался приличья,

Робко пряча шестой элемент.

Но кусты так густы у дорожки...
Пирогом поделись со врагом,
И тот враг, будто друг твой хороший,
Не откажет тебе в дорогом.

Но потом, как ручная собака,
Поплетётся до дома с тобой.
Будет выть он, а может и плакать –
Больно ярко берет над тропой.

Так повадилась девочка в чащу
Выходными, носить пироги –
И задобренный хищник не плачет,
И в село ни ногой, не моги.

Заскучали соседские куры,
Как вороны, глядят на погост.
Эти куры – последние дуры –
Обожали клевать мягкий хвост.

Только время – оно не резина,
Потускнел скоро алый берет.
И теперь уже бабка с корзиной
Пирогов – вдруг до лесу... Привет?

Нос большой и с двойными глазами –
Распугала всех зайцев вокруг.
И про зубы уже ей сказали,
И про вены натруженных рук.

Что же волк? А не сдох ли бродяга,
Князь лесной, как в привычном кино?
Куры носят и яйца и брагу!
Да и шкуру он продал давно.

Он не зверь, он охотник ужасный.
И дипломы на стенах пещер:
Сколько шапок всего, сколько красных,
Сколько прочих, итог и ущерб.

Эх, тропинки закручены хитро,
Истоптали весь листик уже.
Вот, сюжетец! А вы все – «Лолита!» -

Из клубнички за щёку драже.

Прав Вильям – и зимою и летом
Сказки вечны, в них вера строга.
Счастье связано с цветом берета
И начинкой, увы, пирога.
16.05.99.

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ.

С потускневшей и пегой земли воды ливней несвежих,
Не стесняясь, убрали тропинки прошедшей зимы.
Не хрустят уж теперь при ходьбе полы белой одежды,
И одежду сменили и что под одеждою мы.

Если в книгах искать, это старый и верный обычай
Из язычества родом. Но что не оттуда, скажи?
Как приходит весна, обходиться без жертв неприлично.
Ну, а после и идолов следом в костёр уложи.

Нестареющий праздник ушедших и снега, и чуда –
Вереницы костров и шаманские «па-де-труа».
В этот миг может рак отступить и не тронет простуда –
Неприятная, но столь привычная людям пора.

Место встречи меняют и полностью переезжают,
В чашу носят дары и венки заплетают лозе.
Кто умеет – рожают, кто нет – лишь других обижают,
И стараются выкупать милого в первой грозе.

Все, что вспомнил сегодня, исконное, не наносное,
Не придумано позже и сложено в строгий канон –
И зовётся веками старейшим Священной Весною,
И уж точно, что не подлежит обсуждению в ООН.

Вновь голодные птицы и пепел костров ритуальный
Расписали собой небо мая и души людей.
Смена быстрая идолов для христиан – аморальна,
Только и аморально вдвойне их на вечных радеть.

Не догнавший любовь вслед швыряет ей острые камни,
А она так шустра у костра, не теряя надежд.
И как будто я там уже был не однажды и каюсь
На языческом форуме памяти белых одежд.

Я сегодня проснулся в том времени диком и странном,
Но не взял ничего, кроме ужаса яви из сна.
И пускай мне докажут теперь же старейший с шаманом
Правоту дежавю и насколько священна весна.
25.05.09.

НОЧНОЙ ФОНТАН.

Ирине Вариченко

И в день, и в ночь, и в предрассвет,
Скучая сам,
Поток воды в зелёный свет
Струит фонтан.

Он помогает нам забыть
И не даёт,
Насколь крепка разлуки нить,
Как хрупок лёд.

Когда иду и город спит,
Но я не сплю –
Слезами сердца ночь болит,
Как я велю.

Любой сюжет в ней, век любой,
Любой поклон.
В строфу, как в воду, с головой
Под рифмы стон.

Когда размер в другой фонтан
Перетечёт,
Я душу вверю бурным снам,
Куда влечёт.

И уплывая в дальний путь,
Чем борт мой горд,
Молю тебя, не забудь,
Где утра порт.

Фонтан струит в зелёный свет
Воды поклон.
И поражений, и побед
Источник он.

Монеты падают на дно
Любви весов.
Знать, что дано, что не дано –
Лишь вечный зов.
27.05.99.

СПАСЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ.

Там к зеркалу протянута рука,
От ветра чуть колышутся страницы,
Сиянье золотого парика
И мелкое дрожание ресницы.

Я в эту ночь, как скрип дверной, проник
По праву вора и замашек шаха.
С коробки снята крышка. Томен лик.
Ключ от завода на столе для шахмат.

Я помню все движенья наизусть,
Я даже ей партнёрствовал глазами.
А то, что холодна, так это пусть.
Не часто мы теплы бываем сами.

Когда же вокализ её звучал,
Я был в гипнозе тонкости мотива.
Случилось раздвоение луча –
Она же и свирель, она ж и дива.

Я перессорил всех своих подруг
И отменил свидания на вечер.
До одного себя я сузил круг
Из посвящённых в смыслы этой встречи.

Дал денег страже, падкой до угод,
И мессу заказал. И вот, повесы
Играют мой таинственный приход –
Спасенье заколдованной принцессы.

Ну, здравствуй, кукла! Здравствуй, идеал!
Моргни в ответ! Без ключика не можно?
Мне купленный астролог нагадал,
Чтоб от живых хранился осторожно.

А ты и холодна не по годам,
И так значительна в своём молчанье.

Я жизнь тебе с двух оборотов дам!
Танцуй и пой, меня не замечая!

И привлекательна и не скучна!
Такой ещё я не имел в гареме!
Не захандрит, не надо ей врача...
Но, право, хватит – возвращаться время.

Грузите! Крышка, ключ. В чулан пока.
Пусть это мне теперь подольше снится.
На память срезал локон с парика,
Ресницами переложил страницу.
29.05.99.

ДАНТЕС НА БАЛУ.

К 200-летию А.С.Пушкина

Театр блестящ. Вы на виду.
Венчание не за горою.
Но в вашу ложу не войду,
Пока вы там вдвоём с сестрою.

Я, как всегда, затеял фарс.
Иначе, право, светски скучно.
Она разительно от вас
Отлична в сторону, что лучше.

От увертюры до антре
Я буду думать о развязке.
В неправильной живём поре –
Всё контролируется царски.

Люблю я – вас, её – хочу,
Но вместе это так кромешно,
Что лучше тонко промолчу
И улыбнусь обоим грешно.

Момент, конечно, я найду
И в суете среди шума бала
Накличу я на всех беду,
Покуда пелена не спала.

Покуда не слепит глаза
Победа разочарований.

Восторг! Из глаз её – слеза,
И ваших – весь поток терзаний.

Не избежать солёных луж.
Пусть ими заправляет ужин,
Кто муж, а я пока не муж,
Хоть зван и не как мальчик нужен.

Теперь пора, порыв мой – ложь
Страсть, как талант, она крылата.
Войду в желанную из лож
По праву жениха и брата.
31.05.99.

СТРОГИЙ НОЧНОЙ «ФАРАОН».

Я, как в воде озёрной, вижу дно,
В суконном приболоченном покрытье.
Что в глубине незрелых душ видно -
Теченья, камни, водорослей нити,

Колоду как преломим мы свежу?
И сколько козырей явится кряду?
Хоть ставку сделал, нынче ухожу,
За партию сегодня не сяду.

Поставил одиночество, покой,
На кон и, вроде бы, не отвертеться:
И мечет шут дурацкою рукой,
Но не хочу испытывать я сердце,

Пусть растает запретное право,
Пусть погаснут надежды свечой.
Нет, игре не сложиться лукаво
В долгий покер салунный ночной.

Когда надежда догорит свечой,
Падёт с ней вместе долговое право,
И этот строгий «фараон» ночной,
Уже в глаза мне щурится лукаво.

Я не проигрываю, но дарю.
И мелом вывел сумму года на три –
Но чувствую, по-прежнему горю.
Пока не сел, но не решаю, рад ли,

Здесь не жалеют ни монет, ни лет.
Скрывают чувства и горячность тона,
Желаннее червонной дамы нет,
Но пиковая в сетях «фараона».

Семь раз я в душу трефе заберусь,
И тройку забубённую к подъезду!
И я ещё пока небитый туз!
Всё передумал, не оставлю места!

Крапление осваивал давно.
И страха нет, и всё полусерьёзно.
Нас отучили разбавлять вино,
Давно, и изменяться уже поздно.

Он прав, этот паяц, что виражи
Судьбе даёт расклад, но не природа.
И что же в результате наша жизнь?
Одна из полусотни карт колоды.

Умелец передёрнет иль под стол
Спокойно сбросит душу вверх рубашкой.
И сможешь не стонать ты, что сошёл
С дистанции на несколько лет раньше.

За канделябром не тянись, увы –
Дрожанье рук, невольное броженье.
Ни коей масти дама головы
Не повернёт взглянуть на поражение.

Она накинёт прежний свой вуаль,
Игра пойдёт и дальше, и как снова.
И даже джокер – лучший шанс едва ль,
Хоть сам в него одеться ты готовый.

Возьми вина, ладонью свеч огонь
С улыбкой затуши, а суммой кона,
Успокоеньем словно, душу тронь
И отрешенно выйди без поклона.

Затеют крики – ротмистр и корнет,
И пуля, в направление не веря,
Заскачет по фарфору на буфет.
Вуаль же облаком сорвётся к двери.

И вот, момент значительней других...
 Вся наша жизнь – игра, не лотерея.
 Чем дольше выбираем дорогих,
 Тем легче им после обмана верим.

С трудом цепляясь за мундир, погон
 Готов пасть ниже, чем душа поэта.
 Светить! Кон на кон! И весь мир на кон!
 Почту за честь сразиться с дамой света.

Да, я паяц, я джокером одет.
 В кулисах и под куполом – везенье.
 Люблю всех больше тех, кем был раздет.
 И в фокусах найду своё спасенье.

Прочь, ротмистр! Там стреляется корнет.
 Что кто-то гасит свечи, не замечу.
 Двуглаво дама обернётся вслед,
 Упавши вниз рубашкой в этот вечер.
 2.06.99.

МРАК СВЕТА.

Скорее вывод, резюме –
 Мой вам совет, звучащий так:
 Чем выше Свет, тем гуще мрак,
 И изменять это не мне.

Когда впервые приглашен,
 Не торопи и не тяни,
 Не полюби. не оттолкни,
 Но будь приятно поражен.

Границы вечера не знай,
 Но за черту не заступи,
 Строку просту в муку дробь,
 Но перл на ветер не бросай.

И из неправильных бесед,
 Отбросив чушь, изынешь глубь.
 Как всякий муж, немного груб,
 Ты искупаешься в красе.

Не получается прозреть.

И кто решил, что это – Свет!
Под стон души любой совет
Запретом радужным назрел.

Освободите эту жизнь!
Да грянет гром, когда слеза
Своим тавром сожжет глаза,
Желая радости и лжи.

Следы запутались в ногах:
Брожение от угла к стене,
Замены нот для правд извне –
Полёты грязи в облаках.

Как расшнурованный корсет –
Чем гуще мрак, виднее вас.
Не множить тьму он учит нас
И не выламываться в Свет.
5.06.99.

БУЛЬВАРНЫЕ ТРОПКИ.

Бульвар – есть настроение осеннее.
Нарушишь – не к добру, как погляжу.
Давно не сиживал я у Есенина,
К Высоцкому совсем не захожу.

Когда листву пронзают стрелы острые
И жгут, и изменяют мысли ход,
Под всяку влагу проповеди постные
Не достигают глубины щедрот.

На всё готов, но ничего не сбудется.
Разогнан воздух, но собрался вновь.
Кто переест, кто от жары простудится...
А может, просто вермут хлынул в кровь.

Разрывы пробок, как Полтавы пушки нам!
Всех чистим, о спасенье не скорбя.
И не мертвит тень памятника Пушкина,
Лояльного к бесстыжим голубям.

Любим ли ты, или тебя уж бросили,
Бульвары летом огибаем мы –
Ребёнком будешь радоваться осени,

Но целым не дотянешь до зимы.

Но если по листве, пожаром крашенной,
Ты проведёшь своей баллады нить,
То можешь ни о чём её не спрашивать,
И не стесняйся всякую любить.

Тебе не будет страшно ни веселие,
Ни жизни скотской мята – тяжкий труд,
Веселие – налево, у Есенина.
Правей – Высоцкий, там вас тоже ждут.

Любая на бульваре тропка – дедова,
Сегодня в память забредёт сама.
Но не ходите дальше Грибоедова –
Любовь бывает горем от ума.
14.06.99.

Я СЛЫШУ ЭТОТ ЗУД.

Я просыпался в колыбели мглы,
Когда они Урал переходили,
Оставив за спиной родни могилы,
И Верхние и Нижние Тагилы,
И Нижние и Верхние Котлы.

И тяжек, как свинец, один вопрос:
Откуда эти люди в нашей жизни?
Задав его, купайся в пессимизме.
Всё исторически вместилось в клизме,
Которую нам Ленин преподнёс.

Нас разозли, не отдали б Москвы.
Двуглавое ведь было поколенье.
Но почитанье благородной лени,
Седьмой воды да на восьмом колене,
Плюс превосходство каждой головы.

Посторонись, историк, водолей!
Бумажный рубль построчно не измеряя,
В писательский союз не зная двери,
Князя взялись за точенные перья,
Держать ответ пред Родиной своей.

Не важно – в этом годе, иль давно,

Когда не пёрла карта при Цусиме,
Мы ни минуты не считались с ними,
Псарями ль, денщиками ли своими.
Они же уже бегали в кино.

Уже тогда, как нынче, так и впредь,
Они в столицу стаптывали лапти,
Сперва нуждаясь хоть в навозном старте,
Потом места цепляя в аппарате,
А после: «Кто не с нами, тому смерть!»

А мы экзотику по кабакам
Для радостных сюжетов собирали,
Потом за них под пули попадали,
Коль промахнутся, в стол надолго клали,
Уверовав, что дарим их векам.

Разбрасывали земли за дуэль,
Набрав каре, не дорожили жизнью,
Считая чести песнь особой тризной,
А чувство сохраненья атавизмом,
За остров счастья принимая мель.

Они в этот момент прошли форпост –
Хребет уральский долами, как мыши,
Перетекли дыханья ветра тише.
Мы ж думали, что не бывает выше.
Китайская стена – плетенчик прост.

Где рыцари? Где кавалеров сонм?
И Александр Василич рвал к востоку.
А остальные не искали толку
В сопротивленьи местному потоку.
Ах, да падёт скорей тяжёлый сон.

Но быдло захватило «статус-кво»,
И продолжало это регулярно,
И одиночно, и потом попарно.
Кровь голубая высохла бездарно,
Беспечно вони отворив окно.

Как эти люди просочились в жизнь,
Которую мы так оберегали!?
Ложь! Кроме этикета и регалий –
Их, кстати, тоже скоро отобрали –

Ничем никто из бар не дорожил.

Когда они ступили за Урал,
Их новые потоки с тонкой лестью,
Я был уже в Москве давно известен,
Но, как и все, купался в море песен,
И Кремль, как Зимний, на Москве отдал.

Теперь мне страшно, я не знаю стиль,
В котором можно не терпеть урона,
Как здесь обычно. Срочно верный трону,
Не меря, Черногорскую Корону
Патрициански просто упустил.

Они Урал с собой приволокли,
Они мне ум закапали собою,
Поработив российское без боя,
Тунгусы, уренгойские ковбои –
Культурою себя вдруг нарекли.

Самодержавный правнук, брось перо,
Как бросил всё, и тешь свои «обломь».
Не Гулливер, не Крузо – только гномы
Приковывают крепко крышу к дому.
А на тебе дворянское тавро.

Ищи сюжеты в парках и пивных,
Поигрывай изображеньем знати,
Огуливая фрейлин на закате.
Но знай, ещё немножечко и хватит!
Живей тебя Котлы и Валуны.

Они теперь традиции несут,
Они сорвали тонкие погоны,
И отняли у Колчака вагоны,
И написали новые иконы.
Они вокруг! Я слышу этот зуд.
16.06.99.

СКРИПАЧ.

Забыл пролить себя сегодня глупый дождь,
И не меняет чёрный фрак свой томный цвет.
Играй, скрипач, пока светло! Чего ты ждёшь?
Ты ждёшь монет, и твой продолжится концерт.

Под серой маской не видно твоё лицо.
Струна порвётся, если богачи в толпе.
Ты в шоу-бизнесе давно, тебе пятьсот.
Ты у собора, как безбрачия обет.

Ты не одно уж поколение людей
Сменил, как зрителей. Но здесь, не будь игры,
Возле тебя б не задержался Амадей,
Вина б не выпил, не почувствовал хандры.

И это всё отнюдь не бред. Я вижу сам,
Что постамент уже не тот, но человек
Так устремил свои глаза в мои глаза,
Что я уж реквием пишу не первый век.

Бегут минуты, я сто, бегут часы,
Бегут другие, кто задержится едва ль.
Я тоже бросил очень много на весы,
И потому мне наплевать, что слышу фальшь.

И мой Сальери в глубине моей души
За остановку отругал меня и вот,
Я часть себя, которой, в общем, дорожил,
Вдруг бросил на ступень фонтана «ЛЕОПОЛЬД».
20.06.99. г. Зальцбург

ПАПАГЕНО.

Оглянись! И, хоть мы не пернатые, бровь
Не тревожь. Полюбujemy встречей,
Как увешанный клетками шествует вновь
Через Зальцбург друг Моцарта вечный.

И ловец, и потом продавец глупых птиц,
И смотритель за тяжестью плена –
Импресарио сладкоголосых певиц,
Беззаботный шутник Папагено.

Он их кормит с руки, он их ловит в силки,
Он их петь заставляет в неволе.
Он, как станут любимы они и близки,
Подрезает им крылья без боли.

И в плену раскрывается каждый талант,

Исполняют любое колено.
Он свистит соловьём, он большой музыкант –
Светлых клеток певец, Папагено.

Он в герои попал, он и в памятник влез –
Вор-волшебник, играя на флейте.
И во времени множество сказочных мест,
Где сажается песня по клетям.

А потом продают – сто мелодий в устах.
Кто платил, тот заведует сценой.
Сладкозвучное пенье доверчивых птах
К постаменту несёт Папагено.
21.06.99. г. Зальцбург

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ.

Ирине Вариченко

Кленовый лист летит в обнимку с ветром,
Пересекает множество границ –
Письмом тоски для той, кого здесь нету.
Летит и не боится встречных птиц.

Он не завянет, он к концу полёта,
Как и в начале, будет также свеж.
Перенесёт снижения и взлёты,
Меж облаков пройдёт и молний меж.

Он, как Икар, не будет рваться к солнцу.
Себя покажет и посмотрит мир.
Зачем летел, забудет, отвлечётся,
Но вспомнит и найдёт ориентир.

По волосам скользнёт, на руку ляжет
И неземной в себя впитает свет.
Опять взлетит и крыльями покажет,
Что он теперь окрашен в милый цвет.
14.07.99.

ГЕФСИМАНСКИЙ СОН.

Непонятно, зачем?
Непонятно, за что?
Я очнулся теперь

В Гефсиманском саду.
Нет ножа под рукой,
И украден мой хлеб.
И чужие кругом.
И петух прокричал.

Череп мой рассечен,
И догадок в нём сто.
Неужель, от потерь
В изначальном году
Я тоской наделён
Лишь теперь? Да и где б –
В своём сне дорогом,
Как водой из ручья.

И сторонен мой взгляд,
Не участник я там.
Только стражник толкнул,
Да и плётку занёс.
Я за всеми не шёл,
И с колен я не встал.
Почему-то в руке
Непечатый инжир.

Ощущаю и сад,
И тепло на устах.
Удаляется гул,
Очень хочется слёз.
Я с инжиром смешон,
А заря так проста!
Бросил дом налегке
И в Собор поспешил.
18.07.99.

АПОЛЛОН.
(поэма)

Лук и лира, зверь и ангел,
В небесах и на бумаге –
Феба золоченый лик –
Это вечной страсти миг.

В чём величье Аполлона?
Бог-постух не чтит закона.
С белым веником из розг –

Волк, пасущий девять коз.

На Парнасе травки сладки.
Восхождением повадки
Воспитает он быстреей
Клина первых журавлей.

И назад не пустит стадо.
Здесь рукой подать до сада.
Там – какой ни есть, покой,
Разный каждой дорогой.

Исторически учтиво
Не дотронется до Клио.
Но свиданьем на тропе
Вдруг отдаст её толпе.

Сам затеет шумный танец,
Сбив с портала Храма глянец,
Терпсихору закружит
И вкусит тепло ланит.

Он в хитоне вместо схимы –
Сам участник пантомимы.
Где верней ему народ,
Полигимнию прижмёт.

И с комедией он проще,
Талию найдя на ощупь,
Перевёртывает суть –
В мути Музе не тонуть.

И ягнят, и птиц священных,
До жаркого сокращенных,
Примет в дар коварный Бог.
Жертва – красочный итог!

Сто возвышенных мелодий
Слышит Аполлон и бродит,
Меря Делос в неге мук,
Что Евтерпа средь подруг.

В нужный час, унявши стоны,
Отпрыск избранной Латоны
Погрузится в древний мир,

Как затравленный кумир.

Чтит беседы с Каллиопой
Выше нежных эскалопов.
Эпос чуден – суть и стать,
От величья не устать.

Но, порою, как когда-то
Разрезвится вдруг Эрато,
И тогда чего б не пасть,
В знак любви разинув пасть.

Ночью встанет, глядя в небо.
Там ещё ни разу не был.
Манит, слепит, жжёт уста –
То Урании звезда.

Пастырь каждый вечер кряду
Пересчитывает стадо,
В звуках лютни между дел,
И тряся букетом стрел.

И не жаждет он измены,
Крепко в сетях Мельпомены.
Чистой Музе – чистый лист.
Трагедийный оптимист.

Вечный – на глазах у мира
Превращается в Сатира.
Своенравный Аполлон,
Он амброзией вскормлён.

Открывает, пусть и грустно,
Человечеству искусство,
Учит вечной красоте,
Поклонению мечте,

Верности и обожанью,
Боли разочарованья,
Страсти, смуте и любви,
Возрождению в крови,

И лукавству, и обманам
Карликов и великанов –
Богу сын и Богу брат,

Ночью тѐмен и рогат.

Музам мокрого хлыста,
После поцелуй в уста.
С кем подтянут, с кем небрежен,
С Мельпоменой черство нежен.

Всѐ уложится в вопрос:
А явился бы Христос,
Если б свой законный трон
Не оставил Аполлон?
24.07.99.

ХОЧУ НОСИТЬ ВАС НА РУКАХ.

Ирине Вариченко

Хочу носить вас на руках
Своей заслуженною ношей,
И слышать шепот у виска,
И не спеша касаться кожей.

С Луною открывать вино
С венгерской сладкой этикеткой,
Когда вам шлѐт привет в окно
Сирень распущенною веткой.

Хочу вас по утрам будить,
Хочу укачивать под вечер,
От всех несчастий оградить,
Освободить от ноши плечи.

На света край, в полон ветров,
Под звездопад и в буреломы
Идти за вами я готов,
Но прежде снова встретить дома.
28.07.99.

ЧУЖАЯ МИГРЕНЬ.

Во мне народу пятьдесят процентов
Известных повестей, романов, пьес –
И я давно готовлюсь в пациенты,
Да и живу я рядом с МПС.

Мне кажется, порой, что из палаты
 Уже в театр я вышел, словно тень,
 И подружился с Понтием Пилатом,
 И излечил ужасную мигрень.

Уже сжигал я рукопись в Ливане,
 Она ж на Бронной возникала вновь,
 И перед зеркалом, и на диване
 Я пил вино, похожее на кровь.

Меня обняв, богиня Маргарита
 Была податливо теплей песка.
 И Бегемотом был я! Всё забыто,
 Но вспоминать заставила тоска.

Вокруг толпа «бездомных берлиозов»,
 И занавеса хочется в тиши,
 Чтоб никогда не увядали розы
 У тела прочь отпущенной души.

В аукционе лет за сорок лотов
 С двойным прочтеньем. Комментарий – лёд.
 Я доказал, что может быть полётом
 Прогулка и прогулкою полёт.

Вино ещё, представьте, не погасло,
 И не трещит под тяжестью инжир.
 Глаза бывают зелены и красны,
 Следами их ожогов дорожи.

Палата ждёт, постелька даровая.
 Я ж с неба шпорами рассыпал плач.
 И засновали юркие трамваи!..
 Бал без хозяйки..., кресло пусто... Плащ!!!
 10.08.99.

ХМУРОЕ УТРО КОНЦА СВЕТА.

«Чем выше Свет, тем гуще мрак»

Средь поля воздух мельница всё мелит
 Пустым напоминанием страстей.
 В монашьей келье страшное похмелье,
 Унылый мир неведомых чертей.

И стены белы, как в смурной палате,
Какую бы молитву ни сказал.
И брат Мишель давно и точно спятил,
Как, собственно, себе и предсказал.

Кого винить? В верхушке монастырской
Из праведников каждых полтора –
И откровенья выдадут за мысли,
И мысли за слова, когда пора.

Перед тобой бесстрашное распятие.
Слезам по стенам с утра роса.
В глазах терпенье, на гвоздях проклятье,
И совесть пыльным слоем на устах..

И всё после вечерни помнил чётко,
До истины почти достал рукой.
Но лучше не смотреть через решетку,
Ведь можно увидеть и век другой.

С зарёй себе всегда даёшь советы,
И келья вырастает в пыток зал.
Брат знал и верил в окончанье света,
Какого позабыл и не сказал.

Вчера, целуя мраморные плиты,
Душил во страхе всех сомнений глас.
Потом свеча погасла при молитве,
И свет померк, правда, не в первый раз.

Ночь забытья и самобичеванья
Кошмарами лизала вместо сна.
И будят бесы, подарив лобзанья,
И с членов ломоту дурную сняв.

Вот! Будущего светлые картины –
Соблазном проникают, как дурман.
Коль сбудется, хотя б наполовину,
То значит, свет в развитии будет дан.

Но кем? Не отгадаешь и с похмелья:
Создателем или любой из дев?
Хочу вновь видеть мельницу из кельи,
А после выйти в мир, печаль надев.

Мне в проповеди не забыть монашьей
 Парад планет, грядущий карой в мир.
 От предков – нам грехи, потомкам – наши.
 И посуровой! Чтоб притих трактир!

Светильники восточного Иуды
 Часа на три откажут всем в тепле!!!
 Не допустив при том ни до простуды,
 Ни до полётов новых на метле.

Что же в тебе так яростно кричало?
 Что сможет разогнать рассвета муть?
 Да, свет есть точка истины начала,
 Конец его подарит новый путь.

И ужас, и бессилие, и пытки,
 Святого постижение через грех,
 Победы непомерные ошибки,
 Латание нечаянных прорех,

И от тепла явленье чуда света,
 Неверие бессмертного Фомы,
 Предательство бесспорного совета,
 И вновь желанье сумрака и тьмы.

Вождями будут тёмные прелаты
 Как и всегда. Прости меня, Мишель!
 Ты был пророк! Открою же, как брату:
 Пророк теперь любой, лишь кинь кошель.

Не пью в миру напиток из Китая,
 Как в упражненья духа не вяжи.
 И сатанинские стихи читаю,
 Когда Луна – в Луне любовь и жизнь.

Вдруг запретят, ты знал, любое Солнце,
 Отнимут неоправданный покой –
 Страница не к добру перевернётся
 От сквозняка под вялую рукой.

Когда костёр, то мы уже при свете!
 Не страшен Суд, когда он справедлив!
 Ужель гореть темно? Нет! Суть в ответе:
 «Так ярко, что затмение вели!»

И наплевать, по росту ли планеты,
 Какое при этом страстен зодиак!
 Спаситель не об этом думал свете,
 О Свете Том, где всяк душевно наг.

Но души вовсе не как рясы буры.
 Хотя б свою судьбу перелистай...
 Как все беспечны..., и как утро хмуро...
 И поспешил Мишель «священных тайн».

От жертв любых в миру не будет прока.
 Чему бы ты себя не посвятил.
 Скорее имя модного пророка
 Услышишь ты, зайдя в любой трактир.

Дух бражий в келье перед катастрофой
 Прологом серым светлого конца –
 Не сбережёт от данных философий
 И споров сотворённых и Творца.

После обедни к трапезе пропели.
 От брата с телескопом нет вестей.
 А мельница всё воздух в поле мелет,
 Как символ битв никчемных и страстей.
 11.08.99.

НЕТ ВОЗРОЖДЕНИЯ.

Ирине Вариченко

Пытал Катулла и Овидия
 Об ими прожитых ролях.
 Я понял, что они не видели
 Того, что в жизни видел я.

В минуты бурь и вдохновения
 Я повторяю вновь и вновь:
 Я не отдам тебя забвению,
 Моя последняя любовь.

Спросил Шекспир о Возрождении.
 Я попытался объяснить:
 Важнее Смерти – вновь Рождение,
 В клубок заряженная нить.

Мне не хватило самой малости,
 Чтоб превратить былое в новь.
 Я поборюсь с тобой без жалости,
 Моя последняя любовь.

«И самобытно, и по правилам», -
 Заверил радостно Эзоп.
 Моя «стряпня» ему понравилась!
 «И добавляй везде укроп...»

Теперь обедаю и радуюсь.
 Тост светел, я не хмурю бровь:
 «Хочу прожить всё вновь под «Радугой»,
 Моя последняя любовь!»

Возможности включают умение,
 Как нам внушает Де Лакло.
 Возвышенное поколение
 От низких истин полегло.

Дракону ладить откровения
 В изгнанье? Кайся, не готовь!
 Я не отдам себя забвению,
 Как ни старается любовь.
 13.08.99.

ЗАМОК ЕДИНОРОГА.

И узкий мост у замка поднят,
 И рвом по кругу воды мчат.
 Сегодня время года – полдень,
 А осень – это суток час.

Я разобрать в этом горе,
 Что слаще счастья, думал год.
 И вот – проснулся в Эльсиноре,
 Не набирая шифра код.

Перелетал через недели,
 Лбом не царапая оград.
 Те дни, что яростно хотели,
 Меня имели. Я им рад.

Я убивал эпохи часом,
 Людей повыгнал из имён.

На стенах стражи с медным гласом
Теперь хранят мой сладкий сон.

Внимают, пишут, все при деле,
Шепчу не открывая глаз.
Лишь только Странствующей Деве
Открыть ворота – мой наказ.

Все чувства, будто атавизмы,
В осколки биты о порог
У Цитадели Эгоизма.
И на гербе – Единорог.
19.09.99.

ФЛАГ КОМАНДОРА.

Н.Гумилёву

Флаг командора в придорожье пыльном
Я отыскал и с горечью поднял.
Кричали галки, громко мы ли были
Знаменьем достопамятного дня.

Да, мы не носим кружев на манжетах,
За это светлой зависти полны.
Но языки страшнее пистолетов,
И в их заряженности мы вольны.

Во мне число серебряных флюидов
За гранью нормы. Для меня легко
И окружиться племенем друидов,
И Фею полюбить, и моряком,

Не ощущая воды океана,
Кильватера не оставляя след,
Вдруг отыскать неведомые страны,
Которых вовсе не было и нет.

Вот так, мой ангел, мы с тобой без спора
О смысле смерти, впереди невежд,
С пером гуся и флагом командора
Пересекаем вековой рубеж.
7.12.99.

Из сборника «НИЧЕГО ЛИШНЕГО»

КРУГИ ТАНЦА ЖИЗНИ.

Ирине Вариченко

Как часто жизнь идёт кругами,
Поступки вторя, игры чувств.
Сначала мы близки руками,
Потом союзом жарких уст.

Закатом после новь выходит,
Пред Богом отступает Бес,
Пока вино не перебродит,
Ключом не станет всех чудес.

Вершится общий лёгкий танец.
Светильники сердцам подстать.
Влюбляемся в зеркальный глянец
И тьмы умеем не видать.

Монах ли по лужайке кружит,
Поэт ли исчертил паркет,
Любому танец жизни нужен,
Как очага глубинный свет.

Лучи амура так и свищут,
Сердца мишенями кругом.
В круженье стрелы цели ищут,
Что в обрамленье дорогом.

Не жизнь любому без стремлений:
Пастух пастушкой взял улов,
Колдун у ведьмы станет в плене,
Лишь изменит порядок слов.

Весь мир влюблён, повышен градус,
И в гневе чувствуй и гори!
Огни погашенные – радость,
Свеченье будет изнутри.

Всеобщий танец, жизнь кругами
Движенья вторит в ритме чувств.
Сперва сердцами и руками,
Потом слияньем жарких уст.

7.02.00.

НИКИТСКИЕ ВОРОТА.

Там, где Пушкин свою обнимал Натали,
Перед церковью в парке Никитском,
Там от снежной одежды почти до земли
Наклонились еловые кисти.

Тут такое витает, наполнит, порой,
Мысли, душу, глаза б не видали!..
Назову хоть Бедой, хоть Судьбой, хоть Игрой,
Пострадаю от суммы деталей.

Отпечатки моих ежедневных следов
Все мозолями на тротуаре.
И над ним аромат мною сказанных слов
На прогулках с желаньями в паре.

Только взгляды до веса пушинок легки –
Исчезают, как летние росы.
И пожатие нежной любимой руки
Вспоминаешь, как год високосный.

У Никитских ворот погружаюсь в дурман,
Как ведущая скрипка в капризе.
Это сладостный и столь правдивый обман,
Что я сделал частицею жизни.

Вот, и время другое, и воздух другой...
Но инстинкт возвращенья на круги:
И перо отложив, ощущаю рукой
Волны стана неверной подруги.
14.02.00.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ.

В момент передела, в момент юбилея –
Диктатор волнуется и демократ –
Мечту после холит, а раньше лелеет –
И с Господом дружен, и Чёрт ему брат.

Покои теперь далеко не в покое.
Куражатся пыльная тряпка и кнут.
Хозяйским веленьем, хозяйской рукою

Прислугу заменят, охрану согнут.

Портретам помятые платьишки гладят.
На люстрах со страху хрустальный трезвон.
Советники между собою не ладят.
Двору бы – знать, кто на обед приглашен.

Решение есть почетать сюзерена.
Народу отец он и спонсор тюрьме.
Руке борзописца – благая арена,
Имперский момент в исторической тьме.

Пусть всем наделён ты, что может присниться,
Весь мир твой и зал в Пантеоне готов!
Но даже у самых бодрящихся принцев
Тускнеют дворцы без гетер и шутов.

Народ не укротишь без глупой гримасы,
И вряд ли поверят, не сдёрни штаны.
По клоунам помнят правителей массы,
А войны по шлюхам – с весны до весны.
20.02.00.

СИНИЕ НЕБЕСА НАДЕЖД.

И снова, Боже, юг, костры и плебс,
И точка горяча, и солнце пресно.
Какой-то нетерпимый к лире бес
Всё гонит нас с насиженного места.

Кавказ Лермонту был не по годам –
Суров, как ненаписанные главы.
Скучища, пара-тройка эпиграмм,
Печоринский дневник, дуэль и слава.

Вот, Пушкина на Бессарабский край
Имперская рука переместила.
Друзья! Чуть не женился! Просто рай!
Игра, вино, Земфира..., всё постыло.

И в Персию за смертью посылать
Прочь от Москвы умели шибко умных.
Да не суди судей – судящих рать.
Кривы фанатов сабли, словно луны.

Иной поэт, он гордый офицер,
 Чтобы отвлечься от любовной муки,
 На африканский берег сотни вер
 Путь проложил стихам. В перчатках руки.

Для каждого рождается жираф,
 И место есть среди многих абиссиний.
 Прав, счастлив, сгинул, сразу же не прав.
 Но небеса, как и надежды сини.

Покинув глубочайшую из ванн,
 Где рассекают волны злые фразы,
 Я вновь в твоём кедрарии, Ливан,
 Присел на плоскость каменную вазы.

На партию не остаётся сил –
 Черны ладьи и пешки, клетки белы.
 Я слово «ссылка» не произносил.
 Но где дуэль, или хотя бы Белла?
15.03.00. г. Бейрут

ОТ БАРСОВЫХ ГОР.

От Барсовых гор, снежных шапок Сепира,
 Вершины Ермона, от логовищ львов,
 Ногой оттолкнувшись, по-древнему нов,
 Постигну глубины начального мира.

Пройти подземелья, насытиться Солнцем,
 Грустя об одной, не скупиться ни с кем,
 Углы сопоставив, прочесть смысл гемм,
 И путь рубежом на восход повернётся.

Не воды с огнём помогают согреться,
 Заходит в тебя при открытости пор
 Богиня любви бесконечной – Хатор.
 Подскажет и разуму бегство, и сердцу.

Теперь ты способен уже к управленью
 Любимого лика призывов к себе.
 Какой бы миг ни был – хоть черен, хоть бел,
 Ни ревности не возникает, ни лени.

Я вышел, откинут был скинии полог.
 Манит действительно к Чреву Воды,

По запаху Лавра к Бедо от Беды –
Полёт хоть и нов, но стремительно долог.

Начального мира глубин неустанно
Средь дол и холмов тороплюсь достигать,
Легенд и сказаний проснувшихся рать
Трубит мне зазывно с вершины Аманы.
17.03.2000 г. Бейрут

ИЗ СКАЗА В БЫЛЬ.

Ирине Вариченко

Исчезли, словно пена, миражи,
Но глаз не закрывай на время даже
И в памяти подольше задержи,
Как это ложе станет жарким пляжем.

Под сводом звёзд бесстыдная заря
Прочертит знаки заповедей белых,
И хлынут чувства – встречные моря –
Каналом лет до опьянения смело.

Бес под ребро ножом, и тает снег,
И стены разберут на сувениры.
И живо заискрился волчий мех,
Ему в ответ сияют глаз сапфиры.

Безумные песочные часы
Крупой секунд через сомненья плачут.
И только ни о чём не попроси,
И я себя сознательно потрачу.

Полёт над пляжем, дюны в серебре,
Душа ещё дрожит, и сердце бродит.
Какое-то столетье на дворе,
Которое вполне для нас подходит.

Не закрывая глаз, из сказа в быль,
На лодке из разложенной перины.
А вдоль бортов, гляди, на сотни миль
Из были в сказ прошедшего картины.
2.04.00.

ВОЛЬНА НЕ ТАК ПОНЯТЬ.

Ирине Вариченко

Я лошадей загнал,
 Что в голове скакали,
 И тех недокормил,
 Что мирные паслись.
 Я столько рассказал,
 Сколь от меня скрывали.
 Приход твой будет мил.
 Ни шагу боле вниз.

Вольна не так понять.
 Совсем не собираюсь
 Наполнить мутных ям
 Собранием ума.
 Опять тебя обнять
 Я жду и открываюсь,
 И не желаю знать
 В любви, как в чаше, дна.

В карету запряжен
 Оскалистый и смелый.
 Копыто бьёт порог,
 И друг он и слуга.
 Вояж теперь решен.
 Кто сможет, тот и смеет.
 Весь мир у наших ног,
 И свет ему в веках.
17.04.00.

ФАТАЛИСТ.

Взгляни с небес на чистый лист,
 Голубоглазый честный дока!
 Я прирождённый фаталист,
 Певец и рока, и порока.

Любовь не крал, судьбу ругал –
 Всё это не моргнувши глазом.
 Со смертью часто я играл,
 Но не проигрывал ни разу.

И от безверья, и от вер,
 От позы, и от просторечья –

В душе, конечно, офицер,
Но доказать случилось нечем.

Любовь терял и не жалел.
Неладно было всё и ладно.
За смертью следом я летел,
Но поворачивал обратно.

Словист, славянин, словоблуд,
Несвоевременен, но вечен –
Отвечу, коли сильно пнут,
И пну, коли ответить нечем.

Свою судьбу не крал. Ругал
Любовь, когда она обманет.
Со смертью в прятки я играл.
Пока не найден! Я в чулане.
19.04.00.

ОПРОКИНУЛАСЬ С НЕБА ВЕСНА.

Ирине Вариченко

Опрокинулась с неба весна
То дождём, то потоками солнца.
Очень многого я и не знал,
А иное уже не вернётся.

И седые мои облака,
Не стыдись, проплывают стадами.
Ищет добрую руку рука,
О других обжигаясь годами.

Если глаз ухватил встречный взгляд.
Из тумана, пожалуй мы вышли.
И дальнейший путь не наугад,
Он нежданным смирением дышит.

От земли, что давно не молчит,
Звуки песни горячим приветом.
И собаки не воют в ночи.
Лишь от ветра шевелятся ветви.

Очень многого я не хотел,
Потому, что не знал в своё время.

Раздвигал, не достигнув, предел,
Суетился – чуть зорька, так в стремя.

Над весною нескромно шутил...
Но внезапно смешались краски.
Опрокинулось что? Не вместил
Ещё мозг мой, желая подсказки.
22.05.00.

НЕВЕДОМАЯ ПТИЦА.

Над водою я душою пролетаю.
Над прудами, как неведомая птица.
Я покинул расшумевшуюся стаю –
Не прельстило подалёку веселиться.

Взмахом крыльев гладь волную, как руками.
Хоть снижаюсь, далеко ещё посадка.
Ясно вижу через воду сверху камни,
И на них древнейшей формулы загадка.

Как прочесть сии замшелые страницы?
Человека что за див во мне разбудит?
Кругом вверх и, наглотавшись интуиций,
Прямо в омут головою. Будь, что будет!

И окажутся озёра по колена.
Сердце глубже то, к которому стремился.
Будто должное, наступит перемена.
Оперенье опадёт и растворится.

Между небом и землёй болтаться стая
Будет долго, перепутав, где роднее.
Не дописана история простая.
Ясно вижу камни с формулой на дне я.

И не ведаю – я птица ли, душа ли?
Впереди ли превращенье, или в прошлом?
Слишком много этой птице разрешали,
Чтобы в омут опускаться осторожно.
23.05.00.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПЕЧАЛЬ.

Заходите на погосты.

Не по датам, в будни, просто.
В эти скорбные моменты
Отлетает лишний лоск.
Ведь настанут дни другие,
Перед временем нагие,
Обветшают монументы,
Где стоим мы в полный рост.

Всё течёт в угоду мнений,
Но, увы без изменений,
Снова читается только Ныне
Или слишком древний год.
И с умом душа не ладит:
Спит – храпит, летает – гадит.
Мы без рук стоим, немые,
И не вытереть помёт.

Мы и стела, и колонны,
Бюсты, фрески и иконы.
Перемены – что ни ветер,
Сразу оттепель – чуть стих.
Были дрянь, пока живые,
Нынче ж бронзы дармовые,
И без нас на этом свете
Понаделают других.

Но теперь нам не пристало,
Отойдёмте с пьедестала,
Глянем, зрителю подобно,
Посмеёмся звоном лат,
Как примерят нашу зелень
Прямо в мраморных постелях,
Кто и как, с какою мордой
Поползёт в достойный ряд.

За валюту сменяют даты,
Кто-то станет бородатым...
В общем нам пора укрыться
На погостах в пух земли.
Проплывают пусть незримо
Пантеонов новых мимо
Наши души, наши лица,
Как печали корабли.

В дни простые, без охраны,

Забредайте, мы вам рады.
 Лишь хозяев мавзолеев
 Даже в гости не зовём.
 Постамент пустой не прочен,
 А цветы – приятно очень.
 На привычных нам аллеях
 Мы в вас снова заживём.
 25.05.00.

ИЗ БЕЛОГО ТУМАНА.

Ирине Вариченко

Судьбу свою менять и не пытаюсь
 И ей безмерно всяко потокаю.
 Меня нельзя терять, я потеряюсь.
 Меня нельзя искать, я возникаю.

Из белого тумана или дыма,
 Как очень быстро тающие свечи.
 Не удивляйтесь, проплываю мимо.
 Не окликайте, вдруг я не отвечу.

Решается всё формулой простою,
 Забыть её так просто за делами:
 Меня нельзя любить – я недостоин,
 И не любить нельзя – я так желанен!

Пусть я слова, порой, и повторяю,
 Вес и порядок проверял собою.
 Я вас найду и вновь не потеряю,
 И полюблю, и поделюсь судьбою.
 4.06.00.

ОБЕД С ЯГОДАМИ.

Ирине Вариченко

Этой местности на планах
 Не найти, моя душа.
 Сделай в сторону с поляны
 Хоть один неверный шаг.

Положи в своё лукошко,
 Спровоцируем вопрос,

Пусть три штучки, пусть немножко,
Волчьих ягод – ярких слёз.

Тропки леса все открыты.
Не спеши бежать, постой.
Кто сказал, что ядовито
То, что блещет красотой?

Ничего не знаю слаще
Волчьих ягод на обед.
Ну, а если сядем в чаше,
То укроемся от бед.

Пусть толкутся злые толки,
Но едим не наугад.
Неужели, будут волки
Добровольно кушать яд!?

Ты уже смелее стала,
Рвёшь ромашки без забот.
Мы добавим для начала
Злые ягоды в компот.

Сервируют буреломы
Как «Пекин» или «Савой».
Это хитренькие гномы
Проникаются игрой.

Семь капризов – слуги чащи.
Здесь и дров – не унесёшь.
И чем дальше, чем всё чаще
Ты по ягоды придёшь.
6.06.00.

СОЛНЕЧНЫЙ РОМАНС.

Ирине Вариченко

Шесть лет скакал я наугад
Через чащобы и трясины,
Гонял русалок, кушал яд –
И это правды половина.

И преступлений был мешок:
Не знал, кто есть и кем я буду...

Но солнце справа мне взошло,
Я ж не заметил это чудо.

Шесть лет я полз, как прочий змей,
И раздавал плоды раздора.
Хоть индульгенцию имей –
Змей, влезший в душу, хуже вора.

Раскаиваясь в тишине,
С судьбой беседу мнил за бремя.
Светило солнце слева мне,
Но я луне дарил всё время.

Шесть лет труда, борьбы и бед
Рука на ножнах отдыхала.
Я знал, что рядом счастья нет,
И не искал его начала.

Но правда теплилась в груди,
Пытаясь вовремя проснуться,
Ведь солнце было позади,
Лишь пожелать и обернуться.

Я понял, солнце – это ты.
И стал я жить совсем иначе:
Я подчинил тебе мечты,
А уж желания тем паче.

И вот, теперь ещё шесть лет,
Что в лотерею мне досталось –
Что буду сдержан, это бред,
Но что люблю, уже не мало.
16.06.00.

НИКТО ЛИ НЕ ВХОЖ?

Ирине Вариченко

Мыши, мы меня простите,
Я нашёл в пещеру вход,
И в зеркальном сталактите
Жизнь моя наоборот.

Капля долбит глупый камень,
А язык мой точит нож.

Лира в хрустале веками
Тихо спит. Никто не вхож.

Я нажал плечом на ветку,
Пяткой ощутил кольцо.
Свирепели злые ветры
И царапали лицо.

Но теперь здесь полумрачно,
Тихо, нежно и тепло.
Я ощупываться начал,
Чтоб виденье не прошло.

Я поверю этим чарам,
Окунусь в подземный ключ.
Мыши злое запищали,
Крылья их чернее туч.

Блики лиры, жарьте солнцем
На земную пыль тропы.
Мы в пещере остаёмся –
Я и ящерка судьбы.
15.07.00.

ВЛАДИМИРСКИЕ СТРАДАНИЯ.

БЕГСТВО АНДРЕЯ ЯРОСЛАВИЧА.

Дремлет лес, фырчат от бега кони.
В забытьи каком-то этот путь.
Обошлось сегодня без погони.
Лишь бы сани не перевернуть.

Красный Лев – и дядька, и хранитель –
Рядом мчит на расстоянье рук.
Шуба, меч и жемчуга две нити,
И привязан с книгами сундук.

Испытать далось и унижение,
И насмешки, и внезапный гнев.
Так на черта жалкое княжение,
Собачьём оборванный распев!

Показав им спину, не робея
На свиданье в чашу уходя,

Знал, что спесь природного ромея
Кровь на сердце льёт вместо дождя.

Скрип полозьев мил, как голос девы.
Протыкая бычьи пузыри,
Не будил дружину криком «Где вы?!»,
Знал, что не заснут богатыри.

Напрямки ль, в опасном повороте ль,
Одинаково умён и горд,
Ведь друзья Платон и Аристотель
С ним беседуют который год.

Вера есть, она одна – в удачу!
А с латынью даже швед милей.
Жаль до слёз... Вернуться бы иначе
И взойти, как Праведный Андрей!

Серебрами стрел сверкает лучник
В межусобном княжеском году...
Чистый голубь вдруг Жемчужной Тучей
Навлекает на себя беду.
22.06.00.

НИ БУРИ, НИ МГЛЫ.

На дорогу браги чашу.
Круговерти хочет бес.
Что-то прозвенело в чаше,
И меж ёлок через лес...

Ветер волосы курчавит.
Кто в рассвет тебя позвал?
Кто покинут? Кто встречает?
Кто и знать про всё не знал?

Память новью жжёт вестимо,
Только очи отвори:
Правоверные картины,
Постоялые дворы.

Человечки злою речью
Так охочи, что молчи.
Неухоженные речки,
Как бесстыжие лучи.

Кто-то в спину метко кроет,
 Не жалеючи хулы
 Светлой утренней порою.
 Но ни бури, и не мглы.

Непонятное движенье.
 От Москвы – подать рукой.
 Во Владимир на княженье?
 Или в Суздаль на покой?
10.07.00. г. Владимир

ПРИШЛА ОРДА, ОТКРЫВАЙ ВОРОТА!

Перестраиваю мысли,
 Вижу прежние года:
 Как воротами со свистом
 Едет русская Орда.

На тюрбанах православных –
 Крест и солнце, в Мекку лик,
 Месяц, крюченный устало,
 Под распятием поник.

Не черны и не раскосы,
 И капуста в бороде:
 В восемнадцатом – матросы,
 В сорок третьем – КВД.

Дани набирают в досталь,
 Александр – свят за двоих.
 Как великий Македонский,
 Он сначала бьёт своих.

Гей, древляне, меньше лени,
 Открывайте ворота!
 С хлебом-солью на колени!
 Посетила нас Орда!

Непробуженные морды.
 С ними дядька Черномор –
 Сын Батыя, русич гордый.
 Кличка – Невский, князь, и вор.
13.07.00. г. Владимир

*В ХРАМЕ ПОКРОВА НА НЕРЛИ.
(«РУССКИЙ ГАМЛЕТ».)*

Шныряет солнце в тучном перламутре.
Тугие ветры режутся о крест.
А есть ли правда в одиноком утре
Далёких от дорожной пыли мест?

Андрей не спит, хоть и устал с охоты,
В лучах из узких окон Покрова...
То хочется заплакать до икоты,
То прочь бежать на двор рубить дрова.

Отцовы шутки Новгородом правят,
А в юном сердце рана навсегда.
Когда, любя, в ребячестве затравят,
Обиды не смягчит и борода.

Всё впереди: Сарай, дурная слава,
Ярлык, как мета чёрная в приказ,
И Ярославу сынова отравы,
И датский след, и «Александров глаз».

А ныне только светлые картины,
В молитве стиснув рукоять меча:
В них сватовство за Галицкой Яриной
И чтение «Одиссеи» по ночам.

И солнце в перламутре тучном шустро,
Дна не достать разлившейся Нерли,
И чтоб заполнить всё, где нынче пусто,
Вкусить травы, вдохнуть тепло земли.

Вдали сбежавшие тайком монахи
Из строгих Боголюбовских застен,
Вкушая прелести греха и страхи,
Творят содом, не уходя с колен.

И это жизнь, и что увидишь завтра...
В грядущем правда? Или во вчера?
Не развернуть ни шахматы, ни карты
Андрею... На охоту, князь, пора!
10.08.00. пос. Боголюбово, Суздальский р-н

НАЧАЛО БОЛДИНСКОЙ ОСЕНИ.

Под утро, сидя у окошка,
 Дождя внимая голосам,
 Он вспоминал, как понарошку
 Луну украли небеса,
 Набросив тучи покрывало.
 Как ночь на двор, её не стало.
 Явленье ж осени лишь днём
 Заметил. Что же, назовём
 Её мы Болдинской – попроще.
 Не всё же чопорности строк
 Усадьбы обивать порог.

В ту пору было наказаньем
 И занимало мозг вполне
 Главы десятой написанье
 «Онегина», и в тишине
 Он мучил праздность 2сериала»,
 Блистательное чьё начало
 Столь увлекло в журнал толпу,
 Что в пору думать, не слепу.
 Роман всё становился толще,
 Но от героев всяку ночь
 Готов бежать творец был прочь.

Уже жалел, что потревожил
 Покой укладистый сестриц.
 Варенье Лариных – о, Боже –
 На языке, углах страниц,
 На занавеске у окошка.
 Черновики закладкой – ложка.
 Вина не пить! Не слушать муть!
 Одной – в мужья бы генерала...,
 Но прежде стайку шумных мук,
 Другой уж обречён супруг.

Да и в супруги-то не очень
 Годился с самых первых строк.
 Поэт ли? Графоман! Порочен!
 С ним автор быть обязан строг.
 Ужо дуэль! При секундантах!
 Читательский успех гарантом
 И пару дней невесты слез,
 До следующего всерьёз.
 Невольник чести! Их не мало.

Убит, а значит, поделом...
Но по ночам приходит в дом.

Такие болдинские нравы.
От них куда теперь уйти?
Потоки мальчиков кровавых
На литераторском пути:
То Дмитрий, то Моцарт игривый...
Зайдут, да улыбнутся криво,
Уныло постоят в углу,
Оставят лужу на полу
И прочь уйдут гулять по свету.
Какой тут, няню в душу, сон!
Вся совесть пятым колесом.

Задремлет, дышится натужно,
А то и вздрогнет, как кабель.
И об издателях не нужно,
Они, как в темечко капель.
Вот, потому и у окошка
На зорьке он мечтал немножко,
Додумывал судьбу сестриц
И падал утомлённо ниц.
Но кто ж луну украл? К ответу
Вчера он небо призывал!
Вдруг, осень. вдохновенья вал...
Не приведи в мужья поэта!!!
13.08.00. г. Владимир, дер. Варынино

ПОД ОДИНОКИМ ПАРУСОМ.

Мой парус поднят. На флагштоке
Какой-то радостный урод.
Возможно даже, одинокий,
Но как он искренне поёт.

И на носу распятым девам
Давно он возжелал добра.
Им – ни направо, ни налево.
Теперь – вперёд! Ура-ура!

Суровой бури жаждет очень,
Весёлый череп-мальчуган.
Пусть утомлён он поздно ночью,
Но ранним утром жаждет ран.

Он нужен мне, он чистит реи
От оборванцев и деляг.
Когда я редко холодею,
То признаю, что всё не так.

На парусах уже заплаты
Суровой ниткой на лоскут.
Меня любою мерой злата
От палубы не оторвут.

И то, что видно за кормою,
Как от руля дельфины прочь,
Увы, придумано, не мною,
Но повторяется точь-в-точь.
Ура-ура! Уходим в ночь...
16.08.00.

ТУМАН...

Туман, как вата – неподвижен.
Щекочет, как кошачий мех.
А я в тумане лучше вижу
И ускользаю от помех.

В тумане хорошо проснуться
И от растерянных удрать.
Плечом к плечу не прикоснуться.
В лице лица не увидеть.

Как манна, опустившись с неба,
Внезапно в небо и уйдёт,
Не став ни патокой, ни хлебом,
Не превратившись в сладкий мёд.

Туман ладонью можно резать
И спрятаться в любой отрез.
Живя в нём, не имею веса,
Хотя предельно странно трезв.

Коль есть туман, его не мало.
Не вспомнишь даже, если нет.
Он – пух, перина, одеяло.
Он отодвинет ваш рассвет.

Туман – ловушка, неподвижен,
 Единый приглушенный смех.
 А я в тумане лучше вижу.
 Туман – мой летний белый снег.
 22.08.00.

ГАМЛЕТ И МОГИЛЬЩИКИ.
 (сцена)

В стиле В. Шекспира

Первый: Мне надоело глину бить киркой.
 Второй: И мне слои промёрзшие лопатить.
 Первый: Возьмём же передышку на покой.
 Второй: До сумерек. Всё. На сегодня хватит.

Первый: Я тут припас лекарства по глотку –
 От скуки и от трудовых порывов.
 Второй: Да ты колдун?!
 Первый: Ну, мысль читать могу.
 Второй: Так по глотку! За землю и нарывы!

(Пьют.)

Первый: Что под нарывами ты мнишь в земле?
 Второй: Могилы.
 Первый: Нет, могилы – след нарыва.
 Нарывы – люди, рождены во мгле.
 Коль выдавишь – здоров.
 Второй: А время?
 Первый: Лживо.

Второй: Учился где ты?
 Первый: К счастью, Бог не дал.
 Второй: Не посещал ли университета?
 Первый: Я все учения в себе рождал,
 Из капли зелья, с уса скромным следом.

Когда б ты не копать могилы мог,
 Не задавал бы глупые вопросы.
 Взгляни, лежит эпоха возле ног.
 Руками можешь взять. Не суй лишь носа.

Второй: Что? Их дела и нынче знать – запрет?
 Но согласись, что редко так бывает.

- Первый: Нет, минуло достаточно уж лет.
Тебе добра хотел. От них воняет.
- Второй: Так чьи тут черепа?
Первый: Пора учить.
Умру, тебе экскурсии морочить.
- Второй: Ох, не лукавь, бессмертна сказки нить.
Первый: Молчи, услышат! Гулок воздух ночью.
- Да, нас с тобой не поглотила смерть,
Как этих, под ногами, ярку россыпь.
Их легче было времени стереть,
И автору проснуться в краске после.
- Второй: Так кто же здесь?
Первый: Полоний, ближе всех.
Земной был червь и первым в землю канул.
- Второй: Ложь! Первым был Король.
Первый: Убийца всех?
Второй: Нет, старший!
Первый: Редкий был пример для клана.
- Души не чаял в сыне – унижал.
Жену любил, но подтолкнул к другому.
Не подавил в Полонии ужа.
Любил народ, но вверг в войну!
- Второй: Знакомо.
- Первый: Офелии здесь череп не лежит?
Она покоится на дне озёрном,
Но голос над туманами звучит.
Душа чиста, встречает утра зори.
- Второй: Продолжим лекцию, мой друг, как кон...
Первый: И по глотку! Не против ты, уверен.
Второй: Но кто там скачет?
Первый: Провиденье! Он!
А ну-ка, приготовь шута мне череп.
- Второй: Неужто, принц, опять, через года!
Первый: Он вечен. Знать, не спится. Мир тревожит
То новая душа вселилась.
- Второй: Да?
Первый: Сведёт с ума и выбросит.
Второй: Вот, тоже.

Гамлет: Друзья, привет! Где шут мой? Грустен я!
 Второй: (*голосом Йорика*) Я здесь, дитя.
 Гамлет: Ну, вот, уже и легче.
 Лопатами не очень теребят?
 Второй: (*голосом Йорика*) Стерпелся. Особливо не калечат.

Гамлет: Спасибо!
 Первый: Нас всегда ты здесь найдёшь,
 Наш принц.
 Гамлет: А где Горацио?
 Первый: Приставлен.
 Открыли прошлое его...
 Гамлет: И что ж?...
 Второй: Теперь обход кругами ада правит.

Первый: Дороги светлой!
 Второй: Ветра!
 Гамлет: От червей
 Держите дальше полые карманы!
 Первый: Не грач кричит, зелёный соловей.
 Второй: Для пенья птиц не поздно и не рано.

Первый: Помчался в Эльсинор.
 Второй: Там был ремонт.
 Первый: Слова и мысли в замке не стареют.
 Давай-ка черепа все на фронтон!
 Второй: Ты чувствуешь начало?
 Первый: Да, скорее!

Он призван Бесом пережить опять
 Любовь и грусть, убийство и смиренье.
 Второй: А нам-то что?
 Первый: Бери кирку. Копать!
 Мы символы, как он. Благодаренье!

1.09.00.

СПАРТАНСКИЙ ОТВЕТ.

Желаете серьёзный разговор?
 Моё же настроенье просит фарса.
 Мы не сойдёмся в разговоре. Вздор!
 И вообще, Луна – не спутник Марса.

На Фермопилах общий интерес,

Хотя у вас везде рука Афины.
 Сумею удержать Пелопоннес,
 А ваша проза – «веритас», но мнима.

Начало вашей речи я забыл,
 Конец не понял. Мысли укачало.
 Не туп, не невнимателен я был.
 Всё потому, что я забыл начало.

Достойна чести белизна ворон.
 В мешке-то кот, да слон из мухи ведом.
 Волк и голодный различает, трон –
 Папье-маше под бутафорским пледом.

В погоду с моря в людях динамит,
 А мы ещё и завтрак не доели.
 Как Царь, как трагик, просто Леонид,
 Вам отвечаю: «Вы мне надоели!»

Начало речи напрочь я забыл.
 Конец не понимаю. Мнём мочало!
 Продолжить? Без меня! Не нагрубил?
 Я окончательно забыл начало!
 12.09.00.

ЧУМА ФИДИЯ.

Из И. Наживина

Вот эта точка: и лицо её светится,
 И неповторно дивна линия бедра.
 Пусть мастерская – зал для пыток. Вновь упиться
 Любовью к мраморной хозяйке суть пора.

Нет истин, призраки кругом, как паразиты,
 И трепет света – тот же жизненный обман,
 Живой и тёплый стон Милосской Афродиты
 Укором Фидию за зовы плоти дан.

Нет, не Богиня, песня боли анатома
 О совершенстве. Радость бездны, не пройди!
 Её улыбка – это вечная истома,
 И гибель – мраморная белизна груди.

Прав Протагор, что есть любых вещей мерило

Лишь человек нетерпеливый, как очаг.
 Взорвётся вдруг, потом забудет, как всё было,
 Перед историей и будущностью наг.

И разум мутен, боль сдавила, выход просит.
 Любовь убьёт, как оборвёт с небес звезду.
 Тяжёлый молот в исступлении наносит
 Удары звонко своему же торжеству.

Покрылось тело, как укусами дракона.
 Упали руки, белый мрамор в пыль погряз.
 В архитектуре счастья – прок своих законов
 Для сокрушения загадочных прикрас.

Пигмалион! Ха-ха! Пигмалион! Где чудо?
 Ах, бедный мальчик! Силы вон! Не ожила!
 Пусть я преступником теперь последним буду!
 Глумился Фидий. И чума в Афины шла.

Перевернётся мир под стоны многократно,
 Богиня сменит сто фамилий и мужей,
 Но молот скульптора и злой язык Сократа
 Разлили яд не только в греческой душе.
 20.09.00.

ДОЖДЬ ИЗ ИСТИН.

Ирине Вариченко

Каравелла поднималась
 Прямо с моря в небеса,
 Взмахи вёсел, ветра малость,
 Руль – русалочья коса.

Опадали капли соли
 На другие корабли.
 Достиженьё светлой воли
 Не зависит от Земли.

Не зависит ни от Солнца,
 Ни от Марсов и Венер,
 Кто куда когда вернётся,
 И кому подаст пример,

Кто попросит разрешенье

На кусочек пирога.
И не важно, чьё решение
Будет сердце и рука.

Капли соли с кия в мили –
Дождь из истин – тёплый хмель.
Привяжите к борту милых.
Богу – рифы! Чёрту – мель!

Будешь там, где раньше не был.
Станешь грустен, где был твёрд.
Не спеша, плывём по небу –
Море – жизнь, земля ей – порт.
21.09.00.

САМОПРОЩЕНИЕ.

Ирине Вариченко

Ты ждёшь меня.
Я, конечно, спешу.
Кто-то опять нам помочь не желает.
Сумерки дня
Я в карман уложу.
Пусть они дворней голодной не лают.

Я жду тебя,
Ты, конечно, спешить.
И ненавистны задержки и пробки.
Сердцем скрипя,
Ты покорно молчишь.
Чаще всё мы в обстоятельствах робки.

Ждём и спешим,
Догоняем, грустим.
Это не жизнь, а набор испытаний.
Боли души,
Если сможем, простим.
Это – задача, увы, не простая.

Как и кому?
Кто во всём виноват?
Темпы шагов и неправды решений.
Сам самому,
На момент свой и лад!

Вот и достигнешь тогда всепрощенья.
26.09.00.

К СВЕТЛОЙ ЛИРЕ.

Ирине Вариченко

Слышишь? Иди! Это вовсе не мало.
Лира твоя у земли на краю.
Если она твои руки призвала,
Значит, в мелодию верит твою.

Свет её слаб и не каждому виден,
Но богатейшие тонкости струн
Щедры теплы. Не посмей их обидеть.
Лиры ценней навороченных рун.

Там, где она, там смещение центра,
Гибель акцента, что был до сих пор.
Если уйдёшь посредине концерта,
Верь, не почует спиной дирижер.

Ты же в оркестре не первая скрипка,
Зритель, внесённый в либретто потерь.
Выйти из зала старайся без скрипа,
Но не придерживай грузную дверь.

Через леса, города и долины
Путь твой лежит за мелодией вслед.
Лире отдай звукоряда лавину,
Будет он крашен в загадочный цвет.

Если ты слышишь, то это не мало.
Если увидишь, хвала небесам!
Что вас друг к другу однажды призвало,
Не утеряй в бесшабашности сам.
1.10.00.

ПЫЛЬ МОЛВЫ.

Летает пыль. Но между тем
И помело в работе тоже.
Молва тебя наделит тем,
Чего ты в жизни сам не прожил.

На гребне или на мели,
 Позёмка слов сознания ниже.
 Не экспонат, но весь в пыли.
 Пусть языки это и слижут.
 4.10.00.

СЛЕД ПО БОЛОТУ.

Пусть машут мне в спину пугливо соседи,
 Кричат разнобоем слова непросты.
 Одевшись опять неубитым медведем,
 В болота свои я направил следы.

И чавкают кочки, и темная жижа
 Лечебную грязью по пояс уже,
 Но вешки свои я по-прежнему вижу,
 Лукав до простого и настороже.

И тихо, и жутко. Лишь тело осины
 Скрипит суховато, бесицей хвороб.
 Не многие вышли из этой трясины,
 Но если уж вышли, то рады по гроб.

Легенд, поди, сотни в болоте родилось,
 Последняя помнится всем хорошо,
 Как в топи с одеждами вил легкокрылых
 За Китежем следом Алатырь ушёл.

Не плачьте, соседи, бобры и куницы,
 С сорокиных слов я давно не жилец.
 Меня своё снаряженье и лица,
 Найду я клубка запрещённый конец.

И с удалью Вольги сперва горностаем,
 Над башнею птиц прокричу, а потом
 О землю с высот и тихонечко в стаю.
 А след по болоту – расписка хвостом.
 6.10.00.

ЕДИНСТВО РАЗНОСТИ.

Ирине Вариченко

Я поэтический свой дар
 Не перепутаю с омлетом,

От яда отличу нектар,
К зиме забуду боли лета.

Пароль проявится из слов,
И даль близка будет со взором.
А голос твой, что сердца зов,
Уже я выслушал из хора.

Когда мы не добавим соль,
То жизнь останется компотна.
Как покрывало тратит моль,
Так небо в дырках самолётных.

Мы разны, сколько дней и лет
Распахиваются ресницы.
Не повторяется омлет,
Который был когда-то принцем.
21.10.00.

ЗАГАДКА ПАТРИЦИЯ.

Пожалуй, в каждом светском представленьи
Мораль игрива, а сценарий мним.
У римлян нету Бога Сожаленья,
И Бог Сомнений неизвестен им.

Да и откуда взяться? Легче зала
Разрушить грань, извергнув стон из уст.
Испытывать такое не пристало,
Достаточно других возможных чувств.

Безбожно, и алтарь не знает места,
Куда бы мысли бросил я свои.
В огне они очистились бы тесном
И пеплом стали б, как их не зови.

Но Рим далёк, и мы живём в сомненьях,
О чём-то сожалеем, любим тех,
Кто близок нам, другим на удивленье.
Одной судьбы не растянуть на всех.

Кто будет прав из тех, кто ныне в свите
Подумал о себе по вечерам,
Что именно его послал Юпитер
Оракулом начертанного в Храм?

Вдруг фиговые тоже вянут листья,
 Сословных не потребовав причин.
 Как Велика Эпоха Мнимых истин,
 И как тесно от Низких Величин!
31.10.00.

МИР И ВОЙНА.

Стабилен Мир наш, но Война идёт.
 Как Жизнь и Смерть, партнёры эти вечны.
 Переговоры – это ловкий ход –
 Хитро попеременно бесконечны.

Война идёт, не мирно, не смешно.
 И канонада хлещет не по гамме,
 И противопехотных мин полно –
 Они как шампиньоны под ногами.

На флангах обостренья, схватки, вой.
 Фронтально наступления не редки.
 Туман завес и дым пороховой,
 И снайперы все обоюдно метки.

Тут артобстрел, там танковый бросок,
 Здесь план с ракеты красной к жизни начат.
 Ползком в противогазе за лесок,
 И вот – рукой подать и штаб захвачен.

«Язык» прикушен – золотой улов,
 И онемел, о чём бы ни спросили...
 ВСЕПОСТИЖИМАЯ ВОЙНА ПОЛОВ,
 Любви и Ненависти в равной силе.

Воюем от единого в контраст.
 Покой, в бою приснившийся, не долог.
 ПОБЕДА – есть падение, экстаз,
 Но не в окоп – в постель, навзничь, за полог.
5.11.00.

ТОСКА.

Чтобы что-то любить, не зову я подмоги.
 В темноте пробегу я по шаткой доске.
 Я люблю скверы те, где продолжают дороги

По следам, что оставил я в пьяной тоске.

Не моргнув, не чихнув по какой-то указке,
Я ни разу себе изменить не хотел,
И легко переписывал старые сказки,
И легко отдыхал и от дел, и от тел.

Чтоб кого-то любить, мне ответственно стало.
Тронул пот при ходьбе седину на виске.
Я люблю тех, кто вывесит мемориалы
На домах, где являлся я в пьяной тоске.

Не кичусь, но любой мне фонтан по колено.
Как пиджак на джинсу, поменяю и век.
Уж полгода, как стала Москва моя Веной,
И вернулся ко мне мой родной человек.
17.11.00.

КТО МЫ?

Вопрос вопросов, не стесняюсь – кто мы?
Ещё вопросней, что такое мы?
Ведь не одно: где дом? и где мы дома?
И где пристало греться до зимы?

Кто мы в душе? И кто падёт нам в душу?
Что сможем в песне слёзно донести?
Какой язык приятнее нам слушать?
И в поцелуе с кем язык сплести?

Косых и жадных взглядов не встречаю,
Когда задумаюсь на зло судьбе.
Но «нашего» спокойно отличаю –
Как в одиночестве, там и в толпе.

У наших женщин, да, тугие косы,
Но в них заплетена вся скорбь земли.
И мы не скифы, не прямые росы,
Не хунны, не хазары, не жмули.

Досадные татарские флюиды –
Изгиб спины, но не следы оков.
Мы повзрослей! Мы дети Атлантиды,
Бредущие порывами песков.

Вот, что мы унесли, сойдя с Парнаса,
И Грецию сменив на Рим в веках:
Раз – не смеяться за спиною Красса,
Два – не нуждаться в частых Спартаках.

Египетское нам знакомо лоно,
Мягка постель из мамонтовых шкур.
К тротилу, что под башней Вавилона,
Для археологов проложен нами шнур.

Мы и звезду в паденье можем сглазить,
Мы братство сочетаний странных слов.
Ответ ответов – мы толпа фантазий,
С Земли на Землю космонавты снов.
20.11.00.

УДАЧА.

За плачем и потерей праздник ведом,
Ты только ему место укажи.
Удача – женщина, как и Победа.
Мы – рыцари у них или пажи.

Какая маска будет тебе ближе,
Ты сам решишь и, сняв колпак шута,
В каком-нибудь пророческом двестишье
Легко зевак отправишь в никуда.

Удача познакомит и Успехом,
И не дольёт привычный яд в вино.
Её желания, твои доспехи –
Заря сплетёт угодливо в одно.

Ты знал лишь то, что ничего не знаешь.
Всё понимал, не смея объяснить.
Распилена решеточка резная,
Крепка в побег капроновая нить.

Ваш верный конь насытился. В дорогу!
Костёр Савонаролы – не рентген.
Возрадуемся светлому прологу
Столетней шутки на манер легенд.

Под звуки стрел, поющих будто струны,
Вы подчините Гром и Тишину.

Потомки назовут её Фортуной.
 С тобой же она просто – Леди У.
 27.11.00.

НЕТ ЛИШНЕГО И БЫТЬ НЕ МОЖЕТ.

Возможна ль жизнь, чтоб чище света,
 Как из источника вода?
 Чтоб лишнее ушло и нету?
 Чтоб нужное было всегда?

Но кто решит, кому быть лишним,
 И что в природе не нужно?
 Старик, что мантией напыщен?
 Дитя ль, какому не грешно?

Необходимы иль избыток
 Нам Солнца, Воздухи, Миры,
 Жара Любви и Боли Пыток,
 И Воздержанья, и Пиры?

Что лишнее? Алтарь иль жертва?
 Дорога или же забор?
 Для поиска, где мельче, жерди?
 От стужи головной убор?

Вдруг красота прекрасной дамы
 Напрасна вовсе нам, как пыль?
 Иль книги, письма, телеграммы,
 Кофейник и автомобиль?

Метанье молота и диска
 Необходимо не для всех?
 А для других потребность риска?
 Для третьих звонкий детский смех?

Нет лишнего и быть не может!
 Чего-то может не хватать.
 И как лишить его не гоже,
 Так и преступно навязать!

Пусть жизни – смерть, веселье – скуке,
 Сырому месту – дутый гриб,
 И следу – снег, И деньгам – руки,
 И ветру – деревянный скрип.

9.12.00.

ТО, ЧТО ЕСТЬ.

Что есть вокруг: всё то, что от природы
 Так далеко, что стыдно ей самой –
 Дурные языки любой породы
 И леденящий морозящий зной.

Что дорого внутри: любовь, надежда,
 Потом ещё надежда и любовь –
 Чтоб чаще было тихо, чутко, нежно,
 Чтоб не слезами осветилась новь.

Что ни к чему: да то, что многим нужно
 До дрожи и прыщей на всех местах –
 Чтобы рукопожатие натужно,
 И сладостный укус рвался в устах.

Что недоступно: кафедра ритора –
 Софизмы ныне, право, не в чести –
 Апокрифически хочу простора,
 Всё брошенное в ветер подмести.

Что хорошо: об этом как-то скучно,
 Об этом спрятал, ключик повернул,
 Поскольку непременно можно лучше,
 Но человек – не запряжённый мул.

Что мучит больно: мыслей обналичка,
 Секреты слов, но пуще, сам стыжусь –
 Дурная европейская привычка –
 Как вижу трон свободный, так сажусь.
 24.12.00.

ПОЛНОЧЬ КОЛДОВСТВА.

Ирине Вариченко

Колдовство межгодовое
 Демократизаций выше –
 Звон шаров и запах хвои,
 Отъезжающая крыша.
 Тише, мыши...

Потрясённым снегом платье
 Облетает твои плечи,
 Грёзами из воска плачут
 Беззастенчивые свечи.
 Ночь – не вечер...

Хоть и форточка открыта,
 Занавески не колышет.
 Пузырится Дух забытый,
 Охлаждён, но зол и дышит.
 Глаз не слышит...

Затаившаяся встреча.
 Тише, мыши, лишних ищем.
 Ночь – не вечер, но предтече.
 Глаз не слышит, мысли выше.
 Полночь вечна.
 31.12.00.

Из сборника «КОЛЛЕКЦИЯ ТРЕВОГ»

..... ВРЕМЯ.

Горят костры и степь светла.
 Услада и отрада.
 Где раньше пустота жила,
 Желательность землёй легла.
 Как искорки, душа гола,
 Другого ей не надо.
 Горят костры – судьбы разбег –
 И согревают семя.
 Общенья жаждет человек
 И открывается без нег,
 И выливается на снег –
ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ время.

Костры, что факелы в игре,
 На воздухе им сладко.
 Они и на балу к поре,
 Они уместны при одре,
 И догорят вполне к заре,
 Как люди, без остатка.
 Их ветер смело тормошит,
 Не допустив полемик.
 Пространство светом звук вершит,

Огонь костров в сей танец вшит,
Их треск, пожалуй, крик души –
ЗАСТИГНУТОЕ время.

Весь ритуал – огонь идей,
От языка до пекла.
Сожжет, не пожалеет дней,
Как о спасенье не радей,
И степь, и ветер, и людей
В безрадостное пекло.
Петух прозренья молодец,
Созвездье клюнет в темя.
Он знает, где умолкнет чтец,
И отвернётся их отец,
И географии конец –
ПОТЕРЯННОЕ время.
11.01.01.

ВИНО ВИОЛЫ.

(На спектакле «Травиата».)

Не торопите дерзкое признание
В исправленные нотные листы.
Вы наступили на моё сознание
И острым каблуком на край фаты.

Я изменяю череде традиций,
И повод есть паренье приземлить.
Не так уж сложно вовремя родиться,
Трудней начать понятно говорить.

Фанфарна роспись в воздухе тяжёлом,
Воззренью не угадан потолок.
Такой и результат, какая школа.
Такой и балл, какой был педагог.

С любым дизелем подружиться впору,
Когда вот так, не замечая ран,
Вы можете лишить меня простора,
Но не простор меня, как Веры Храм.

Мы обменяемся в пылу слезами,
На макияж не пачкая следов.
Поторопить дежурное признание
Я не советовал, но был готов.

У белой розы лепестки, как крылья,
 И красной розе тоже жить дано.
 Наверное, напрасно мы допили
 Виолой пригублённое вино.
 15.01.01.

НЕБУ НУЖНЫ ГЛАЗА.

Столько неба нужно глазам,
 Сколько смысла есть в пустоте.
 Пусть отразится путь колеса
 Жизни, которой есть предел.

Столько небу нужно годов,
 Сколько нету в поле цветов.
 Лишь бы эхо в поле тайком,
 Если гром прозвучать готов.

Сколько мест красиво пустых,
 Столько Храмов нужно Богам.
 Лучше, чтобы их звон не стих,
 Чем бы волю давать рукам.

Сколько порожних в миру голов,
 Стольким людям уши нужны.
 Перезвонами колоколов
 Их наполнит и окружит.

Тем ушам, кому люди – наказ,
 Всем важнее глаза иметь,
 Чтобы смело гложнуть подчас,
 Чтобы чаще в небо смотреть.
 22.01.01.

ИЗ «БРОДЯЧЕЙ СОБАКИ».

Н. Гумилёву

Мне часто снится, или я мечтаю,
 Тот петербургский дом, как откровенье.
 Разбужен дворник, снег совсем не тает.
 Я трижды повернул и вот, ступени.

Толкаю дверь, обитую клеёнкой,

И тотчас, музыкой ошеломленный,
Внимаю пёстрой публике, но тонкой,
И вентиляторам аэропленным.

Всего три комнаты – буфет и «залы» -
Одна огромна, крохотна другая.
«Бродячая собака» приказала,
Чтоб мы здесь судьбы надпереругали.

Одетая сусально люстра-лейка.
Камин кирпичный подогреет споры.
И стены, что расписывал Судейкин,
Пооботрутся, рухнут же не скоро.

Не только время алой-белой розы,
Не только Людови́ки и Данаи
Мечтают жить в нас, выбирают позы
И наше настроенье в снах меняют.

Ведь я пришёл, надев мечты крахмальны,
Был не Пьеро, но воином по взгляду.
Нормально это, или ненормально,
Уйти мне одиночно было надо.
16.02.01.

БОДЛЕР И БОГ. (сонет)

Вечер занавесью плотной, капли грусти на подушку.
И Луна опять вопросы задаёт нам из окна.
- Полюбуйся, Шарль, какую я с Востока безделушку,
Присмотревши на прогулке ради скуки, вывез к нам.

- Восхищаюсь, что игрушка, как химера – старый идол,
Дерево с глазами дырок – сохранилось сквозь года.
Я такого изваянья раньше близко и не видел.
Красота не знает смеха и не плачет никогда.

- Это лирика, пожалуй, хватит баловаться модно.
Его местом будет ящик у стола правее ног,
Среди прочих сувениров экзотических походов.

- Он колдует, он чарует, судьбы он сгибает в рог.
Поспешишь, да пожалеешь, как неслушные народы.
Не посмей его обидеть! Вдруг и есть он – главный Бог?

24.02.01.

ЗВЁЗДНЫЕ ТРОПЫ.

Мы звёздами были когда-то,
И не было видно нас днём.
Лучами – стрелами богаты
Мы в космосе жили своём.

Летали, играли хвостами.
И боги нам были друзья.
Задумывались ли мы сами,
Что греть нашим блеском нельзя.

Мы падали в шутку, не зная,
Где в космосе верх, и где низ.
Созвездия ночью вязали,
Которым недолгая жизнь.

Плевали мы в глаз телескопа
Пощёчин не чуяли вес.
Пунктирные звёздные тропы
Надолго на картах небес.

Мы пыль безвоздушного взрыва –
Галактики лик раздражён –
Мы, прежде светились красиво,
Мы падали ярким дождём.

Мы звёздами были когда-то,
Ещё не имея сердец.
Мы этой легендой богаты...
Мы стали людьми, наконец.
14.03.01.

АЛЛИЛУЙЯ!

Ирине Вариченко

Ты вертишься во сне. Нас мучат тайны
Гороскопического бытия.
Легенды входят в дом. Они не тают,
Они нас, вновь рождённых, и растят.

Мы будоражим трепетную лиру,

Раскладываем дни на голоса...
 Потоки христиан идут по миру,
 Хоругви – крыльями под небеса.

Круги судьбы спиралью бесконечной
 Нас водят летами из Храма в Храм,
 И если одному напиться нечем,
 Мы выпьем дождик утра пополам.

И Аллилуйя множеством мелодий
 Звучит свежо на языке любом!
 Вино не подогрей, и не забродит –
 Привычки нет, так и не стань рабом.

Пусть Мир един, но в каждом – свой Спаситель,
 Свой Путь, свои Сомнения, свой Век.
 В негах легенды явно не проспите
 Росу на зеленеющей траве.

Тибериям – скорлупки, Лирам – песни.
 Жемчужина ракушкой рождена.
 Ты вертись во сне. Христос, воскресни!
 Воистину! Налей в ладонь вина!
15.04.01.(05.50 AM)

ЧЕРЕЗ ВЕК ПО КАМНЯМ.

Полжизни пропущено, слышится зов
 Иного, небесного плача.
 Совсем не учитель, скорей, философ,
 Лентяй и монах неудачник –
 Позволил себе, нос макая в вино,
 Сто мыслей построить беспечно
 В учебник того, чего быть не должно,
 Того, что прискорбно и вечно.

Влачить существо – не такой уж кошмар,
 Хоть горести на плечи сели.
 Повеса и дамских сердец кулинар,
 Всю жизнь посчитавший дуэлью –
 Безденежьем гордый в доход превратил,
 Раскинув привычные сети,
 Свой неповторимый сплошной детектив
 О том, как хитра добродетель.

И руки заныли уже от халтур,
 И сердце внимает резону.
 Фигляр балаганный, лихой трубадур,
 Менявший лицо по сезону –
 Пройдя по канату тройным колесом,
 Пропел, чтоб толпа замолчала,
 Безумную сказку с жестоким концом,
 Зато с очень добрым началом.

И трудно шагать по камням через век,
 Но память важнее здоровья.
 Разбойник и тать, неплохой человек,
 Амброзий не путавший с кровью –
 К распятию вышел и Богу в глаза
 Вознёс без сомнения тени
 Молитву из слов о мечте и слезах,
 И об одиноком терпенье.

Родителем гордым воспитанных слов
 Пора становится. Иначе –
 Полжизни пропущено, слышится зов
 Иного, небесного плача.
 Уколом смирит тебя брат-санитар,
 Границы раздвинув постели.
 Влачить существо – не такой уж кошмар,
 Хоть горести на плечи сели.

И шрамы всех стилей, и боли фактур
 В скелете пропишутся сонном.
 И руки заныли уже от халтур,
 И сердце внимает резону.
 Но должен себя пробудить человек,
 Пиратски сощутив надбровье.
 И трудно шагать по камням через век,
 Но память важнее здоровья.
20.04.01 - 17.08.01.

ЭЛИКСИР.

Но сперва меня убили,
 А потом превознесли.
 И возможности, что были,
 Без сознания возросли.

Всё, естественно, законно.

Всё должно было быть так.
И шагрени два рулона
Я забросил на чердак.

Пусть кредит судьбы пылится.
Мне б и сто хватило лет.
Настоящий-то патриций –
И политик, и поэт.

На трибуне я повыше,
Скромн, ежели пластом.
У меня скрипач на крыше,
И в подвале свой фантом.

Пошлых истин злую пропись
Вырубать мне довелось,
И вернулась Мери Поппинс,
Только я уже подрос.

Что могу, то и велю я,
И виляю лишь с тоски.
Доли наши поцелуи
И объятия крепки.

Но сперва меня убили,
Обокрали щели дыр,
А с рассветом подложили
Стихотворный эликсир.

С эликсиром неизбежно
Вновь начну расти во сне.
Я шагрени всем отрежу,
Кто не плюнет в спину мне.
2.05.01.

ВРЕМЯ НА МИР.

Нет времени тянуть по ветру носом,
Ловить чужие глупые слова,
И подносить, и отмывать подносы –
Одна судьба, одна и голова.

Не время разговоров с дураками,
И у кого послушная слеза,
Размахивать и разводиться руками,

И взглядом есть, и отводить глаза.

Нет ни минуты ласки к прожекторам,
И нет желанья со слепым гулять,
Не по пути мне ни с везучим вором,
Ни с тем, кто хочет бодро раздавать.

Сырой улыбке, что на маске яркой,
Ответится натянуто вдвойне.
От тёплого приёма вряд ли жарко,
Когда бегут мурашки по спине.

Сменил границы, перекрасят вешки.
В знакомых удержались бы друзья.
Количеством не побеждают пешки.
С ферзём не дружишь, рокируйся сам.

Вы – золото, свободные минутки.
Пусть – битый час, но да продлится мир!
Есть время на осмысленные шутки,
На правду, на любовь, на скромный пир.
31.05.01.

Из сборника «ПРЕВОСХОДНАЯ СТЕПЕННОСТЬ»

БУМАЖНАЯ МЕЧТА.

Несметную данность веков-территорий
Народ Победитель Себя населял.
От группы поддержки Отец Мораторий
Мечтой на поляне его наделял.

Сажали себя, поливали и жали,
Снимали на плёнку потом урожай,
Мечтали и этой мечтой угрожали
С высоких и низких трибун Миража.

Но вот, над Поляной порхнул свежим ветром –
Игрушка, бумажный малёванный Змей –
Мечта перед вами! – продали билеты,
Пинком подсказали, - Бегите за ней!

Верёвки в руках, а земли уж не чувят.
Поляна народу в полёте – пупок.
От радости тяжести кругом кочуют –

На запад нельзя и нельзя на восток.

Отец Мораторий не раз уже в бозе.
А Змей всё на привязи – это ж игра.
Бумага протёрлась, Поляна в навозе,
Верёвки и те переплесть бы пора.

Но группа поддержки опять не успела,
И Змей развалился, и выпал народ.
На сотни курганов огромного тела
Хватает теперь помечтать наперёд.

С Трибуны, где юг, обозначили север.
Закат в превосходной теперь стороне.
Усиленно тех поливают, кто сеял.
А тот, кто летал, тот виновен вдвойне.

Мечтами ж которые всех наделяли,
Собрали других и до них донесли,
Как верили, и как расстроены были,
Смолчали и руки слегка развели.
10.07.01.

АПОСТОЛЫ ГИМЕНЕЯ.
(Свадебная поэма в сонетах.)

Ирине Вариченко

I.

Весёлой розе грустная не вторит,
И в зеркале чужие голоса,
Не откупорена ещё роса
В чулане заваливавшихся историй.

В партикулярном бродит Гименей
Дорогами затравленных губерний,
Как пёс некормленный за то, что верный,
Иль пьяный шут, что егеря умней.

За ним дорога даже не пылится.
Уставшие разглаживают лица,
Глядя в колчан, счастливый талисман.

Стрела к стреле, его деянья броски:
Там веник, тут венок, а завтра розги.
Цвет полевой над садом, как туман.

II. *Лель.*

Цвет полевой над садом, как туман.
В тумане этом, что в снегу за хатой.
Его вкусить, не подавиться б ватой.
Снегурку тает юный Лель-шаман.

С Морозом он знаком не понаслышке,
С Весною вместе ловит певчих птиц.
Из вымысла выходит без границ,
А после суть покинет, будто лишний.

Всего семь нот, но сколько уже бреда
Откушено взамен хмельного меда.
Флейтист, известный миру меломан:

То посрывает тонкие одежды,
То леденец подарит кротко-нежно,
То явью аромата бьёт обман.

III. *Нерон.*

То явью аромата бьёт обман,
Собою же воздвигнутый в безумстве,
То латников рассадит по капусте.
Нерон – и Бог, и образец ума.

В романе с властью лавр неповторимый,
Подобно кепке, вешает на гвоздь,
Когда в котурнах, вскидывая трость,
В последнем акте прожигает Риммы.

Пусть в нём стрела застрянет навсегда,
Себя любя – он Августа среда –
Бурлит из вены в ванну спеси море.

И день в его феерии за год,
И в золото декларирует отход,
И ботаничеству подпишет горе.

IV. *Хуан.*

И ботаничеству подпишет горе,
Коль встанет на пути его коня,
И рад жениться, шпорами звеня,
И спать в седле, и подчиниться в споре.

Хуан, Жуан, Гуан, Святой Йоанн,
Иван Иванович, Джон, Джованни, Йовка –
И многолик, и однозначен ловко.
Опасен, как для Нюр, так и для Анн.

Друг Моцарта и Пушкина, и Байрон
Им восхищался – в сущности бездарен,
Поверхностен, позёр и паразит.

То тратит драгоценный пыл на камень,
То мёртв, но жив в слезах чужих веками,
То раньше всех проснётся и не спит.

V. Одиссей.

То раньше всех проснётся и не спит,
То притворится вдруг глухим матросом,
Но все пять чувств присутствуют и остры,
Плюс интуиция и локоть-щит.

Каких кампаний только Одиссею
Ни приходилось завершать живым!
На палубе, как и на теле, швы,
И на роду ещё поход в Россею.

Напомнит он всегда вернуть обет,
Из двух блондинок выберет обед,
В прямом пути ему быстрее кривая.

И борода седа, и в рёбрах мозг,
Для новой Пенелопы топит воск –
И не парной, и ветром обдуваем.

VI. Казанова.

И не парной, и ветром обдуваем
Им съеденный на завтрак огурец.
Не муж, не брат, не дед и не отец,
Болезнь его сугубо бытовая.

И Казанова, кстати – псевдоним.
Он – фантазёр, своих же книг загадка,
И в славе мировой всё шито гладко.
Затем и нет запретов перед ним.

Кто с ним знаком был, в свете все скучны
И Папою давно уж прощены,

Но авантюру всё же навевают.

Он безопасен и склерозно мил.
Его цветы имеют цвет чернил –
Лишь этот цвет уже умом скрываем.

VII. *Ромео.*

Лишь этот цвет уже умом скрываем.
Его не буду даже называть.
Совет вам сам Ромео может дать,
В который раз колет свой одевая.

Несчастный так привык, что обречён,
Что в склеп уже идёт, как на работу.
Уже внушает он себе охоту
С очередной Джульеттой на балкон.

Откуда в парне вековые силы?
Пытался текст менять – не веселило.
О, сколько ж мокрых глаз и мокрых нит!

Язык опухнет, скажет пантомимой
И проследит, чтоб яд уже не мимо.
Ушами любим, если взгляд замыт.

VIII. *Вальмонт.*

Ушами любим, если взгляд замыт,
Поэтому прошу поменьше света,
И в письма упакуйте мне сонеты,
Когда Вальмонт очередную злит.

Его камзол не стирал и в помаде
Затем, чтоб это бросилось на взгляд.
Лобзанье тщетно выпросить назад,
О повторенье речь, как о награде.

Любить всегда, везде любить, пусть край,
На этот край, блефуя и играй.
Укол и тот ты получаешь первый.

Пусть Вьюн в окно дотянется рукой,
Пусть и Левкой какой-то не такой,
Пусть Роза весела, но это нервы.

IX. *Печорин.*

Пусть Роза весела, но это нервы.
 Пусть девушка мила, но он ушёл.
 И в дневнике достанется ужо,
 И это только мизерный меры,

Чтоб верности неверью сохранить,
 Надеяться на безнадежъя чудо,
 Любовь почуяв, обернуться круто,
 И не пытаться это изменить.

Упрямо напрямую – что за блажь?
 Вот, где нельзя и глупо, там кураж,
 От правого направиться налево.

Увидев, что везенье – тоже зло,
 Он бросит туз в рассеянности слов:
 «Мой путь к ромашке – лепесток пусть первый...»

Х. Жофрей.

- Мой путь к ромашке – лепесток пусть первый
 Останется убором для волос,
 Второй от солнца берегает нос,
 И прочие повиснут, словно перлы.

Какая речь! А после запоёт!
 И хромоты ты долго не заметишь.
 Коль вдохновительницей в сердце метишь,
 Про шрам забудешь за каскадом нот.

Все неприязни старого Жофрея
 Давно уже развешаны на реях,
 Приязни ж он в наложницах томит.

Он вечно хочет долгого полёта,
 Вина и слёз, и влаг любви, и пота.
 Начнёт полёт, когда в туман укрыт.

XI. Квазимодо.

Начнёт полёт, когда в туман укрыт
 Весь Нотр-Дам, любой, кого он сбросит.
 И выяснений перед тем не спросит.
 Звонарь – в иную жизнь достойный гид.

Страну шутов он переходит бродом,
 Без посоха, терпя своим горбом

Всё, и гордясь за это, как гербом,
Нелицевидной кличкой – Квазимодо.

Ну, а в душе томится среди мук
Журавль, извечно рвущийся на юг,
Чтобы оттуда слать любви приветы.

Однажды он покинет парапет,
Соборных вдруг не убоясь примет.
И вслед за ним вся стая через лето.

XII. Сорель.

И вслед за ним вся стая через лето,
И караван сквозь зимний полумрак...
О ком же вы теперь-то уж вот так?
О Гименее! О другом и нету.

Не то, что там Сорель, любой бездумно –
И в монастырь, и в заговор, и в пыль
Готов за чувства крест менять и стиль.
Пусть Рубинштейном лишь слегка подует.

Жульен так строг, что лестниц не жалел,
Преграды в ноль сводить легко умел –
Без удержу, а значит, без завета.

Рубил он древо жизни на корню,
И в библии читалось, как в меню:
«Росу на стебель свежего рассвета!»

XIII. Треплев.

Росу на стебель свежего рассвета
Садовник-декоратор разнесёт.
На весь спектакль должно хватить двухсот
Рублей и жизни птицы. Много ль это?

И чехарда характеров, и текст
Даются Треплеву легко и быстро,
Как одинокий долгожданный выстрел,
Скандално неуслышанный окрест.

Он выживет и будет почитаем.
Такая, вот, у драмы запятая.
Безмолвие – Хаоса фаворит.

Убита чайка – не летит, не дышит.
 Пусть первый зритель слова не услышит.
 Последний же, что первый, повторит.

XIV. *От себя.*

Последний же, что первый, повторит
 И в жизни, и в стихах, и на венчанье:
 Я вас люблю, и это означает,
 Что каждый лишний будет вновь убит.

Убит Хуаном и распят Нероном,
 Пейраком беспощадно побеждён,
 И чеховским искусством убеждён,
 И горбуну язык отдаст со стоном,

С Печориным сойдётся на дуэль,
 Зачахнет быстро, коли сглазит Лель...
 Мне подтвердит и Одиссей на море:

Влюблён любой во мне сидящий нрав.
 Сорель без головы, но я то здрав.
 Весёлой розе грустная не вторит!

XV.

Весёлой розе грустная не вторит.
 Цвет полевой над садом, как туман:
 То явью аромата бьёт обман
 И ботаничеству подпишет горе,

То раньше всех проснётся и не спит,
 И не парной, и ветром обдуваем.
 Лишь этот цвет уже умом скрываем,
 Ушами любим, если взгляд замыт.

Пусть Роза весела, но это нервы.
 Мой путь к ромашке – лепесток пусть первый
 Начнёт полёт, когда в туман укрыт.

И вслед за ним вся стая через лето.
 Росу на стебель свежего рассвета!
 Последний же, что первый, повторит.
13.07.01. г. Владимир

А СВОРА ЛАЕТ.

Землю тёплую ощущаю.
 Ветру скалиться не мешаю.
 Солнце щуриться заставляю.
 Шкура светится. Свора лает.
 Коли есть, чем, не лень, отвечу.
 Дни обнюхиваю и мечу.
 И впиваюсь в людей глазами.
 И читаю на ночь о зайцах.
 Я и птиц люблю до обеда.
 С пауками веду беседы.
 И однажды уйду из стаи.
 И не знаю ещё, кем стану.
 Я родиться хочу иначе,
 Чтоб за деревом не маячить.
 Сапоги примерить и шляпу...
 Лишь бы, вот, не на задних лапах.
 Лес вопросов и лес советов.
 Мне не скучно жевать ответы.
 Нас не учат и не учили,
 Кто такие наши волчихи.
 И рисунки молчат на глыбах.
 Не на курицах, не на рыбах,
 Не на овцах, с утра печальных –
 Волки женятся на овчарках.
 27.08.01.

ЭГЕЙСКИЕ ВЕТРЫ. (триптих)

ПЕРЕХОДЯЩИЙ ЗОЛОТОЙ ЛУК.

Попутного ветра стреле откровений!
 Ушных перепонок коснётся в полёте.
 И пенье лихое её оперенья
 Роднее оркестра разбуженной плоти.

И рук не поранишь о Лук Аполлона,
 И каждая Муза на нём расписалась,
 И меткости – гордость прилипчивым фоном.
 А цели, ожив, тетиву бы кусали.

Прицелиться – выбор, а выстрел – решенье,
 Под смех или слёзы – забавы вершина.
 И даже пикантней – в изнанку мишени,
 Огонь на хвосте – поцелуй петушиный.

Однажды уже перейдя к Одиссею,
Сей Лук воевал, восстанавливал память.
Его полюбить, он и бредни рассеет,
И хамелеонов разгонит клопами.

Колчан офицера прибавим к оружию.
Там стрелы остались, всё верно и просто.
О, звонкий и точный! Лук вечен и нужен,
Пустить эпиграммы свободно и остро.

Стреле откровений попутного ветра!
Хотят Робин-Гуды турниров и споров.
Так пусть же подвозят и буки, и кедры!
Мы все их – на стрелы, и стрел будут горы!

НО́МОС. (собственный мир)

*«Берега, что мне обещаны,
Исчезают за туманами».
(Н.Гумилёв)*

И Троя далеко, и идол нем.
На достижение цели равноправие.
Везение прощает, но не всем,
Как ясно, что не каждый чих во здравие.

Понадобится убивать – убью,
Помочь – так помогу и не задумаюсь.
Спасение в любви? Так я люблю!
Зачем же, право, волновать звезду мою?

Туникою на ветре поиграть
Тебе пора. Укрощены чудовища.
И поцелуй, как яблоко, сорвать,
Вкусить, да и потребовать ещё, ещё.

Наш Но́мос – достижение легенд!
Предательство простить? Так это, Господи!..
У поражений все черты побед
В любом, увы, неповторимом возрасте.

Обходит стороной меня беда,
Я не герой, и в этом нам везение.
Предать понадобится – я предам.
Предназначение – моё спасение.

В попутный ветер клясться – пить эфир.
 Птиц пропущу, как брызги моря, мимо я.
 Наш Номос – это собственный наш мир,
 Понятие на Трои неделимое.

Оскал вперёд смотрящей головы
 Пугает встречных близостью прощания.
 Понадобится воскресить – увы...
 Нам лоция заменит завещания.

К гекзаметру спиной сумеем встать.
 Не прячься, цвет туник ярче вырази!
 И идол, глядя вслед, не смел махать.
 И по лицу струились капли сырости.

НЕСРАВНЕННОЕ.

Сияньем звёзд отмечена строка
 И оперением богаче стала.
 Покину скоро облик старика
 И седина совьётся в цепь металла.

Летит строка сквозь кольца топоров.
 Всё позади, и Сциллы, и Харибды.
 Я в жители готовлюсь тех миров,
 Что выше и Тартара, и Аида.

Не надо сравнивать ни жизнь и смерть,
 Ни песнь и плач, ни даже вдох и выдох.
 И на людей, как на Богов, смотреть
 Нельзя! Ослепнешь зрячим с умным видом.

Не надо сравнивать и с жизнью жизнь,
 И с песней песнь, и даже вдох со вдохом.
 Людей рядить промежду воздержись,
 Прозреешь в слепоте, от истин охнув.

Шагами меря остров поперёк,
 Летая вдоль, окружность голосую.
 И степень соли слёз проверить смог,
 И от неё отсеять соль морскую.

Не надо сравнивать и с жизнью плач,
 Богов и песни, выдох со смертью,
 И вдохом человека не означь.

Всевиденье убьют всезнанья клетки.

Да, сравнивать нельзя ни плач и вдох.
 Ни выдох с человеком, ни на песню
 Жизнь не походит, да и смерть – не Бог.
 Циклопом у костра в ночи не грейся.

Виденья, отсветы ты примешь за гостей,
 И перебрав наощупь всех баранов,
 Потребуешь наряд под цвет костей.
 В Гомеры – поздно, а в Орфеи – рано.
 2.09.01.

ОБЛАЧНОЕ МОРЕ.

Ирине Вариченко

Мы вышли в море в спорную погоду.
 Корма скрипела, нос тянул на юг.
 На каждое сомнение по году,
 И место для сомнений этих – ют.

За альбатросом улетают мысли
 Со страхами в обнимку и на ты.
 Мелькнёт ли в окулярах остров, мыс ли,
 Не снять сопротивление воды.

Мы скупое не теряем дней на пробы.
 Я больше написал, чем прочитал.
 В воде: тень пирамид, и небоскрёбы,
 И Пасхи лик, и Мухиной чета.

И пусть туман, мы снова вышли в море.
 Матросов песни знаю наизусть.
 И вымпел разноцветен и проворен,
 И ругань корабельная из уст.

И стихнет скрип, когда набухнут стыки,
 И левый борт заслужит три плевка.
 И паруса хвастливы после стирки,
 И якорь глупо легче поплавка.

Но календарь по-прежнему бумажен,
 Но море облачнее сотни неб,
 Но пассажир, как капитан, отважен,

Но капитан, как пассажиры, слеп.
4.09.01.

СЛУЖИТЬ...

Нас покупают, как зефир,
Как мармелад в шоколаде.
Так не забыть бы в этот мир,
Столь сладостный, войдя, о яде.

Средь масок тонко выбрать ту,
Что вместе с клеткой арлекина
И рассмешит вас за версту,
И попридавит серпантинном.

Партнёр партнёру кинет бровь,
А зритель ею поперхнётся.
Коварство – лучшая любовь.
Вершина красоты – уродство.

И гонорар в ряду наград!
Так обнажи в улыбке плечи!
Служить господству я рад,
Так и прислуживать полегче.
24.10.01.

НИКОГДА НЕ РАНО.

Отстрекочут грозы,
Отлетят бураны.
Никогда не поздно,
Никогда не рано.
Невзначай вернётся
День, что не был начат,
И отсветит Солнце,
И Луна отплачет.
8.11.01.

ЭПИДЕМИЯ БЕССОННИЦЫ.

Ирине Вариченко

Скажи мне, суженая странница,
Куда мой тополь тихо клонится?
Из эпидемии беспамятства,

Да в эпидемию бессонницы?

Пренебрегая то парадками,
То тризнами, с песком сражаемся.
Идя ночными анфиладами,
Мы параллельно отражаемся.

Заснежен тополь, страхом вспушенный,
Хоть и кругов, что в цирке, нажито.
Потерянную быль не слушает,
Без памяти ль в корнях улаживать.

Где зеркало? Где ксерокопия?
А где врождённое достоинство?
В солнцетрясенье расторопнее
Лежать затылком к доброй новости.

Твой странен путь, соседка гневная.
Но в каждой комнате мы встретимся.
И ведь заметила ты первая –
Нам и дожди, как бусы, светятся.

Какой тут сон, ведь эпидемия!
Дарю её тебе заслуженно.
На тополь каждое цветение
Сперва находит лютой стужею.
20.12.01.

ПАРАДОКСЫ ПОЗНАНИЯ.

Если ты всё продумал и знаешь своё ВПЕРЕДИ,
Откажись от всего и за это себя награди.

Если ты доказал, что себя не познал ни на миг,
Поступи по-иному, иное изменит свой лик.

Если путь и зовёт, и влечёт тебя за поворот,
Значит, сотня ошибок до цели тебя доведёт.

Если жарко ласкает зюйд-вест и сгибает норд-ост,
Значит, позже найдут в поведении твоём парадокс.

Если почва без соли, а дождь не сластили опять,
Проплыви по колону и стоя останешься спать.

Если конь оглянулся, седи, но коня осадил –
Значит, ты просветлел и забыл все свои ПОЗАДИ.
24.12.01.

ДОСТАВЛЯЯ СЕБЕ РАДОСТЬ.

И беспокойнее, и хорошо,
Когда твой мозг наполнен до отказа.
Открывший рот без повода – смешон.
Вдвойне смешон – закрывший по приказу.

Придёт другое, коль ушло одно.
И правда подтверждаться не устанет,
Когда ты независим, и вольно
Себе же радость доставлять местами.

Посторонись и не затопчет конь,
Дыханье сбивший в бесконтрольной прыти.
Неси и не теряй души огонь.
Великодушен будь, как покоритель.

Разборчив стань, приветствуя рукой.
Не бойся передышку дать в дороге...
И из тревоги вырастет покой,
И оградит тебя от той тревоги.
28.12.01.

ГЕРТРУДЕ. (фрагмент)

...
Совет мой: помнить о последней жажде,
О капле, без которой не уснуть.
И зеркало поставить перед каждым,
И каждого, коль это надо, ткнуть.

...
31.12.01.

Из сборника «КОНКУРЬ С ТВЁРДЫМ ЗНАКОМ»

МИСТЕРИЯ.

Пусть поворачивают реки,
И рыжий свет вдруг станет бел,
Но будет, видимо, навеки
Всё то, что я сказать успел.

При заполнении пространство
 То ширится, а то и нет.
 На берегу мне не остаться
 Под ветер слов и дождь примет.

Я чудо в чистом виде видел,
 Теперь не помню, уж когда –
 Там оживал безмолвный идол
 И распускалась лебеда.

Там чёрный кот с весёлой няней
 И нынче с кружками сидят.
 Полёт планеты вял и странен,
 Но балагана прочен склад.

Пусть горны кельтов курят клевер,
 И весь в следах от тигров плед,
 Избушка окнами на север,
 И ворон пригубил кларнет.

Желаю поделиться часом
 Потехи будничной в толпе.
 Мистерия поспешных масок
 Мой почерк выбрала себе.

По морю знаний и сюрпризов,
 По кочкам дышащих сердец –
 Не столь мы горизонт приблизим,
 Сколь отодвинем свой конец.

Из тьмы слагающих основу
 Цепочкой верно нанизать!
 Сотри – себя проявит слово,
 А значит, ты успел сказать.
20.01.02.

СЫН ПОЭЗИИ.

Кто я? Чей сын? Поэзии я сын –
 Поэзии, рождённый ярким бликом,
 От Навыка в Исследованья рыках.
 Крещён же Созерцанием слепым.

И Жажда Знаний бабкою была,

И принимала в Постижений Руки,
И под подушку Мудрость мне дала,
И пеленала в свежесть Светлой Муки.

Вот, Мудрость соской выброшена прочь,
От Постижений руки в ломке дважды,
От Знания осталась только Жажда,
В Исследованиях Навык прочен в ночь.

Со мной, как платье, Муки возросли.
Не узнаю я прежних предков лица.
А на Поэзии, как древний сын,
Сперва познав её, готов жениться.
31.01.02.

ДУЭТ.

Качаются деревья за окном.
Весенний ветер – прежнего закланье.
Твоё желанье для меня – закон.
Любой поступок твой – моё желанье.

Встречаются сознательно глаза,
И жизни заполняются страницы,
И внутренние наши голоса
Поют дуэтом и без репетиций.

Не задуши любой порыв души.
Тепло на сердце и уму отрада.
Не торопи, нам некуда спешить,
Но и тянуть искусственно не надо.

Планирует сорвавшийся листок...
Не сомневайся, загадай вне плана.
Твоё желанье вызовет восторг
И лишь предупредит моё желанно.
12.03.02.

СЕГОДНЯ.

Я не знаю, мечта ли мне снится,
Иль мечтаю о сне я опять.
Только в Будущем может храниться
То, чему никогда не бывать.
Возрастёт и, гляди, засверкает

Необычной своей красотой,
И потом непременно растает,
И останется бывшей мечтой.

За спиной – то ли крылья раздуты,
То ли горб от неправедных дел.
Прошлым станут любые минуты,
Как ты их ни любил, ни терпел.
Можно просто забыть безобразье,
Или верность себе запретить,
То, что было, сперва приукрасить,
А потом за себя же простить.

Хоть глаза закрываешь рукою,
Хоть скулишь, на себя не похож –
Только Нынче рождается такое,
Как ему самому невтерпёж.
Или ты принимаешь Сегодня,
Или жизнью на ветер мечи.
В нём и Прошное даром господним,
И под Будущее кирпичи.
29.03.02.

В ТОЛПЕ ВОСТОРГОВ.

Стихи были неплохи, как ни странно,
Но в сон клонил Нерона монолог.
Петроний разбудил Веспасиана,
Толкнувши незаметно локтем в бок.

Им даже удалось не выделяться
В толпе всегда восторженных шутов –
Сенаторов, желавших, как оваций,
Так роскоши и длительных пиров.

В стихах с Богами ученик Сенеки
Пытался говорить, как равный им.
Реакцию блюл царедворец некий,
По кличке Тигелин, и иже с ним.

Матроны в париках, жрецы, ловчицы –
Все млеют – маги, бывшие рабы.
Веспасиана только не стошнило,
Петроний хмур в объятиях толпы.

Вино переливается из чаши
 Во здравье Цезаря! Как дружен хор:
 Философы, что проходимцев краше,
 Прислуги обнажённый коридор.

Веспасиан, он терпеливый воин,
 И Цезарем он станет в нужный час.
 Петроний по-другому был устроен,
 Вскрыл вены и «Сатирикон» свой спас.
10.04.02.

ТАНЕЦ? ПЕНИЕ? ПОЭЗИЯ!

Что танец? Искусство?
 Экзотика? Блажь? Ремесло?
 Возвышенности ритуал...
 Иль предчувствие боя...
 Томление! И ожидание! И торжество!
 И похоть, и грех, и несбыточность!
 То и другое.

Что пение? Магия?
 Звуки стихий? Колдовство?
 Процессы познания плоти...
 Раскрытие бездны...
 Союз! И борьба! И победа!
 И слабости стон!
 В пурге какофонии смерть столь желанного жеста.

Поэзия что? Имитация?
 Красочный миф?
 Пример достиженья...
 В искусственной форме... экстаза...
 Копир естества! Индикатор чувствительных нив!
 Болезнь одиночек,
 Но сладостнейшая зараза!
14.04.02.

ЛЕГЕНДЫ.

Легенды – вслух звучащие мечты,
 Их воплощение – Пандоры ящик,
 Живущий по легенде – свят почти,
 Но свят до преступления – их творящий.

Один легенду взял на голоса
 И бравым жестом таинство осмыслил.
 Он, как Икар, летел под небеса,
 И увлекал своим примером в выси.

Другой с полуфантазией знаком,
 И полудостоверность им играла,
 И полувзглядом, и полукивком –
 Прикармливал он голод ритуала.

Был третий – в тайну плотно всё облёк
 И вёл слепых, беседовал с глухими,
 И небом называл он потолок.
 И сам запутался, меняя имя.

А я заставлю верить всех подряд
 В любимую написанную притчу
 Как эре счастья, сам ей буду рад
 И утону в ней страстно неприлично.

Легенды – кающиеся мечты,
 Их воплощенье – предсказанья краше,
 Герои их – с бессмертием на ты,
 Но обречён быть вечным – их творящий.
 23.04.02.

ЖЕЛАЕМ:...

Соавтор Ирина Вариченко

Счастья, радости, успеха,
 Снов, пищеваренья, смеха,
 Денег, тостов, простоты,
 Воплощения мечты,
 Светлых мыслей, чистой крови,
 Доброты, любви, здоровья,
 Страсти покоренья Мира
 И признанья!
 Лёня, Ира.

4.05.02.

ЮРОДИВЫЙ.

Все делятся на нерождённых вовремя
 И тех, кто опоздает умереть.

Но можно, просто оттолкнувшись по морю,
Мечтать следы и спереди иметь.

И Китеж... провожал я в тину пошлую,...
И горизонта... прятал поспешно нить!...
И, лотоса вкусив, желаю прошлое
От будущего спело изменить.

Уже и травы колки мне и щёбенки,
И сердца взрыв – почти пустой хлопок.
Однажды я разряжен, как волшебники,
А вдругоряд – ободран, словно Бог.

Мой друг меня встречал в садах заоблачных,
Когда на час заглядывал туда.
Не нужно быть ни жизнью озабоченным,
Ни удручённым смертью навсегда.

Ещё встречаются в пустынях заросли,
Ещё оазис побеждает зной,
Когда стремятся к воплощеньям замыслы,
Хоть воплощенья к замыслам спиной.

Знатней умерший нерождённых, вроде бы,
Но в море след от фрахта – пенный ритм.
И Бога, и волшебника... юродивый
Своими бубенцами одарит.
14.05.02.

Из сборника «РАЗУМНАЯ ПЛАНКА»

И ТАК И БЫТЬ...

Пустой закат без солнца во сто крат
Приятней тех, что слепят и ласкают.
Так кинем взгляд монетой наугад,
И пусть его проглотит даль морская.

И так и быть, и чтобы не забыть,
Всё хочется попробовать руками,
Ведь ты уже успела полюбить,
Как волны с пеною летят на камни.

Немыслимых фантазий виражи
Выделывает мальчуган на яле.

И мы уже от ветра не дрожим,
И будто бы всегда мы здесь стояли.

И чайки, не стыдясь, летят к тебе,
И даже бармен смотрит как-то косо,
Ведь ты же прикормила «курабье»
Какого-то бродягу альбатроса.

Нептун свидетель, нас прибой венчал
Повторно, навсегда, глубинным светом,
И по камням и трапам на причал
Свои мы раковины тащим следом.

К неведомому не стоит забор.
Пожив по сказке, не посмей не верить.
И возвращенье – это приговор,
Ведь ты уже влюбилась в этот берег.
2.08.02. Таврида.

ЕСЛИ МОЖНО, ЗНАЧИТ ЛИ?

Если вы не согласитесь, я поспорю.
Если вы не убедитесь, даже лучше.
Если небо – перевёрнутое море,
Значит там висят медузы, а не тучи.
Может, кто-нибудь не чувствует, что с волей
И в пучине, и в зените перебои.
Если грозы – перевёрнутые волны,
Значит, ливни – это брызги от прибоя.

Если вас не удивляет, что движенье,
Чем на Марсе, на Земле сложнее намного,
Если звёзды – это камней отраженье,
Пусть кометы ищут по камням дорогу.
Если вам ещё не страшно, но игриво,
Если вовремя откажет чувство меры,
Если птицы – перевёрнутые рыбы,
Насадите червяков на монгольфьеры.

Можно, голову задрав, искать пучину,
Можно в тёплую волну дождя стремиться,
Можно звёздами кидаться без причины,
И от голода клевать шальную птицу.
Если кто-нибудь ещё на море не был,
То в шторма над блюдцем чайным он играет.

Если море – перевёрнутое небо,
Значит, тонем мы, когда достойны рая.
6.08.02. г. Ялта

ВРЕМЯ ОРЛА.

(Фрагмент романа в стихах «АЛЕКСАНДРОВНА».)

Александр Александровичу Романову – прадеду

Сиял над миром и интриг не плел,
Поглядывая зорко на Европу,
И в Азию внимая без торопы,
Не забывая северные тропы,
О двух главах блистающий орел.

И Францию лукаво привечал,
И Пруссию не забывал, ругая,
Поглаживая Индию с Китаем,
Чтоб регулярно в Англии икали,
И в даль Востока выдвигал причал.

Любой второстепенный либерал
Готов ругать орла за повороты,
За высоту и чопорность полета —
За тем и в либералы лезет кто-то,
Чтобы не замечать, порой, добра.

Простым же людям в эти годы был
Царь-Миротворец и отцом серьезным,
И рыцарем души славянской грозным,
И даже двигателем паровозным —
И свят, и чтим, и симпатично мил.

Империя могла повиснуть вдруг
И, в чьи неясно руки, обвалиться,
Когда бы угораздило разбиться
Всех вместе, скопом, царственные лица.
Был потому неизмерим испуг.

И более неизмерим восторг,
Последовавший следом за спасеньем.
И фейерверк отметил воскресенье,
И «Люли-люли» — «Сени, мои сени»
Сменяли у того, кто еще мог.

Все радовались: дети, старики,
И пожилые, как и молодые,
Вельможные, служилые, простые,
Гуляки праздные, шпыни пустые,
Писаки, что ни утра без строки...

Короче, с виду, счастьем в каждый дом
Отмечен год был «Восемьдесят Восемь».
Октябрь чудной, и золотая осень,
И через одного со свечкой просят:
«И трон храни, и помни нас при том!»
6.08.02. г. Ялта

ГРОМ ПОРУКОЙ ПРОГРЕМИТ.
(30-летию литературной деятельности.)

Ирине Вариченко

Пролетело тридцать лет,
Не хочу держать ответ
За исписанные ворохи бумаги,
За меняющийся взгляд,
За шаги вперед-назад,
За трусливые минуты и отваги.
    Взять хоть семь последних лет –
    Ярче их, пожалуй, нет,
    И приятнее они мне, и страшнее:
    И «оковы» одевал,
    И кулисы открывал,
    И за дело получал, порой, по шее.
И умы я бередил,
И к вершинам восходил,
И портреты осквернял их переменной,
Яркой рампы видел свет,
И наветы, и запрет,
И взлетал, и после падал на колени.
    Разных я людей встречал
    И сначала начинал,
    И в достатке был, и получал подачки,
    Безработным побывал,
    И про отдых забывал,
    Посещал пивные, митинги и стачки.
Сам обманывал не раз,
И меня в ответный час,
Чувства, мысли, имена теряли в весе.

Уходили из-под ног
 Плечи, палубы, песок,
 Но, как прежде, воцарилось равновесье.
     От волнения намокал
     И могилы опекал,
     Но надеялся на солнечные встречи.
     Дело с бесами имел,
     Путь до бога одолел,
     И удача получилась человеческой.
 Сколь возьми из тридцати,
 По-другому не пройти,
 И других про это строк не сочинится,
 Счастье возраста пришло –
 За добро ль оно, за зло,
 Ни раскапывать не надо, ни чиниться.
     Вдохновенная любовь
     Очищает мою кровь,
     Разрешает молодеть и улыбаться.
     Тридцать лет тому назад
     Мной описана гроза...
     Гром порукой прогремит мне, может статься!
12.08.02. г. Ялта.

КОМПОТ НА ЖИВОЙ ВОДЕ.

Судьба моя, ни добрая, ни злая,
 Кокеткой учит в толщине ночей:
 Идти туда, куда я знать не знаю,
 За чем-то нужным, неизвестно чем.

И пункты назначений с адресами
 Стоянок путаю. Их сотня сот.
 Какое ж царство будет тридесатым,
 Когда мой Волк туда меня снесёт?

Злой Змей с Кощеем – не мои сатрапы,
 Знакомство с ними – знание в беде.
 Из вечных яблок я компот состряпал,
 Настаивая на живой воде.

Какое счастье, что принцесса рядом,
 Но не Алёнушкой её зовут,
 А то бы нам не высушить нарядов
 И до конечных слов смотреться в пруд.

Должна же быть любимая полянка
И то, что стричь, всегда расти на ней!
Сук, стукнувший в лесу – ещё не планка,
Не ограничит, сделает умней.

Незнаючто – я спрячу, как богатство.
В Незнаюгде – с принцессой наш покой.
Как Серый Волк, отыскиваю царство,
И может, до него подать рукой.
29.08.02.

КОРОЛЬ.

К 100-летию Э.П.Гарина

Мы можем в детство вечно возвращаться
И вновь взрослеть, и это вспоминать –
От братьев Гримм, через Перро, до Шварца,
В беседах с Андерсеном в жизнь играть.
И многие герои по-соседству
В годах толкутся, ноя и крича,
Но одного всем несмышлёным сердцем
Я обожал, мечтая повстречать.
Он был – Король, он с Золушкой беседы
Вёл на экране, Принц – его «сынок»,...
И то, что мы с ним наяву соседи,
Конечно, я – мальчишка – знать не мог.
Но на Садовом, в шестьдесят четвёртом,
При встрече... Чудо! Он! Пажа мне роль!
И бабушка вдруг перешла на шёпот:
«Смотри-ка, Лёня! Это же Король!..»
И он был прям, и равнодушен к славе,
Сегодня без короны, только трость.
И выборочно глаз его буравил,
На цвет в прохожих проверяя кость.
Теперь все короли на белом свете
Обязаны и в шутку, и всерьёз
Быть копией... И он меня заметил,
И «здравствуй, милый мальчик» произнёс.
08.11.02.

«AD NOS ET AD NAS».
(как попало)

«Величайшее несчастье моей жизни – скука».

(Стендаль.)

Не прозевать, но и не торопить.
 Почувствовать затылком, сердцем, кожей.
 Не выбирать, но верить и любить.
 «Непостоянный» будет всех надёжней.
 Исследуют через столетья, как,
 Но я-то знаю подлинно и очно,
 Что,.. как попало – «Ad hoc et ad hac!»
 Блистательно или никак, и точка.

Мне часто скучно, в этом горе дня.
 И раздражают ищущие рожи.
 Но будит полька милая меня,
 И с нею мне на палубе потвёрже.
 Она подарит мне дорожный плащ
 С подкладкой цвета позднего рассвета.
 Он станет легендарно настоящ
 На сто ветров. Люблю её за это!

Утерян трон, но точность не отнять.
 Судьба! Сто дней, сто грамм, сто миллионов
 Не позабудь мне бескорыстно дать,
 И Ватерлоо я проеду сонно.
 Царить «Ad hoc et ad hac» я готов,
 Но сто шагов мне однозначно мало.
 Прибавь ещё и чистых сто листов,
 Писать про то, «как – всё-таки – попало».
 09.11.02.

БЕССМЕРТНЫЙ МАЭСТРО.

*Народному артисту России
 Кириллу Клементьевичу Тихонову*

Снова взмахи палочки волшебной,
 Снова звуки колдовского вальса –
 Нету злее для него лишенья,
 Без мелодий дорогих остаться.
     И летит он из покоя фразой
     Музыкальной, со смычка вспорхнувшей.
     Он – маэстро, Штраус черноглазый,
     Он ласкает трёх столетий уши.
 Он глазами нам диктует ритмы
 И выводит образы губами,

На балу сверкал он с Маргаритой
 И озвучил в коньяке купанье.
     Величайший дирижёр из лучших
     Не упрятан в мраморные цены.
     Без него и Воланду наскучит
     Появляться на московских сценах.
 Близорукий зритель, гретый водкой,
 Не узнал его в седом идальго
 На Никитской. Bravo маске! Вот, как?
 Но раскрыл идальго вальса дали:
     Штраус в многих – музыкой прописан,
     Первым скрипкам подливает ноты.
     Бел, как Царь – он соткан не из истин,
     Это нить капризных изворотов.
 24.12.02.

БЕЗМЯТЕЖНЫЙ СОН.

(Вступление к поэме «Братья».)

Маргарите Вариченко

Закрывает глаза
 Небольшой человек,
 И игрушечный свет
 Серебра мишуры
 Превращается в сны,
 Где землёй небеса,
 И плывут голоса,
 Новизною шурша.

И дремучи леса
 Непрожитого рек
 Суетою сует.
 Она жаждет игры
 И далёкой весны
 Неизвестных услад.
 Пронесётся гроза,
 Как окрепнет душа.

Я завидую ей,
 Мне так хочется жить,
 Чтобы всё рассказать
 И показывать всё,
 И питать, и растить,
 И потом защищать
 Этот милый цветок,

Эту тонкую плоть.

И фанфары затей
Начинают кружить,
И просты чудеса,
Как рождение снов,
Всё добро на весы,
Погремушкой треща,
И уж влажен платок...
Наливается плод.
29.12.02.

Из сборника «ПУГОВИЦЫ НА ПАМЯТЬ»

КРАСНЫЕ ПОЛЯНЫ.

Ирине Вариченко

Все экспромты – это планы,
Старты – лучше рубежей.
Это красные поляны
Наших чувств и миражей.

Что бы к нам не прилетело,
Нас пугая, не любя,
Никогда, прошу, не делай,
Чтобы не было тебя.

Не могу я, как улитка,
Приторочить дом к себе.
Я – забор, но ты – калитка,
В пику зайкам по судьбе.

Не испытывай фортуны,
Память ерундой дробя.
Никогда, прошу, не думай,
Будто я забыл тебя.

Планы – фокусами станут,
Рубежи – обман для глаз,
Из песочка вырастаем
В замок видимых прикрас.

Никогда, прошу покорно,
Не посмей себя менять.

Если действие – укором,
 Дума – так псалму ровня.
 11.01.03.

ПЕРВАЯ КАРУСЕЛЬ.

Маргарите Вариченко

Качаю детскую кровать,
 Подсвистывает мне позёмка.
 Что снится малому ребёнку,
 Ещё он не умеет знать.

Ведения разбудят мысли:
 Про пищу, сон, про ДА и НЕТ.
 Как таинства младенцу в свет,
 И то, что девочкой родился.

И будут каши и кисель,
 И дяди, и, конечно, тётки –
 Из воздуха, воды и плоти
 Диковинная карусель.

И тот, кто первый будет дольше
 Кружить и помниться, кружа –
 Отец и мать, едва дыша –
 Часть этой карусели тоже.

Пусть не торопится в завод
 Ребёнок из своих пелёнок.
 И голосок ещё не звонок,
 Среди зевот с трудом зовёт.

Из мотылей в чудных животных
 На странной карусели дня,
 Когда узнается родня,
 Тогда и надорвём животик.
 18.01.03

ФЕРМОПИЛЫ.

Ирине и Маргарите Вариченко

Ущелье кровью возопило:
 «Пелопоннес! Пелопоннес!»

Узки и тесны Фермопилы,
И не пройдёт коварный перс.

Лишь триста братьев Леонида
На десять тысяч. Копья в ряд.
Его на смерть вела обида,
Их – доблесть славного Царя.

И наступлений злые волны
Сменяются, как валом вал –
Враг вездесущ, резервом полный,
Атак ни разу не прервал.

И потрясая волосами,
Царь в русло вкладывает бой.
Уже не послан был Повсаний
И спешно заменён собой.

Бьёт в ражном пламенном задоре.
Как при отъезде – в дым лицо.
На хитрость всё это походит,
Но лишь для смелых мудрецов.

Не бегство ль в молодость обратно,
От трона в битву, в глупый риск?..
Война! Священен подвиг ратный!
Но тайну знает лунный диск...

...Не год один на поиск брошен
Благой подруги к алтарю:
Обременить почётной ношей
Хотелось по любви Царю.

Но по подсчётам: пять младенцев –
Два близнеца – с разрывом в год,
Вслед матерям, не тронув сердце,
Вниз со скалы, в водоворот

Отпущены. Тот – больно мелок,
У тех – цвет кожи – темный сон.
К Богам чреда их душ слетела,
И двойня – не делить же трон...

...Какой удар! Как меч сверкает!
Подобный Льву – гривастый зверь.

Он ничего не вспоминает,
И уж, тем более, теперь...

...Был заговор... И ум смущали
Трав ловко смешанных пары.
Жрецы союзы освящали,
И дважды ладились пиры.

Один «наследник» – мама дока –
Явил на свадьбу свой приход.
И о другой несла сорока,
Что не родня Царю приплод.

Но тишина всё поглотила,
Доверчивым Царём вертя.
Дворец очищен, но мутило –
Те – зарятся, а те следят...

...Не первый год не спят спартанцы,
Греко-персидская война,
Костры, воинственные танцы –
Землетрясущая страна.

Сегодня же их только триста.
Он – не трёхсотый, первый! Вон –
Блеск злата именной монисты,
Что олицетворяет трон.

И ночь, и день грохочет битва.
Он снова юн, пропала хмарь.
Сюда его гнала обида.
Но что ещё? Откройся, Царь!..

...Он помнит! Золотые годы!
Шёл через Фивы их поход.
И в тайне там от глаз народа
Был выбор сделан. Дочь растёт!

Забыты скалы, суд их страшный,
Интриг дворцы и фальшь в словах...
Цветочек поглощает кашу
И сказки Радуги о Львах.

Её улыбка множит силы
Отца... Погрыз ремни удил –

Собою прочно Фермопилы
От персов он загородил.

Погибнут все сегодня триста,
И будет выиграна война,
Златая ж из огня мониста
В музей войны передана...

...Шлем пламенного полководца,
На стеле мраморной горя,
Да будет в тризну новым Солнцем!
Но в трупах не найдут Царя.

Когда порода самозванцев
Падёт засохшей курагой,
В далёких Фивах в мирном танце
Он топнет воинской ногой.

Подруга колыбель качая,
Всегда поправит, где неправ.
На карте жизнь наотмечает,
В легенды правду отстирав.

Она верна, похожа дочка,
И суженый горит очаг.
Земные дни, святые ночи,
И на доспехи на плечах...

...Подобный Льву избег болезней,
Ран зализал – в сказанье сбит.
Ещё минута, он исчезнет,
И кто-то крикнет: «Царь убит!»

Но кто? Загадка, все ж погибли?
И враг внезапно отступил?
И сзади вырастает глыба –
Из камня Лев. На мифе пыль.

Героев Спарты долготечна
Кровь, Геллеспонт вобрал ручьи.
Не нам судить. И уж, конечно,
О Фивах летопись молчит.

И что б ни жгло царёва пыла,
Себя, отдав другим, пронес.

Благословенны Фермопилы!
 Пелопоннес! Пелопоннес!
 4.02.03.

АНГЕЛЫ.

Ирине и Маргарите Вариченко

Я с ангелом своим не первый год,
 Он терпит и хранит, и поучает,
 И на вопросы никогда не врёт,
 И за ошибки вместе отвечает.

И твой тебе известен и знаком
 Крылатый покровитель и свидетель,
 По-божьему трактует он закон
 Существования на этом свете.

Полётами во снах и наяву
 Они встречались. Победив сомненья,
 У ангелов судьбой зовут молву,
 Случайность – чудом, боль души – терпеньем.

И вот, уже нельзя им не дружить,
 И их творенье, юный ангелочек –
 Спустился к нам, чтоб с нами вместе жить
 И распускаться, как святой цветочек.

Её глаза – молодая бирюза,
 Её улыбка – радостью открыта,
 И смотрит на земные небеса
 Жемчужное созданье – Маргарита.

Ты радугою вьёшься вокруг неё,
 Я у постели львом охранно лягу.
 Спасибо, ангелы! Своё житьё
 Мы выждали в любви от шага к шагу.
 23.02.03.

ПУГОВИЦЫ.

Пришейте пуговицы на мундир,
 Оборванные грубо палачами,
 И воцарятся здравый смысл и мир,
 И сновиденья долгими ночами.

И небыль снова превратится в быль
 С устойчивой возможностью согреться,
 И не забудешь то, что не забыл,
 И застегнёшь, и успокоишь сердце.

Звон пуговиц смягчит каблучный стук,
 Порядочно – не языку пилюлю –
 Комплект и под погоны пару штук,
 И на грудной карман одну, под пулю,

И всё б это пораньше, чем к одру,
 Пока крепко сукно и целы кости.
 Начистить их – обычный скромный труд,
 Пересчитать – палитра удовольствий.

Иллюзии верны, вы не один –
 Такой несносный, в форме настоящей.
 Пришейте пуговицы на мундир,
 И пусть ослепнет первый барабанщик.

И каждый год часы дают нам «ЛЯ»,
 Сквозняк не страшен по дороге к славе,
 И швы крепки, и вертится земля,
 И зеркалом река при переправе.
 26.02.03.

ДРУГОЕ.

Ирине Вариченко

Когда впечатления горами,
 Их связность в протекшей воде.
 Не нужно другого мне города,
 Не нужно других мне людей.
 Занятий других не желается,
 Других не впитается снов,
 Когда из-под масок является
 Достойная глупость основ.

Когда суета в направлении,
 И нервы, как струны, дугой,
 Не нужно другого мне времен,
 Любви мне не нужно другой.
 И смысла другого не видится,

И нет по-другому вины,
 Когда, не умея обидеться,
 Других обижать не должны.

Когда принимаешь обычаем,
 Что всё уже стало другим,
 И это другое привычнее,
 Чем всё, что рассеялось в дым,
 Мне время другое не дорого
 И люди другие, увы.
 Не нужно другого мне города,
 Не нужно другой мне любви.
 29.03.03.

ДОЛГИЙ ЧАЙ С ПИРОГОМ.

И ветер перемены не проворен,
 И штиль застоя, как водоворот.
 И разговор бессмысленно беспорен,
 И долог чай, и краток бутерброд.

И звукоряд глухонемого тише,
 И тишина скандальна об одном.
 И то одно без множества не вышло б,
 И крепок дом, и стены ходуном.

И аромат знаком до отвращения,
 И это отвращенье – счастья вонь.
 И приговор – есть полное прощенье,
 И чистый дождь – карающий огонь.

Упорство лет – сгоревшие поленья,
 Случайность – и преграда, и урок.
 И испытанье свыше – хворь явленья,
 И жизнь в подарок – с бомбою пирог.
 10.05.03.

ТОННЕЛЬ.

Из сюжетов прозы Б.Л.Рахманина

Из тоннеля выскакивать поздно уже.
 Пусть он длится, прекрасный и тёмный.
 Исполненье желаний оставит в душе
 Трепет мысли и запах вагонный.

Неувиденный сон, неисполненный жест,
Шаг, отпущенный в мякоть сомненья,
Переполненность рядом незанятых мест,
Невменяемое направление.

Я и раньше, случалось, тоннели любил,
По коленкам распахнутым шарил,
И в стаканах для чая лимоны топил
Прежде, чем коньяком их ошпарить.

Но когда мой состав солнцем заново слеп,
Я, зевая, тянулся за книжкой.
Было мято бельё, и обветрен был хлеб,
И места перепутаны слишком.

Но теперь всё другое, не страшно совсем,
Не трясёт торопливостью страсти.
Я как будто бы глух и как будто бы нем,
Прижимаю и чувствую счастье.

В темноте даже слово умею узнать,
Не звучащее грубым советом.
Из тоннеля нам рано и глупо скакать,
Пусть глаза отдыхают от света.
13.5.03.

СЕМЬ.

Из сюжетов прозы Б.Л.Рахманина

Магичнее всех цифр и многих чисел!
Весомее, чем воеводствам сейм!
Во лбу должно семь пядей получить,
Чтобы понять Загадки знака семь.

У нянек у семи без глаза дети,
И отмерять семь раз любой готов,
Семь – дней недели и чудес на свете,
И нот, и даже в радуге цветов.

Семёрка чаще всех великолепна,
И за семь вёрст кисель хлебать идут,
И семеро же одного не ждут.

Семья полна, когда ей семя хлебно,
И счастье вознесёт к седьмому небу,..
На семь холмов я из окна гляжу.

В заветах Семионов семь значений,
И семь невест кому-то суждено.
И девушке – семь стариков в ученье,
Как Белоснежке – гномов семь одной.

Иметь семь пятниц на неделе вредно,
И сыро в день семи дождей с утра,
Семибоярщины туманно время –
Не распогодить и семи ветрам.

Так что есть семь? Коса, коли по виду –
Сомненье, смена, смех, смирение, смерть...
Мир, за неделю обращённый в твердь.

Но смеем со времён Семирамиды,
На семь грехов с запретом, от обиды
И семь ответов на семь бед иметь.
30.5.03.

НИКОГДА.

Никогда не поздно,
Никогда не рано,
Никогда не глупо,
Никогда не странно.

Хорошо ли, плохо?
Если стало можно,
Если очень нужно,
Только бы не пошло.

...

23.12.03.

Из сборника «УХОДЯ – ПРИХОДИ»

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗВРАТИМОГО.

Только прекрасное – не украшается,
Неукротимое – не укрощается,
Не уходящее – не приглашается,
Только забытое – не возвращается.

Как несгибаемо – правильно битое,
 Неиссякаемо – вовремя питое,
 Не развивается – туго завитое,
 Не возвращается – крепко забытое.

Что ненавязчиво – плавно вмещается,
 Что не умаслено – больно вращается,
 Сердцем горящее – правдой вещается,
 Незабываемое – возвращается.

Если поведано – значит, не тайное,
 Что не написано – то не читаемо,
 Что не направлено – не отражаемо,
 То возвращается, что ожидаемо.
 30.01.04.

PEUT-ETRE.
 (*может быть – фр.*)

Ирине Вариченко

Peut-etre, когда-нибудь, что написал,
 Признают фальшивой словесной игрою.
 Peut-etre, я многое знал, но скрывал.
 Как будет непросто единое строить.

Но недоказуемо! Важен итог:
 Ни ветер, ни зной, ни болезнь – ни на метр
 Нас не отдалили от верных дорог.
 Peut-etre, любимая, право, peut-etre.

Peut-etre, мы поняли по простоте,
 Что верный ответ не находится в споре.
 Peut-etre, мы вовсе с тобою не те,
 Кому полагались и счастье, и горе.

Но всё, что построено или растёт,
 Как раз, и является этим ответом!
 Честнее прямого – любой поворот.
 Peut-etre, единственная, да, peut-etre.

И праведен гнев, и путь слабости – бунт.
 Peut-etre, в чуму и веселие свято.
 И вечна любовь, как неловленный плут.

Peut-etre, и зависть – за это расплата.

И главная молодость будет тогда,
 Когда мы оденемся в плюш или фетр.
 И точно, слова – это наши года.
 Peut-etre, peut-etre, бесспорно, peut-etre!
 3.02.04.

ИДЯ ПО КОВРАМ.

Неужели, беда
 Станет вновь ко двору?
 Размышляю, когда
 Я иду по ковру.

Среди громкой ночи,
 Даже пусть невтерпеж,
 Лучше встань, помолчи,
 Ведь идёшь, пока врёшь.

Если родом не в род,
 Но распахнутый рот,
 Значит, вброд и вразброд –
 Он идёт, пока врёт.

Едких шепотов гром
 Вреден нашим мирам.
 Но идём, пока врём,
 И идём по коврам.
 27.02.04.

У КАЖДОГО ВЕРБЛЮДА СВОЯ ТЕНЬ.

Через барханы, след во след вминая,
 Не видя цель, макая в ветер нюх,
 Из Ада сквозь Чистилище до Рая
 Диппочтой донеси свой тонкий дух.
     Пусть жаждут бус жемчужных колizei.
     Судьбу в цене растим, в горбах тая.
     И Солнце знает, освещая Землю –
     У каждого верблюда тень своя.
 Не обойдя в пути природной грязи,
 Себя минут открытий не лиши.
 Приди на водопой, вдохни оазис,
 И в память грузом каждый уложи.

Пусть влага льстиво утоляет жжение.
 Пустыня – дом, а караван – семья.
 Но, множась в круги, знает отраженье –
 У каждого верблюда тень своя.

Перекасти-стезю застыл удобно,
 И размышленья взор заменит крик,
 Евангелия скатаны походно,
 Колючка дарит вдохновенья миг.
 Среди ищущих в сиянье слепо света
 Гордится тенью сгорбленный верблюд.
 Она, как след, в песке утопший, смертна,
 Но как бессмертный символ – сносный труд.

20.03.04. г. Бейрут

СВЯТОЙ ОБМАН.

На корабле, ушедшем в непогоду
 Душевный страх лечил святой обман.
 Но ветры были тише год от года,
 И уходил пугающий туман.

И пассажиры к палубе привыкли,
 И не пропал ни у кого багаж,
 И чаек ободряющие крики
 Вернули морякам былой кураж.

О том, что лучше никогда не будет,
 А хуже, вроде, некуда уже,
 Теперь в каютах не твердили люди.
 Сменила страх надежда в их душе.

И плыли, крепко спали, пили, ели,
 Не задевали килем острых дней,
 И с наслажденьем ожидали мели,
 Хотя когда-то шторм им был милей.

О том, кто вертит, в сущности, рулями,
 Как и течение, не утихнет спор.
 И полон океан наш кораблями,
 Друг друга не выдавшими в упор.

И правда есть, которой можно верить,
 И в нужный час обманом подсолить.
 И чтобы возвращаться, нужен берег,
 И непогода, чтобы снова плыть.

31.03.04.

Я ЗНАЮ ВСЁ, НО ТОЛЬКО ПРО СЕБЯ.

Я знаю всё, но только про себя.
А про других догадываться надо.
И потому им знать, куда тропа
Моя стремится, не прибавит лада.

Я пробегу, а после постою
И подожду, пока меня забудут,
Ведь победить дистанцию свою
В любое время можно, как простуду.

Я знаю всё, но только про себя:
Про целое, разбитое на части,
Про робость и скитания, любя,
Про торжество неодолимой страсти,

Про внешнюю невинность от вины,
Про неродившиеся вдруг ответы,
Про верность, всплывшую из глубины
Пустой бузы и стихнувшего ветра.

Я знаю всё, но только про себя –
Про центр всего живущего на свете.
Когда-нибудь, бредя в слезах дождя,
Его вплотную можно не заметить.

Молчанье знаю, песню, речь и вой.
И мимика, и танец мне известны.
Я знаю, как беседовать с собой
И с ангелами в переводе бесов.
8.04.04.

ПРИРОДНАЯ ГАРМОНИЯ.

Ирине Вариченко

Когда я призадумаясь без дела,
А это дело у меня в крови,
То понимаю, что природа в целом –
Лишь описание нашей любви.

Когда я весь – огонь, горяч и светел,
И полыхаю, и искрюсь за двух,
Ты – чистый воздух, нежный свежий ветер,
Поддерживающий горенья дух.

Стань я водой, струящимся ли грустно
Фонтаном, морем ли для корабля,
Ты – почва, верно, берег и дно, и русло –
Питающаяся водой земля.

Раскинусь воздухом я плотным слоем,
В порывы рвущимся, хоть не держи,
Ты – влагою, и тучкой, и росой
Рассеешься со мною вместе в жизнь.

Когда же буду я почётным грунтом,
Насыщенным другими и собой,
Ты – пламень памяти печальным утром
Неугасимой истиной пропой.

И так во всём, вокруг примеров масса.
Объёмны мы, как Мир под Солнцем Дня
Для дышащих и пьющих папуасов,
Копających пещеры у огня.
4.05.04.

«БУДИСТКА».

Маргарите Вариченко

Слова выучивает дочь,
Играет с ними в быль и в чудо.
С любимыми уходит в ночь.
Спрошу: «Спать будешь?»
Слышу: «Буду».

Игра проста ей и сложна,
Как путь с колючками верблюду.
Вот – каша съедена до дна.
«А будешь ли добавку?»
«Буду».

Животных вид и голоса
Уже изображаем всюду.
«А как бодается коза?»
В ответ мне:
«Буду, буду, буду!!!»
От слова к слову наяву

Мы гоним скуку и простуду.
 «Будисткой» я её зову.
 «Микстуру надо выпить».
 «Буду».

Лопочет дочка и растёт
 На радость нам, себе и людям,
 И клумбою «будизм» цветёт.
 Мы даже маму этим будим.
 Гулять, где солнце льёт лучи,
 Велосипед я не забуду.
 «Будистка», руль держа, кричит
 Сирены громкой громче –
 «Буду!»

6.05.04.

РАЙ ДЛЯ ПРИВИДЕНИЙ И ПРИЗРАКОВ.

На островах, что были, есть и будут
 Для привидений с призраками рай,
 Я брошу сны на каменные груды
 И окультурю их дикарский край.

И оживут мятежными легенды
 Разбойников, шутов и королей.
 Лебязе белоснежные при этом,
 Но воронены скорбью на крыле.

Я всякой ночью выхожу к кострищам
 И слушаю во все свои глаза
 То, как среди английских грязных нищих
 Вдруг привиденья каются в слезах.

И мраморные львы тут недотроги,
 Их чуть погладишь, лезут когти лап.
 Недавно мимо Брут прошёлся в тоге
 И с Королём Артуром в ближний паб.

Тут каждый вечер в Темзе в свете белом,
 Как Глаза Беса, с Тауэра стен –
 Два прибывает с океана тела,
 И это Розенкранц и Гильденстерн.

И Франкенштейн врачует одиноких
 Прохожих с рынка, после ловли блох.
 И мистер Хайд, чудила, однобокий,

Всё на концерт спешит, когда тот плох.

В смятенье мантий, париков и партий
 Всегда реален только караул.
 А негодяй, полковник Мориарти,
 Насквозь меня прошёл и не толкнул.

Да, привиденья бродят в снег и в грозы,
 И с головой – одной на четверых.
 Все острова усажены берёзой,
 Колы её, как атрибут игры.
15.05.04. г. Лондон

ФАКТ.

Не враньё, не чудо – быль и факт. И замечательно!
 Мне пришлось однажды между «Гинессом» и виски –
 В женском платье, в Лондоне, со сцены, назидательно –
 Прочитать Шекспира англичанам по-английски.
16.05.04. г. Лондон

ЛОНДОНСКОЕ КОЛЬЦО. (Поэма в сонетах, фрагмент VII.)

Вестминстер был и есть, тому и быть.
 И правы англичане, неприлично
 Ломать любой устав или обычай.
 Их можно просто вежливо забыть:

И изменить Шекспиру в пьесе текст,
 И заплатить с плеча, без договора,
 И очернить, и обелить без спора,
 И униженье применить, как тест.

И с вечного с дождём дерьмо сошло,
 А что не вечно, то и малоценно.
 Так у экрана мыслил ежедневно...

И Путин позабылся хорошо,
 И Блеер в сердце места не нашёл,
 И Черчилль симпатичен откровенно.
17.05.04.

ЧЬИ ГЛАЗА И ЧЕЙ РОТОК.

Маргарите Вариченко

Чей там носик? Чьи кудряшки?
 Чьи глаза и чей роток?
 Чья улыбка на мордашке?
 Чей ресничек завиток?
     Спорит папа, спорит мама,
     И конца тем спорам нет.
     Это – радость, а не драма.
     Это – общий их портрет.
 Что за радость – повторенье?
 Здесь и так зеркал кольцо.
 Отраженьем или тенью,
 Жизнь – пустое полотно.
     От кого-то не хватило,
     От кого-то больше чуть –
     Дочка столько ухватила,
     Сколько нужно в долгий путь.
 Смотрит мама, смотрит папа,
 А потом, грустя, молчат.
 Вот, когда пойдут внучата,
 Там проявится печать.
     И улыбки их, и взгляды,
     И походки выйдут в мир.
     Всё вернётся, как награда,
     Как чудесный сувенир.

29.06.04.

КАК ЕЁ Я НАРИСУЮ?

Маргарите Вариченко

Как её я нарисую?
 Кисть картину не берёт.
 Спит – поёт, сидит – танцует,
 Ходит – задом наперёд.

 И позировать не хочет,
 И не остановит глаз.
 Непонятное лопочет,
 Но на деле – ясность фраз.

 Рита, дочка, Маргарита!
 Ветер вьюн в неё надул.
 Карандашный путь рассчитан
 На спокойствие натур.

Взял задачу непростую.
 Миг покоя! Буду рад.
 Как её я нарисую?
 Где наш фотоаппарат?
 22.07.04.

ЕСЛИ ЧТО-ТО ЧТО-ТО ЗНАЧИТ.

Если вечный вопрос не взлетел и прикормлен ответом...
 Если нету ни дна, ни воды, ни пучины – лишь мель...
 Если то, чего нет, нам так дорого авторитетом...
 Если трепетно день ото дня вне стремления в цель...
 Если нету борьбы половин между действ и орудий...
 Если свет у природы иссяк, если выдохлась муть...
 Значит, всё это есть, или, может быть, было и будет.
 Значит, к этому можно прильнуть, в этом можно тонуть.

Если буквенный строй не случился когда-то вначале...
 Если тянешься к небыли, и не приемлема быль...
 Если негде-всегда, а везде-никогда заскучали...
 Если вдохом – ожог, а на выдохе плотная пыль.
 Если благодать бесстыдно блажит о неладности лада...
 Если вечное, в сущности – тлен, а минутное – лом...
 Значит, правда легенд – это самая стойкая правда.
 Значит, всякий абсурд был мечтою, а после быльём.

Если не сосчитать, не сменив ряда нечета чётотом...
 Если чистая явь на поверку в грязи тайника...
 Если всё-ничего, как и нечто-ничто – это что-то...
 Если то, чему быть, ныне лишь ниоткуда никак...
 Значит, точки достань из сумы и засеи ими тексты.
 Значит видимое не смотреть, что даётся – не брать.
 Значит дрожью руки завершать формование теста.
 Значит то, чего нет – это главное – не потерять!
 3.08.04.

УХОДЯ – ПРИХОДИ.

По пути то туда, то обратно –
 Радость вся от беды до беды.
 Потому удивись приятно,
 Наступив на свои же следы.

Не мираж, не старайся проснуться.

Финиш сзади и старт впереди.
И не бойся однажды вернуться,
И опять уходя, приходи.

Все приятные жизни минуты,
Как и ужасы, дороги нам.
Города, где живут лилипуты,
Великанами списаны в хлам.

И в ознобе покажется жарко,
Зашуршит на ладони билет,
И поэтому часа не жалко,
Чтоб вернуть себе несколько лет.

Не встречаются фразы из точек,
Но без точек нельзя между строк.
Если тянется к солнцу росточек,
Значит, рядом засохнет пенёк.

Буква с буквой не ладит в соседях,
Если в слове послышится боль.
Урожай, если вовремя съеден,
То важна и мышьяная роль.

«Кто-куда» – не всегда «врассыпную».
Прав идущий, и будь он здоров!
Как наскучит, поищет другую
Направления Розу Ветров.

Уходя, приходи! Будь, что будет.
Возвращайся и требуй ответ.
И не бойся втоптать в перепутье
Свой же, прежде утерянный, след.
30.08.04.

КОРОННЫЙ ПЕРЕПЛЁТ.

Тряпки балагана немые,
Пуст культурный эшафот.
У шутов свои проблемы,
Свой коронный переплёт.
Ночью, обходя арену,
Я вопросы мну в песке.
Кто же мне придёт на смену?
Кто не даст остыть тоске?

Это будут тоже люди,
 Дети многих перемен.
 Это будут те, кто будет
 Не шарахаться от стен,
 Не смотреть, что на колонне
 Чья-то тень ещё дрожит,
 Не удваивать в поклоне
 Точной маски куражи.

На любом квадратном метре,
 Кем я буду, знал вперёд.
 Но шатёр колышет ветром,
 Дождь перепугал народ.
 Время серо. Место дико.
 Бал неправых новостей.
 Мой бубенчик дома тихо
 Нем в засаде на гостей.

В тусклой тишине – оваций
 Сам я у себя просил.
 Те, кто будут здесь кривляться
 В цвете лет и в пике сил,
 Не почувствуют подкожно,
 Глядя бархат лож рукой,
 Как тоску в веселье можно
 Обратить другой тоской.
17.09.04.

СОВЕТ.

Если бальный туфель тесен,
 Как покинуть этот бал?
 Если мир не интересен,
 Как понять, что мир тот пал?

Как иметь дорогу в детство
 За одною из дверей?
 Посоветуемся с лесом
 И утрём смолу с ветвей.

Если весел без веселья,
 Как узнать, чему ты рад?
 Если страшно новоселье,
 Как построить светлый град?

Как печаль не сделать горем,
 Чтоб оно не забрало?
 Посоветуемся с морем
 И не тронем килем дно.

Если с догмой не согласен,
 Как отмыть слова в реке?
 Если след от боли красен,
 Трудно объяснить руке.

Как прожить единым хлебом,
 Им же ближних накормив?
 Посоветуемся с небом
 И доверим сердцу миф.
18.11.04.

МОЛИТВА.

Да разми́нется с бедою,
 И дарует семью́ сирым,
 Ежедневно́ будет новым,
 В прежнем опыте́ прощён –
 Всякий, кто крещён водою
 И помазан благом мирры,
 Наделённый правым словом,
 Страхом не закрепощён.

Да прольёт масла́ и мёды,
 Сея семя, вертит жернов,
 И не обернётся лишним,
 Веру в шёпот голосит –
 Всякий, кто идёт по следу
 Яркой очищеньем жертвы,
 И любовь дарует ближним,
 И земле себя растит.

Да возвысит боль, несущий
 Эту боль по жизни нежно,
 Принимая отраженье
 Неминуемо, что дар –
 Всякий под крестом живущий
 И купающий надежду,
 И готовый к отношенью
 Сути боли на алтарь.

5.12.04.

БОЙ ЧАСОВ.

Часы, часы! Терпенье на пружине,
И в ключике их жизненный секрет.
Блюдут и наблюдают, бьют по жизни.
Под стрелкой коды циферблата лет.

Лениво медленны удары утра
По титрам сна, и оборвалась ночь.
И не хватило ужаса кому-то,
И явь нам в том старается помочь.

Пусть вечно всё, что в каждом миге тает!
Но механизм, как брагу, время пьёт,
От маятника к сердцу цепь золотая,
Кукушка русским языком поёт.

Часы – предел бескрайности открытий.
Они Богам указывать легки.
Морфей послушно им сплетает нити
И сматывает пауком в клубки.

То глядят стрелки, временно лаская,
То колют и фантазию, и быт,
То книгу нашей памяти листают,
Диктуя, что запомнить, что забыть.

С ударом каждым возникают лица
И заплетают грустный хоровод.
Мы не дадим часам остановиться:
И вставим ключик, и продолжим ход.
16.12.04.

Из сборника «РОЗА ШТИЛЕЙ»

НА КАНОН. (Фрагмент.)

Светло зовём не первый год
И в сердце селим, как соседей,
Тех, кто ушёл в водоворот
Непредсказуемых трагедий.
И если вновь взываем к ним,
Безвинным вовсе или грешным,

Поступимся и не одним
Привычным проявлением внешним.
4.01.05.

СТРАСТЬ.

Когда ты молод и успешен,
И полон сил и в ночь, и днём,
В желаниях своих несдержан,
Семьёю не обременён,
Легко, без требований веры
Меняешь вкус, меняешь масть –
Как баловство и блажь без меры,
Приходит пламенная страсть.

Когда ты зрел и бесконтролен,
И океаны мельче ванн.
Когда ты те играешь роли,
Что старикам не по зубам.
Когда как младше, так и старше
Сердца, созрев, готовы пасть –
Как месть и торжество реванша,
Приходит пагубная страсть.

Когда достиг ты середины,
И был, и знал, и бит, и сыт,
И без смущения картины
Любые пропускаешь в быт,
Ещё не позабыл зарядку
Пред тем, как насыщаться властью –
По расписанию, не украдкой
Приходит плановая страсть.

Когда солиден к пожилому,
И твой умерен пламень уст,
Не режешь больно по живому,
Не тормозишь себя, как куст,
Из искры памяти, от скверны
Очистив душу, сняв напасть –
Любовью называясь верно,
Приходит правильная страсть.
15.01.05.

ХОРОШО.

Ирине Вариченко

Теплом я постараюсь скрасить зиму
 И знойным летом сделаю свежо,
 Чтоб было хорошо моей любимой
 Не только в дни, когда ей хорошо.
     И мелочь всякая пусть не иная
     Явится, чем услада многих чувств.
     Цвета и запахи переменяю,
     Чтобы её ласкали тонкий вкус.
 Сплету слова и причешу их в косы,
 Когда проступит солнцем явь из сна,
 Чтоб слёзы счастья – утренние росы –
 Скатились по щекам в бокал вина.
     Слов мало, и от них неотделимо
     Сердце биенье в унисон пришло.
     И будет хорошо моей любимой
     Не только в дни, когда ей хорошо.
 8.03.05.

НАД ПЛОЩАДЬЮ ПЕТРА.

Иоанну Павлу II

Скоро, видимо, опять взовьётся
 Белый дым над площадью Петра.
 А пока лишь побледнело солнце,
 Замерла весенняя пора.
 Тысячи не вышли на работу.
 Молча ждут, не плача, как смогли.
 У конклава новая забота,
 Выбирать Родителя Земли.

В Рай безропотно открылись врата.
 Белый голубь в высоте парит.
 Гость – авторитетный реформатор,
 На земле прошедший лабиринт.
 Он – не маска, не пустая кукла,
 И не идол, и не идеал.
 Он, ценя искусство и науку,
 Нравственно Легенду сберегал.

Библию он примирял с Кораном,
 Сохранял от ветхости Завет,
 В душах возводил благие Храмы

И держал за низости ответ.
 Он заглядывал в сердца, не в лица,
 Отвечал призывом на протест,
 А за годы мрака инквизиций
 Извинился и очистил Крест.

Подлинник среди примерных копий
 От политики, и строг, и мил –
 Славянин увещевал Европу,
 Совестил, но слёз пустых не лил.
 Дождь на площадь норовит закапать.
 Слышит он, как Ватикан затих.
 До свиданья, незабвенный Папа,
 Святой, как любой библейский стих!
 3.04.05.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ.

Реализованы права,
 Обязанностей куп,
 Где спички, соль, крупа, дрова,
 Колодец и тулуп,

Где дверь от ветра не скрипит,
 Где частый гость медведь,
 Где тот, кто песню сочинит,
 Её не будет петь.

Не нужно возвращать долги,
 Коль не наделал их.
 А будут верными враги,
 Живи и среди них.

В колодце соль, крупа, тулуп?
 Дрова сгорели в прах?
 Обязан только тот, кто глуп,
 Своих не зная прав.

И буреломы позади,
 И чащи, и грызня.
 И реку можно перейти,
 И выйти из огня.

И выведет всегда тропа,
 И ты не будешь скуп,

Где спички, соль, дрова, крупа,
Колодец и тулуп.
11.06.05.

АРОМАТ РОЗЫ ШТИЛЕЙ.

И зной, и штиль, и свет горячий,
И море, как чертёжный лист.
Сегодня Завтра в нас не прячет,
И свеж салат, и воздух чист.

В грудастой вазе псевдостилия,
Что центр каюты заняла,
Благоухает Роза Штилей –
Цветок покоя, символ зла.

И только чайки бьют поклоны,
И только звёзды шлют привет.
Вертятся Розины бутоны
Туда, откуда ветра нет.

И шепчет радио на ушко
Свой сказ полуденных чудес,
Как ароматная петрушка
Ушла по пояс в майонез.

Жизнь – странствие. К нему с влеченьем
Борюсь, как хищник, до броска,
И жду подводного течения,
Что якорь вырвет из песка.

Погода станет ли проворней,
Чем наблюдение за ней?
И в нас Вчера пускает корни,
Как Роза Штилей в картах дней.
04.09.05.

ПЛЮЩИХА.

(Фрагмент поэмы «Мой кусок Московского пирога».)

Дым ленивостью вонючей
Влился в облачный навес.
Бунин, Фет, Плещеев, Тютчев,
И Толстой в летах повес –

Все слонялись по Плющихе,
 Мяли «домострой» в туман.
 Сваты бабы-бабарихи
 Их ловили за карман.

Только заигрались Музы –
 В страшный век, в весёлый год,
 В зиму вместо кукурузы
 Явлен был другой приплод.

Не обижен был рассветом:
 И не гений, и не хам,
 Но прошёл за всех поэтов
 Все дворы по лопухам,

Раскопал – времён Ивана –
 Про плющихинский кабак,
 Из романовского клана
 Вывел род свой наверняк,

Танцам присягнул и смеху,
 Как гусар, усы крутил,
 И по глупости уехал...
 Но Плющиху не забыл.
04.09.05.

И БЕЖИМ, НЕ СПЕША.

Не планируя, не соблюдая режим –
 Неувязанные и неловкие –
 Мы несём в себе то, от чего мы бежим,
 И бежим, не спеша, с остановками.

И не можем простить, и не учимся мстить,
 И гордимся собою забытыми.
 Глупо рвём, наступая на яркую нить,
 Что бежит впереди лабиринтами.

Погибаем в тиши, затихаем в грозу,
 У рассады любуемся кущами,
 Не доносим наверх то, что взяли внизу,
 Возвращаемся вновь за упущенным.

Мы из детства набрались боязни к углам,
 Спин не кажем окну при застолье.

Постарев, молодимся на зло зеркалам,
Не питая симпатий к истории.

Сор не видим в упор, рвёмся мытое мыть,
Свои чувства не балуем мерою,
И не можем простить, и не учимся мстить,
И в обманщиков глупо не веруем.

Мы и холод сердечный и камень с души
Убираем, как накипь шумовкою.
Мы несём в себе то, отчего мы бежим,
И бежим, не спеша, с остановками.
25.09.05.

КАМЕНИ. (Музы)

Ирине Вариченко

Желает плена, кто свободен.
А поклоненье – это плен.
И у поэтов вечно в моде:
«Ни года жизни без камен».

И ощутив тенета плена,
Не учим мы судьбы урок.
Влекут в капканы нас камни.
Камени – музы, музы – Рок.

Творцу претит однообразье
Среди людей и слов, и стен.
И перемена – это праздник.
А праздник требует камен.

И жизнь острее с переменой,
И горечь заменяет сласть.
Как фон, меняются камни.
Камени – музы, музы – страсть.

Пусть ты и не имеешь равных
В словах, картинах или па.
Та Муза в жизни станет главной,
Чья в тёплый дом ведёт тропа.

И постоянство вместо сцены
Любовь подарит вам одна.

Ценнее прочих есть Камена –
 Подруга, Муза и Жена.
14.10.05.

ПЛЕТЕНИЕ ПРОЗЯБАНИЯ.

Переменяя прозябанье
 Делами, гримом и зарядкой,
 Мы то руками, то губами
 Причудливо плетём порядка.

И в высь стремясь, как в пропасть тучи,
 Где делят на куски бессмертье,
 То импульсивно, то тягуче
 Всё крутим раскалённый вертел.

Часы летят с лицом столетий.
 Пугаясь их, дурных и милых,
 Мы то нуждаемся в совете,
 То на донос находим силы.

И громкого подчас не видя,
 Ослепнув с шепота, как блохи,
 Влюбляемся и ненавидим
 Сожителей своей эпохи.
1.11.05.

ТЕСТ НА ВЕЧНОСТЬ ФАНТАЗИИ.

Ещё я слышу гомон дней,
 Когда неподконтрольной силой
 Фантазия была родней
 Действительности всей постылой.
     Себя понять, себя отжать
     Из положенья акробата!
     Но эксцентричней было ждать,
     Чем, суетсяь, кричать и падать.

Безумие, царя в пути,
 Рвало и надувало парус.
 За счастье почитал сойти
 С ума, высокого, как пандус.
     И близок час – прозреет дух,
     Он возжелает вольной доли,
     И выскажется Гений вслух,

Не портящийся в алкоголе.

Как иногда не виден мост,
 Соединяющий два горя,
 Так выход из кошмара прост
 И никогда не на запоре.
     Доступнее причуде будь.
     Свет – звука и быстрее и краше.
     Заблудшему известней путь,
     Чем даже лидеру на марше.

Фантазии слепой гротеск
 До гениального безумен.
 Простой запутается тест.
 Жизнь – разнице равна, не сумме.
     Вся прожитая канитель
     В строке мелькнула ветром встречным.
     Стрела, что поразила цель,
     Летит к своей мишени вечно.
 22.11.05.

КРУГИ ЭПОХ УРАГАНА.

Родиться, выжить, жить и видеть,
 И достигать, и находить,
 Вить воздуха простые нити,
 По ним идти и приходить.

Наполниться от сотен жизнью,
 Впитать слои библейских лет,
 И окунаться в счастья брызги,
 И горя спрашивать совет.

Изъяны находить в красивом,
 Гротеска прелесть знать всерьёз,
 Плести движений переливы
 Для статики блаженства поз.

Круги одной воды считая,
 От брошенных туда камней,
 Другую лить и тут же таять,
 И ясно слышать песню в ней.

Полсрока прослужить химерам,
 Не уподобившись ничуть,

Поверить в меру, смерить веру,
Букет надежд в вазон воткнуть.

В сомнениях дарить признанья
И, ошибившись много раз,
В любви обрести и воздаянье,
И правду сердца, счастье глаз.

Одеждами сменять эпохи
И юностью их наполнять.
Теряя прожитого крохи,
Пирог съедобным сохранять.

И умереть, но помнить имя,
Познать покой в разгар пути,
И жить в других и рядом с ними,
И в штиле ураган найти.
2.12.05.

СПАСИБО ЗА ВСЁ!

Ирине Вариченко

Всё то, что теперь, то уже никогда!
Всё то, что когда-то – давно.
Спасибо за страны и за города,
И за вдохновенье о главном!

Всё то, что летит, мне не остановить.
Что остановилось, не рушить.
Спасибо за времени тонкую нить,
За долгую нити катушку!

Всё то, что естественно, то от зверей.
Что не от зверей, то обманы.
Спасибо за ветры и штили морей,
За снег, за дожди и туманы.

Чего не желал, то скрипит на зубах.
Достигнутое – жжётся перцем.
Спасибо за радость, за боль и за страх!
Ещё – за наивное детство!

Всё то, что потом, то уже не впервой.
И много того, чего хватит.

Спасибо, что вижу, как свой и чужой
В одно одеваются платье!

Что было печальным, живёт в нас самих.
Восторги – в осадке порочном.
Спасибо за милых, любимых, родных,
И за нескончаемость прочих!
14.12.05.

Из сборника «ЛЕТОПИСЬ ШКУРЫ НЕУБИТОГО ВОЛКА»

МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ.

Мой ангел-хранитель был тоже танцовщик,
Но раньше меня растворился в прыжке.
Мы видимся, вторим друг другу. И, в общем,
Как и все бессмертные – накоротке.
19.01.06.

БЛИЗОСТЬ БОЛЬШЕ НЕ ОПАСНА.

Ирине Вариченко

Если больше стало нечем
К счастью путь загородить,
Будет светел тёмный вечер,
И пора добро рядить.

Близость больше не опасна,
В поцелуй забудь слова.
Хмелем станут мысли ясны,
В шутке будет ложь права.

Если больше нет причины
Закрывать от любви,
То достаточно лучины,
Осветить края земли.

И одной опоры много
Так планету повернуть,
Чтобы удлинить дорогу
И моря перешагнуть.

Если беды – нам не беды,
И сильней мы от утрат,

Значит мы с тобой кометы,
И огонь – наш старший брат.

С дюжиною дней рожденья
И обманчивой Судьбой –
Птицы Вечного Горенья.
Имя Феникс нам с тобой.
31.03.06.

В СТАЕ.

Маргарите Вариченко

Кто ты, девочка родная?
Ты в кого теперь играешь?
Пробегая через дом,
Машешь маленьким хвостом.

Громко ты рычишь на папу,
По обоям водишь лапой.
Я готов тебе помочь,
Джунгли вырастить за ночь.

Дружишь ты теперь с медведем,
С обезьяной вы соседи.
Если в Маугли игра,
Вырастать тебе пора.

В стае свой уклад на день,
Соблюдать его не лень.
Взгляды мамыны мы ловим –
«Мы одной с тобою крови».
2.04.06.

ДАВНО НЕ ТЕ.

Давно не те на видном месте
И обезьяны, и слоны –
Не те, кого дразнили в детстве
Недовоспитанные мы.
И тащит снова воз свой пони
Под объективы пап и мам...
На место тех, кто нас не понял,
Приходят те, с кем легче нам.

Давно не те под вечной маской
 На нескончаемом балу.
 Не те и под руками краски,
 Чтоб штрих вонзить ценой в иглу.
 Толпа пуглива и послушна,
 И нрав её юлить горазд..
 На место тех, кто с нами кушал,
 Приходят те, кто нас предаст.

По ощущению – недели,
 На деле ж – тридцать с лишним лет.
 Давно не те следы на теле,
 И лавры превратились в плеть.
 Базар искусства, жизни торог,
 Судьбы естественный бедлам...
 На место тех, кто нам не дорог,
 Приходят дорогие нам.

Давно не те, а те недавно.
 Там волки в клетке, там шуты.
 И страны обезьян, подавно,
 Изменчивы и не просты.
 В повозке жизни сидя, люди
 Правят собою же подчас...
 На место тех, кто нас не любит,
 Приходят те, кто помнит нас.
 23.04.06.

Я ЛЮБЛЮ.

Ирине Вариченко

Я люблю, моя любимая со мною,
 И обоим нам друг с другом повезло.
 Нам и дождь – не дождь, и без луны – с луною,
 И от молнии не страшно, но светло.
 Разлучаемся теперь всё реже с нею,
 И терпенье нам открыло на века:
 Воздух резче и значительно честнее,
 Если серые на небе облака.

Я от солнца часто слеп, как от кострища,
 И любимая не рвётся загорать.
 Тот, кто место потеплее в жизни ищет,
 Не сумеет много лет не остывать.

Мы погоду понимаем, как умеем.
 Да, поэтому – и горя в этом нет –
 Даже воздух резче, чище и честнее,
 Если облаков на небе серый цвет.

Ни уныние не заберёт, ни скука,
 Если ясно в голове и на душе.
 Не хитра, не заковыриста наука –
 Свет найти не только в солнца кураже.
 Воздух резче и щедрее, как весною,
 Если облаков на небо нанесло.
 Я любим, люблю, любимая со мною,
 И обоим нам друг с другом повезло.
 27.05.06. г.Волоколамск

«МАСК-ВАЛЕТ»

*(Неофициальный гимн Независимого Творческого Объединения –
 Мастерская Сценичного Каприза – ВАрченко ЛЕонид Театр)*

Из гадальной из колоды –
 Добрый вестник и пустяк.
 Молодец! Какие годы!
 Фат, охотник, не простак.

Ход с бубей, и больше нечем.
 На погоны та же масть.
 Косами легла на плечи.
 Он – валет – и грех, и страсть.

Маски, маски – перевязь душевных ран.
 Судьбы, лица – можно головой и вниз.
 Были, сказки – увлекательный роман.
 Пыль кулисы – недоигранный каприз.

Туз шестёркой бит порою.
 К даме клеится король.
 Увлекается игрою
 И незначимая роль.

Отчего в душе осадок?
 Почему в каре тоска?
 Козырь и без взяток гладок,
 Клетка крови у виска.

Маски, маски – перевязь душевных ран.

Судьбы, лица – можно головой и вниз.
 Были, сказки – увлекательный роман.
 Пыль кулисы – недоигранный каприз.

Под гербом, игривым знаком,
 Закреплённый пеной лет,
 В ярком отраженье мрака
 Не состарится валет.
 В ярком отраженье мрака
 Не состарится валет.

Маски, маски – перевязь душевных ран.
 Судьбы, лица – можно головой и вниз.
 Были, сказки – увлекательный роман.
 Пыль кулисы – недоигранный каприз.
 30.05.06.

РОССЫПЬ ЧУВСТВ.

Ирине Вариченко

По утренним каплям,
 Насыпанным в травах
 Прозрачного бисера
 Россыпью хрупкою,
 Тихо пройду.

Мотивы рассвета
 До милого уха
 В ладонях холодных
 Подарком желанным
 Вдруг принесу.

И даже проснуться
 Не требуя вовсе,
 Лишь чувствовать ветер
 И лёгкость телесную
 Я попрошу.

И день будет в радость,
 И день будет правый –
 На память, на счастье,
 На радость далёкую
 Правдой Судьбы.
 3.07.06. д.Хворостинино

УСПЕТЬ БЫ.

Всё успеть, всего дождаться,
 Поучаствовать во всём,
 Захотеть, проголодаться,
 Не терять себя в своём.

Переплыть и перепрыгнуть,
 Перебрать и перегнать,
 Перезвоном, перемигом –
 Перевернуть, переиграть.

Быть не мальчиком, но мужем,
 Без нужды, но без прикрас,
 Пребывая в месте нужном
 В нужный день и в нужный час.

Быть, но не уподобляться.
 Значить, но в молве не слыть.
 Старясь, не перестараться.
 И за всё себя простить!
4.07.06. г.Волоколамск

МЫ ЕЩЁ ЖИВЫ.

Мы ещё живы пока, поверьте!
 Мы ещё можем всех удивить.
 Мы не привыкли давать в конверте,
 Мы не учились кругами ходить.

Мы ещё можем пока, представьте!
 Мы не забыли значений слов.
 Мы не рисованные красавцы,
 Но и не уроды бледных тонов.

Мы и хотим ещё, оказалось!
 Мы даже знаем, как с этим быть.
 Нам ещё много, чего осталось,
 Чтоб это долго ещё любить.

Всё, что свободно – подвластно воле.
 Всё, что правдиво – приемлет честь.
 Кто ж это – мы? Не понятно, что ли?
 Мы – это вы, пока вы ещё есть.

19.08.06. ст. Чисмены

ЛИСТВА.

На листве застыли слёзы,
Слёзы дорогих ошибок.
Это не метаморфозы,
Все ошибки наши живы.

Эти капли с солнцем в сердце
Умирают от движений.
Ветру в них не засмотреться,
Без ошибок нет решений.

У листвы палитра света –
Это прихоть настроений.
Если радость жизни – лето,
Осень – умиротворенье.

Зимний саван – очищенье,
А весна – опять пелёнки.
Замиранье, возрожденье –
Грубый ритм частички тонкой.

Пыль нас душит, влага чистит,
Опьяняют хромосомы.
Человек – такой же листик
Из густой и шумной кроны.

Он летать готов без цели
До гербария от почки,
И терпеть соседство елей,
И не помнить, как затопчут.
24.08.06.

ГОЛУБИ МАЛОГО ТЕАТРА.

*Памяти Народного артиста России
Виктора Павлова*

Долгий август. За тепло расплата.
День продли, как можешь, не убей.
Из-под крыши Малого театра
Вылетает стая голубей.

Ветер подпевает этой свите
Театральных духов. Он их друг.
Их кормил весёлый дядя Витя,
Возвращению учил на круг.

Странны перьевые их уборы.
Кто они? Далёк ли будет путь?
Может быть, великие актёры
Вволю вырываются гульнуть.

Но нельзя им далеко от сцены.
Над фонтаном, и виток к коням,
А потом под крышу. Только пленом
Не назвать стремленье в милый Храм.

Там ещё их голосов эфиры,
Там костюмы их ещё висят.
Души стали птицами от мира,
И по миру счастливо летят.

Их сегодня больше на закате
На одну. В том вечности удел.
Дядя Витя, друг-доброжелатель,
На прогулку с ними полетел.
25.08.06.

ВСЁ ПОНЯТЬ – ЗНАЧИТ, ВСЁ ПРОСТИТЬ.

Суть сказок на плакучей бересте.
С зарёй не вышло, подружись с луной.
И кутерьму начав от печки стен,
Пленись словами песенки резной.
Раскатанный клубок, длиною в нить
Поможет лабиринт в судьбу завить,
И всё понять, и значит, всё простить...
Но всё простить – не значит, всё забыть.

Кувшинка промолчит и уплывёт,
Когда отвесишь цапле ты поклон.
А самым быстрым станет заяц тот,
Который будет в утку обращён.
И воды жизни прожурчат опять,
И ты во сне сумеешь не завывать,
И всё простить, а значит, всё понять...
Но всё понять – не значит, всё любить.

Однажды гусли могут промолчать,
 И друг твой хищный потеряет нюх,
 Ты перестанешь время замечать,
 И зажужжат сомненья хуже мух.
 Ты в тот момент дотронься до ключа
 Губами и, глотнув, успеи спросить,
 Чтоб всё забыть, и заново начать,
 И всё понять, и всё, любя, простить.

Забыть, что собственно хотел забыть.
 Забыть свою забывчивость, как сон.
 Понять, начать, поняв, началом быть
 Всегда, пока ещё ясным ясно.
 Любить, любя не только дорогих,
 И право на любовь любить иметь.
 Простить – с трудом себя, легко других –
 За праздность и дела, за жизнь и смерть.
 28.09.06.

Я В ВЕНЕ.

Однажды до чуда дотронься рукой
 И мыть не захочешь до смерти.
 Душа потеряет привычный покой,
 Но счастлива будет и в клети.

И чтоб не ломать пустяком головы,
 Я жажду опять откровений,
 И сразу исчезнуть хочу из Москвы,
 И всем говорю, что я в Вене.

Закрою глаза и на Запад лечу,
 И пересекаю границы.
 В Соборе крестильном молиться хочу
 И встретить знакомые лица.

Пусть это фигуры из камня и бронз,
 Я в их обаяния плене.
 Из гениев и политических бонз –
 Все лучшие замерли в Вене.

И музыку слышу, и фарсов шумы,
 И волнами аплодисменты.
 И осень юна от симпатий весны,

И в зиму врывается лето.

Венки на Дунае цветов и листвы,
И кружки янтарные в пене.
Когда я исчезнуть хочу из Москвы,
То всем говорю, что я в Вене.
20.10.06.

СВОЯ ДОРОГА.

*«Туда – так много,
А оттуда – никого,
Значит – там лучше...»*

И.Кагromanов

Не могу сказать я Богу,
Что нашёл свою дорогу.
Ведь моя дорога – это путь последний.
И на ней чтоб оказаться,
Надо сходу отказаться
От любви, привычек, радостей и бредней.

Ищем путь, не жалко песен,
И без очереди лезем,
Чтоб увидеть прямо – финиш с красной лентой.
И мундиры, робы, ризы –
Всё дорожные капризы
Одарённых приглашительным билетом.

Что не радует немного,
Без возврата та дорога.
Не встречал я никого, чтобы обратно.
И уходят-то не штучно!
Может там намного лучше?
Как сравнить? Одним глазком... Невероятно!

И старею, и белею,
И по случаю болею.
Но петляет моя тропка буераком.
И своим сказал: «Не лезьте!» -
С кем ещё петляю вместе.
Нам две чаши полных до прямой, однако.

Здесь наука – не удача.
Исключенья много значат.
У природы правил столько, скольким рада.

Бог! Дорога – не награда.
Мы потерпим без награды,
И такой пока награды нам не надо.

Покуражимся, полюбим,
И годок-другой погубим,
И порадуемся, и, глядишь, поплачем.
Помечтаем хоть немного
И уступим тем дорогу,
Кто торопится – по блату, не иначе.
5.11.06.

Из сборника «БОРТЖУРНАЛЫ НЕ ГОРЯТ»

СОЛЁНЫЙ КУРЬЁЗ.

Когда сжигали бортжурналы,
Чтоб с толку сбить страховщиков,
Ещё и не предполагали,
Что ждёт сюрприз, курьёз веков.

Пусть пламя и шальные искры
Горячий пляшут нам обряд,
Но капитанские записки
Так солонны, что не горят.

Они подсвистывают в жаре,
Водой кипят на корешке,
Но экзекуция не старит
Свод событийный при флажке.

И ждут уже вокруг немало –
Открыть и заглянуть в туман.
Не станут пеплом бортжурналы.
Их участь – красочный роман!
4.01.07.

ВОЗЬМИ СЕБЕ.

Противься естеством деяньям мнимым.
Возьми себе за радость долгий труд,
Там оказаться, где тебя не ждут,
Необходимым и незаменимым;

От словосочетаний благозвучных

Не зависая в зыбкой вышине,
 Быть твёрдым при влиянии извне,
 Но щедрым изнутри благополучно;

Не меря шаг, и не стесняясь жеста,
 Жизнь проживая, и процесс любя,
 Стараться не навязывать себя,
 Но чаще подворачиваться к месту;

Те соблюдая часы, что свято строги,
 Довольным быть минутою смешной,
 В душе стараясь не кривить душой.
 Возьми себе за радость труд сей долгий!
 31.01.07.

ЯБЛОКИ И ГРУШИ.

Из всего, что слушается, душу
 Нужно слушать, если не кривит.
 Волки любят яблоки и груши,
 И внутри нежнее, чем на вид.

Если суета уже не греет,
 То согреет выдержкою мысль.
 Главное, не выглядеть добрее,
 Чем ты добр, идя на компромисс.

Всё в душе загадочно и странно,
 Не смотря на цвет её тоски.
 Волка не заставишь есть бананы,
 Даже если резать на куски.

Кто последний след оставит в мире,
 Тот, смеясь, не даст уже совет.
 Но у первых глубже след и шире,
 Если первые последним в след.

Слушать душу могут даже уши,
 Если без наушников они.
 Хоть и любят яблоки и груши
 Волки, от компота их тошнит.

Главное не показаться злее,
 Чем на самом деле мысли злы.
 В день зимы последний – снег последний,

Завтра будет – первый снег весны.
28.02.07.

ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ.

Маргарите Вариченко

В голове моей неповторимый звон.
И заветных чувств глобальные лавины.
«Я люблю тебя!» - кричит мне в телефон
Дочка, возрастом – четыре с половиной.

Непоседа беспокойная моя
Правдой делится, сложив улыбкой губы:
«Папа с мамой и я – одна семья!»
И она права, и спорить с нею глупо.

Да, упрямится! Не слушается, да!
Да, конечно, виноваты в этом сами.
Но уверен в ней я, если вдруг беда.
И она уверена во мне и в маме.

Скоро пять, но как мгновение одно!
Всё на шумный праздник красочный похоже.
«Я люблю тебя!» - кричит она в окно.
И, конечно же, в ответ кричу: «Я тоже!»
11.02.07.

ВРЕМЯ.

Что значит – ВРЕМЯ? Время всем одно,
Хоть и звучит, и выглядит отлично.
Оно нежданно, как и суждено.
Оно и необычно, и логично.

Оно и тянется, и вдруг бежит,
Прикидываясь суетою сует.
И тратит кто, и тех, кто дорожит,
И терпит, и не ждёт, и указывает.

Во время интересное живём –
Горько и сладко, солоно и пресно.
И, значит, мы во времени своём,
Коль не обидно в нём, хотя и тесно.

И впитывают уши, жаден глаз,
И запах мил, коль не мешает насморк.
Рождаться время! Пусть не первый раз!
И время умирать, хотя б не насмерть.

И садится, ведь время насаждать...
И сразу вырывать посадок бремя...
И это время можно убивать,
И этим врачевать себя на время.

Ломать – не строить, нужен малый срок.
И вновь растут восторги на руинах.
И слёзы проливаются в песок,
И это – смеху радости причина.

Я время уважаю, если вдруг,
Посетовав о несвершённой сказке,
Попробую и отобьюсь от рук,
И загадаю чудо в бурной пляске.

И на камнях деревья смогут встать,
И тень накроет лиц благодаренье,
И можно будет камни разбросать,
Но так, чтобы собрать их через время.

И в час, одним объятия открыв,
От прочих уклонившись, как от грязи,
Исканий жажды ощутишь прилив,
Потери не фиксируя в экстазе.

И время продиктует сберегать
То, что не бросил. Учится невежда.
Но платье в лоскуты придёт опять,
И рок швеи – на злую нить надежда.

И молча просчитаем бой курант.
Пора! И речь медовая польётся.
И любящий я буду столь же рад,
Как ненавидящий, когда придётся.

И будет время внутренней войне.
Быстра обычно ратная потеха.
И целый мир войдёт в меня извне
В пробитую кукушкою прореху.

Из прошлого пора заладить сад,
Из будущего вычистить туманы,
Фантазией заправить наш салат,
Но из карманов вытряхнуть обманы.

Ведь жизнь длинна, как бесконечный сон,
Хоть дни стучат по циферблату часто.
Который час? Час пробил! ЧАС ВРЕМЁН!
А что такое время? Время – частность.
19.03.07.

ТРАПЕЗА.

Сцены жизни – блюда, яства.
Сервировкой список густ.
От простора постоянства
Веет сдерживаньем чувств.

Если сбросить напряжение,
То себе подарком в мир
По заслугам разрешенье –
Жизнь трапезничать, как пир.

Благодушно, терпеливо
Добрую любовь свою
Супом щедрого разлива
Наварю на всю семью.

Разноцветные закуски
Для дальтоникиков друзей,
По-татаро-индо-русски –
Синтригую в колбасе.

Для предателей сыграю
С маслом хлебный гимн на стол,
Вдруг тарелки поменяю,
Как приевшийся им пол.

Перепёлок и кукушек
Заливные языки –
Для любезных дам-старушек
От маразма и тоски.

И на много лет от жажды
Всем по братине вина,

Не однажды и не дважды,
По усищам и до дна.

Песню тихую под вечер,
Танец в правильную масть.
Сцены жизни – пир навечно,
Трапеза не торопясь.
13.04.07.

БОРИС ЕЛЬЦИН.

Въехал он во власть на танке,
Прошлomu грозя рукой,
И достоин в этом ранге
Кружечки за упокой,

Хоть и снёс тот дом проклятый,
Где, Романовых казнив,
Начинали демократы
Перекрoи до резни.

Позже он по гастрономам
Набирал авторитет.
Был и в транспорте, как дома,
И всегда имел билет.

Он – спортсмен, а как иначе?
На «Уимблдоне» свой.
Нищей бабушке подачу –
От охраны по кривой.

Он шахтёров помнил краткость,
Их за это уважал.
Рельсы пробовал на мягкость,
Полежать. Не полежал...

Он – художник. Он – учёный.
Он – ходячий был музей.
Белый Дом он сделал чёрным
И врагами всех друзей.

Он и танцевать был мастер,
И имел большой успех.
Кто был счастлив и несчастлив,
Отлюблю его за всех.

Он – простой российский житель.
 Вглубь он менее, чем вширь.
 Он – и клоун, и грабитель.
 Он – и Царь, и богатырь.
 23.04.07.

СВИДЕТЕЛЬ МИРА.

Раньше первого привета,
 Беспробудных петухов,
 Раньше солнца, раньше ветра,
 Раньше шепота жуков,
 Раньше пастора и паствы,
 Раньше сева, раньше жатв –
 Это счастье просыпаться
 И потом всё это ждать.

Раньше мышки, раньше сойки,
 Раньше тяги естества,
 Раньше многоликой зорьки,
 Раньше мысли озорства,
 Раньше вредных папарацци,
 Раньше праздников и битв –
 Это счастье просыпаться
 И всё спящее любить.

Быть свидетелем у Мира,
 Разбудить судьбинный срок,
 Быть для милых только милым,
 Прочих зря, запомнить впрок,
 Проследить их распусканье
 И последним близким стать,
 Роды всех принять желаний
 И уйти последним спать.
 14.06.07.

ДЕНЬ ДЛИННЕЕ НОЧИ.

День длиннее. Ночь короче.
 Искушайте в счастье нас!
 Над костром в разгаре ночи
 Ор – божественный заказ.

В нужном месте громом грохнуть

И запить грибным дождём.
И ни постареть, ни сдохнуть,
Если правильно рождён.

При любых кумирах модно
Испытать паренье вниз.
Ощути себя свободным,
Но от стаи зарядись.

Этой ночью поворотной
Заверни за чудом в лес,
Вместе с голою природой
Стань открытым для небес.

Песнопенье в круге диком
Возбурлило из полей,
И под бубен кроет пики –
Дам, валетов, королей.

Эти игры посмешнее
Приручения коня –
Омовение смешеньем
И закалка от огня.

Ночь энергетично пьяных
До бессонницы проста.
Летнее солнцестоянье
Накануне рождества.

В искрах люди, словно лани.
Их венки – цветастый флот.
Исполнение желаний
Пусть растянется на год.
23.06.07.

УКРОТИТЕЛЬ.

Памяти Александра Прокофьева

Давно нас не пугал ни зритель,
Ни балетмейстерская рать.
Но только первый укротитель
Заставить мог потрепетать.

Хотя мы виделись и редко,

Он образен на много лет.
Уколет непременно метко,
С ухмылкой отразит ответ.

Он знал и радости и нүжды,
И раздвигал наш потолок –
Дух конкурентный в рамках дружбы
Воспитывал, как правый долг.

Заряженный мужским балетом,
Мир заставлял плясать умел,
И даже в Чили у Альенде
Он по-латински не запел.

И снился мне. Вот, глаз прищуря,
Вдруг выглянул из-за кулис:
«Не расслабляться! Всё в ажуре!» -
Когда в разножке я повис.

Он – Александр! Он – победитель!
Он делал тигров из детей.
И укрощён внимал им зритель.
Страсть к танцам с танцами страстей.
29.06.07.

ОТКРЫВАЮТСЯ ГЛАЗА.

Открываются глаза.
Возраст оживляет веки.
Мимо пропускать нельзя
Настроений в человеке.

Оказалось, что вокруг
Мир приятен и осéдел.
Мать – страна, а город – друг,
И приличные соседи.

Ясно видится любовь,
В смехе звонком – лик ребёнка,
И бессмертие, и новь,
Лик ребёнка в смехе звонком,
Ясно видится любовь.

И приличные соседи.
Мать – страна, а город – друг.

Мир приятен и оседел,
Оказалось, что вокруг.

Настроений в человеке
Мимо пропускать нельзя.
Возраст оживляет веки,
Открываются глаза.
2.07.07.

ЗЕМЛЯ.

Менялись матросы весь год у руля,
Но чуть было не прозевали –
Из-за горизонта всплывала земля,
Которой по картам не знали.

Какая удача! Какой поворот!
Пришпорим волну-недотрогу!
И кто там живёт, да и что там растёт,
Известно пока только Богу.

Не видно ни порта, ни сумрачных стен,
Обычной угрозы здоровью.
Угар путешествий простителен всем,
Пока он не красится кровью.

От черного флага привычная тень
По палубе чайкой летает.
Глядишь, обойдётся без выстрела день,
И мир этот необитаем.

Остаться здесь жить – приключенье на зад.
Такой поворот невозможен.
Зачем же тогда затеваем десант
И тянем мачете из ножен?

А просто сегодня пират-капитан
День ангела празднует ночью,
И нужен букет – вот и весь дерзкий план.
Земля своевременна очень.
6.07.07. г. Истра

И ПЫЛЬ, И ЗНОЙ.

Чего-то можно не успеть,

Чего-то можно не предвидеть,
 О чем-то можно не допеть,
 За поминальной чашей сидя.
 И не всегда будет везти,
 И не везде достать руками,
 Пока не встретится в пути
 И пыль, и зной под облаками.

Чего-то можно и не знать,
 И тем, кем хочешь, не назваться,
 Кого-то можно не позвать,
 Или обидно не дозваться.
 И трудно будет дорасти,
 И больно дошагать ногами,
 Пока не встретятся в пути
 И пыль, и зной под облаками.

Под облаками в зное дней,
 В пыли, лежащей не от лени –
 Родному стать еще родней,
 И возрастет цена мгновений.
 И перестанешь ты жалеть,
 И возжелаешь не обидеть.
 Но что-то можно не успеть,
 И это мы должны предвидеть.
 9.07.07. Краснодарский край

ГРОЗДЬ ЛЮБВИ.

Ирине Вариченко

Спелой гроздью винограда
 Над разглаженным челом,
 Где сомнениям не надо
 Морщиться ни от чего,
 Эти строки будут спелы,
 Полны сока, без кости,
 До уверенности смелы
 И до нежности просты.

Друг для друга в окруженье
 Мы – живительная тень.
 От любви до уваженья
 Поливаем целый день.
 И, как правда, стыдно голы,

И укутаны в душе.
Мы и стрелы для уколов,
Мы и близкая мишень.

Каждой клеточкой родные,
Сросшиися чужаки –
Мы ведь тем и молодые,
Что за нами лет мешки.
Нам другой любви не надо,
Чувствами полна судьба.
Спелой гроздью винограда
Дарим мы себе себя.
11.07.07.(05.15.) г. Анапа, Джемете

ЧТО ЖЕ ТАМ?

Что же там за горизонтом?
Что же там за кромкой неба?
А ведь я ещё там не был
И не буду, может быть.
В каждом плаванье резоны,
В каждом плаванье рассветы –
Как маяк манят по свету
И зовут к рассвету плыть.

Что же там за падшим солнцем?
Что же там за ореолом?
И имею ли я право
Это солнце осудить?
Пусть под музыку шансона
И соскучусь, и состарюсь,
И ослепну, и намаюсь,
Чтоб светило остудить.

Что ж ты, вздорная старуха,
Суета береговая,
Будто клетка вековая,
Гасишь маяки чудес?
И хотя ни сном, ни духом
Не желаю в робинзоны... –
Что же там за горизонтом?
Что за кромкою небес?
11.07.07. г. Анапа, Джемете

МОРЕ.

Море – вер любых вернее
И надёжнее надежд.
Море – времени старее
И изменчивей одежд.

Море – беспокойней нови,
Море – глупости глупей,
Море – правильной любви,
Но бесстрашия слабей.

Море – ужаса прекрасней
И красивей красоты.
Море и вина заразней,
И приятней наркоты.

Море – глубь, и даль, и песни.
Море – буря и туман.
Море – близости любезней,
Но коварней, чем обман.
13.07.07. г. Анапа, Джемете

ВЕТЕР.

Если видишь на солнце морщины,
И дорога слегка не пряма,
И забыл, может быть, чего ради
Схожи пагубно бездна и высь,
Значит, ветер под взглядом мужчины
Должен всё довести до ума
И проветрить, и снова разгладить,
И вдохнуть в это всё свежий смысл.

Если пугало в маковом поле
Отказалось работать с утра,
И не машет бесплатно руками,
И вороны гуляют пешком,
Значит, ветер, воспитанник воли,
Соискатель добра от добра,
Ураганно, войной с дураками
Все изменит и сладит снежком.

Если жизнь записалась в тетради
В скрипе перьев любви и тоски,
И не просит ни зрелищ, ни хлеба,

Только бьет изнутри твою грудь,
 Значит, ветер тетрадь ту подхватит,
 Закружит, разорвёт на листки
 И подарит созвездием небу,
 Чтобы было, под чем не уснуть.
16.07.07. г. Краснодар

СВОБОДНЫЕ МЕСТА НА ХОЛСТЕ.

Святой теряя шарм в душевной простоте,
 Не забывайте, умывая руки –
 Свободные места на жизненном холсте
 Важнее тех, где есть уже рисунки.

Дробя утечи час на развороты плеч
 Для лишнего глотка или укуса,
 Додумайтесь терпеть и правильно беречь
 Первичный производный корень вкуса.

Где не было вас день, а может никогда,
 Или же там, где никогда не будет,
 Родится или гений, или ерунда.
 Но этот факт обыден, и не чуден.

Хуже, когда при вас, не далее руки,
 И долго – ничего не происходит.
 Вот тут не без потерь, потери велики,
 Хотя о них не говорят в народе.

Но даже в суете свободные места
 Должны остаться на холсте старенья.
 Спесь победив, как флер, вернется простота
 И впишется в пейзаж почти без трений.

И корень будет жив, и не потерян вкус,
 И кисть от ненаписанного в дрожи,
 И легок ход ноги, и свой не тянет груз,
 И крылья подходящи цвету кожи.
17.07.07. г. Краснодар

К ВОДЕ.

Из похода, раздев вещевые холмы,
 Не присев ни минуты нигде,
 И стремимся, и вновь прорываемся мы

К долгожданной всесильной воде.

Из жары от песков и от жгучих ветров,
 Жажды воем означив предел,
 И зубами готовы вцепиться в ведро,
 Отражаясь в целебной воде.

От войны, от огня, от ударов судьбы,
 С вкусом пороха на бороде,
 Не сбавляем шагов, огибая гробы,
 На пути к молодящей воде.

От молвы, от нечестных сорвавшихся слов,
 Будто всем отказали в еде,
 Мы торопимся, не соблюдая часов,
 В нетерпенье омыться, к воде.

Что там, раковина? Или же журавель
 Над колодцем качает канкан?
 Уж не важно, и «с ручками», если не мель,
 В каждой луже найдем океан.

От земли, от небес, от ночей и от дён,
 Не познав ничего, как Платон,
 Из воды мы пришли, и туда же уйдём –
 Незаметный кичливый планктон.

17.07.07. г. Анапа, Джемете

МУДРЁНЫЕ СОВЕТЫ ДОЧЕРИ.

Маргарите Вариченко

Распрямила листья ветка,
 Напоённая Судьбой...
 ...Никого не слушай, детка!
 Не ломайся, будь собой.

Нет силков для юной лани.
 Росы втоптаны в траву...
 ...Догони свои желанья,
 Не замалчивай в углу.

Спорь с упрямством, бейся с силой,
 В сторону не прячь глаза.
 Постарайся быть красивой

Даже в гневе и в слезах.

Нет спасения в поклоне,
 Не убьёт тревогу лесть.
 Не разменивайся, помни:
 Истина, любовь и честь.

Воздух клеток счастьем душен –
 Значит, счастье не неволь.
 Не пытай сомнением душу,
 Не клади на сердце боль.

Знаю, что в молодые лета
 Не подруги гладь и тишь,
 Но мудрёные советы
 За улыбкою услышь.
 27.08.07.

ПУТЬ ВЕЛИКИХ ОШИБОК.

Родившись как-то с перепугу –
 Сперва кричи, потом дрожи,
 Грызи постылую науку
 Без радости. И так всю жизнь!

К простому перечню ошибок
 Я прилагаю санный след.
 Непредсказуем он и гибок –
 В нём странник, лицедей, поэт.

Он строил города фантазий,
 Знал ведьм и с феями дружил,
 Монбланы покорял в экстазе
 И кошельком не дорожил.

Счастливый путь ошибок честен.
 Он этого не мог не знать.
 Жизнь с каждым новым годом вместе
 Сначала можно начинать.

Я в нём себя узнал недавно
 И след продолжил не во тьму.
 Багаж души – слова о главном!
 Со всем согласен. Потому –

Позёрство отличал от шика,
 Шампанским вспрыскивая год.
 Учился на своих ошибках,
 И новых жду! И этим горд!
 30.08.07.

ВЕРНИСАЖ СЕНТЯБРЬСКИХ ИД.

Вернисажные флюиды –
 Из палитры в кислород.
 Я сентябрьские иды
 Обхожу, как чудный грот.

Здесь и бормотанье красок,
 Здесь и виды из окна,
 Здесь людей единой расы
 Расцветастая страна.

Степень нового знакомства
 Поднимает к потолку.
 Плавна краска смыслом остра –
 Неприятна дураку.

Постоянна, как мгновенье
 Брызг художника руки,
 Авторское дуновение
 Месива людской тоски.

То ли месяц этот верный,
 То ли год такой у нас –
 Всё прекрасно, не примерно,
 В ожиданье точных фраз.

Вернисажные флюиды
 Манят волка из норы.
 Я сентябрьские иды
 Принимаю, как дары.
 18.09.07.

ИЗМЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Костюмный революционизм
 И байронизм, и романтизм,
 Бонапартизм и декабризм,
 И несомненный фатализм,

Любовь к звезде, как сгустку призм,
 И сила внешняя харизм,
 Позерство, фразеологизм,
 И пустоты натурализм,
 Тревожный мелкий эгоизм,
 И фетишизм, и героизм,
 И благородство, и цинизм,
 И невоспитанный лиризм,
 Бравадный аристократизм,
 Игрушечный социализм,
 Размах и скупость, альтруизм,
 И трагедийности комизм...

С таким подкожным списком клизм?
 Вот – это фарс! Вот – это жизнь!
 18.12.07.

ПРОСТЫЕ СИГНАЛЫ.

Простыми флажками простые сигналы,
 Понятные каждому здесь моряку.
 Прождав, мы дождались, и это немало,
 И есть, что вписать в бортовую строку.

Был праздник с приездом, потом продолженье,
 И берег вдруг стал нам приятен и мил.
 И это отнюдь не морское брожение,
 И ром экипаж по усам своим лил.

Но счастье, увы, разновидность порока.
 Дождетесь: сквозь щели и в трюм затечет.
 Потом оказалось, что солнце под током,
 А предупредительность – тонкий расчет.

И мы поспешили, что нужно, собрали –
 Не жить же ведь здесь, Рождество на носу.
 И сразу смешны нам веселые стали,
 А грустные гадки, как мухи в грозу.

Был берег приятен, но берег ограблен,
 И это подстегивает в новый путь.
 И новые крысы бегут на корабль,
 И значит, корабль не собрался тонуть.

Попутного ветра! И это немало!

И крепкие тросы прилипли к рукам.
 Простыми флажками простые сигналы...
 С прибоя соль в кашу. Привет маякам!
 24.12.07.

Из сборника «ВОЗРАСТ ПРИСТАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА»

ЛАНЦЕЛОТУ.

Памяти Александра Абдулова

И сослуживцы, и соседи,
 И я – мы все сегодня с ним –
 Москва прощается с медведем,
 Обыкновенным и чудным.

Меня жизни темпоритмы,
 И плёл сюжет, и пел сонет,
 И поминальную молитву,
 И формулы любви куплет.

Героев хлопотна работа –
 Не для себя, но для людей.
 Других не знал я Ланцелотов,
 И гений он, и чародей,

И комик без стыда за это,
 И трагедийный оптимист,
 Мудрец, встречающий рассветы,
 И вечно юный чистый лист.

Несметных чувств полифонию
 До какофонии растил,
 И побеждал шизофрению,
 И к храмам улицы мостил.

И вот – отпущен с миром властно,
 Летит, покинул кутерьму...
 И звёзды шпор его прекрасны –
 Все шутки прощены ему.
 5.01.08.

ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД.

Больше мне теперь не надо,

Чем само ко мне придёт.
 Возраст пристального взгляда
 Наступил и не уйдёт.

От любых своих желаний
 Я теперь не устаю,
 И с белками, и с жирами
 В здоровом собственном строю.

Не мечусь, не голодаю
 И не жаден до сих пор.
 Часто сбоку наблюдаю,
 Есть и со спины обзор.

В темпе плавного рапида
 Под расчёт, не наугад –
 В зеркало любого вида
 Теплый пристальный мой взгляд.
 15.01.08.

НАВЕРНОЕ, ОН СЛЫШИТ.

*К 70-летию со дня рождения
 Владимира Высоцкого*

И снова кони мчатся, и правит ими он,
 И морды привередливы, как прежде.
 И медленней не пробовал никто, что им пленен.
 Поэт неясен только лишь невежде.

Эпоху, словно сани, он тащит на слуху
 И лупит по бокам рычащим словом.
 Высоцким можно вычистить любую шелуху
 И с нот и с букв, и посадить их снова.

Размер его не клубен, и стих его не бел,
 И фотки не гламурностью красивы.
 Наверное, он слышит, а иначе бы не пел
 И не напоминал, как плачут ивы.

Над пропастью дорога, крива и нелегка.
 Но этот путь за ним пройти – отвага.
 Другой уже Серега здесь валяет дурака,
 Кивает, понимая, бедолага.

Возможно за столами, где правят юбилей,
 Ещё есть и друзья, но больше все же
 Таких, кто взял его в герои потому себе,
 Что ритмом жизни, видимо, похожи.

И на весу у елей здесь лапам задрожать,
 Пока всех колдунов не сокрушили.
 За рай шалашный каешься, но снова «Так держать!»,
 Лишь потому, что есть ещё вершины.
 26.01.08.

ТИХО И ПЛАВНО КАЧАЯСЬ...

Памяти Михаила Вавича

Тихо и плавно качаясь,
 Голос на тысячи миль
 Текстам любви отвечает.
 Сердца – в открытости стиль.

Мало смущаясь на цены,
 С вечера и до утра:
 Жизнь – необъятная сцена,
 Длительность жизни – игра.

Легкость и в мыслях и в теле.
 Песни вернее подруг.
 Вверх поднимаясь, качели
 Учат затаивать дух.

Если же вниз, ненадолго,
 Чтоб обратно наверх.
 Мир безграничного толка,
 Звонкий высокий успех.
 30.01.08.

ПРИЗРАЧНЫЙ БАЛ.

Памяти Дмитрия Брянцева

Среди венков, под шепот скрипок –
 Закрытый гроб. Здесь траур встал,
 Как часовой. Чредой ошибок,
 Из призраков – последний бал.

Теперь, кто говорит, тот ценен.
Смолчавших же судьба разна.
И нет давно на этой сцене
Фонтана сладкого вина.

Все привели себя к порогу,
На суд ли, нет ли, на показ...
И те товарищи, что Богу
Уже обещаны не раз,

Шуты, что дураков смелее,
Скоты, гуляющие в свет,
И Гений Зла, что не стареет,
И принцы со следами лет.

Героев нет, всё больше пешки.
Не тело зарывают, дар.
И дата выдумана в спешке,
И сменен уж репертуар.

И два печальных анархиста,
У гроба сидя, в скорбный час
Припомнят по десятку истин
И сотню танцевальных фраз.
4.02.08.

ЦЕНА ЗАСЛУГ.

В искусстве деятелей много,
На телах Муз – следы их рук.
Деяньям их сквозь пальцы Бога –
Терпенье – вся цена заслуг...
15.02.08.

СТАЯ ПЛАЧЕТ.

Памяти Н. Бессмертной

Музыканты и повесы
Доживают при дворе.
Если лебедь стал принцессой,
Значит, сказка о добре,

Значит всем замысловатым
Для дворца точеным па,
Что мы видели когда-то,

К трону верная тропа.

Мы от будущего слева,
А на прошлом месте пыль.
Если лебедь Королева,
Значит, эта сказка – быль.,

Значит всех позиций сети
Заплели в орнамент век,
И чайковской гаммы ветер
Птичий пух несет, как снег.

Это – вьюга всепрощенья,
Это – памяти буран.
Он забьётся в окна, в щели
Сцен и ям, прорех и ран.

И в либретто всё иначе,
И не та упругость тел.
В стае тихо, стая плачет –
Главный лебедь улетел.
20.02.08.

СВЕТ.

Где звезды играют от скуки в планеты,
И то зелены в чьей-то тени, то красны,
Там света немного, там воздуха нету,
Поэтому каждое тело прекрасно.

Где камни считают низины и горы,
И землю собою под взрыв гримируют,
Там свет проникает в земельные поры,
И сердце планеты нам лаву дарует.

Где люди шалят в ожидании света,
Где в свет появленье – второе рождение,
Задержка рассвета – плохая примета,
Вечерняя зорька – команда к броженью.

Где свет на свету и лучом погоняет,
Где слепо от жара и жарко от яви,
Там истинным светом лишь мрак себя знает –
И черен, и молод, и в таинстве славен.
24.03.08.

СЛУЧАЙНЫЕ МЫ.

Мы все случайны и не вечны,
И все богатства – только тлен.
С какой же радости беспечной
Мы так желаем перемен.

С того ли, что пустоты тянут
В себя бессилие зари.
А может быть, грехи когтями
Царапают нас изнутри.

Мы непорочны все до лени
И нравом гордые своим,
Но небольшие преступленья
Спокойно через день творим.

Затем ли, что ума нехватка
На каждый день, на каждый час?
Затем ли, что возиться гадко
С собою, право, каждый раз?

Мы так быстры, но как нам долго
Весь мир вокруг претерпевать:
То ли хотеть по чувству долга,
То ли на право уповать.

На межпланетном циферблате
Явись лишь вдруг, и вот уж нет.
Но, снашивая в тряпки платье,
Мы помним множество примет.

Где темен лес, там зряч и слепой,
В пустыне тень нашедший – вор,
И гении в толпе нелепы,
И мир – героям приговор.

Но род дарящий – эфемерен,
Богатство видимое – тлен,
И клад души лишь в полной мере
Способен нас поднять с колен.

Отскакивая от напастей
Горохом, как от звонких стен,

С беспечностью пошлейшей страсти
Желаем новых перемен.

И не боясь потоков встречных,
Спешим мы к Стиксу без весла...
Мы так случайны и не вечны,
Что нам надгробий несть числа.
13.04.08. д. Холщевики

СНЕГ В АПРЕЛЕ.

Снег в апреле – это странно,
Нонсенс, недоразуменье,
Он и падает устало,
И лежит всего мгновенье,
И проходим неприятно,
И природой не желанно,
И собакам непонятно.
Снег в апреле – это странно.

Снег в апреле – это страшно,
Это путаница что ли,
Глупый гнев весны вчерашней
На сегодняшние боли.
Пелена. Не видно дали,
Не находим новых башен
Там, где прежние уж пали.
Снег в апреле – это страшно.

Снег в апреле – это счастье,
Значит, кто-то просьбам внемлет,
И стада небесной паствы
Опускаются на землю,
Значит те, кого уж нету,
Шлют привет нам перед пасхой,
Путь наш стелют белым цветом.
Снег в апреле – это счастье.
17.04.08.

ДВАЖДЫ ДВА – ПЯТЬ.

Не покладая рук и сбивши лапы,
Я через тёмный лес иду опять,
Чтобы вокруг меня назло растяпам
В итоге дважды два сложилось в пять.

И звери будут молвить человечесье,
 И по берёзам потечет елей,
 Чтоб все восходы восходили в вечер,
 И сажи в мире не было б белей.

Потехе время! Час отмучен в деле.
 Тропа на швах не рвётся, аки нить.
 И будет восемь пятниц на неделе,
 Поскольку семь мне может не хватить.

Мне сердце капля ледяная греет,
 И вкус тумана наполняет рот.
 Вода из родника с утра мокрее,
 Но с каждым годом всё короче год.
 15.04.08.

ИМЕНИ НАС.

Ирине Вариченко

Так случилось, так совпало —
 Нашим именам в столетьях
 В этот день не тесно стало,
 И соседствуют на свете.

И всему, с чем мы приходим
 К дню итогов и реляций,
 Суждено при всем народе
 Нашим именем назваться.

Наши радости и беды
 Без имен не остаются,
 И просчеты, и победы —
 Щеголяют, не сдаются,

Новички и корифеи,
 Неприглядны и маститы
 И добычи и трофеи
 Делят тезки-паразиты.

Оказалось, мы не куклы,
 Не болваны и не звери,
 От святых достались буквы,
 Из которых жизни зрели.

И отказываться страшно
От шкафов и от скелетов,
В завтра лезем с днем вчерашним,
Нашим именем прогретым.
29.04.08.

ЕСЛИ СОН ПРИШЕЛ...

Если сон пришел, как счастье,
Боль и устали познав,
Он продержится без страсти
Несколько спокойных глав,
Взгляды резко не засветит
И дыханье не собьет,
Соберет под утро сети
И безропотно уйдет.

Если сон пришел, как горе,
Как на голову мешок,
С ним опасно даже спорить,
Этот сон – не сон, а шок.
От него немеют руки,
Память может отказать,
Он – загадка для науки,
Грех пытаться и табу знать.

Если сон пришел, как осень,
Как кефир или трамвай,
Мы его к себе не просим,
Но как нет, так подавай.
Он настолько нежеланен,
Что не будь его – труба,
С ним и засыпаем сами,
И проснуться – не борьба.

Если сон пришел, как сказка:
Свежий запах, свежий стиль –
Он и нервен, он и ласков,
Он и странно полон сил,
Он и фантазер, и комик,
И факир искусней всех,
Он согреет и накормит,
С ним и спать-то будет грех.

Все, что мы тут говорили,
 На ночь лучше не читать.
 Сон случается и милым,
 И крадется, словно тать.
 А порой, чудно, поверьте,
 Ждем любого, ждем как дар,
 Лишь бы мыслями был светел
 И желательно не стар.
 2.05.08. д. Холщевики

РИММЕ КОЗАКОВОЙ.

Трагичен комик и смешон серьезный,
 Когда он покидает этот мир.
 И лишь поэт в молчанье так же грозен,
 Как прежде нежен в песнях своих лир.
 22.05.08.

Я ВЕРЮ.

В какую вязь бы ни завила
 Потребность спать, а после есть,
 Я верю в то, что слово было,
 Но больше в то, что слово есть.

Сердцебиения ушибы –
 По году, но не по рублю.
 Я верю в детство и ошибки,
 Как в дочь, которую люблю.

То трачено, что не досталось.
 Осталось то, что не уйдет.
 Я верю в правильную старость,
 В уединение, в уход.

Везенье – элемент культуры,
 И это бо́льшая из крох.
 Я верю в счастье, как придурок,
 Как бесшабашный скоморох.

И смена курса – не пороки,
 И не грехи – сомнений рать.
 Я верю в мифы как в уроки
 О том, чего не повторять.

Умен не в пору, трезв не кстати,
Терпя – гневлюсь, люблю – грубя.
Но верю в Бога, как создатель
Его по образу себя.
11.06.09.

ОТ ВЧЕРА ДО СЕГОДНЯ.

Ирине Вариченко

Мы столько друг другу сказали,
Что речь до правдивости гладка,
И все, что сегодня мы знаем,
Вчера еще было загадкой.

Веселье с проблемами вкупе
Соседствуют днями натужно,
И всё, что сегодня мы купим,
Вчера еще было ненужно.

Ответы просты и бесплатны,
И ими с любовью гордимся,
И всё, что сегодня приятно,
Вчера лишь пыталось родиться.

С капризами мы переспали,
С мечтами затеяли склоки,
И то, чем сегодня мы стали,
Вчера было странно далеким.
11.07.08.

КОЛЬЦО.

Ирине Вариченко

Понятие кольца весьма не ново,
И каждый круг тебе, как бублик, мил,
Когда рожден ты на Кольце Садовом,
А по Бульварному служить ходил.

На жизнь, как олимпиец ощущенья,
Нанижешь кольца каждого стишка,
И это будет главный круг общенья,
Когда покинешь ты овал горшка.

Окружность всякая – кольцо предела
 Для старых, младых, лысых и седых.
 Границы кругозора правят смело
 И виселиц петля, и нимб Святых.

Но главное кольцо – твоя супруга
 Тебе одела на четвертый перст.
 В нем свет семьи незыблемого круга
 И символ вечной верности окрест.
 13.07.08.

ЛОВУШКИ.

Ловушки мира и шарады духа,
 Путь внутрь решения лежит извне.
 Присутствие цикад, увы, лишь уху
 Доступно в зайюньской тишине.

Не ветхостью своею ценен свиток,
 Но строим букв папирусных природ.
 Раскусанные зерна – не напиток,
 Но вкус его и тонусы пород.

Тропа к пещере, а пещера с камнем,
 От камня кто куда на звон стрелы.
 Не раздвигая камыши руками,
 Знай, что повадки всех принцесс странны.

И господа пред случаем – холопы,
 Не всяк готов, сощурысь на восток,
 На каждый ребус разума холодный
 Щедро пролить решенья кипятком.
 14.07.08. д. Холщевики

ПУСТОТА.

Пресыщенность – потомок изобилий,
 Исхожены известные места.
 И назло небылицам в нашем мире
 Всё свято дополняет пустота.

И не воспримет глаз, и зуб не тронет,
 Порожний не пленяет вас сосуд.
 И все же велико – НИЧТО – в короне!
 Пустоты к заполнению зовут.

Что есть – всегда не то, не там, не нужно,
 Опасно, вдруг способно надоесть.
 Отсутствие же образами кружит,
 Прекрасней пустоши не сыщешь мест.

Безликое ничто не просит платья,
 Фантазией выигрывает статью,
 Нет пустоты реальнее понятия:
Чего ни дать, ни взять – то не отнять!
15.07.08. д. Холщевики

ВЕРШИНА.

Об этом колет мысль, как злое шило,
 Почти всегда, и в том почти беда:
 И то к чему стремишься ты – вершина,
 И что недостижимо никогда.

Но если быть до разбирательств точным –
 Где верх, там и вершина. Так-то вот:
 Гора и столб, и лестница, и кочка,
 И даже нос, когда он вверх растет.

Постройка пирамиды – труд тяжелый,
 Подъем по ней займет не меньше сил.
 Спуск легче, но спустившийся – сраженный,
 Опустошенный, и не всех простил.

Да, вот еще, в порядке одолженья:
 И без вершины можно жизнь прожить.
 Важнее переполниться движеньем
 И жизнь свою без усталости вершить.
16.07.08. д. Холщевики

КЛЮЧ.

Коль кто-то запер, отпереть придется,
 Коль кто-то отпер, новый поворот.
 К замку, что языком в косяк упрется,
 Всесилен будет ключ с резьбой бород.

В судьбе заранее на всё готовы,
 И всякое усилие – урок.
 И чудом ключевым вдруг станет слово,

Что сердца ржавый отворит замок.

Досужей сказки нам милы мотивы,
И к скатерти чудесной, не простой
В калошах счастья мы спешим игриво,
Когда в кармане ключик золотой.

Замки – не суть, они все за плечами.
Ищите льющееся без преград:
Ключ настоящий в дебрях под камнями –
Живой водой он для людей богат.
20.07.08. д. Холщевики

СМЫСЛ.

Один лишь смысл тянуть земную ляжку
Среди себе подобных бурлаков
И раскалять в груди святую лампу,
И разгонять скопленья облаков

Чтобы открыть с утра души амбары
Познания зернам, падающим с лиц,
И вечером зарыться в мемуары,
И увеличить их число страниц.

Один лишь смысл отнять себя у лени
И ярмарки безумия страстей,
И в очереди прочих поколений
Быть к месту впереди своих детей.

Чтобы, беря примеры ненароком,
Кому-то, может быть, примером стать,
И ляжку не порвать, любуясь сроком,
И время научить вращаться вспять.
21.07.08. д. Холщевики

ПРАВ.

Каким бы нрав лицом не суетился,
Своё являет чаще и сильней.
Нрав – наказание, ты с ним родился.
Имей его, но и иметь умеи.

От своенравия кратка дорога
К безнравственности на перекладных.

Но прав-то тот, чьих больше прав от Бога.
Тем, кто по нраву, он дарует их.

Труды и думы, козни и забавы,
И выверты от войн и до зараз –
Мы часто метко называем «нравы»,
И норювим учить, не ровен час.

Но даже святость в золоте оклада
Не убедит, и этим быт избит,
Свой нрав смутить и сладить до уклада,
И нравиться и всем по нраву быть.
22.07.08. ст. Новоиерусалимская

ЧУВСТВО.

У чувства хватка паука на муху
И способы плести златую нить,
Чей звон приятен и желанен уху,
А крепость добровольна утомить.

Но чувство чувству рознь, хотя и близки,
И противоположностью равны.
Ищи их, жажди, и погибнешь в иске,
Но, обрета, сгоришь от новизны.

Когда же паутина красный угол
Заполнит, что икону не видать,
Она и безразмерна, и упруга,
И в мумию способна спеленать.

То пусто, не заполнено, то густо –
Как всяко свято место под Луной.
И это чувство, и без чувства – чувство...
Прилив отливу шлет привет большой.
23.07.08. д. Холщевики

КРОВЬ.

Когда вы, палец уколов иглою,
Пытаетесь не лить напрасно кровь,
На ум нейдут ни герники, ни трои,
И в перспективе прежнейшая новь.

Не вспоминаете, что век от века

Лишь на крови покоился прогресс –
 Чем больше убивали человека,
 Тем больше вырастал он до небес.

А что такое кровь? Вино вампиров,
 Любви глоток и ревности моря.
 Кровь, как и слезы – влага войн и мира –
 Те реки, что текут, как время, зря.

Так уколите же себя иглою,
 Напейтесь боли, чтобы никогда
 Жестокою кровавою игрою
 Не развлекать чужие города.
 25.07.08.

СЦЕНА.

Каких бы не была размеров сцена,
 Какие бы кулисы не имей,
 Не за нее мы вносим в кассу цену,
 Но за того, кто царствует на ней.

Свет рампы придает ему азарта,
 Подпитывает пыль колосников.
 Аплодисменты знают адресата,
 Когда он вечно юн и часто нов.

От зеркала – вокруг, через изнанку.
 Нас миллиарды! Наш ходулен рост.
 По жизни всяк несет свою шарманку,
 Колпак и нос, и ширму, и помост.

Размеры ярмарки для выступлений
 Не ограничены на страх земле.
 И не стесняясь новых поколений,
 Мы вновь кричим:
 - Мадам! Месье! Алле!

28.08.08. д. Холщевики

АПЛОДИСМЕНТЫ! МИХАИЛУ ПУГОВКИНУ!

Памяти М. Пуговкина

Аплодисменты! Паки, паки...
 Таки собрал Москву опять –

Наш режиссер, товарищ Якин,
Как Царь уходит отдыхать.

Всяк, кто помянет, бодр и ласков.
Навариста его уха,
И житие его прекрасно,
И смерть достойна и тиха.

Прицел сто двадцать! Бац! И в точку.
Великий он прошел огонь.
Салют и по сто грамм на бочку!
Медаль сомнением не тронь!

И чайка юности крикливо
Коснулась мастера крылом,
И воды ялтинских заливов
Поют покой и светлый дом.

Солдат кино и маг момента,
Не слыша меди правил бал.
Король со смехом позумента,
И шут с ним рядом ждал и звал.

С собою забирает славу.
Жизнь без суфлера, как и роль.
Вы вновь, Михал Иваныч, правы!
Но, «доннер вэтэр», что за боль!
29.07.08. д. Холщевики

ВОЗДУХ.

Воздух – он всё, это танец и пенье.
Воздух – вода, воздух – жизнь колесом.
Воздух – питье, колдовство, опьяненье.
Воздух – лекарство, наркотик и сон.

Воздух от жажды до ванны воздушной –
Сладкий эфир и безоблачный фон.
Воздух – твой круг, воздух – свежесть отдушин,
Воздух – среда, ароматы и вонь.

Воздухом многое сделалось странно:
Воздух – и завтра, и прожитый век,
Воздух – строка, что родится нежданно,
Воздух – любимый тобой человек.

Воздух – общение с чистыми в мыслях,
 Воздух – презрение к грязным делам,
 Воздух – сознание в воздухе смысла,
 Воздух – запутанной жизни бедлам.

30.07.08. д. Холщевики

ИРОЧКА.

Ирине Вариченко

Истина в зернах хранится по миру,
 Молим и молимся за урожай.
 Всё, чем хочу я порадовать Иру,
 Будет пропето дорогою в Рай.

Ирочка – радуга цветов небесных,
 Утром рассвет и закат в вечеру,
 Жесткий учитель, пристрастный, но честный,
 Мягкий школяр по другую пору.

Преданы ей и народы, и страны.
 Следом за мной ей сердечны внутри:
 Скальды Ирландии, суфьи Ирана,
 Даже Пам-Ир – наблюдатель зари.

Лесом пышна и землей простодушна,
 Мать терпеливая, как небосклон –
 Поит любовью, заботою душит,
 Крепости чувств расточает полон.
 31.07.08.

МАРГАРИТА.

Маргарите Вариченко

Нравом открыта, отнюдь не улита.
 Тянется ввысь, наполняется в вес.
 Светится жемчуг души Маргариты
 И рассыпается бисером весь.

Может – не хочет, а хочет – не может,
 Но, не печалась, в режиме вьюна,
 Переиначивает и тревожит,
 Нетерпеливым задором странна.

Льнет к пустякам, отвергает, что нужно,
 Маме – забота, затмившая мир,
 Сообразительна и непослушна –
 Папин последовательный кумир.

Вырастет и обуздает комету,
 И вдохновит к радикальности мер.
 Сгусток энергии, баловень света,
 Рита – любви беспримерный пример.
 6.08.08.

КРЕСТ.

Дорог пересечение и судеб
 Недаром перекрестком нарекли,
 Любую встречу разобрать на судьи
 Занятно обитателям Земли.

Переболтать и окрестить второ́пе,
 И тут же позабыть, поставив крест.
 И действия такие жизни копят,
 Перед судьбой ты гол, как в ступе пест.

Крест истинный – союз, сторон влечение,
 Тепла и хлада, светочей и тьмы.
 Он – вера, верность, зов и отречение,
 Оберег от сумы и от тюрьмы.

Распятых много, это не решенье,
 Грешно даже стремить подобный жест.
 Но, если осознал свое крещенье,
 То донесешь до назначенья крест.
 8.08.08.

СУФЛЕР.

Как ты ни опытен, умен и важен,
 Хотя бы представление имей,
 Кто тот Суфлер, что правильно подскажет
 Слова и действия для жизни дней.

Он в лидеры ведет тебя без страха,
 Он целей стаи поражает влёт,
 И словом может удержать от краха
 И к ссоре молча в спину подтолкнет.

То рифму золотую шепчет свыше,
 А то напомним бранные слова,
 Печалей близких слух его не слышит,
 Но от фантазий кругом голова.

Мы до того влиянию открыты,
 Что не сопротивляемся внутри,
 И, если наш Суфлер не Дьявол хитрый,
 То Господа за всё благодарим.
16.08.08. д. Холщевики

СОН.

Осознаю доступной мозга зоной:
 Жизнь – только то, что снится нам в тиши.
 Всё прочее – кошмары снов. Их сонмы,
 И это – приговор больной души.

И призрачен наш труд и междутрудье,
 Все рассужденья – вялый сонный бред.
 Живем в полете с окончанья буден,
 И шептывает тишина сюжет.

Советы и приказы больно мнимы,
 Поступки – призрачная цепь легенд.
 Только мечты сознаньем выполнимы
 При погруженье в долгий «хеппи-энд».

И даже радость – ложи и блеф дожути.
 Явь – кома, и страна, как ад страшна.
 Не будешь спать, да не познаешь сути.
 Спокойных снов! Пусть будет ночь нежна...
17.08.08.

СМЕРТЬ.

Смерть – это лишь затасканное слово.
 Смерти, что рожденье – хватит и одной.
 Смерть не торопится к на смерть готовым.
 Смерть вечно далеко, но за спиной.

Смерть – книга, писанная без финала.
 Смерть – драма, смерть – комедия, смерть – фарс.
 Смерть – чувственный забег от штиля к валу.

Смерть – хост уродства, тканый из прикрас.

Смерть – горе, опустение, лишение.

Смерть – взорванный нарыв, и вновь накал.

Смерть – отпущение и очищение.

Смерть – новому созданию сигнал.

Смерть – высшая награда наказаньем.

Смерть – ожидаемый всегда сюрприз.

Смерть – тайный смысл, урок, иносказанье.

Смерть суть не только слово. Смерть – девиз.

18.08.08.

ПОСВЯЩЕННОСТЬ.

И трава оказалось вдруг острая,

И листва между пальцев суха.

Кубик воздуха сделался островом,

Где важнее всего чепуха.

Буквы строчные – дни быстротечные.

Слов бессмыслица – мудрости вязью

И продольные и поперечные,

Наши нервы – крепчайшая связь.

Затаенность – предел возбуждения.

Нетерпение – стойка пост.

Вера в чудо – самоубеждение.

Будь несложным, и станешь непрост.

Посвященье прошло незамеченным:

Убедился в себе и простил,

И познал ощущения встречные –

Безнаказанной вечности стиль.

19.08.08.

ДАВНО Я ЗАПЛАТИЛ.

Давно я заплатил судьбинный штраф,

Глас вопиющего слышал не пылкий,

И выпил целый бак на брудершафт

С оракулом божественной бутылки.

Давно я обманул молодых подруг,

И пожилых забыл, как песнь про шарик.

Единственная терпит мой недуг
И сказочный оmlет без злобы жарит.

Давно я обошел земной клубок
И навязал ему свои дороги,
И переплыл Тобол, Дунай, пять Волг,
И был убит, и жив на зло немногим.

Давно я сплел сеть танцев до утра.
Костры судьбы горят деревьев выше.
Давным-давно, а кажется – вчера.
И чем давнее, тем, конечно, ближе.
20.08.08.

БИЛЕТ.

Что вы здесь делаете? Где билеты?
Кто без билетов пустил вас сюда?
Частная собственность – эта планета!
Даром сюда не идут поезда.

Жизнь не подсматривают через шелку.
Зайцем чужую капусту не рвут.
Шут на чеку! Он и пишет по шелку,
И говорит, как бессмертные врут!

Касса – пуста?! Вы купили билеты!
Вас пригласили. Цените момент!
Занавес! Музыки, шуток и света!
Шороха фантиков сладких конфет!

Пройден контроль, начинаем репризу.
Я так хочу! Мне позволено так!
Это – мой мир, мой театр для каприза.
Если вы – зритель, привет! Я – дурак!
14.09.08.

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ.

Браво! Человек родился:
Наболтался, прослезился,
Сплелся из потех и дел,
Постарел и тут... прозрел.

Он из жизни яркой гаммы

Цвета два взял самых главных:
 Белый цвет – добро и свет,
 Черный – горе и запрет.

Вся богатая палитра
 В сущности, погрязла в битве
 Света с мраком – естества
 Несовместного родства.

Неподвижны в ритмах детства,
 Гениальны до злодейства,
 Сменят в миг друг друга, коль
 Волшебство узреть изволь.

Человек был не невежда,
 Взял он белые одежды,
 Дегтя полное ведро
 И пошел творить добро.

И идет, пленяет видом,
 Сеет вздоры и обиды,
 Знает всяк итог вперед,
 Но от счастья не умрет.

24.10.08.

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА.

В пространстве, измерении и веке,
 Во всем, где суетимся или дремлем,
 Природа – составное в человеке,
 Как сам он от природы неотъемлем.

Друг другу приданы искон созданья,
 Каприз создателя под настроенье.
 Осеннего зачатья осязанье,
 И созреванье в стылом сохраненье.

Взаимно любят в миг цветенья вёсен,
 Ревнуют непонятно и играют,
 Мудреют в зное лета, выпить просят,
 И осенью глумятся, правду зная.

Покорено пространство, всюду мера,
 И век уж не один за прежним канул.
 С надеждой на бессмертие, манерно,

Как часть круговорота, можно вянуть.
1.11.08.

ЗИМА ДУШИ.

Природа или мы? Кого кто дразнит?
К какому берегу Ковчег причалит?
И жизнь – забава, и за жизнью – праздник
Со снежно-белой скатертью печали.

Летят с горы отпущенные сани,
Но заморожены – и страх, и радость.
Замерзнув, глупо кутаемся сами,
И ледяных торосов ждем парадно.

Снежинка на ладони так ничтожна,
Как человек на полюсе пустынном.
Чужого отогреть, порою, можно,
Как своего же на пример старинный.

Зима души – искрящаяся слава!
По лабиринту скользкому без нити...
Манящих взглядов хладная забава,
Бесхитrostные снегопады прыти.
2.11.08.

НЕИЗБЕЖНАЯ ВЕСНА.

Смешно, где грубо, и тоска, где нежно,
И выдумка уже слывет простою.
Весна в судьбе настолько неизбежна,
Насколько вы спешите за мечтою.

И нынче так же, как и год от года,
Банальный вдруг желанным мигом станет.
Распустится вульгарная природа,
И это есть весна, во что всех тянет.

И кто-то прилетит, кого не ждали,
И кто-то поползет, куда не звали,
Хвосты воспрянут, напрягутся жала,
Цвета проявятся с ковров на знамя.

Навязанная нам литературой,
Заученная в школе на уроках,

Весна – признание, чувство, нацкультура,
 Подтаявший кирпич на темя роком.
3.11.08. ст. Дедовск

ЛЕТА ЛЕТ.

Соединенье невозможных вето,
 Которые, нарушив, не наказан.
 Не даром годы – это тоже лета.
 Лет столько, как ты с жизнью браком связан.

Задует ветер – подставляйся ветру,
 И понесешься планером без плана.
 Пусть тикают минуты-километры,
 Как мелодрама ужаса с экрана.

Поднимет волны изумруда море –
 Нырять в ту драгоценность лету назло.
 Будь тем, кто призван с временем поспорить
 И собирать холсты природы в паззлы.

Земля начнет трясти себя над миром –
 Так значит, быть тому на этом лете.
 Ускорь пробег от корабля до пира,
 И землю затанцуй, и всыпь ей плети.
3.11.08. г. Истра

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТИ.

Календарик аккуратный,
 Листья числами сухи.
 В нем восходы и закаты,
 И приметы, и стихи.
 Лица, даты и загадки –
 Перевернутые в нем.
 Нарочитый и украдкой,
 Светлой памяти альбом.

Дни рожденья, дни победы,
 Рождество и Новый год,
 А в подтексте – наши беды,
 И любовный поворот.
 Вне погод, времен, явлений
 Мчит воспоминаний рой.
 Разовое настроенье...

Шелест жизни отрывной...
 3.11.08. ст. Новоиерусалимская

ЖЕЛАЮ ВСЕМ...

Я всем желаю слышным быть,
 А уж услышанным тем паче.
 И под реакцией не ныть:
 От одобрений тонких в нить
 До чутких в молчаливом плаче.

Желаю всем не забывать
 За буднями об устремленьях,
 Себя на спрос не разрывать,
 От одобрений не менять
 До ноготка себя под мненье.

Я всем желаю не стареть,
 Но слов и звуков знать все боле,
 И столько радостью согреть,
 Чтоб столько же стремилось впредь
 В то пламя благородной боли.

Желаю всем постичь не дно,
 Но соль пучины, пусть и малой.
 И если смерти не дано,
 Глубоких ран, чтобы вино,
 Смочив их, животворным стало.

Я всем желаю этот путь
 Пройти, кто выбился из фона,
 Сверкать, звучать и не свернуть
 От одобрений слышных чуть
 До Золотого Граммофона.
 7.12.08.

ОТ ВРЕМЕНИ.

От времени и человек вне стиля.
 Ему то мало, то с избытком года.
 Часы, что кукла: заведи – всесильны
 Над всеми вокруг себя на срок завода.

Попробовал – не получилось. Жаль ли?
 Не жаль. Никто не умер и не плачет.

Ведь не гласят замшелые скрижали:
«Не пробуй и не ошибешься, значит».

Что год в себе: семь снѣгов, пять туманов,
Одиннадцать дождей... Ошибка? Нет ли?
Сто сорок строк – достойных, два обмана,
Восемь потерь и только три рассвета.

И это тоже стиль, и время терпит.
Не мало и не много для свободы.
Завод, перезавод – не злые цепи.
И без ошибок не составить года.
31.12.08.

Из сборника «ПЕРВАЯ МЫСЛЬ ВСЕГДА ВЕРНА»

НЕГАДАННОСТЬ.

Снежным полем скатерть замерзает,
Вышитая праздничной едой.
Сожаление с рассветом тает,
Вызывая радость красотой.

Радость непонятную, как вьюга,
С ужасами шепчущей мечты.
И врага зовешь нежданно другом,
И с негаданностью вдруг на ты.

Не привычка, но уже сноровка,
Ждать от года новых авантюр,
Чтобы снеговик свою морковку
Так носил, как носят от кутюр.

Что случилось, быть не может странным.
Нет секунды, но она была.
И негаданность всегда нежданна...
И, просохнув, скатерть вновь бела.
2.01.09.

ДОВЕРИЕ.

Сгоревшими судьбами жизнь измеряя,
У места святого, что стало пустым,
Я тем, как ни странно, вполне доверяю
По многим причинам довольно простым,

Кто рук мне не жмет, не навязчив приветом,
 Кто здоровья не воздаст за недуг,
 Кто мне неприятен и знает об этом,
 Кто мне не родня и не давний мой друг.

Прошло, пронеслось, промелькнуло, потухло.
 А то – не испытано, и никогда.
 И пусто в сознании, на щеках сухо.
 Доверие – это же тоже беда.
 Но ластятся, льнут и пытаются на жалость,
 Болеют публично и помощи ждут.
 Твердят о нужде, упреждают и малость,
 И встать норовят вместо тех, кто уж тут.

Доверие чистое – выгонит беды,
 Пройдет сквозь огонь и молвы устоит.
 Доверие – внутренняя победа,
 Оно наградит, и оно же простит.
 Доверие – чувство из истинно странных,
 Сомнению неподлежащий прилив.
 В нем, чувствуя и допуская обманы,
 Ты в искренность веришь и счастлив от них.
 12.02.09.

ВОЗРАСТ.

Возраст важен, возраст – это
 Паспорт, но в кармане брюк.
 Возраст – верная примета.
 Возраст – враг, и возраст – друг.

Он убережет, поможет,
 Разуверит, фору даст,
 Насвистит и подытожит,
 И, увы, порой, предаст.

Возраст – не костюм, не тапки,
 Не махровый твой халат.
 Возраст – след от стрел, от шапки,
 От того, что вместо лат.

Возраст подтвердит, не глядя,
 Потому за ним гляди.
 Он о том, что уже сзади,
 Убедит, что впереди.

Скука, стрессы, вспышки, робость,
 Воздержанье, вновь вино –
 Это тоже, кстати, возраст.
 Список продолжать вольно.

Постарею, побелею,
 Замолчу, как стая рыб.
 Возрастом переболею
 Я любим – не птичий грипп.
 15.02.09.

ПРАВИЛА.

Не поминай, коль не хочется славить.
 Добрая кривда походит на лесть.
 Всякое правило можно исправить –
 Правка нужна, коли правило есть.

Правило жизнь размечает по-птичьи:
 Скушал, нагадил, слетел. Ну, и что ж?
 Правила правят, корят и граничат.
 В правилах правды на ломаный грош.

Можно, нельзя ль, разрешенья-запреты...
 Правило – вилы, по коим ступать.
 Если по правилам давать советы,
 Правильно после назад забирать.

Правила есть, но они нас не личат.
 Правило – каждый надетый парик.
 Жизнь рядом с правилом ближе мне нынче,
 Непоправим, не хочу, не привык.
 22.02.09.

РИСУНКИ РЕБЕНКА.

Маргарите Вариченко

Что рисует нам ребенок?
 Замки, принцев и принцесс.
 Видимо, уж очень тонок
 Воспитательный процесс.

То лошадку, то карету,

То балы, то пиры.
До заката от рассвета
Через многие миры.

Это вам не кошки-мышки,
Не бандиты-казаки.
Непривычные коврижки.
Эпохальные мазки.

Дочка держит оборону,
Не дает себя отвлечь.
Мать, протри-ка ты корону.
Я ж расправлю плащ от плеч.
8.03.09.

ПУТЬ К АПРЕЛЬСКОМУ УТРУ.

Расклад знакомых игр, как случай вечен,
И выпавшее зеро – шалый сбой.
И если март под вечер дарит встречу,
Апрельским утром обнимусь с судьбой.

И будет повторяться ежегодно
И вечер, и томление души.
Пусть чувствовать теперь не очень модно,
Ко мне ты, как и прежде, поспеши.

Разгорячит нам пищу взглядов пламя,
Вино остудит трепет па фигур.
И если март под вечер дарит память,
Апрельским утром опишу наш тур.

И будет повторяться ежегодно
И притяженье, и паденье ввысь.
Пусть верным быть теперь не благородно,
Ко мне ты, как и прежде, устремись.

Объединяющих словес не хватит,
Закончим бормотанием во сне.
И если март под вечер нам приятен,
Апрельским утром сила чувств вдвойне.

Всё будет повторяться ежегодно,
Поэтому, как в первый раз дрожи.
Тобой, насытившись, я вновь голодный.

Ко мне ты, как всегда, идешь всю жизнь.
31.03.09.

ШКОЛА.

Необходимый правильный процесс
Учения неотделим от школы.
Без знания не вырастить принцесс
И не пополнить верно думных холлов.

Сойдутся дети. Будут их учить
И спрашивать, оценивать и мучить.
Ученики ж должны всё это чтить,
И каждый постараться быть в том лучшим.

И свяжет дружба нареченный класс
На десять долгих лет и отношений.
А дружба – это посильней сберкасс,
Дефолтов, путчей, кораблекрушений.

Мел, тряпка и доска – круговорот,
Не объяснимый никакой наукой.
Случайно с улиц согнанный народ
Повязан будет круговой порукой.
12.04.09.

В НАШ ЧАС...

В наш час за дружбу братья сложно,
Любимым просто страшно быть.
Каприз – единственно, чем можно
Сердца людей приворожить.

Каприз не даст остаться нудным
И страх отгонит от сердец,
И в оптимизме беспробудном
Не разорит себя в конец.

Каприз – не проповедь безумья,
К потерям он отнюдь не хлад.
Он в долгой памяти не умер
И фантазирует уклад.

Изъян представит он находкой,
Бокал осушится до дна.

Накоротке дружа не кротко,
В любви хмелен не от вина.

Какую грань ни терпят ризы,
До той всегда рукой подать.
Кто допускает в жизнь капризы,
С тем жизнь вольна судьбу связать.

Каприз – борьба, каприз – победа,
Каприз – табу, каприз – указ,
И кризис, и меню обеда,
И настроение в наш час.
24.04.09.

КАЧЕСТВО И КОЛИЧЕСТВО.

Супружеская пара, их величества,
Владеют Царством, важным для людей,
Вне рамок отраслей, чувств и идей:
Она есть – качество, а он – количество.

Когда доходит в спешке до чудачества,
В трудах благих, в досуге ли каком,
Иль нужно вылизать от пыли дом:
Он весь – количество, она же – качество.

Когда вдруг пробегает электричество
Беспорных отношений между строк,
И диалог – макушкой на восток:
Она – за качество, он – за количество.

Когда высчитывается землячество –
На сотки, поголовье, этажи –
За пазухою цифры не держи:
Он – гнет количество, она – жмет качество.

О переходе, как до крепостничества,
Нет речи – он давно в нее вошел,
Она же с тем живет, не чую шор:
И в сердце – качество, в годах – количество.

Величие их Царства – не ребячество,
Это высочество вам подтвердит,
Живут любя, притом, что каждый бдит:
Как за количеством, так и за качеством.

4.05.09.

ПЕРВЫЙ БАЛ.

Маргарите Вариченко

Детский сад в шарах и буквах,
И задор на всех напал.
Запретили дуться буквой –
Выпускной предшкольный бал.

Девочки в шикарных платьях.
Рита – Фея! Всё при ней.
Мамы, папы – на подхвате.
Мало, жаль, у них парней.

Всё серьёзно, всё так чинно,
Красочно, само собой.
Музыкальные картины
Вдруг сменяет рифмы строй.

Не смолкает шум оваций,
Повторяли же не зря.
Успевают баловаться,
Незаметно, втихаря.

Их порядка за задором,
Не делимое на всех,
Общим разногласым хором
Вытекает счастье в смех.

Я сегодня понял нечто,
В существо его проник:
Связь времен – есть радость встречи,
Бал – от слова баловник.

15.05.09.

СТРАХ.

Даже если рассудок не дремлет,
За речами, за спором в делах,
Отголоском бесстрашия древних
Выступает беспочвенный страх.

Страх незнания от многознанья,

Страх обжитой за годы норы,
 Страх беспечности без наказания,
 Страх антракта, страх новой игры.

Страх конкретный и страх отвлеченный,
 Страх ухода и страх бытия,
 Страх любви, страх жестокости черной,
 Страх открытости и страх вранья.

Страх быть съеденным глупой собакой,
 Страх оглохнуть от зова души,
 Страх смолчать, страх отделаться байкой...
 Верх бесстрашия – в страхе прожить.
 19.05.09.

КУМИР.

Памяти Олега Янковского

Влюбленный собственным желаньем
 В жизнь, дописал ее главу.
 И прерван он над сценой брани –
 Полет во сне и наяву.

Ровесник многих поколений –
 Своей улыбкою лучист –
 Он Царь наш, Принц, и даже Ленин,
 Народом избранный артист.

И щит, и меч он нес как мститель,
 И сказок выводил холсты.
 Олег Иванович, простите!
 Мы вам – стихи, мы вам – цветы.

Шекспир и Чехов, и Островский –
 Палитре лицедейства лавр –
 И всех в себя вместил Янковский,
 Дракон-ихтиокинотавр.

Под стук колес не в ритме плача
 Свою судьбу он рассказал.
 Свечу, чей долгий путь означен,
 Донес. И встал влюбленный зал.

Пустяк – не чудо для кумира,

Как ни бурли болото лет.
 Себя за волосы от милых —
 Из века вырвал в вечный свет.
 20.05.09.

КОЛОДЕЦ.

Воды нам никто не холо́дит,
 Мы сами стоим за водой
 В неблизкий, но чистый колодец,
 Где ручка, канат и ведро.

Мы пьем это стылое чудо,
 Мы чай из него мастерим.
 Колодец — не злые Бермуды,
 Стремнина его — не Гольфстрим.

Мы варим в водичке яичко,
 Мы в ней умываем лицо.
 И это — святая водичка,
 Зароком седьмое кольцо.

Блаженные матери-о́тцы,
 Не верящие в Мизгирей,
 За счастьем в такие колодцы
 Водите мокать дочерей.
 14.06.09. д. Холщевики

ГРАНИЦА ВРЕМЕНИ.

Граница времени — не лес и речка,
 И не миллениума наступленье.
 Граница времени — спокойный вечер,
 Но не от устали, и не от лени.

Вдруг — на часах январь, вне чисел бега.
 Случайность, но особенного рода.
 И сразу хочется добиться снега,
 Все переделав планы на полгода.

Граница неба — выше горизонта,
 Так времена блюдет граница смысла.
 Они сольются в миг души восхода
 И осознания своей же мысли.

Граница времени – не день рожденья,
 И не забор с соседом-буквоедом.
 Граница времени – всегда движенье,
 Себя избегнув, за собою следом.
27.06.09. д. Холщевики

ДОГАДКИ.

Может быть, в июльский вечер
 Сочинить мне не придется
 То, что станет песней вечной,
 Что молитвою проснется...

Может, радость я заставлю
 Поумнеть, остепениться,
 Чтобы в тексте не искала,
 Сходства с перелетной птицей...

Может быть, зимы не будет,
 И грачи уйдут в вороны,
 И скворцы про юг забудут
 В желтых неопавших кронах...

Может, я не вижу горя,
 А оно – и так и эдак,
 И его на деле – море,
 И уже промокли кеды...

Может быть, устал от счастья,
 И нужна мне остановка,
 И привычное ненастье
 Охладит меня неловко...

Может время нас не лечит
 Отвлекающее и бранно,
 И под видом песни вечной
 Правда вылилась из раны...
10.07.09.

ПЛЮС И МИНУС.

После частых дождей по земле осторожна
 Наша поступь: песок мы обходим и глину.
 В плюсе то, без чего жить спокойно возможно.

То, чего не хватает, отправлено в минус.

Аромат коньяка сменит серность нарзана.
В ряде аристократов давно полукровки.
Тех в курсив, кто умело мозолит глаза нам.
Но о ком мы скучаем, попали за скобки.

Распушились султаны, сменились попоны –
Безмятежное будущее пришло к нам.
В авангарде – желудок и шок перепонный,
А душа доезжает запасным эшелонном.

Словеса, словно мухи, вьюном закружили.
И уверенно явная сделалась мнимость.
В плюсе то, чего сами давно заслужили.
То, чего не достойны, отправлено в минус.
10.07.09.

МУШКЕТЕРСКАЯ КНИГА.

Умирают Атосы и гибнут Портосы,
Д'Артаньяны рассеяны суетным миром.
Я один – Арамис – и хитер, и вынослив,
И влюбился навек, и не склонен к турнирам.

Мушкетерская книга – забавы и байки,
Приукрашена вензелем пестрых фантазий.
Не вошли в неё главы про мутные браки,
Про предательства и растирание грязи.

В оглавлении скрипы пустых обещаний,
На погостах царит созревание клюквы.
Я к прощенью готов только чрез прощанье,
Через новые главы о сломанных куклах.

И Атос пить бросал, и Портос был отвержен,
Д'Артаньяна пути – суть сомнений горазды.
Я один – Арамис – и ленив, и невежлив,
Сам собой ордЕнарен и заживо распят.
13.07.09. д. Холщевики

СКАЗКА ПРО ФЕМИДУ.

Не ждем, не гадаем, не ведаем – сами
Себя по судьбе переменно влача,

Когда появляется леди с весами
И зайцев пускает от блеска меча.

На чашу весов попадают поступки,
На чашу другую лишь замыслы их.
Глаза завязала, и сложены губки,
По запаху чует чужих и своих.

Сперва, испугавшись её появления,
Берешь под контроль темперамент и нрав.
И совесть достойна вполне удивленья,
И внутренний голос случается прав.

Но где голова? Вот вторую бы взаймы!
Спокойствия сердца! И правильных слов!
И вновь появляется леди с глазами
Завязанными, чтоб не видеть весов.

От шелеста белых одежд пробегают
Спиною сутулой мурашек стада.
Весы перевесом своим полагают,
Когда наше «нет» победит наше «да».

И леди с весами стоит за спиною
Почти каждый день, будто принцев отец.
А может быть, это опять – паранойя.
Фемида не лечится... Сказке конец...
14.07.09. д. Холщевики

ВАСЬ-ВАСЬ.

Эх, черт попутал написать такое!
Не дай бы Бог! Но это же шутя...
Широкий спектр, обзорное раздолье –
По четвергам, при шелесте дождя.

У нас на всё ума, пожалуй, хватит.
Мы с «бухтой» и «барахтою» - вась-вась!
За тридевять земель идем за счастьем,
Но за углом находим в луже грязь.

На воду дуем, чтобы не обжечься,
А по морозцу кушаем пломбир.
У нас не каждый встречный – поперечный,
Двое – ячейка, трое – пир и мир.

Узлы рубить и жечь мосты мы в праве,
 Брать на хопок, пуская на постой,
 Менять коней на каждой переправе
 И загонять в погоне за мечтой.

С разрыва сердца мы заложим душу,
 И глаз кладем, не смеживая век,
 И что в одни легко впускаем уши,
 Из прочих гоним тут же и на век.

Любовь к нам зла, и голод нам не тетка,
 Работа волком в лес не убежит,
 И черт – не брат, и служба – не чечетка,
 И шутка долей правды убедит.
18.07.09. д. Холщевики

ОТ ДУШИ – НЕ ОТ УМА.

Как это, писать по плану,
 И без строчки чтоб ни дня?
 Чтоб законы на полянах
 И грибочки возле пня,
 Если пень этот почетный
 И ухожен, и протерт?
 Каждой строчке лист учетный,
 Пиетет, приоритет.

Как же это пишут куры
 Лапой с тройкою когтей?
 Процедура от халтуры,
 Без вопросов и идей?
 Без ответов и канонов,
 Без пристрастий и вражды?
 Для гармонии гормонов
 И справления нужды.

Как это, писать заказы,
 Деньги на ветру ловить?
 Орифмовывать приказы?
 Честью имени кривить?
 Каверзой язык курочить
 На позор и на базар?
 Вдохновение порочить,
 Осквернять Господень Дар.

Как же это пишут кровью?
 Из последних самых сил,
 С ненавистью и любовью,
 Будто ангел попросил.
 А тебе совсем не надо,
 Не до этого тебе.
 И святой покой – награда
 И приверженность судьбе.

Вот бы – написать от сердца,
 От души, не от ума!
 Разродиться б, как раздеться,
 Вскрыть глубинны закрома!
 Вот заказ – до гроба планы,
 Лапу разминать пора.
 Не обмякнуть со стакана
 Божьей крови для пера.
 25.07.09. д. Холщевики

ЧИСТАЯ ВОДА.

Воды! Воды! Простой и чистой!
 Попить, умыться и пролить...
 В своем стремлении – лучистой,
 Иною невозможной быть.

Мечтать и ждать! И всплеск, что окрик.
 И капля на носу дрожит.
 Ты вечно новый, если мокрый.
 Облит – крещен, напился – жив.

Воды! Воды! Глоток даст годы
 И сушь, как горе зачеркнет.
 Вода – рождение природы
 И в ней же свой круговорот.

Искрясь рекой, судьбу пророчит,
 Неся в бурун венковый флот,
 И камень мертвый каплей точит,
 Минуты забывая в лот.

В поток сливаясь благодатный,
 Течет неведомо куда.
 Ты в рекуходишь многократно,

Но разная в реке вода.

Минуту! Час! Глоток дилеммы!

Плыву и не остановлюсь!

И чище нет воды, чем время,

И нет приятнее на вкус.

26.07.09. д. Холщевики

ВСЯ СУДЬБА НА ЯЗЫКЕ.

(поэма)

На золотом крыльце сидели

Мама с папою и дочь,

За соседями глядели

И гоняли скуку прочь.

Слово к слову – нить беседы,

Шаг за шагом – след судьбы,

Вместо летнего обеда

Время внутренней борьбы.

По траве роса побита

Маленькой босой ногой.

Утренний туман, как сито,

Избирательно благой.

Высыхающий крыжовник

И рябины череда

К переменам напряженным

Не привыкнут никогда.

По камням сухой щебенки

След привычной ото дня.

Перекрестные гребенки

Параллельным не родня.

Ощущения трудами,

А стремленья – крепкий тыл.

Знойный мир под проводами

И желанен, и постыл.

По асфальту, по разметке

Платных правильных дорог,

С кислотой дневной таблетки

Немота отходит с ног.

Всё, что познано, зарыто,
 Зашифровано в девиз,
 А на деле позабыто –
 С потолка султаном вниз.

По стеклу следы от пальца,
 За стеклом позор и срам.
 Гордость ходит разминаться
 К туалету по утрам.

Рифмой смазана коляска,
 Это непринятая месть.
 И спасает только ласка
 Тех, кто помнит, кто ты есть.

По земле или по небу,
 По чему бы ни следить,
 Тьме галактик на потребу,
 Веря в Ариадны нить,

От бирюлек полнокровных
 Через гром в святую тишь,
 Сквозь убожество сокровищ –
 Будь, и этим победишь!

Не всегда найдется слово
 К поздней зорьке, как слеза,
 Но рука руке готова
 Передать, что не сказал.

Ожидание на ветке,
 Дождь придет, когда не ждем.
 Я сижу на табуретке
 Несложившимся вождем.

Ко всему я привыкаю.
 Это – слабость, но не грех.
 Мной ребенок помыкает,
 Я же вижу в том успех.

Акапелла и без грима –
 Мне с женою повезло,
 Любим мы, и мы любимы –
 Любопытнейшее зло.

Зло для тех, кто нам завистник,
 Кто от ненависти – друг.
 Правд не вычленишь из истин,
 Вечность ощущаешь вдруг.

Ненагрянувшей грозой
 Солнце тусклое зашло.
 Населенье нужно зоне,
 Зоне счастья, чтоб жило.

Чтобы слово слову – радо,
 Люди бы друг другу – друг...
 И не занимать нам ладу
 У других. И в этом трюк.

Воспитание запретов
 От свободы в двух шагах.
 Воля – не кусочек лета,
 Воля – жизнь, как зуд в ногах.

Ругань – двигатель прогресса,
 Хамство – вежливости фильтр,
 Злость рождает интересы,
 Радость – счастье простофиль...

Можно ли с такой палитрой
 Да на ярмарку любви?
 Нужно! Плюс – оценки бритву
 И бурление в крови.

Я пишу неосторожно,
 Лучше ощупью читать.
 О слова споткнуться можно,
 Даже если нужно знать.

Нужно знать, но жить иначе,
 Разницею дорожить,
 Читая, надеяться, не плача,
 Верить, споря, ждать всю жизнь.

Суть желаний – знанье права,
 Без узды, седла и шпор –
 Умиротворенье нрава
 В степень нравственности шор.

В отношении развитий:
Чтоб воспитанность сама
Свила интереса нити
В радость зрелого ума.

Мыши стали много тише.
Мыши – мысли, мысли – быль.
Наверху под самой крышей
Боль рождается, как пыль.

Если сон не стал кошмаром,
А кошмар – всего лишь явь,
Встань юнцом, хоть дядькой старым
Смежил веки. Дух поправь.

По утрам у нас привычка,
Слушать шум, что личет час.
Словно чайник, электричка
Прокипает мимо нас.

Отпыхтело, отпылило,
Выплыл на небо омлет.
Краше из того, что было,
То, чего пока что нет.

На поля не залезая,
Заполняем крепость душ.
А бегущий мимо заяц,
Как корова, неуклюж.

Если правда – зыбкий берег,
Значит, жизнь твоя – река.
Чтобы в глубь ее проверить,
Не привязывай срока.

Утопая раз за разом,
Дна отталкивай труды.
Стрекозы зеленоглазой
Не пугайся, как беды.

Серость облаков бездонна,
Дни в потоке не одни.
Не салют Армагеддона
Нужно ждать, но тишины.

Лучше жить с сомнением старым
 Чем плодить бесправье прав.
 Чтобы сон не стал кошмаром,
 А кошмар не впрягся в явь.

Сердце музыкою полно,
 Непривычной, неземной.
 Восемь пенных нот, как волны,
 Над тобой и надо мной.

ДОмогаясь, не стесняясь,
 Как бы ни было смешно,
 Восемь дней, не отрываясь,
 В наше Бог смотрел окно.

РЕконструкция мышленья
 Долгой детскости семьи
 Протекала в отношениях
 С притяжением земли.

МИмо проносились страсти
 И запутанный задор,
 Все ненужные напасти
 Разбивались о забор.

ФАзы и Луны и Солнца
 Разгоняли облака
 И Спаситель у оконца
 Не противился благам.

СОЛЬ всегда была соленой,
 Сахар – сладким, а вино
 Миф являло отдаленным
 И вполне доступным дно.

ЛЯсы в суете точили,
 Подо всё текла вода,
 Дочку правильно учили,
 Но училась не всегда.

СИтуаций катастрофных
 Не налажено сюда.
 Даже писанные строфы –
 Не крамола для суда.

До поры плывется лодке,
И угрозы качки нет.
Бог был рад своей находке.
Мы махали ему вслед.

Выходя на тихий берег,
Из беседы, как из вод,
В пение души ты веришь,
И она вперед зовет.

Заплетаются дороги
Из клубка, само собой.
Путь единственный из многих
Выбирается Судьбой.

Но к чему ведет, поверьте,
Этот путь, следы дробя,
К жизни, или же ко смерти,
Всё зависит от тебя.

Ты увидишь звезд знаменья,
И услышишь голоса,
Победишь свои сомненья
И допустишь чудеса,

Чтобы догадаться зорко,
Вовремя уразуметь,
Из низины, не с пригорка,
Что в конце дороги... смерть.

Не меняя направленья,
По полету фраз, как Ной,
Ты достигнешь удивленья
Новизной и стариной,

Ты полюбишь путь свой милый
И отдашь ему года,
И поймешь, растратив силы,
Что ведет он в никуда...

Не до подвигов в дороге,
Брод ища и дикость бдя,
Не бравадный, не убогий,
Безбоязненно пройдя

Сквозь прозрений анфиладу,
И утраты выпив ртуть,
Ты утетишься наградой –
Как и жизнь, твой вечен путь...

Жизнь, которую даруют
Ни за что – природы блажь –
Та, что в брани и пируя
И подаришь, и продашь.

Но она, как горб дорожный,
В никуда и то с тобой.
С нею и по смерти можно
Снова в жизнь, само собой.

Откровенно, незлобиво,
Без почтения к тоске.
Два глотка вина да пива –
ВСЯ СУДЬБА НА ЯЗЫКЕ.

29.07.09. – 10.08.09. Холщевики – Новоиерусалимский Храм – Москва.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ Ф.ЧЕХАНКОВУ С 70-ЛЕТИЕМ.

Летят года. Всё реже вспоминается
Младое озорство и кутерьма.
Пути устало не пересекаются.
Мы удалились в крепости-дома.
И в окнах суета вражды с соседями,
В чулке плоды сомнительных удач,
И чаще драма видится комедией,
А где смешно, скорее грусть и плач.

Лишь тот, кто шел с улыбкою сердечности,
Душою пел и танцевал любя,
Тот не играл, но был частичкой вечности,
И не терял в истории себя.
Не устаем смотреть, и ныне слушаем,
Его не только помним, чаще ждем.
Не шоу шок, не вернисажи душные,
Нам Чеханкова дайте в каждый дом!

Он и в трагедии надеждой светится,
И в оперетте не допустит вздор,

Любовью на любовь ему ответится –
 Певец театра и судьбы танцор.
 Пусть круглых дат официоз и мление
 Виновник сдаст в Бахрушинский музей.
 Ведь молод он и многим поколениям
 Даст ещё фору!

Слышь!

Внимай!

Глазей!

21.09.09.

НИ ДО, НИ ПОСЛЕ.

Ни звание, ни место, ни доход,
 Как ты не пыжься до и после смерти,
 Ни даже Чину Судеб мзда в конверте –
 Жизнь прерванную мертвым не вернет.
 2.10.09.

В МИРЕ С ПОГОДОЙ.

С чашкою кофе ли, с кружкою чая,
 Не выпуская из рук,
 Чаще и чаще теперь замечаю,
 Сколь изменений вокруг.
 Осенью проблески яркие редки
 И не всегда хороши.
 Желтые листья не только на ветках
 Но и в прическе души.

Не до вершин, врач послал в лесостепи
 И перед сном полежать.
 Если походка меняется в темпе,
 Бог с нею, легче дышать.
 Легче направить свободные мысли
 От суеты в небеса,
 Рельсы не чуя, опять устремиться
 В мир, что я зван описать.

Воздух стал чище, но жизнь тяжелее,
 Будто речная вода.
 Мысль углубляются, смыслы мелеют.
 Люди? Их мало всегда.
 Служба, учеба, уборка и стирка –
 Это не трудно на дню...

Но не пишите стихи под копирку
И не рифмуйте меню.

Стулья по комнате передвигая,
Режем салфетки по дням.
Злое упрямство и тяга к трамваю
Мирит с погодой меня.
Юности миги тайком улучая,
Блиzkих побаловать вхож.
С чашкою кофе ли, с кружкою чая –
Образ сложился, как нож.
12.10.09.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВАГОН.

Общность наша психотропная –
Дополнительный вагон.
И в вагоне двери хлопают,
И вагон не утеплен.

Тем билеты были проданы,
Кто без очереди влез
Дружески между народами.
Сто сидячих жестких мест.

Здесь ругаются, целуются,
По углам лежат бомжи.
Вагон – проходная улица
Из радушия и лжи.

А пломбиру не хотите ли?
А вперед на кой вам ляд?
Контролеры, как родители,
Улыбаются, журят.

И трансляция работает:
Льются речи про людей,
Про мгновенья поворотные
И про торжество идей.

Про идеи – дело первое,
Про людей вошло в умы.
Но не люди мы, наверное...
Просто пассажиры мы.

Мы и ели бы и пили бы,
Что пришлют, само собой.
Только бы не отцепили бы!
Отцепить может любой.

Мимо перемены топают
Цепью станционных плит.
Общность эта психотропная.
Наш вагон давно забыт.
15.10.09. д. Холщевики

*****

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД

«От сотворения до сотрясения – 1957-1998»

Из сборника «НЕ ВСЁ УХОДИТ»	2
Из сборника «97 % ЗА ТО...»	24
Из сборника «НОВЫЕ СТРАНИЦЫ БОРТЖУРНАЛА»	38
Из сборника «ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ»	60
Из сборника «НОСТАЛЬГИЯ»	70
Из сборника «ОБЕЗЪЯНИЙ СЕЗОН»	81
Из сборника «С КУРАЖУ, А НЕ ИЗ КОРЫСТИ»	91
Из сборника «ЛАРЕЦ 1982»	105
Из сборника «ФАНТАЗЁР»	116
Из сборника «У ЗЕРКАЛА»	129
Из сборника «ОБРЕЧЁН ЛИ НА ОДИНОЧЕСТВО?»	130
Из сборника «ТЕМЫ ДЛЯ РАЗГОВОРА»	143
Из сборника «ВЕЛИКИЕ ЯПОНСКИЕ СТИХИ»	159
Из сборника «БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО»	172
Из сборника «ПОСЛЕДНИЙ ХРИП ЮНОСТИ»	177
Из сборника «БУКЕТ НЕПАХНУЩИХ НАДЕЖД»	184
Из сборника «ТАБУНЫ НЕУЮТНЫХ РУСАЛОК»	189
Из сборника «ГОД ЗАТМЕНИЯ СОЛНЦА»	194
Из сборника «ТРИ СТРАНЫ ГОДА»	205
Из сборника «ОТКРОВЕНИЯ ВЕНЫ»	215
Из сборника «ТРАГЕДИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ»	247
Из сборника «ГОД ИЗ ЖИЗНИ – ЭТО МНОГО»	251
Из сборника «БЕГ ПО КВАДРАТНОМУ КРУГУ»	252
Из сборника «ЭКСПЕДИЦИИ, ПРЕДЧУВСТВИЯ, ИГРЫ»	258
Из сборника «И СОЛНЦЕ В СПИНУ, И ЛУНА»	266
Из сборника «ЗЫБКИЕ ВИДЕНИЯ СОРОКОЛЕТНИХ ЛЖЕЦОВ»	274

ПОСЛЕДНИЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД

«От сотрясения до осознания – 1999-2009»

Из сборника «КОНЕЦ СВЕТА – ЕСТЬ НАЧАЛО ХМУРОГО УТРА»	287
Из сборника «НИЧЕГО ЛИШНЕГО»	322
Из сборника «КОЛЛЕКЦИЯ ТРЕВОГ»	355
Из сборника «ПРЕВОСХОДНАЯ СТЕПЕННОСТЬ»	363
Из сборника «КОНКУРЬ С ТВЁРДЫМ ЗНАКОМ»	377
Из сборника «РАЗУМНАЯ ПЛАНКА»	383
Из сборника «ПУГОВИЦЫ НА ПАМЯТЬ»	391

Из сборника «УХОДЯ – ПРИХОДИ»	400
Из сборника «РОЗА ШТИЛЕЙ»	413
Из сборника «ЛЕТОПИСЬ ШКУРЫ НЕУБИТОГО ВОЛКА»	423
Из сборника «БОРТЖУРНАЛЫ НЕ ГОРЯТ»	433
Из сборника «ВОЗРАСТ ПРИСТАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА»	451
Из сборника «ПЕРВАЯ МЫСЛЬ ВСЕГДА ВЕРНА»	477
Содержание	501